

АГНИЙ РУН

*Посвящается моему мужу,
без которого, как минимум, одной
тайной в этом мире было бы меньше.*

Ты — маг. Присмотрись...

Магия таится в тебе, как фея в букете цветов, лишь кончиками трепетных крыльев намекая о своём существовании. Она укрылась среди бутонов, она любит играть в прятки и щекотать воображение. Если ты захочешь рассмотреть её, тебе придётся постараться. Для не привычного глаза её лик иллюзорен и мимолётен. Мгновение, и он исчезнет. Так что замри, не вздумай моргнуть или отвести взгляд. Но даже если ты считаешь это выдумкой, ей всё равно. Она будет существовать и без твоей веры. Так что решай сам, хочешь ли ты отыскать её в себе.

Присмотрись, что ты видишь? Сухие былинки или крылья феи?

ГЛАВА 1. БРАН

Странники, бродяги, путники. Какими неведомыми путями они идут по миру, какие ветры треплют их плащи, какие дожди смывают дорожную пыль с их сапог. Сколько этих непосед рождает и носит на себе земля, ненасытных, жадных до приключений, ленивых к будничному труду. Бредут они себе хоженными и нетореными тропами, как будто гонит их кто-то вперёд, всё дальше, к последнему морю, к краю земли. Загадка они для простого обывателя, подсевшего вечером за кружкой пива к такому скитальцу в деревенской таверне, чтобы послушать удивительные небылицы о дальних странах. Слушает он, разинув рот, дивясь сказанному, и не верит. Нет, плутует пришелец, байки травит, завирает, одним словом. Послушать его и пойти домой, где всё так привычно, понятно, надёжно. Подальше от этого опалённого солнцем, запылённого, пропахшего полыньёю человека. В его глазах горят огоньки сотен виденных им закатов, в улыбке – Панова насмешка, в голосе – мёд лжи. Спешит мирянин поскорее домой, с опаской оглядываясь по сторонам, запирает дверь на засов и ложится под своё лоскутное одеяло, под которым тепло и спокойно. В окнах его дома гаснет свет, и мир его засыпает до утра, праведный и тихий.

Так слушатель уходит от плохого рассказчика, но Бран таковым не был. Он умел говорить так, что его всегда дослушивали до конца. В тот вечер ему особенно повезло. Он выбрал одну из своих любимых историй о легендарном городе по ту сторону гор, скрытом за туманами и лесными чащобами, где творятся такие чудеса, о которых и помыслить трудно. У него было четверо слушателей. Точнее, пятого он заметил не сразу. Те четверо, что сидели с ним за столом, принадлежали к местным работягам, которые кормят свои семьи нехитрым ремеслом или домашним хозяйством. Они жадно ловили каждое слово странника и вот уже в третий раз просили хозяина наполнить их кружки пивом. Бран не спешил закончить свой рассказ, приправляя его всё новыми событиями, но чутко удерживая баланс на грани правдивости и откровенной фантазии. Нельзя было допустить, чтобы его слушатели разуверились и ушли. Он определённо смог бы подвести их и к четвёртой кружке, чего хозяин заведения явно ждал. Последний был доволен и

смотрел на пришельца особым взглядом, который обещал ужин за счёт заведения. Такая сделка была не внове. Бродяги частенько подобным образом зарабатывали себе на хлеб.

Когда события его рассказа подходили к кульминации, Бран заметил, что за лестницей, ведущей на второй этаж здания, прячется женщина. Она старалась, чтобы её не заметили не только посетители, но даже сам хозяин. Они и не могли её заметить, потому что их взгляды были обращены в противоположную сторону. А вот странник со своего места мог наблюдать краешек её синего платья с белыми рюшами по подолу. Бран не придавал этому особенного значения. Добропорядочным женщинам не полагалось находиться в таверне, где полно чужаков, считали миряне. Вероятно, это была женщина из семьи хозяина, которая пришла тайком послушать чудной рассказ.

Будь его воля, Бран пригласил бы её к столу. По его мнению, женщины были прекрасными слушателями. Они так отчаянно верили в придуманные им небылицы, так быстро и легко поддавали под очарование слов, так хотели быть обманутыми. Они являлись бы самой преданной и отзывчивой аудиторией, если бы только не их отцы, братья и мужья. Именно по их милости эти милые и одновременно взбалмошные создания вынуждены были слушать его тайком. Украдкой посматривая на краешек платья, чтобы не спугнуть и ненароком не выдать свою слушательницу, Бран с удовольствием гадал, какова из себя его хозяйка.

Вечер закончился привычным образом: хозяин накормил гостя ужином и, поторговавшись для приличия, они сошлись на цене за комнату. Она оказалась небольшой, простой, но чисто убранной. Жена хозяина, молчаливая мрачная женщина, принесла для странника кувшин с питьевой водой и краюху хлеба, проворчала что-то неразборчивое на счёт доброты предстоящей ночи и удалилась, унося с собой единственную лампу. Бран открыл ставни, впуская свежий вечерний воздух в каморку. Снаружи было темно, молодой месяц почти не давал возможности различить больше, чем мрачные силуэты домов. Повисшая между ними тишина нарушалась разве что отдалённым лаем собак, но Бран не спешил ей верить. Он некоторое время самым внимательным образом прислушивался к окружающему его пространству, пытаясь уловить хотя бы намёк на подозрительный, лишний здесь звук, но нет, кругом было тихо. “Как в могиле”, – мысленно прибавил Бран и, не снимая даже пыльных сапог и дорожной куртки, завалился на жёсткую узкую кровать.

Он проснулся внезапно и тут же понял, что проспал. Интуиция никогда его не подводила, но в этот раз немного запоздала, наверное, тоже заснула, притомилась от долгой дороги. По лестнице уже топали стальными подковами казённые сапоги – нехороший такой звук, недобрый. В каморке было темно, снаружи тоже, рассвет только-только начинал заниматься. Бран резко вскочил, подхватил с пола дорожную сумку и метнулся к окну – второй этаж не так уж и высоко. “Да как же такое быть может? Откуда их рогатый принёс в захолустье это проклятое. Следили. За мной? Да с чего”, – подумалось ему, но он отмахнулся от ненужных мыслей. Они всегда только мешали.

Внизу Бран увидел сумрачный, еле заметный блеск стальных шлемов. Обложили, караулят. Прыгать всё равно, что сразу выдать себя. Не станет нормальный человек через окошко своё брэнное тело швырять без причины. Он взвесил ситуацию, прикинул, оставил сумку, быстро стянул сапоги с курткой и снова завалился на кровать. Как раз вовремя, потому что в следующий момент дверь комнатки распахнулась, и та заполнилась светом сразу нескольких ламп.

Громыхали они так, что притворяться спящим и дальше не требовалось. Бран сел на постели, щурясь от света. Их было трое. Резонно, больше сюда и не поместилось бы. Кроме того, наверняка, ещё несколько человек ждали внизу. Он не видел их раньше никогда, но сразу догадался, что это именно те самые. Лица серые, вытянутые, глаза пустые и холодные. Выгоревшие от солнца и пыли сюрко скрывают под собой помятые, скверно начищенные доспехи. Тот из них, что первым вошёл в комнату, отрывисто и сухо скомандовал: “На колени”. Для Брана повторять не нужно было, требование относилось именно к нему. Он поднял руки, демонстрируя пустые ладони, и стал медленно, может быть, даже чересчур, вставать с кровати.

– Кто такой? – спросил всё тот же из вошедших.

– Я еду в Шатр, – спокойным голосом ответил Бран, уже поднявшийся с кровати. –

Остановился на ночлег.

– Зачем едешь?

– Домой еду, к отцу. Он посылал меня проверить дороги. Мой отец – торговец, торгуем сукном. Говорили, дороги все разбило по весне, так отец сильно переживал, что не проедем, вот и послал меня посмотреть. Говорит, поезжай, Эрик, вперед...

– Хватит, – оборвал его вошедший.

– Откуда едешь?

– Так, я говорю, дороги проверял, – он резко остановился, оборвав себя. – На юг которая ведет. Там ведь деревень столько лежит. А по весне у них сукно всегда в ходу.

– Ладно, Эрик, – презрительно произнес человек в латах. – Допустим, про дороги хорошо вышло, а вот с рожей твоей гораздо хуже. Не подходит она для дурака-сына, которому поручили это глупое дело. Плохо ты придумал, странник. На колени, я сказал! – вдруг резко рявкнул он.

– Да что же это вы творите, люди добрые! – завопил Эрик-Бран, когда ему начали веревкой вязать руки. – Кто вы хоть такие, скажите на милость? Чем я перед вами повинен. Объясните мне мою вину, может, я хоть пойму её, раскаюсь. Нельзя же так вот человеку и шанса на прощение не дать.

– А вот это тебе допытчик расскажет, – усмехнулись они.

– Как так, допытчик! Вон, посмотрите, сумка моя! Там деньги на дорогу. Пойдите, не вяжите. От допытчика-то я уже не вернусь вовсе, что скажет на это мой бедный родитель.

Они остановились, переглянулись. Один из вошедших направился к сумке, чтобы проверить её. Видимо, его денежный посул их заинтересовал. А это значило, что пришли они не за ним. Или, по крайней мере, они не знали, как должен выглядеть тот, кого они искали. В этот момент с улицы стали доноситься крики. Разобрать, что именно кричали, было невозможно, но по тону сразу стало ясно, что пытаются взять кого-то, кто отчаянно сопротивляется. Люди в латах взглянули в сторону окна, и двое из них, не сговариваясь, быстро вышли из комнаты. Третий достал из ножен меч и угрожающе направил его на Брана, как бы предупреждая его от возможных глупых действий. Но Бран и не смотрел в его сторону. Он так жадно вглядывался в оконный проём, словно в предрассветных сумерках происходило что-то невероятно интересное. В конце концов, охранник не выдержал, вытянул шею и попытался взглянуть в окно. Этого короткого мгновения Брану было достаточно. Он в миг очутился рядом со своим сторожем и с размаху ударил его обоими кулаками связанных вместе рук по голове. Сила удара толкнула человека в латах на стену, по которой он грузно сполз на пол. Убедившись, что противник без сознания, Бран вытащил у него из-за пояса нож, разрезал веревки на запястьях, собрал свои вещи и выглянул в окно. Внизу было пусто. Странник перелез через подоконник и спрыгнул вниз.

Люди в латах устроили в таверне настоящий переполох. Кого-то уже вязали, кого-то волоком тащили в кибитку-клетку. Одни бранились, другие молили о пощаде. Впрочем, мольбы были бесполезны. Люди Ордена никогда не отпускали пойманных. Облава велась жестоко и беспощадно. Об этом всем он много слышал, но своими глазами видел впервые. Однако время терять не стоило, если он хотел оставаться и впредь таким же свободным и живым, каким был до этой ночи. Бран на пределе возможной скорости добежал до стойла, вывел своего коня, вскочил на него и сразу пустил галопом. Он промчался мимо группы солдат, но слишком быстро, чтобы они успели предпринять какие-либо действия и помешать ему.

Он покидал это место не оглядываясь, нещадно погоняя и пришпоривая своего скакуна. На душе было гадко, саднило, словно сбитый кулак, которым он ударил охранника. И причиной тому было вовсе не его бегство. Если здраво рассудить, то в бегстве ничего дурного нет. Жизнь дороже принципов и чести, в этом ему не приходилось ещё сомневаться. Лучше быть живым без принципов, чем при них, но мёртвым. Только вот увиденное им не шло из головы, зацепило его

душу, как рыбку подсадило на невидимый острый крючок. Эти люди – сила, настоящая сила, которой нет препятствия. Он, как и многие подобные ему странники, любил свою свободу и свою жизнь, которым теперь угрожала эта необоримая сила, от которой некуда было деться, невозможно было спрятаться, от которой оставалось лишь трусливо бежать, поджав хвост, пока не поймали и не бросили в клетку, как прочих.

Бран до самого рассвета гнал коня. Только когда злополучное место осталось далеко позади, он сбавил темп на легкую рысь, но продолжал путь вплоть до полудня. Солнце припекало, погони видно не было, а напряжение и усталость начали брать своё, и странник сделал привал, дал коню и себе небольшой отдых. Пока его боевой четвероногий друг щипал траву, Бран, расположившись под деревом, подкреплялся орехами. Перекусив, он лёг на расстеленный им плащ и заложил руки за голову. В тени кроны стояла приятная прохлада, пели птицы, было спокойно и хорошо.

Сквозь резную листву кустарника тропинка хорошо просматривалась. Пятна солнечных лучей образовали на ней ослепительный узор, какой бывает только в ясные летние дни. В траве с непрерывном гудением работали шмели. «Бран, – этот крик испугал птиц, сидевших в кронах деревьев, и они вспорхнули с веток. – Бран, отзовись, где ты?». Он молчал, даже и не думал следовать просьбе и подавать голос. Он лишь сжался в комок ещё плотнее и чувствовал, как при каждом звуке этого голоса вздрагивает его сердце. Нет, не от страха – он больше не боялся их – от волнения и азарта. Послышались глухие шаги. Все его мышцы налились в стремлении к движению. Но для этого время ещё не пришло. Слишком рано. На тропинке показался юноша в простой серой одежде. Он шёл, оглядываясь, без опаски и осторожности, самоуверенный и спокойный. Его правая рука сжимала старый, покрытый немилосердной ржавчиной меч. «Бран, выходи. Мы ведь всё равно тебя найдём. Сейчас или потом», – снова крикнул юноша, и на его лице появилась злая усмешка. Он провёл мечом по листве кустов, просто так, без какой-либо цели. Упругие ветки и листья холодно зашелестели по поверхности клинка. Юноша посмотрел в сторону, что-то привлекло его внимание. В это мгновение Бран сделал рывок вперёд, с хрустом ломая куст жимолости, своё временное убежище, и сбивая противника с ног. Он прыгнул, ощутив невыразимое удовольствие от разрядки напряжения в мышцах. Ужасный, нечеловеческий крик, острый как нож, оглушил Брана.

И он проснулся. Видимо, события нелёгкой ночи и дорога слишком утомили его, и странник незаметно для себя самого задремал — опасное занятие у открытой всем ветрам дороги. Он посмотрел на небо, солнце стояло высоко, лишь немного изменив своё положение. Значит, спал он недолго.

На горизонте замаячила фигура одинокого всадника, ехавшего рысью. Ещё издали заметив Брана, он поднял вверх левую руку с раскрытой ладонью — знаком мирного приветствия. Впрочем, весь его внешний вид был красноречивее этого жеста. По бокам от седла висели тяжёлые сумки, позади них был приторочен меч в ножнах. Человек чуть ссутулился, устал от продолжительной поездки. Такой же бродяга, ведомый не то волей прихотливой судьбы, не то скукой. Он остановился возле пасущегося коня Брана, спешился и, кряхтя, разогнул спину. Солнце иссушило и опалило кожу его лица до тёмного не сходящего загара. В бороде и длинных волосах седина одержала почти полную победу над прежним, и теперь уже было не разобрать каким, цветом. Одежда давно выцвела. Всё в нём говорило о дальних и долгих походах, но никак не о старости или дряхлости. Напротив, этот человек казался крепким, жилистым, словно годы забрали у него всё лишнее, оставив только самое необходимое для непростой жизни скитальца. Незнакомец подошёл к Брану, присел рядом и протянул бутылку. Бран кивнул и, приняв её, сделал глоток. Содержимое, к его изумлению, оказалось простой водой, но свежей и приятной на вкус, точно из колодца.

– Устал, второй день в седле, – констатировал севшим голосом путник, набирая пригоршню орехов, предложенных ему Браном. – Что, есть поблизости место, где бы на ночь кости бросить?

– Если будешь держать путь на юг, то к вечеру окажешься в деревеньке. Ближе ничего нет. Только не советую туда ехать. Ночью там было слишком тесно от Хранителей.

– Это не беда, – отмахнулся незнакомец.

– Неужели?

– А чего мне бояться? Молния дважды в одно место не бьёт. Меня больше волнует, хорошо ли там кормят на постоялом дворе, сушёное мясо уже в горло не лезет! Кажется, всё бы на свете отдал ради миски хорошей похлёбки.

– По приказу Главного Ловчего Хранители берут под стражу всякого бродягу и странника, праздно шляющегося без дела по землям Ордена, – напомнил Бран.

– Да, бродяги, типа нас с тобой, распространяют опасную ересь. Любят рассказывать сказки, миряне в них верят, а это вовсе ни к чему. Не следует мужикам забивать голову всякими небылицами. А уж их женам и дочерям тем более. От этого рождаются сомнения, всякие коварные мысли, противоречащие Чистой Вере.

– Да, Хранители старательно приглядывают за своими рабам, – сказал Бран, и его собеседник усмехнулся.

– Не больно ты высокого мнения об этих людях.

– Живут, как скот, умирают, как скот, за что их уважать.

– А сам как живёшь?

– Я не служу Ордену, – коротко сказал странник. Не нравилось ему, куда начал уходить их диалог, и хотелось поскорее отвязаться от этого назойливого собеседника.

– Тогда тебе не стоит оставаться на его землях. Приходилось слышать истории о городах по ту сторону Предела?

– Конечно, только кто сможет в одиночку перейти его перевалы?

– Зачем же в одиночку, есть добрые люди, помогают.

– Ты о Перебежчиках, – кивнул Бран. – Больше наслышан об их жадности, чем о доброте.

– Никому не стоит верить на слово. Тем более, в такое опасное время, – незнакомец встал и потянулся, – что ж, спасибо за угощение. Пора мне.

– Путь добрый, – пожелал Бран, пожимая протянутую ему руку. Собеседник крепко хлопнул его по плечу в знак прощания.

– Самое интересное путешествие – то, которое ты ещё не совершил.

Незнакомец улыбнулся, снова покряхтел, распрямляясь, и забрался в седло. Бран какое-то время смотрел ему в след. Эта встреча казалась ему странной, разговор неуместным, а лицо незнакомца беспокоило память. Он не мог вспомнить, где и когда мог видеть этого человека раньше, но ему казалось, что они уже встречались и не раз. Все эти ощущения вызывали в нём чувство чего-то недоброго. Чтобы как-то отвязаться от него, Бран поспешил снова отправиться в путь, ехать ему оставалось ещё долго.

На большом, покрытом мхом валуне сидела девушка, уперев локти в согнутые колени и положив подбородок на кулачки. Лицо у неё было сосредоточенным, взгляд напряжённым. У подножия холма, на склоне которого сейчас находился её наблюдательный пункт, расположились на отдых двое путников. Один из них некоторое время уже провёл здесь, второй присоединился недавно. Они говорили не таясь, и фразы достигали её слуха, легко преодолевая расстояние. Когда один из собеседников сел на коня и уехал, девушка тоже поднялась со своего места, поправила на затылке немного сбившийся пучок из тяжёлых рыжих волос и бесшумно шагнула прямо с валуна за ближайшее дерево.

Они ехали по дороге, сопровождаемые многочисленными звуками. Храпели и фыркали их кони, гремела сбруя и броня, скрипели телеги, на которых везли клетки. Но люди, сидевшие в них, были самими тихими представителями своего рода. Это свойство для них было новым,

воспитанным за какие-то короткие часы, проведённые в компании солдат Ордена Хранителей Чистой Веры. Ни стоны, ни просьбы, ни мольбы. В испуганных лицах заключенных, в их затуманенных страхом глазах крылось такое глубокое отчаяние, что только особенно жестокий или равнодушный человек смог бы спокойно смотреть на них и не проявить ни доли сострадания. Но закованным в броню охранникам не было дела до узников. Впереди лежало много городов и деревень, на горле которых рука Хранителей ещё не сжалась мёртвой хваткой, которые ещё не были подвергнуты проверке и очистке. Это стражей радовало, это их веселило. Восторг от полученной власти, полная, безграничная свобода действий, вседозволенность, безнаказанность — Орден дал им всё, чего только можно было бы желать.

ГЛАВА 2. ЭДНАРТАЙЯ

Наступило утро. Оно просачивалось в комнату сквозь плотные шторы мягкими лучами розового света. Оно было свежим, полным неги и безмятежности. В саду за окном на разные голоса свистели, напевали и чирикали пичужки. Было хорошо лежать в постели, прислушиваясь к звукам молодого дня, улавливая ароматы уже готовящейся в доме еды, и никуда не торопиться. Наслаждаться этими ощущениями вслепую, сквозь сомкнутые последней дрёмой веки, держась на тонкой грани между сладким сном и распускающейся, как утренний цветок, явью. Вдруг быстрый топот на лестнице, торопливые шаги, дверь заскрипела, приоткрываясь. Голос позвал: "Эдни! Дрыхнешь, соня". И сдавленный каким-то затаённым лукавством девчачий смех. Эднартайя приоткрыла правый глаз, как будто полумрак комнаты был способен ослепить её. Затем аккуратно приоткрыла и левый. Потянулась всем телом, по-животному, как кошка, и, расслабив мышцы, снова обмякла на постели.

– А там кое-кто приехал, – Эднартайя подняла голову и посмотрела на усмехающееся лицо младшей сестры.

– Кто? – томно протянула она.

– Один очень важный гость.

Зелёные глаза Эднартайи округлились, в них мелькнула радость, тут же сменившаяся беспокойством. Она одним прыжком вскочила с кровати и метнулась к тому окну комнаты, что смотрело на внутренний двор. Но там было пусто.

– Он уже внизу, у батюшки в кабинете.

– А отец?

– Ещё не вернулся.

Под звонкий смех сестры, Эднартайя кинулась к своему гардеробу. Нешадно выбрасывая на постель платья, она, наконец, отыскала своё любимое, нежно-зелёного цвета. Упаковавшись в ворох юбок и затянув под грудью ленты корсажа, она принялась умываться из кувшина, специально приготовленного для утренних процедур. Сестра, хоть и продолжала давиться от смеха, помогла ей причесаться и собрать густые выющиеся локоны тёмно-русых волос в тугий пучок на затылке. Той скорости, с которой Эднартайя управилась со своим утренним туалетом, мог бы позавидовать бывалый вояка. Приведя себя в порядок, она опрометью бросилась из комнаты вниз. И как раз вовремя: служанка уже несла поднос с вином и фруктами для посетителя. Перехватив поднос, Эднартайя кивком отправила женщину на кухню, а сама просочилась в приоткрытую дверь кабинета. Вид у неё был абсолютно спокойный, словно и не произошло всей этой чехарды со сборами. Лишь только пылающие румянцем щёки выдавали её.

Гость стоял у распахнутого в утренний сад окна. Это был молодой мужчина, ростом чуть выше среднего, стройный, с тёмными волнистыми волосами почти до плеч. Одет он был со вкусом и определённой долей педантичности. Воротник и манжеты его рубашки демонстрировали

безупречную белизну, выглядывая из-под новенького, словно только что полученного от портного, камзола, ремень штанов поблёскивал начищенной пряжкой с хитрым узором, сапоги отличались тонкой выделкой кожи. И, разумеется, гость, как и всегда, был чисто выбрит и надушен. Увидев его, Эднартайя разволновалась ещё сильнее, отчего бокалы на подносе тонко зазвенели. Услышав их, гость обернулся и, как всегда, шутливо отсалютовал ей резким движением ладони от виска.

– Доброе утро, Бран, – поздоровалась девушка. Она поставила поднос на стол и заботливо наполнила один из бокалов вином. – С приездом. Батюшка ещё не вернулся, тебе придётся его подождать. Так что угощайся пока.

– Доброе, Эда, – отозвался он приветливо, но вдруг стал обеспокоено присматриваться к ней, словно увидел что-то нехорошее. Подойдя, Бран взял её за плечо и чуть развернул в сторону окна. – Ну-ка, повернись к свету. Что это? Или мне кажется? Нет, точно! Ты ещё больше похорошела!

– Тьфу, напугал, – она движением плеча сбросила его руку. – Хотя тебе, конечно, виднее. Ты так редко у нас бываешь, что между твоими приездами немудрено не только похорошеть, но и успеть состариться!

– Или успеть соскучиться?

– И кто же это соскучился? – поинтересовалась Эднартайя, скрестив руки на груди. – Ты что ли?

– Разумеется, я. Знала бы ты, как мне всё это время не хватало твоей очаровательной улыбки, твоего звонкого смеха, твоих ясных глаз, – заговорил Бран, становясь серьёзным и понижая голос до чуть хриплого шёпота, от которого у Эднартайи затрепетало в груди. Он немного приблизился. – И ещё я волнуюсь за тебя.

– Волнуешься? – переспросила она тоже шёпотом. – Почему?

– Боюсь, что ты однажды навернёшься с лестницы, когда будешь бежать встречать меня, – в голос произнёс Бран и засмеялся. Глаза Эднартайи на мгновение округлились от изумления. Впору было разозлиться, но смех Брана оказался столь заразительным, что она не удержалась, и тоже расхохоталась. Всякий раз их диалоги, наполненные шутками и колкостями заканчивались подобным образом с переменным счётом в пользу то одного, то другого. И несмотря на попытки девушки хоть раз провести разговор в ином ключе, ход событий так и не изменился. Они уже стали успокаиваться, когда в комнату вошёл отец Эднартайи. Он был в простой фермерской одежде: хлопковая широкая рубаха, схваченная поясом и штаны, заправленные в невысокие сапоги. В руках он держал широкополую соломенную шляпу.

– Я так и понял, когда услышал смех, что Бран здесь, – проговорил он, добродушно улыбаясь и протягивая руки навстречу гостю.

– Здравствуй, Алвис, – ответил странник, подходя и крепко обнимая хозяина дома.

– Давно тебя уже жду, – Алвис повернулся к дочери и обратился к ней. – Эдни, распорядись, чтобы накрыли на стол, а мы пока побеседуем с Браном.

Девушка взяла у отца шляпу и, согласно кивнув, вышла из комнаты. Когда дверь за ней плотно закрылась, Алвис сел в кресло, указав гостю на другое, стоявшее напротив.

– Как поездка, Бран? – спросил хозяин дома. Он поставил руку на подлокотник, упёрся загорелой щекой в подставленный кулак.

– Всё прошло по плану. Это для тебя, – странник вынул из кармана камзола конверт и протянул собеседнику. Тот принял его и кивнул.

– Никаких приключений?

– Нет. Разве что в последней из таверн под утро была облава Ордена.

– И как же ты? – в ясных глазах Алвиса появился интерес.

– Через окно.

– Да, Орден теперь крепко взялся за нас. Приор стал моим частым гостем.

– Что ему нужно? – нахмурился Бран.

– Я сам, – на лице Алвиса появилась спокойная улыбка. – Приор всё знает. Он дал мне время подумать о сотрудничестве. Это он так выразился. А точнее, он хочет получить мои бумаги.

– Когда ты собираешься уехать?

– Никогда, – он покачал головой и продолжил, видя, что Бран собирается возражать, – и не пытайся мне ничего говорить. Таково моё решение. Мы с тобой это однажды уже обсуждали. Ты помнишь своё обещание?

– Да, – коротко ответил странник, вздохнув.

– Пришло время его выполнить, – сказал Алвис веско. – Только есть пара нюансов. Я хочу, чтобы ты отвёз всё в Альмандин.

– Отвёз в Альмандин? – удивился Бран. – Я слышал, все границы орденских земель сейчас тщательно охраняются. И даже если я миную их дозоры, перейти Предел в одиночку – невыполнимая задача.

– И я слышу эти слова из твоих уст? Мой мальчик, ты ли это? – Алвис усмехнулся. – Орден наступает тебе на пятки, не время говорить "нет" и надеяться, что тебя обойдут стороной. Послушай меня, если ты возьмёшь путь южнее и станешь двигаться к Волчьему Хребту, то найдёшь лагерь Перебежчиков. Они помогают тем, кто хочет перейти через горы. У меня есть подробная карта этих земель, я дам её тебе. И дам достаточно денег, чтобы ты смог с ними торговаться. Их главарь – человек известный своей жадностью, ты его купишь.

– У меня есть деньги, – возразил Бран.

– Нет, тебе потребуется гораздо больше того, что у тебя имеется, – Алвис встал и направился к сундуку. – К тому же ты поедешь не один.

– Как это?

– Кроме всего прочего, ты отвезёшь в Альмандин Эднартайю, – в комнате повисла напряжённая пауза.

– Я не ослышался? – спросил Бран.

– Нет. И это самое важное, запомни. Приор хочет забрать её в Орден. Он даже готов простить мне мои труды, но не согласится оставить в покое дочь.

– Почему её? – этот вопрос какое-то время оставался без ответа, пока Алвис доставал вещи из сундука.

– Так он решил.

– Я всё понимаю, но ты уверен, что нет другого способа спрятать её? Она никогда не выезжала дальше домашних владений. Дорога – это тяжёлое испытание для неподготовленной девушки.

– Она справится, – уверенно произнёс хозяин дома.

– Эднартайя в курсе?

– Конечно, нет! Иначе это поставило бы под угрозу весь план, – Алвис вернулся и положил на своё кресло свиток карты и мешочек с деньгами. По его виду было понятно, что никакие отговорки и возражения не допускаются. – Это не торг, Бран, и не обсуждение идеи. Это поручение. То самое, от которого ты не в праве отказаться. Помнишь?

– Да, – глухо ответил странник. – Но дорога... может произойти, что угодно. Ты ведь знаешь, о чём я... Что если...

– У тебя нет возможности это допустить. Не теперь. У тебя было достаточно времени, чтобы разобраться с этим. Я предупреждал. Теперь пора действовать.

– Что нужно делать в Альмандине? – спросил Бран, беря свиток с картой и разворачивая его.

– Всё по плану. Ты найдёшь дом моего друга Кастора. А дальше он всё объяснит. Ему можешь доверять, как мне.

– Когда мы должны ехать?

– Сейчас, – прозвучал ответ. Странник поднял удивлённый взгляд. На лице Алвиса появилась странная улыбка. – Ты приехал в последний момент, мой друг. Эскорт Приора уже направляется к

нашему дому, и у вас осталось совсем мало времени. Так что советую тебе подкрепиться, пока Эднартайя будет брать вещи.

Если бы не обстоятельства, по лицу Алвиса можно было бы предположить, что его невероятно развлекает происходящее. Он буквально сиял. Таким Бран видел его впервые и не скрывал своего изумления. Хозяин дома лёгким шагом направился к двери и, открыв её, позвал: "Эдни, дорогая, иди скорее". Девушка пришла.

– Да, отец? – она было улыбнулась в ответ Алвису, но, заметив изумлённое выражение на лице Брана, тут же насторожилась. – В чём дело?

– Ты собрала вчера сумку, как я тебя просил?

– Конечно.

– Тогда быстро иди к себе, возьми её, переоденься для верховой езды и спускай к нам. Времени мало, поторопись. И не проси никого тебе помогать. Давай! – Эднартайя была явно удивлена требованием отца, но согласно кивнула и ушла. Алвис повернулся к Брану. – Я уже оседлал для неё лошадь. Пересчитай пока деньги, там должно быть четыреста крестовых, а я схожу на кухню и принесу кое-что из съестных припасов для вас.

Он ушёл, оставив странника одного. Алвис, бесспорно, был самым необычным человеком, которого Брану приходилось встречать во всех своих многочисленных поездках. Впрочем, он уже успел привыкнуть к этому. По крайней мере, он так считал до сегодняшнего дня. Не позволяя удивлению окончательно сбить себя с толку, странник открыл кошелек и пересчитал деньги. Их оказалось триста девяносто пять вместо четырёхсот.

– Сколько? – с этим вопросом Алвис вернулся в комнату. В руках он нёс свёрток ткани.

– Не хватает пяти.

– Молодец, – хозяин дома подмигнул ему. Такие проверки были вполне в его духе. Он устраивал их, чтобы убедиться, что его компаньон не считает ворон. – В свёртке сыр, хлеб, немного фруктов. Пять крестовых можешь взять со стола за твоей спиной.

Он сунул свёрток в руки Брану и подскочил к окну, как раз вовремя, потому что на улице послышался конский топот.

– Приор! Нам пора, идём!

Эднартайя как раз спускалась по лестнице, когда они вышли из комнаты. Она несла в одной руке большую сумку, а второй придерживала подол платья, из-под которого виднелись изящные сапожки. Алвис стремительным движением перехватил у неё сумку.

– Быстрее, выйдем через чёрный ход на задний двор, – сказал он и пошёл вперёд.

– Что происходит? – прошептала Эднартайя Брану.

– Мы уезжаем, – ответил он, пропуская её вперёд. Этого объяснения было недостаточно, но большего он и не успел бы сказать на ходу.

У стойла рядом с конём Брана была привязана пегая кобыла. Алвис навьючил на неё седельную сумку Эднартайи.

– Куда мы едем, отец? – спросила она, глядя, как мужчины занимаются сборами и проверяют лошадиную сбрую.

– Вы едете, моя дорогая, – произнёс хозяин дома, поворачиваясь к дочери. – Без меня.

– Без тебя? – она бросила короткий взгляд в сторону странника. – Вдвоём?

– Да, и отправляетесь немедленно.

– Куда? – взгляд у неё стал растерянным.

– Нет времени, Эдни. Все вопросы потом. Вам пора спешить, – Алвис взял её за плечи и нежно поцеловал в лоб. Эднартайя смотрела на него растерянно. Он улыбнулся и потрепал её по нежной округлой щеке. – Садись на лошадь.

Девушка послушалась. Она привыкла доверять отцу, хотя совершенно не понимала смысла происходящего. Бран лишь ждал момента. Он быстро вскочил в седло и, подхватив поводья её лошади, тронул своего коня вперёд. Если бы не он, они так и стояли бы на месте. Эднартайя

завертелась в седле, пытаясь сохранять отца в поле зрения. Он махал ей и улыбался, а когда они покинули двор, быстро побежал в дом.

Тем временем Отец Кверн, действительный и бессменный Приор Ордена Хранителей Чистой Веры, удобно расположился в кресле напротив окна. Отец Кверн был сухим, облачённым в длинную богато расшитую рясу, мужчиной. Его возраст было сложно определить точнее, чем словом "зрелый". Он имел неприятную привычку слушать, отвернувшись от собеседника, как будто разговор его мало интересовал. Хотя то был спорный вопрос, что неприятнее: отсутствие или наличие его внимания. Он умел всматриваться так, что казалось, будто он по кусочкам разбирает объект своего интереса для детального изучения. И ещё он имел потрясающую способность дожидаться самого нужного момента и выдерживать невероятные нервотрепательные паузы. Отец Кверн был мастером диалога, к одному из которых в данный момент он с удовольствием готовился.

Алвис вошёл в кабинет и, увидев Приора в кресле, кивнул ему в знак приветствия. Сохраняя прежнюю веселость и непринуждённость, он сел напротив гостя.

– Приветствую, – произнёс он в дружеской манере, которая могла бы показаться оскорбительной многим людям, учитывая статус его собеседника. – Чем обязан на сей раз?

– Ты обдумал мои слова? – спросил Приор. Манера поведения Алвиса его ничуть не задела.

– Послушай, мы слишком давно знакомы, чтобы пытаться обманывать друг друга. Ты не находишь? – ответил он. Отец Кверн вздохнул.

– Не представляю, зачем тебе всё это. У тебя был шанс уехать, был шанс отказаться, был шанс примкнуть, благодаря моему расположению к тебе. Но ты не воспользовался ни одним из них. У меня не остаётся выбора.

– Ну почему же, у тебя есть выбор оставить меня при моих убеждениях и позволить делать то, что я делаю. Только вряд ли тебя устроят последствия.

– Алвис, ты – умный человек. Зачем ты хочешь сеять смуту среди людей?

– Это не смута, это перемены, это выбор, – возразил хозяин дома спокойно.

– Людям не нужен выбор. Им нужен дом, который не сожгут бандиты, нужен хлеб и твёрдое убеждение, что завтра обязательно наступит.

– Никто не может им обещать такого.

– А если даже и не наступит, они должны знать, что за свои труды получают право и после смерти оставаться счастливыми, – добавил Приор.

– Ты даёшь гарантии на то, чем не обладаешь, – улыбнулся Алвис.

– Как раз наоборот. Человек получает то, во что верит, тебе ли не знать. И я даю им чистую веру, без примеси лжи, которую используют гадалки, без хитрости и фокусов дешёвых шарлатанов. Я избавляю этих людей от работяг, нищеты, воров, бродяг – всех тех, кто не даёт им спокойной жизни. Я учу их полагаться на себя и свои поступки, а не надеяться, что какая-то бабка своим зельем может исправить их жизнь. Все эти сказки о волшебстве, которые распространяет сброд, только бередают людям понапрасну души. Они забывают порядок вещей, забывают своё место и своё дело.

– Ты можешь для каждого определить его место?

– Кто-то должен это сделать, – Приор развёл руками. – Я приехал в последний раз сегодня.

– Я ждал тебя, – Алвис кивнул.

– Где Агний Рун?

– Его нет здесь. Ты можешь обыскать дом, но ничего не найдёшь, уж извини.

– Тогда тебе придётся поехать с нами.

– Я не возражаю, – они оба поднялись со своих мест. – Ты повезёшь меня как старого знакомого или как пленника?

– Позови свою старшую дочь, – сказал Отец Кверн.

– Увы, её тоже здесь нет, – Алвис чуть улыбнулся. Приор поджал губы и покачал головой.
– Стража, – позвал он. В комнату вошли двое солдат Ордена. – Заковать заключённого в цепи.

Они отъехали совсем немного от имения, когда Эднартайя внезапно натянула поводья и остановила свою лошадь.

– В чём дело? – спросил Бран, тоже останавливаясь.

– Вот и мне хочется знать, что происходит? И куда мы едем? – она смотрела на него прямо и серьёзно. – Я не сдвину с места, пока ты мне не расскажешь.

– Доедем до постоянного двора, там и поговорим, – возразил он.

– Нет, – она помотала головой. – Сейчас.

– Нам нужно спешить.

– Почему? – взгляд девушки стал просящим. – Пожалуйста, я ничего не понимаю. Когда отец попросил меня вчера собрать сумку, я решила, что мы отправимся с ним в одну из наших верховых прогулок по окрестностям. А сегодня он внезапно отправляет меня в неизвестном направлении и ничего не объясняет. Что происходит?

– Сразу после нашего отъезда в дом твоего отца приехал Приор, – сказал Бран. Он решил, что оставлять спутницу без ответа будет несправедливо.

– И что? Такое происходит не в первый раз, – возразила она.

– Да, именно. Но в этот раз Приор приехал за твоим отцом и тобой. Алвис хотел, чтобы я отвёз тебя в безопасное место, чтобы ты не попала в руки Ордена.

– С чего ты это взял?

– Так сказал твой отец.

– Зачем Приору забирать отца или меня? Наша семья ничего не делала против Ордена.

– Должно быть, ты в курсе не всех дел, – ответил Бран. – Я не знаю, почему Приор интересовался тобой. Но у меня нет оснований не доверять Алвису в этом вопросе. Как, впрочем, и во многих других.

– Постой, ты сказал, что Приор собрался забрать меня и отца? – после некоторого молчания переспросила Эднартайя. Бран быстрым движением поймал её лошадь под уздцы, не позволив ей тронуться с места.

– Эда, мы не вернёмся в дом, – твёрдо произнёс он. – Я обещал твоему отцу, что увезу тебя, и я это сделаю. Если он прав, там сейчас люди Ордена. Ты ничего не докажешь, только попадёшь под стражу. Не глупи.

– Ты хочешь, чтобы мы вот так уехали? Я ни с кем не попрощалась, никому ничего не успела сказать, и я даже не знаю, что там происходит, и что с моей семьёй! – возмутилась она.

– Да, я хочу, чтобы мы уехали. И отец твой этого хотел. Не время спорить, – он смотрел на неё холодно, и в его тёмных глазах больше не плясали те весёлые искорки, которые появлялись в моменты их прежних бесед. – Мы обсудим всё вечером, когда доберёмся до таверны. Ты сможешь ехать верхом несколько часов?

– Да, – чуть помедлив, ответила она. – Мы много упражнялись в верховой езде с отцом.

– Отлично, тогда вперёд, – сказал Бран, отпуская поводья её лошади. Эднартайя сдалась и последовала за ним.

ГЛАВА 3. БРАТ КОРП

О Хранителях ходило много страшных историй: о том, куда они увозят пленённых ими людей и что они с ними делают. Корп, точнее, брат Корп, знал об этом не понаслышке. Он преданно

служил Ордену вот уже в течение дюжины лет, с тех пор, как его, шестнадцатилетнего юношу, отец отдал в послушание. Всё это время он выполнял то, что ему говорили, ехал туда, куда отправляли, и никогда не задавал вопросов. Он всегда точно знал, что должен делать. Святые отцы Ордена любили повторять: следуй уставу, и ты всегда будешь в порядке. Ах, как же они были правы! Как правы!

Всего три дня назад он терпеливо ждал аудиенции Приора в мрачной холодной замковой комнате для посетителей. Время тянулось, а он, как и полагается паладину, стоял не шевелясь по стойке «смирно», словно соляной столб, хотя в душе у него всё кипело и клокотало. Впервые в жизни он пришёл к Ордену с просьбой, не за себя, за сестру. Его Кара, пожалуй, единственное создание в этом мире, которое он любил беззаветно и преданно, единственная женщина, чувства к которой он позволял себе иметь, его младшая сестра исчезла. Оба они были детьми Ордена, обещанными и принадлежащими ему. Сам Корп давно служил, а Кара должна была принять постриг. И вот накануне этого события девушка пропала, совершенно бесследно и внезапно.

Брат Корп обратился к Приору с нижайшей просьбой дать ему увольнение для поисков сестры. Приор выслушал молча, не отрывая глаз от бумаг, и отправил паладина в комнату для ожидания. Он явно был занят, рассматривая некий свиток со странными таинственными знаками. Прошло несколько часов, прежде чем он снова позвал брата Корпа к себе.

– Сын мой, твоя просьба весьма странная, – произнес Приор, на сей раз одарив посетителя пронизательным взглядом. – Во-первых, наш Устав вовсе не предполагает такого длительного увольнения. Во-вторых, как ты сам понимаешь, сейчас сложное время для всех нас, и каждый наш брат на счету. Тем более, если речь идёт о наших лучших братьях. И в-третьих, твоя сестра очевидно сбежала, и я не вижу смысла в её поисках. Тебе хорошо известно, такого предательства мы не прощаем.

– Да, святой отец, – покорно ответил паладин.

– Но я дам тебе шанс вернуть её, – вдруг произнес Приор. – Однако для этого тебе придётся разыскать лагерь Перебежчиков. Твоя сестра с ними, я в этом уверен. Если через месяц ты вернёшься и принесёшь мне информацию о том, где они находятся, я помилую твою сестру и позволю вернуться ей в нашу святую обитель. Если тебе не удастся их найти, что ж, я прощу тебе твоё отсутствие. Но если ты опоздаешь или передумаешь возвращаться... думаю, ты сам знаешь, что тебя ждёт.

Это было неожиданно. Брат Корп был счастлив и не знал, как и благодарить Приора за подобную милость. Он покидал обитель воодушевлённым и полным надежд в самые короткие сроки разыскать сестру. У него был план, но в него никак не входили те обстоятельства, в которые он попал теперь.

Сначала всё казалось вполне логичным, когда он увидел в том маленьком городке, что был в дне пути от Ордена, передвижной невольничий рынок. Орден жестко осуждал продажу рабов, особенно, рабов с юга. А то, что эти дикари, кожа которых была почти синей от покрывавших её причудливых рисунков, были именно из южных земель, сомневаться не приходилось. Устав говорил, что паладинам предписывается всех невольников, а также работоторговцев, промышляющих на землях Ордена, немедленно доставить в орденский замок. В случае, если паладин оказался без поддержки собратьев, немедленно сообщить в Орден о местонахождении невольничьего рынка.

Так Корп и собирался поступить, когда увидел её. Пленница, как он узнал позднее, Иола, сидела в углу клетки, поджав к себе ноги и опустив голову. Спутавшиеся светлые волосы падали вперёд, прикрывая её грудь от бесстыдных глаз зевак, а бёдра с трудом скрывала собой ободранная короткая юбка из грубой ткани. Словно почувствовав, что на неё пристально смотрят, девушка подняла голову, и Корп встретился взглядом с её ясными голубыми глазами. На нежном красивом лице пленницы лежала печать глубокой грусти и мольбы. Корп видел, как влажно блестят в разрезе полураскрытых полных губ её белоснежные зубы, как дрожат ноздри тонкого

носа, как трепещут, словно крылья бабочки, невероятно длинные и пушистые светлые ресницы — видел и не мог отступить.

А потом случилось странное. Он сам не понял, почему пошёл к работорговцу и вступил в торг. Они сошлись на цене, клетка открылась, и тонкая рука девушки легла в его ладонь. Теперь он владел ею полноправно. Отойдя в сторонку, Корп снял свой плащ и укрыл им бывшую рабыню. Прodelывая это, он увидел на её обнаженной спине два длинных вертикальных шрама, тянущихся от лопаток вниз, к пояснице. Они казались свежими, и паладин спросил, что с нею произошло. «Мои крылья, отрезали крылья», — со слезами в голосе прошептала девушка на ломаном наречии.

Она закрыло лицо руками, пряча свой стыд и отчаяние. Корп почувствовал неловкость. Он отвернулся, пытаясь переключить своё внимание на что-нибудь более обыденное для него, и только тогда заметил, что окружающие с подозрением и недоверием смотрят на него. Было нужно как можно скорее покинуть это неприятное место, а для начала купить Иоле какую-то более приличную одежду, нежели набедренная повязка.

На окраине города он нашёл лавку старьёвщицы, гнусной на вид и хитрой старухи, у которой имелись поношенные, но чистые и ещё крепкие женские платья и обувь. Она помогла девушке переодеться и причесаться, собрав её растрёпанные волосы во вполне опрятную косу. Принимая деньги от паладина, старуха с мерзкой ухмылкой произнесла: «Удачная покупка, господин». Эта фраза стоила Корпу отчаянных усилий, чтобы сдержать румянец стыда и возмущения, чуть было не проступивший на его лице. И всё это из-за странной, тихой девчонки, которая в данный момент робко смотрела на него.

Что было делать с ней? Никаких внятных идей у него не имелось, но оставаться в городе им точно не стоило. Старьёвщица, по его просьбе, подсказала небольшой постоялый двор под названием "Берложье", находившийся на заброшенной старой дороге в нескольких часах пути от города. Там можно было остановиться и переночевать. «Местечко не самое хорошее, но там тебе, господин, точно никто не помешает», — уточнила она, хитро подмигивая. Оставив старуху вместе с её намеками, Корп усадил Иолу на своего коня и поспешил прочь из города.

Спустя несколько часов они добрались до постоялого двора. В задымлённый зал, освещённый чадящими лампами, набилось много народа. Одного взгляда на этих людей было достаточно, чтобы не захотелось не только с ними знакомиться, но даже находиться в одном помещении. Только вот выбора у Корпа не было. По крайней мере, посетители этого злачного заведения не заинтересовались их с Иолой персонами. Во время трапезы девушка всё поглядывала на своего спутника. Наконец, она решилась.

— Что ты делать мне, господин? — почти шёпотом произнесла она. Вполне резонный вопрос, в виду приближающейся ночи.

— Мне предстоит долгий путь, и я не могу взять тебя с собой, — начал Корп. — Но я подумаю, как устроить тебя. Возможно, в один из женских монастырей. Это такое место, где живут добрые, смиренные женщины. Они позаботятся о тебе. И если ты будешь слушать и выполнять те несложные поручения, о которых они попросят, то не узнаешь горя, — пояснил он. Наконец, главный смысл её вопроса дошёл до него. — Тебе нечего бояться, я не причиню тебе вреда. Мои обеты выше бранных страстей. И не зови меня господином.

— А как?

— Брат Корп.

— Хорошо, — кивнула девушка, пошевелила пухлыми губками, напрягая их, будто тренируясь и добавила, — Праткорп.

— Пусть так, всё лучше, чем господин, — смирился паладин.

Иола явно не всё поняла из сказанного им, но идея о безопасности ей явно понравилась. На её щеках, украшенных причудливыми синими знаками, даже проступил румянец, сменивший собой нервную бледность. Корп попросил её рассказать немного о себе, и девушка поведала странную историю. Она жила со своим народом в южных лесах, где все люди носят на коже голубые знаки, а

на спине — крылья, что все они обладают особым даром видеть правду и потому никогда не лгут друг другу. Они строят дома высоко на деревьях, в глубоких джунглях, и мало кому из путешественников удастся отыскать их чудесные поселения. У них особый язык, незнакомый никаким другим народам, они не знают рабства, плена и подчинения. Собственно, у них даже нет таких слов. Через большие промежутки времени они отправляются, чтобы посмотреть на великую Реку. Принимая участие в таком походе, Иола попала в плен к злым людям. Большого она объяснить не смогла, не зная ни названия Реки, ни места.

Корпу приходилось встречать людей с юга, все они были темнокожими и темноволосыми, в отличие от этой девушки, светлой, будто северянка. И если история с синими татуировками как-то совпадала с правдой, то рассказ о крыльях и странном народе не оставлял выбора думать об Иоле иначе. Она была ненормальной. Её блуждающий взгляд и манера медленно тянуть слова только подтверждали подобную версию. Корп предположил, что, как и многие рабыни, она стала военным солдатским трофеем. Это вполне могло повлиять на её рассудок. Такая версия показалась ему удовлетворительной для объяснения всех странностей.

Так они и сидели друг напротив друга, огромный, словно утёс, рыцарь Ордена и хрупкая юная девушка, казавшаяся ещё светлее, ещё тоньше и нежнее рядом с ним. Время от времени она бросала на своего нового хозяина короткие взгляды. Война оставила след на его огрубевшем лице, в пролеглих преждевременно морщинах на лбу и в уголках рта, даже коротко стриженные русые волосы его торчали, словно шипы. И только в синих глазах Корпа сохранился какой-то мягкий огонёк, словно маячок, мерцающий среди угрюмых, смертельно опасных скал.

В харчевне, где ужинали Корп и Иола, но только в дальнем грязном углу примостился Плутак. Как и многие другие бродяги, он промышлял воровством. Сложно было бы назвать его мастером в этом деле, но, как считали его знакомые, удача определённо сопутствовала ему. Он не только ни разу не попался, но даже тени подозрения не ложилось на его персону, пусть даже в момент обнаружения пропажи он был единственным человеком, которого обворованный мог увидеть рядом с собой. Происходило так потому, что Плутак был слеп. Обычно на это намекала повязка — грязная старая тряпка, которой он прикрывал свои глаза. Но даже когда ей не верили, её срывали и требовали, чтобы слепец открыл веки, перед сомневающимися предстала другая неоспоримый, устрашающий факт. Его глаза были абсолютно белыми, словно художник, рисовавший их, забыл добавить зрачок и радужную оболочку. Юное лицо Плутика, имевшее привлекательные правильные черты, становилось при этом мёртвым, словно у статуи. Тогда он торопливо отворачивался, натягивал свою повязку, и снова его щекам возвращался румянец, а губы растягивались в мягкой, дружелюбной улыбке. Эта обезоруживающая улыбка в совокупности с его увечьем снимала всякие подозрения.

Передвигался Плутак осторожно и неуверенно, частенько натыкаясь на предметы. Болтавшиеся на нем лохмотья давали слабое представление о его фигуре, но складывалось впечатление, что в его теле осталось так мало силы, что земля буквально тянет его к себе, вниз. Его частенько можно было встретить в Берложье, где всегда водилось много всякого сброда. В таких местах редко останавливались приличные люди или торговые караваны, и добыча там была невелика. Самое большее, на что приходилось рассчитывать карманному воришке — серебряный, или как его называли в народе, крестовый, а чаще горсть медных монет. И всё же Плутику удавалось заполучать улов и побогаче. А вот каким образом и где, никто из его потрёпанных жизнью приятелей не знал. На их расспросы слепец лишь улыбался и приговаривал: «Небеса зрения не дали, зато везением одарили.»

Сколько Плутику лет, откуда он взялся и чем жил раньше, никто не знал. В один день просто возник в углу таверны этот грязный оборванец со своей извечной повязкой, да так и прижился. Завсегдатаи его не обижали — над убогим грешно потешаться, путники не трогали, хозяйская дочка частенько приносила ему миску с остатками харчей. Эта полнокровная, розовощёкая девица

испытывала к нему те нежные чувства, которыми женщины способны проникаться к жалким, беспомощным существам. По той же причине она порой приносила ему ведро с тёплой водой, помогала умыться, стирала его повязку, расчёсывала свалявшиеся каштановые пряди. Он говорил, что никогда не встречал человека добрее, и прижимал к своему лицу её загрубевшие от работы руки. Она краснела от такого внимания и смахивала невольную слезу жалости к этому вполне симпатичному, но пропащему бродяге. Ей удавалось привести его в относительный порядок, даже немного откормить, а потом Плутак исчезал на месяц или даже два и снова появлялся, всё такой же грязный, нечёсанный и исхудавший, каким был раньше.

В тот день она ещё ни разу не подходила к нему, занятая поручениями по кухне. Плутак давно проголодался и уже с нетерпением ждал, когда ему принесут миску похлёбки. Поэтому, когда на его плечо легла чья-то рука, он сначала подумал, что это хозяйская дочка наконец пришла накормить его. Он поднял голову, и его ноздрей коснулся лёгкий цветочный аромат, какого он никогда раньше не встречал.

– Твоей жизни грозит опасность. Найди завтра здесь Брана и добейся, чтобы он взял тебя с собой, – зашептал женский голос рядом с его правым ухом. – Если он не согласится, скажи ему "Агний Рун".

– Что? – не понял Плутак. – Кто здесь?

И всё исчезло: и аромат, и прикосновение, и ощущение лёгкого, как ветерок, присутствия странной незнакомки. На мгновение он замер, собираясь с мыслями и пытаясь сообразить, что за чудная встреча с ним только что приключилась. Но растерянность была быстро побеждена смыслом сказанных фраз. Кто бы сейчас к нему ни приходил, его пытались предупредить об одной важной вещи. Опасность! Более Плутак мешкать не стал, поднялся и заковылял к выходу, пробираясь между столов с посетителями.

Дело шло к вечеру, и Корп решил, что стоит остаться на постоялом дворе ночевать. Его спутница явно устала и была готова проспать много часов подряд, да и он сам был не прочь отдохнуть до утра. У хозяина оказалась в наличии свободная комната, за которую он спросил совсем небольшую сумму денег. Расплатившись с ним, Корп уже возвращался за Иолой, когда в проходе между столов на его плечо натолкнулся парнишка в грязной одежде и с повязкой на глазах. Он был ниже паладина на голову и почти в два раза тоньше, и потому отшатнулся от столкновения с телом, превосходившим по массе его собственное. Рассыпавшись в извинениях, он попятился к выходу. Корп было не придал этой случайности значения, лишь привычно провёл рукой по боку, на котором всегда висел кошелек. Провёл и замер — кошелек на месте не было. Он быстро развернулся, но бродяги и след простыл, словно растворился в чаду харчевни.

Тем же вечером, но значительно позже, на пороге того же заведения появился Бран. Он вошёл первым, быстрым взглядом обвёл зал и кивнул Эднартайе, стоявшей за его спиной, приглашая её войти. Они успели как раз вовремя, потому что снаружи начал накрапывать дождь, и по отдалённым раскатам грома становилось ясно, что ночь будет ненастной. Посетителей было много, и свободных столов не осталось. Бран выбрал место и подсел к одному из больших столов, у края которого стояли две свободные табуретки.

Эднартайя, оглушённая и напуганная обилием спиртных запахов, криком множества глоток, тусклым светом, пробивавшимся от масляных ламп сквозь висевший в воздухе чад, сидела, плотно стиснув колени и прижав к себе руки. Бритый наголо здоровяк, вольно покачивавшийся на скрипучей хилой табуретке слева, обвёл её оценивающим взглядом и снова вернулся к разговору со своими приятелями. Бран в это время беседовал с подошедшей к нему дочкой хозяина. Она хотела узнать, что принести из еды и напитков, и стояла, опираясь одной рукой о стол, изогнувшись плавной дугой, будто прошедшей через всё её пышное тело. Не стесняясь, она заигрывала с гостем, отвечавшим ей шутками и улыбками. Эднартайя не обманывала себя на счёт

Брана и прекрасно понимала, что его внешность и манера общения должны нравиться многим женщинам, но наблюдать за этим в действии ей вовсе не нравилось. Опустив взгляд, она стала рассматривать рисунок дерева столешницы.

Они поужинали в молчании. Девушке разговаривать не хотелось, да и пытаться перекрикивать общий шум было сложно. Странник не считал нужным заводить разговор в таком месте. Он расплатился за ужин, переговорил с самим хозяином постоялого двора и сказал спутнице следовать за ним. Снаружи всюду бушевала гроза. Прикрываясь плащами, они отвели лошадей в пристройку позади здания харчевни. На нижнем этаже располагалось стойло, лестница вела вверх, на сеновал.

– Мы будем спать здесь, – сообщил Бран, гася лампу. – Забирайся.

– Почему здесь?

– Нет свободных комнат. Но, поверь, ты не многое потеряла, кроме плохо выстиранных простыней и клопов.

– Клопов? – переспросила Эднартайя. – А тут?

– Здесь их нет. Тут только...

– Крыса! – она отшатнулась назад, услышав писк в сене, и натолкнулась на Брана, стоявшего позади неё. – Прости, я, кажется, тебе на ногу наступила.

– Ничего. На счёт крысы ты, конечно, преувеличила, зато мышь была польщена. Не бойся, она тебя не тронет, лезь.

Наверху ароматно пахло сухими травами и мелодично стучали капли дождя по крыше. Бран расстелил на сене два походных покрывала рядом и сразу же устроился на одном из них.

– Сидя очень неудобно спать, – заметил он, поглядывая на сумрачный силуэт девушки. – Оставь уже все эти условности и ложись. У нас впереди длинная дорога, и нужно учиться доверять друг другу.

– Здесь всё такое колючее, – пожаловалась она, но послушалась и легла на своё покрывало.

– И умыться негде.

– Потерпи до утра. Я отведу тебя на озеро, там сможешь умыться, – пообещал ей Бран.

– Все постоялые дворы такие?

– Нет, конечно. Есть значительно лучше.

– А почему мы остановились на этом?

– Здесь меньше всего шансов встретить людей из Ордена, – пояснил он, прикрывая глаза.

– Они, действительно, так опасны для нас? – последовал очередной вопрос.

– Да, Эда. Очень, – Бран вздохнул и приподнялся на локте. – Мы с тобой должны быть осторожны. Вряд ли люди Ордена будут искать именно нас, но кто знает, что за приказы отдаёт им Приор. Пока мы не выберемся из подвластных ему земель, нужно оставаться начеку.

– Куда же мы едем? – спросила она.

– Я расскажу тебе чуть позже. В целях твоей безопасности. Просто поверь мне, – он снова лёг и, чуть помолчав, добавил, – ты сегодня отлично справилась. Прекрасно держишься в седле. Не знал, что ты такая ловкая наездница.

– Это благодаря отцу, – последовал её ответ. – Как думаешь, его посадили под арест?

– Не знаю, – протянул Бран. – Хотелось бы верить, что нет. И что я делаю всё это из соображений безопасности, а не настоящей угрозы.

Они оба замолчали. Дождь продолжал свою барабанную дробь. Внизу бархатно похрапывали лошади. Где-то в сене возилась польщённая мышь. Эднартайя улыбнулась этой шутке.

– Бран? – позвала она.

– Да?

– Как называется это место?

– Берложье, – он дотянулся до её руки и мягко сжал кончики тонких пальцев. – Отдыхай, завтра долгий день.

ГЛАВА 4. БЕРЛОЖЬЕ

Бран проснулся отдохнувшим и в прекрасном расположении духа. Судя по свету, пробивавшемуся сквозь щели в двери сеновала, солнце уже давно встало. Снаружи была тишина. Обычно Берложье пустовало днём. Его посетители исчезали с восходом солнца по своим неизвестным делам и снова собирались только к вечеру. Лишь редкие путники забредали сюда в дневные часы. Постоялый двор находился в стороне от дороги, укрытый от глаз непосвящённых лесом. Благодаря этому сюда так и не добрались Хранители, и многие бродяги считали себя здесь в относительной безопасности.

Эднартайя спала к Брану спиной, завернувшись в край покрывала и натянув его почти до самой макушки так, что был виден только растрепавшийся пучок волос. Он не стал её беспокоить, тихо спустился вниз, переоделся в свою обычную походную одежду и отправился на разведку. Воздух ещё сохранял дождевую свежесть, и трава местами оставалась влажной. Бран умылся у колодца на заднем дворе и пошёл в харчевню. Посетителей в ней не было, только хозяйская дочь расставляла чистую посуду по полкам. Странник был знаком с ней давно, и между ними установились лёгкие дружеские отношения, сдабриваемые приятным не обязывающим флиртом.

– Как спалось, Бран? Сладко? – поинтересовалась она с улыбкой, брошенной через плечо.

– Жаловаться не приходится, – подмигнул он в ответ, присаживаясь к барной стойке.

– Налить тебе чего?

– Не нужно. А вот за сытный завтрак буду тебе благодарен, – он положил на столешницу монету. – На двоих.

– Будет тебе завтрак, – пообещала она, продолжая заниматься своим делом. – Кто такая, эта твоя спутница?

– Ревнуешь?

– Ещё бы! Такая красавица. Породу девицы, как породу лошади, сразу видно. И одета хорошо, хоть и просто, у меня-то глаз намётанный. Так кто она?

– Подруга, – сказал он. – Детства.

– Ах, Бран, все-то у тебя подруги. И ни одна не задерживается, – засмеялась она.

– Потому что с тобой ни одна не может сравниться, – улыбнулся странник. – Скажи мне, Скверный Даг в Берложье давно появлялся.

– Да вчера тут был. Покрутился, как обычно, и ушёл. Они на пару с Плутаком чем-то промышляли.

– И Плутак ушёл?

– Нет, утром видела его на заднем дворе. Должно быть, ошивается где-то поблизости, – она повернулась к нему и, облокотившись о столешницу, тихо добавила, – вчера к нам чудной гость пожаловал. По всему, так он из Ордена. С девчонкой рабыней. Ребята хотели ещё ночью с ним покончить, так отец велел не трогать. Гость за комнату заплатил и за ужин, решили ждать до утра. Ещё не спускался сегодня. А как проснётся, посмотрим, что за птица. На шпиона вроде бы и не похож, но кто знает.

– Хорошо, – коротко ответил Бран. – Буду к завтраку.

Когда он вернулся в стойло, Эднартайя уже проснулась и спустилась вниз. Ей удалось некоторым образом привести себя в порядок, поправить причёску и даже подготовить вещи для обещанного похода на озеро. Туда они и отправились.

Озеро было маленькое и пряталось в перелеске совсем рядом с постоянным двором. Вода в нём оказалась холодной и совершенно чистой. Чтобы не мешать, Бран отправился побродить немного по окрестностям, оставив Эднартайю одну на берегу. К его возвращению она успела завершить свои утренние процедуры, и сидела у воды, довольная и румяная, расчёсывая распущенные волосы резным деревянным гребнем.

Бран сел напротив неё, умылся, мокрыми руками провёл по волосам, убирая их с лица назад, и посмотрел вверх, на макушки сосен, что стояли над ними.

– Хорошее утро, тихое такое, спокойное, – сказал он, переводя взгляд на девушку и любясь тем, как утренний свет блестит на её вьющихся прядях, струящихся сквозь зубья гребня. – У тебя очень красивые волосы. Удивительно, за столько лет я ни разу не видел, как ты их распускаешь.

– Спасибо, – хихикнула она в ответ, выглядывая из-за водопада прядей.

– Что тебя позабавило?

– Я ведь тоже никогда не видела тебя таким, – ответила она, указав кивком на его одежду.

– Да, вот такой я настоящий, – улыбнулся он.

– В этом что-то есть. Если честно, ты всегда появлялся в доме отца каким-то уж слишком безупречным. Даже неловко себя чувствовала рядом с тобой.

– По мне, так всё было наоборот.

– Выходит, я тебя совсем не знаю, – она убрала волосы с лица, чтобы заплести их в косу, и теперь прямо смотрела на странника своими зелёными, словно лесная листва, смешливыми глазами. – Я считала, ты богатый человек с большими связями, который приезжает к отцу по каким-то важным делам...

– А оказалось, что я никому неизвестный нищий бродяга, – продолжил он её фразу, и Эднартайя засмеялась.

– Нет, что ты! Я не это имела в виду!

– Но в этом есть доля истины.

– Правда? – в глазах девушки появился интерес.

– Нет, – ответил Бран и вызвал новый прилив её смеха. Наконец, успокоившись, она стала закручивать получившуюся косу в пучок на затылке.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне правду? – поинтересовалась она. Странник задумчиво поджал губы, наблюдая за тем, как ловко её тонкие пальцы справляются с тяжёлыми волосами.

– Да, в тот день, когда ты перестанешь носить эти дурацкие причёски, – проговорил он с улыбкой.

– Как тебе хватает наглости мне такое говорить? – шутливо возмутилась девушка, уперев руки в бока.

– Зато я с тобой честен, – возразил Бран. – Слушай, хочу тебя предупредить. Впереди непростой путь. Нам будут встречаться разные люди. Не доверяй никому из них. Что бы ни случилось, что бы ни потребовалось, обращай только ко мне. Поверь, я знаю достаточно о женщинах, чтобы найти решение любой задачи, которая может возникнуть в походе. И не стесняйся, правила приличия отходят на второй план перед успешностью мероприятия, которое мы затеяли.

– Хорошо, – согласно кивнула она, несколько смутившись от его прямооты.

– Выше нос, Эда, всё получится, – пообещал Бран. Он потянулся к ней и, слегка коснувшись подбородка, приподнял её лицо вверх. Эднартайя вскинула на него глаза в быстром взгляде и отвела их в сторону, ощутив неловкость от подобного интимного жеста. Бран встал и подал ей руку. – Идём, время завтракать и отправляться в путь.

У входа в стойло крутился какой-то нечёсанный бродяга в грязной одежде. Он то замирал, приседая и настороженно прислушиваясь, то осторожно по стенке подбирался ко входу, но заходить не решался и снова отступал на несколько шагов назад. Увидев его, Бран пронзительно свистнул, поджав губы, отчего Эднартайя испуганно вздрогнула. Свист заставил бродягу разом припасть к земле, словно сбил его с ног.

– Эй, Плутак, ты что тут забыл? – весело позвал странник.

– Бран! Это ты! – бродяга поднялся на ноги, и девушка увидела, что его глаза перевязаны выдавшей виды тряпкой. – Я ищу тебя, дружище. Хозяйская дочка сказала, что ты обо мне спрашивал и должен быть здесь.

– Да, поговорить нужно.

– Охотно. Есть о чём, – согласился слепой. – Может, и перекусим заодно, а то жрать охото, аж брюхо сводит.

– Только я не один, – предупредил Бран, видя, как меняется выражение лица девушки от манер Плутака. – Со мной спутница. Дочь Алвиса.

– Да ты что! Это та девица с убийственно сложным именем? По запаху она была так просто лакомый кусочек, – он засмеялся.

– Эднартайя её зовут, – проговорила девушка, глядя на него с явным негодованием. – И что-то не помню, чтобы мы раньше встречались.

– Бран, что ж ты молчишь, что она уже здесь! То есть ты... Извини, сестрёнка, нехорошо вышло.

– Хватит прикидываться, что тебе стыдно. Идём завтракать, – прервал его Бран.

Не было такого случая, чтобы Плутак отказался поесть за чужой счёт. Этот раз не стал исключением. Он довольно устроился за столом в ожидании своей тарелки. Глядя на его грязные руки, Эднартайя гадала, сколько времени он их не мыл.

– Где твой подельник? – спросил Бран, пока они ждали еду.

– Ты это про кого?

– Сам знаешь, – в зале было несколько человек, с которыми странник был знаком и которым не хотел озвучивать свои планы.

– Так, как обычно. Где ему ещё быть? А зачем он тебе понадобился?

– Дело есть, – коротко ответил Бран.

– Ты никак про Перебежчиков хочешь у него спросить? – проговорил Плутак тише. – Я угадал? Слушай, Бран, я тебе помогу его найти, только возьми меня с собой.

– Куда это?

– А вот куда едешь.

– Кто тебе сказал, что я куда-то еду? – поинтересовался странник. Слепой немного помялся.

– Дело такое странное вчера со мной случилось. Поверишь или нет, ни капли на языке не было. Сажу я в углу, жду харчей, и вдруг чувствую, подходит ко мне девушка. Пахла она, как весенний сад в цвету, никогда её запаха раньше не встречал. Подходит и шепчет, что я должен найти тебя и упросить взять с собой, а иначе мне конец.

– Нелепая история, – заметил Бран. В этот момент хозяйская дочка принесла им тарелки и расставила их на столе.

– Она предупредила, что ты не поверишь, – сказал слепой, дождавшись её ухода. – И просила в таком случае тебе сказать следующее: Агний Рун.

– Что? – нахмурился странник. Он быстро взглянул на Эднартайю и увидел на её лице изумление. – Что ты об этом знаешь?

– Ничего, – ответил Плутак. – Так мне велено было тебе сказать. Я пытался её расспросить, но она сразу же исчезла.

– Ладно, – немного подумав, сказал Бран, и девушку удивило, как легко он согласился. – Поедем вместе. Переговорим с Дагом, а там будет видно.

– Ты! – это яростное восклицание прозвучало так неожиданно, что все трое обернулись. К ним через зал быстро шёл человек. Он был высоким, широким в плечах, и не оставалось никакого сомнения, что он обладал большой физической силой. Его стремительное приближение и решительный вид уже сами по себе внушали угрозу.

– Я? – удивился странник, вставая.

– Отойду ненадолго, – пробубнил Плутак и полез под стол на четвереньки.

– Стой, вор! – крикнул незнакомец. – Второй раз не уйдёшь!

– Эй, притормози, – вмешался Бран, вставая у него на пути. Его не смутили ни настрой этого человека, ни его внушительные габариты. Эднартаия выбралась из-за стола и попятилась, инстинктивно пытаясь отойти на безопасное расстояние.

– Ты кто такой? – надменно спросил незнакомец.

– Это не имеет особого значения. Чем тебе не угодил мой товарищ? Я думаю, мы сможем договориться, – спокойно произнес странник, держа руки раскрытыми ладонями вверх и демонстрируя этим отсутствие угрозы.

– Твой *товарищ* стащил мой кошелёк! И раз на то пошло, потрудись-ка вернуть мне его.

– Стащил? Он? Да парнишка слепой, как крот! Как он что-то мог у тебя стащить? Он и собственных рук не видит.

– Да, только это не мешает ему воровать. Говорить тут не о чем, пусть вернёт, иначе я с него шкуру спущу, – пообещал незнакомец.

– Калек трогать к беде.

– Я не суеверен, – незнакомец откинул полу плаща и вынул из ножен меч. – И деньги свои верну, так что не стой у меня на пути.

– Убери меч, – уже не дружественным, но жёстким и холодным тоном потребовал Бран. – И обернись, если не хочешь умереть на месте.

Здоровяк замер, а потом медленно посмотрел через плечо. За его спиной стояли, вооружённые клинками, посетители таверны. Их было четверо, не считая хозяина и самого Брана.

– Нет, Праткорп, стой, – прозвучал девичий голос, и в следующее мгновение появилась сама его обладательница. Она бесстрашно юркнула между собравшимися и встала возле здоровяка. Её маленькая ладошка коснулась его меча.

– Иола, не лезь, – пробурчал незнакомец, явно смутившись её появлением. Она обратила к Брану своё лицо, изрисованное синей краской.

– Не надо, – проговорила девушка. – Не убивать!

– Даже твоя девчонка понимает, что у тебя никаких шансов, – сказал один из завсегдатаев и довольно засмеялся.

Незнакомец раздосадованно бросил меч на пол и поднял руки. Странник внимательно разглядывал его. На нём была простая серая одежда из грубой, но крепкой ткани, хорошие сапоги, совсем новые, поверх одежды легкая кольчуга, хорошо подогнанная по фигуре, подпоясанная добротным кожаным ремнём.

– Что ты здесь забыл, паладин? – спросил его Бран и посмотрел на людей с мечами. Они ждали ответа, готовые в любой момент пустить оружие в действие.

– Остановился переночевать, – пробурчал здоровяк.

– А чего не поехал на один из ваших орденских постоялых дворов?

– Далеко были. В чём проблема, я за постой заплачу.

– В том, что ты теперь приведёшь сюда своих братьев, раз разнюхал дорогу, – ответил хозяин Берложья.

– Не затем я тут, – проговорил паладин, обернувшись к нему, а потом снова посмотрел на Брана. – Сестру я свою ищу. Пропала она. Нужно было переночевать, вот и остановился здесь. И если бы не твой товарищ, уже убрался бы отсюда.

Бран оглянулся на Плутака, прятавшегося под столом, нагнулся и вытащил его оттуда.

– Бран, ты что творишь! Он убьёт меня! – вопил слепой.

– Значит, всё-таки поделом, – ответил странник жёстко, – раз так боишься. Но сначала я хочу разобраться. Так, говоришь, он кошелёк украл?

– Да, вчера вечером я и моя спутница ужинали здесь. Твой товарищ, как ты его называешь, столкнулся со мной в проходе и срезал кошелёк. Это был он, моя спутница может подтвердить, – ответил человек из Ордена. – Мне незачем лгать, я обманом не промышляю. Но там были все мои деньги за небольшим исключением.

– Придётся, Плутак, вернуть кошелёк, – сказал странник.

– Не могу, – промямлил слепой.

– Это ещё почему?

– Так если бы он у меня был! Сам можешь догадаться, у кого он теперь. Я малость задолжал ему, – признался Плутак, намекая на свои дела со Скверным Дагом. Бран с силой усадил его на стул.

– Давай переговорим с тобой в сторонке, паладин. А твоя спутница может пока посидеть за нашим столом, – предложил странник и кивнул хозяину таверны. Тот немного помедлил и подал знак людям убрать оружие. Они стали расходиться по своим местам, но с явной неохотой и продолжая поглядывать на здоровяка.

– Как тебя зовут? – спросил Бран, когда они сели за отдельный стол в углу. Иола, Плутак и Эднартайя сидели вместе за тем столом, где они перед тем завтракали. Девушки беспокойно переглядывались.

– Брат Корп, я – паладин Ордена Хранителей Чистой Веры, – ответил тот гордо.

– Будем знакомы, я – Бран. И я тот, кто готов поверить тебе. В отличие от тех ребят с мечами. Они хоть и убрали их сейчас, но вряд ли отпустят тебя живым отсюда. Поэтому, если хочешь выбраться, ответь мне честно на несколько вопросов.

– С чего мне верить такому, как ты?

– У тебя нет выбора, паладин, – пояснил странник. – Ты выбрал очень неудачное место для ночлега. И тебе невероятно повезло, что до сих пор ты не валяешься в канаве. Давай к делу. Кто твоя пропавшая сестра и почему ты ищешь её здесь?

– Кара, она мирская, – проговорил брат Корп, сдавшись. – Пропала накануне пострига. Я уже многих людей расспросил, но никто не видел девушки, похожей на неё. Ходят слухи, что в этих краях снуют Перебежчики, и её могли завербовать к ним.

– Есть такие слухи, – согласился Бран. – И как ты собираешься искать её дальше? Никто не станет говорить с человеком из Ордена о Перебежчиках.

Паладин молчал, нахмурившись.

– Ещё вопрос. Кто твоя спутница? Ещё одна твоя сестра? – в вопросе звучала нескрываемая ирония, но брат Корп проигнорировал её.

– Пленница. Я выкупил её на одном невольничьем рынке. Она что-то говорит о людях с юга, какой-то реке, крыльях. Ересь всякая, – он помолчал и добавил. – Это из-за неё я здесь. Ни в какое удобное Ордену место я не смог бы повезти её.

– Понимаю, – согласился Бран, искоса поглядывая на Иолу. – И куда ты её везёшь?

– Я пока не знаю, нужно её где-то устроить, но лучше, чем женский монастырь, я места не придумал.

– Да, хорошенькое место для девушки, из одного рабства в другое, – усмехнулся странник.

– Монастырь – хорошее, надёжное место. И потом, везти её с собой я тоже не могу. Я тороплюсь. У меня всего месяц времени.

– Не густо, – отметил Бран. – Мало времени, мало информации и, как я понимаю, теперь совсем нет денег. Сколько было в твоём кошельке?

– Двести.

– Не богато, – отметил странник. Он внимательно посмотрел на собеседника, взвешивая все шансы.

– Я тебе помогу, – проговорил он, приняв решение. – Попробуем вернуть твой кошелёк и, возможно, выяснить что-то на счёт твоей сестры.

– Зачем тебе такая морока? – удивился паладин. – Что ты хочешь взамен?

– Сто крестовых, – быстро проговорил Бран. – Отдашь, когда вернём их тебе.

– Что ж, по рукам, – согласился тот. – И где мы всё это станем искать?

– Есть одно местечко, в дне пути отсюда. Мы отправляемся сразу после завтрака. Хочу только предупредить, что тебе стоит переодеться. Твои казённые сапоги и эта кольчуга выдают тебя с головой. Здесь, в Берложье, люди ещё ничего, но вот дальше не стоит оставаться в таком облачении. Да и твоей спутнице стоит найти что-нибудь попроще. Девушка в старье вместе с вооруженным человеком из Ордена производит неоднозначное впечатление. Не говоря уже о её рисунках на лице. Для вас же будет лучше, если вы будете казаться двумя обычными путниками.

– На что я куплю ей обновки?

– Я тебе одолжу, – он посмотрел на паладина и, понизив голос, добавил, – не хочу лишних проблем из-за вас двоих.

Узнав о том, что паладин и его спутница теперь составят им компанию в пути, Плутак был вне себя. Он долго просил, а потом и умолял Брана отказаться от такой затеи. Он уверял, что бешеный здоровяк, как он называл брата Корпа, обязательно попытается его убить, а потом, разумеется, предаст и самого Брана. Он очень убедительно приводил доводы, отчего не стоит доверять людям из Ордена. И, несомненно, был прав, но странник оставался непреклонен. Они отправлялись все вместе в Холодный Ручей, небольшое поселение, где часто бывал Скверный Даг. На постоялом дворе, который находился там, у Дага имелись какие-то связи и какие-то дела. Сам он был из тех людей, чьих знакомых не пересчитать. Говорили, что он даже водит дружбу с кем-то из Перебежчиков.

Перебежчики – это слово уже несколько лет было у многих на устах. Болтали, что в лесах у них есть самая настоящая крепость, что найти их самому нет никакой возможности. Говорили, они помогают желающим выйти из земель Ордена на восток через горные перевалы, опасные не только крутыми склонами, камнепадами, хищными зверями, но и отрядами Ордена, охраняющими эти переходы. Шептались, главарь у них – суровый старый следопыт, соглашающийся помогать не каждому и далеко не бесплатно. Те же, кому он отказывал, бесследно исчезали. В общем, много ещё чего слышал об этом Бран, но ни разу не встречал человека, который признался бы, что знаком с кем-то из Перебежчиков в лицо. Он подозревал, что эти люди попросту таились, и он не добился бы правды даже сейчас, отправившись к Волчьему Хребту. Именно поэтому появление паладина с его историей о пропавшей сестре показалось страннику особенно значимым. Интуиция говорила Брану, что судьба даёт ему в руки путеводную нить, за которую непременно нужно ухватиться.

Прежде, чем отправиться в дорогу, он улучил момент и отвёл Эднартайю в сторонку для разговора.

– Эда, все эти люди, что поедут с нами, не должны знать, что произошло в доме твоего отца и какая у нас с тобой цель, – предупредил он шёпотом.

– Зачем они едут с нами? – спросила она в ответ. – Этот странный господин. Я думала, мы избегаем людей из Ордена. Почему ты взял его с собой?

– Так нужно, он может помочь нам.

– А Плутак? Кто он такой?

– Его однажды нашёл твой отец. Раненого. Рядом с вашим домом. С тех пор мы оба пытались помогать ему, чем могли. Из-за слепоты он не может позаботиться о себе, – пояснил Бран. – Но несмотря на наше давнее знакомство и ему не следует доверять. Плутак – мошенник и вор.

– И ты тоже берёшь его с собой! – удивилась она. – Я слышала, как он сказал тебе "Агний Рун". Что это?

– Наш условный знак с твоим отцом, – коротко ответил Бран. – Тебе приходилось слышать это раньше?

– Не думаю, – неуверенно произнесла Эднартайя, хотя сильно сомневалась в собственных словах.

ГЛАВА 5. ХОЛОДНЫЙ РУЧЕЙ

После завтрака, который с учётом всех событий закончился позже запланированного, они выдвинулись в путь. Лошадей у них было три. Плутак ехал вместе с Браном, поскольку самостоятельно верхом не мог передвигаться, Иола – с паладином, а Эднартайя сама на собственной лошади.

Перед отправкой они купили у хозяина постоянного двора одежду для брата Корпа и его спутницы. Он всегда держал кое-какие вещи на продажу, зная, что время от времени на них возникает спрос. К нему порой приходили люди, выбравшиеся из самых разных передраг. Некоторые из этих передраг имели свойство весьма разрушительно действовать на облачение. Платье и плащ для девушки и сапоги с курткой для Корпа обошлись недорого. Все было сшито из простых тканей, но на совесть, а главное, их владельцы теперь выглядели как вполне заурядные путешественники. Эднартайя помогла Иоле привести в порядок волосы и заплела их в аккуратную и даже несколько замысловатую косу. Скрыть её причудливые рисунки на лице, к сожалению, не было никакой возможности, поэтому девушку попросили прятать лицо под капюшоном плаща в присутствии посторонних.

Первый день пути прошёл гладко. Погода стояла солнечная и тёплая, ехали они по лесным дорожкам, которые местами и вовсе превращались в оленьи тропы. Бран не торопил своих спутников, поскольку не был уверен в способности девушек переносить долгий путь. Временами они спешивались и шли, чтобы размяться и дать лошадям небольшую передышку. Через примерно равные промежутки времени делали привалы, во время которых Плутак оживлялся и начинал рассказывать разные смешные истории, которые, однако, никого особенно не веселили. Бран беззаботно устраивался у какого-нибудь дерева и отдыхал, прикрыв глаза, Эднартайя погружалась в задумчивость, Корп сурово молчал, а Иола хоть и слушала, но почти не реагировала. Она всюду следовала за паладином, словно тень, старалась держаться рядом и внимательно следила за всем, что он делал. На привалах она устраивалась возле него, только по его команде поднималась и послушно следовала всем его указаниям.

Поскольку путь их начался почти в полуденное время, он оказался непродолжительным. Когда солнце стало садиться, Бран нашёл место для ночлега. На небольшой поляне они развели костер и поужинали. Ночью договорились дежурить по-очереди, сначала Бран, затем Корп. Дождавшись, что все улягутся, странник затушил костёр.

– Это ещё зачем? – удивился паладин.

– В этих местах полно лихого народа. Нам не стоит привлекать их внимание к себе, – пояснил он.

Эднартайя некоторое время прислушивалась к недовольному ворчанию паладину на счёт огня, но потом незаметно для себя задремала. Та ночь пролетела для неё незаметно. Казалось, прошло всего лишь мгновение, как уже наступило утро. Для Эднартайи проснуться в предрассветных сумерках было чем-то совершенно непривычным. Она ощущала себя всё такой же уставшей, как и накануне вечером, но заснуть снова у неё не вышло. Её спутники ещё спали, паладин, дежуривший вторую часть ночи, занимался разведением огня. Девушка собрала постель, умылась водой из фляги и подошла к нему.

– Доброе утро. Можно сесть у огня? – спросила она. Брат Корп кивнул, не поднимая глаз.

Утренняя сырость пробирала насквозь, и Эднартайя благодарно подставила ладони теплу костра.

– Мне нужно называть тебя брат Корп? Или просто по имени?

– Лучше братом, так принято в Ордене.

– Давно ты служишь?

– Скоро двенадцать лет тому будет, – он посмотрел на собеседницу и нашёл в её взгляде неподдельный интерес.

– А как вышло, что ты попал в Орден? – поинтересовалась Эднартайя.

Корп рассказал, что его отец, некогда бедный человек, пришёл однажды в Орден просить милостыни. Настоятель выслушал его и дал небольшой участок земли в орденских владениях, на котором отец Корпа выстроил ферму. Ежегодно он отдавал часть урожая в Орден, а также, в счёт долга, он пообещал, что дети, которые появятся у него и его жены на свет, по достижению шестнадцати лет также будут принадлежать Ордену. Всего их родилось трое: Корп и две его сестры. Жили они хорошо, хоть и небогато. Орден никогда лишнего у них не брал, охранял земли от бандитов и в общем ничего, кроме блага, семья фермера от него не видела. Как и было оговорено, когда Корпу исполнилось шестнадцать, отец отвёл его в Орден, где крепкого и сильного юношу определили в солдаты. Его учили военному ремеслу и законам мира, какими их определил Всевышний. По прошествии пяти лет ему был присвоен ранг паладина — рыцаря-аскета, отрёкшегося от всего мирского, пожизненно состоящего на службе Ордена Хранителей Чистой Веры и беспрекословно исполняющего его волю.

Раз в год он возвращался в родительский дом, чтобы навестить родных и узнать об их делах. В каждый приезд Кара, младшая из сестёр, встречала его с особой искренней нежностью. Общение с ней давало ему столько тепла, что большую часть времени Корп стремился провести именно в её компании. И вот последний его приезд был омрачён новостью об исчезновении Кары. Её старшая сестра на тот момент уже приняла монашеский постриг, и девушку тоже готовили к вступлению на путь служения Ордену. Кара никак не выдавала своих намерений, и потому случившееся стало для членов семьи тяжёлым ударом.

Корп часто вспоминал младшую сестру и гадал теперь, где она и жива ли вообще. Возможно, отчасти поэтому, увидев связанную и несчастную Иолу, сидящую в клетке работорговцев, его сердце дрогнуло и он решился выкупить её. Он подумал, что, быть может, Высшим силам, увидевшим его поступок, будет угодно сжалиться и в награду послать добрых спутников и его сестре, о судьбе которой он молился ежедневно с тех самых пор, как она пропала.

Эднартайя слушала его внимательно, задавала дополнительные вопросы, сочувственно кивала, на её лице то появлялась улыбка, то выражение грусти, в зависимости от повествования. Корпу ещё никогда не приходилось говорить с кем-то вот так открыто. Он испытывал совершенно новые для себя чувства дружеского расположения и симпатии к едва ли знакомому человеку. А может быть, в этот нелёгкий момент жизни, ему хотелось почувствовать чьё-то участие.

– А что же ты? Куда направляешься? – спросил он в свою очередь.

– Мы путешествуем, – ответила она, почувствовав некоторую неуверенность в себе. Они так и не договорились о том, что следует отвечать на подобные вопросы. – С Браном.

– Он тебя охраняет?

– Да, именно, по приказу отца, – обрадовалась Эднартайя. – Он – мой проводник. А моего отца зовут Алвис. Ему принадлежит большое поместье...

– Я знаю поместье твоего отца. Его уважают в Ордене за добропорядочность, – ответил Корп. – Но мне никогда не доводилось встречать лично ни его самого, ни членов его семьи, так что извини, что не признал тебя.

– Я этого и не ждала, – она улыбнулась, хотя слова паладина вызвали в ней беспокойство. Эднартайя гадала, что же мог такого сделать её отец, если отношение Ордена к нему так изменилось.

– Опасный маршрут выбрал твой проводник, – заметил паладин. – Почему он не едет большими дорогами?

– Что за болтовня с утра пораньше, всех уже разбудили! – стал возмущаться Плутак, прервав их диалог и освободив Эднартайю таким образом от необходимости отвечать.

В тот день они двигались значительно быстрее. Бран обещал, что до заката они прибудут в место, где находится Скверный Даг, и он своё обещание сдержал. Солнце не успело ослабить

своего послеполуденного жара, когда они въехали в небольшой городок, один из многих подобных ему и ничем особенным не отличающихся. С восточной его окраины, можно были увидеть, как над макушками дальних лесов возвышаются в голубоватой дымке снежные пики Предела. Эднартайе раньше никогда не приходилось видеть эту легендарную горную цепь, окружавшую их землю неприступной стеной на севере и востоке от соседей. И хотя горы были больше похожи на мираж и выступали в дали лишь смутными силуэтами, это видение очаровало её. Но насладиться зрелищем ей не удалось.

Они спешно отправились в таверну, на пороге которой разделились. Бран попросил Корпа провести девушек внутрь и занять стол, находящийся в самом удалённом углу. Паладин выполнил его просьбу в точности. Втроём они устроились за тесным столом, загороженным от остального зала лестницей. Эднартайя со своего места могла, тем не менее, наблюдать за посетителями. Дородная служанка как раз принесла им напитки, когда на пороге появились Бран и Плутак.

Девушка видела, как странник вошёл в закопчённый зал, быстро осмотрелся и стал пробираться между близко стоящими друг к другу столами к одному из посетителей. Им был молодой мужчина, прилично одетый и чистый, ужинавший в одиночестве. Бран подошёл к нему, кивнул, что-то проговорил. Человек за столом явно узнал его, кивнул в ответ. Бран сел к столу, при этом не забыв ловко подставить табурет и Плутаку. Между ними завязалась беседа. Со стороны судить о теме разговора было крайне сложно. Лица собеседников оставались спокойными, как если бы они обменивались ничего не значащими новостями. Потом на какое-то время они замолчали, и Скверный Даг наклонился к столешнице, словно увидел в своей тарелке что-то весьма его взволновавшее. Бран толкнул Плутика в плечо, и тот зашарил руками по столу, как если бы что-то искал, а потом и вовсе нагнулся вниз под столешницу, но тут же снова вынырнул. Ужинавший вернулся к трапезе, а странник теперь выглядел довольным, но уходить не торопился. Они побеседовали ещё немного всё в той же легкой манере. Наконец, Бран поднялся и, кивнув на прощание собеседнику, отправился искать своих компаньонов. Плутак следовал за ним, стараясь не отставать.

– Опусть руку под стол, – сказал странник паладину, когда они вместе со слепым сели за стол. Брат Корп выполнил требование, и на его ладонь тут же лёг знакомый на ощупь кожаный кошелек, правда, заметно полегчавший.

– Мне кажется, тут не всё, – заметил он.

– Да, я предполагаю, около сотни, – ответил Бран. – Может, чуть меньше.

– А остальные?

– Будем считать, ты заплатил Дагу за одну услугу.

– Какую ещё услугу?

– Сейчас ты допьёшь своё пиво, и мы выйдем с тобой подышать воздухом. Снаружи нас будет ждать человек, который вербует людей для Перебежчиков, и который наверняка видел твою сестру, – довольно объявил Бран.

– И это за сотню? – возмутился паладин.

– Украденные деньги всё равно что потерянные, – напомнил странник. – У тебя не было бы и этого, если бы не я. Тем более, что не Даг их у тебя стащил.

– Тогда как он согласился их тебе вернуть?

– Он мне должен, – коротко ответил Бран. – Так что, ты идёшь со мной или будешь и дальше сидеть и ныть?

– Идём, – сдался брат Корп.

– Хорошо. Учти, ты – мой приятель, который ищет свою пропавшую сестру. Думаю, тебе понятно, что занят ты исключительно мирскими делами.

Судя по виду брата Корпа, у него ещё имелись доводы, которые он собирался использовать против своего оппонента, но Бран ему этого не позволил. Он просто поднялся из-за стола и

последовал к выходу. Паладину ничего не оставалось, как отправиться за ним. В конце концов, деньги были уже заплачены, и было бы глупо их просто потерять.

Им пришлось ждать довольно продолжительное время в назначенном месте человека, о котором говорил Скверный Даг. Погода тем временем быстро менялась, набежали тучи, и ясный тёплый вечер превратился в мрачное преддверие грозовой ночи. Странник уже стал подумывать, что стоит поискать какое-то более укромное место, пока не начался дождь и не застал их врасплох, когда в сумеречном свете появился мужчина и направился к ним. Он приблизился, приветливо кивнул и сделал жест рукой, приглашая следовать за ним. Они прошли в сторону от таверны и остановились под навесом стойла при местной кузне. Здесь было безлюдно и тихо. Провожатый встал так, что тень полностью скрыла его лицо. Но даже если бы брату Корпу удалось рассмотреть его, что он и пытался сделать, то ничего особенного он не смог бы для себя отметить. Перед ним был человек самый обычный и настолько ничем не примечательный, что паладин вряд ли смог бы в дальнейшем распознать его среди многих других людей.

– Кого ищете? – без эмоций спросил незнакомец. Бран посмотрел на паладина, ожидая, что тот начнёт говорить. Но последний почему-то молчал и пауза затягивалась.

- Сестра моего друга пропала. Зовут Кара, – ответил странник.

– Очень редкое имя, – иронично заметил собеседник. – Что-нибудь более запоминающееся у неё было?

Наконец, в разговор вступил Корп и принялся описывать внешность своей сестры. Он подробно обрисовал черты её лица, цвет глаз, волос, манеру говорить и даже попытался предположить сроки, в которые она могла бы появиться в стане Перебежчиков.

– Похоже на Кайлу. И по времени подходит, и по описанию внешности. Мы встретили её на дороге, в этих землях. Опасное занятие для девушки – бродить в одиночку в наши дни. Хотя с таким твёрдым характером и подобной решительностью это предприятие становится вдвое менее опасным, – незнакомец тихо рассмеялся. – Она нам прямо заявила, что искала именно нас, знает, кто мы и собирается добраться до лагеря в нашей компании или самостоятельно. Денег у неё было всего-то на пару Крестовых общим счётом медяков. Само собой, мы ничего с неё не взяли и отправили с нашими людьми в лагерь. Сейчас она уже должна быть там.

- Как бы нам увидеться с ней? – спросил Бран.

– Да, пожалуй, никак, если только вы не собираетесь насовсем остаться в лагере или махнуть на ту сторону.

– Положим, именно это у нас в планах и есть.

– А ты в курсе, что это путь в один конец? – спросил таинственный собеседник.

– Я в курсе, что ваши люди для каждого назначают свою цену за преодоление Предела и никогда не дают никаких гарантий. И меня это вполне устраивает, – ответил Бран.

– Ну что ж, хорошо. Завтра со вторыми петухами буду ждать вас на этом самом месте. Расскажу, где можно встретить наших патрульных. Они проведут вас в лагерь, а оттуда уже поведут к Пределу. Если, конечно, сможете с ними договориться.

– Сможем, – сказал странник.

Они стали расходиться, и брат Корп пошёл впереди. Связной быстрым движением поймал Брана за рукав куртки и, удержав на мгновение, тихо произнёс скороговоркой: "На заре придёшь один, захвати карту, если имеется".

Они вернулись в таверну, чтобы расположиться на ночлег. В зале постояльцев было немного, но хозяин заверил их, что свободных комнат нет. Было это правдой или он преследовал какие-то свои цели, осталось неизвестным. Однако, он посоветовал им дом на окраине, хозяева которого охотно пускали к себе за небольшую плату. Туда Бран и повёл свою компанию.

Дом оказался небольшой, старый, но вполне приличный. Владела им пожилая супружеская пара. Комната для гостей у них была одна, зато при доме имелась баня, которую хозяин охотно согласился растопить. Девушки заняли её первыми и пропали там надолго. Вернулись они

довольными, благоухающими свежестью и словно преображёнными. Когда настала очередь мужчин, Плутак так долго упирался, что Брану пришлось его буквально силой тащить в баню. Корп отправился молча, но особенного энтузиазма тоже по этому поводу не проявил. Он явно смущался, был скован и хмур, в отличие от странника, который с явным удовольствием устроился на лавке, предоставив пару возможность хорошенько прогреть и расслабить его уставшие мышцы. При этом он искоса посматривал за Плутом, давая ему команды не халтурить. "Давай-давай, натирайся получше, а то не позволю тебе рядом с девушками лечь", – посмеиваясь, говорил он. При этих шутках паладин начинал недовольно сопеть и ещё больше хмуриться. Бран не мог не замечать этого, но демонстративно не обращал внимания и продолжал шутить в том же духе.

По возвращении в дом они обнаружили, что девушки не ложились и сидели вместе со старухой-хозяйкой за столом. Вид у них был серьёзный и загадочный, на столешнице перед ними был расстелен цветастый платок, на котором в хаотичном порядке лежали некие деревянные, с вырезанными на них загадочными символами, кругляши. Все три женщины были так поглощены рассматриванием кругляшей, что не обратили никакого внимания на вошедших.

– Это решение для тебя, как перекресток дорог, девочка, – сказала старуха, поднимая взгляд на Эднартайю. – Оно в любом случае всё в твоей жизни перевернёт, и однозначно правильного варианта тут нет. Выберешь его – тебя ждёт много переживаний, не выберешь – будешь всю жизнь жалеть и вспоминать.

– Ого, да это же руны, – вмешался Бран, глядя на стол. Хозяйка взглянула на него и быстро сгребла кругляши со стола в мешок.

– Бросить для тебя? – спросила она, перемешивая их.

– Давай, – живо согласился он и подсел к столу. Паладин с демонстративно недовольным видом прошёл мимо них в угол, где были сложены матрасы для сна, и стал устраиваться.

– В тебе много силы, – сказала хозяйка, глядя на рассыпанные по столу руны. – Только ты боишься её. Да, в тебе сидит большой страх. Он тебе мешает и в ближайшем будущем станет для тебя серьёзным препятствием.

– Это и без богохульных этих деревяшек ясно, – тихо пробурчал брат Корп в своём углу.

– И всё? – удивился Бран с весёлой улыбкой. – А как же про любовь рассказать?

– А тут про неё ни слова, – серьёзно ответила женщина. – О какой любви может быть речь, когда ты ни о чём другом думать не можешь, кроме как о своём страхе.

– Как-то не слишком весело, – заметил Плутак. – Может, лучше мне?

– Садись, – согласилась старуха. Она снова собрала кругляши и повторила свои действия с ними. Брат Корп из своего угла смотрел, как старуха, словно хищная птица над добычей, нависает над столешницей, как она пристально всматривается в маленькие деревянные фигурки, и от этого ему было не по себе. Будто это его судьба сейчас зависела от её слов и решалась. В конце концов, он не выдержал и отвернулся к стенке. Старуха долго вглядывалась в выпавшие руны, хмурилась, доставала новые, снова вглядывалась. Наконец, она просто собрала их в мешочек, крепко его завязала и забрала со стола скатерть. – Береги себя.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив молодых людей в некотором недоумении.

– Суровая дама, – произнёс Бран после минутного молчания. – Иола, а тебе она что сказала?

– Иола тут единственная, кому была обещана любовь, – произнесла Эднартайя с усмешкой.

– Ну хоть кому-то что-то хорошее пообещали, – хмыкнул странник. – Ладно, девчонки, не принимайте близко к сердцу, это всё байки. Никто кроме вас самих не может вашу жизнь устроить. Давайте лучше ложиться спать. Завтра снова ранний подъём.

И хотя все они охотно согласились со словами Брана, на душе у каждого остался неприятный осадок. Больше они не шутили и даже не разговаривали друг с другом, быстро постелили себе и легли.

Лес гудел тревожно под порывами ветра, шумела листва, трещали сучья и ветки, скрипели могучие стволы. Он словно дышал, перешептывался. Слушая его ночную песнь, Эднартайя всё

глубже зарывалась под покрывало. Ещё пару дней назад её жизнь была такой простой и понятной, её окружали знакомые любимые ею люди, и весь мир словно улыбался ей. А теперь она находилась далеко от дома, в компании проходимцев и бродяг. Слева от неё, завернувшись в покрывало по самые уши, спала Иола. Эта странная молчаливая девушка, из которой и слова не вытянуть, как ни пытайся. Справа, заложив руку за голову, спокойно спал Бран. Сейчас он казался ей совсем незнакомым и чужим, словно она никогда его раньше не знала.

Эднартайя приподнялась, чтобы посмотреть на него, но её внимание отвлекло какое-то движение за окном, ставни которого так и оставили на ночь распахнутыми навстречу лесу. Эднартайя бросила взгляд на оконный проём и чуть было не вскрикнула от ужаса. Там, снаружи ей почудился тёмный силуэт. Ещё мгновение, и его не стало. Девушка быстро легла и по примеру Иолы натянула покрывало до самых ушей. Дрожа от страха, она пыталась думать о том, что в доме, как минимум, два человека, которые не дадут её в обиду, что всё это ночные миражи и глупые видения. Так, успокаивая себя, она и задремала.

Корп долго ворочался с боку на бок. Он был так возмущён и раздражён, что сон никак не шёл к нему. Приходилось делить крышу не только с разбойниками и ворами, но ещё и с отвратительными святотатцами, оскорблявшими самого Всевышнего своими гнусными попытками заглянуть в его планы. Но постепенно праведный гнев стал отступать, освобождая место сну, и Корп увидел её. Она явилась ему такой, какой он встретил её в последний раз. Нежное юное лицо, светлое и чистое, в обрамлении вьющихся каштановых волос выражало тревогу и тоску, и во всей её небольшой фигурке, такой стройной и статной, натянутой струной звенело едва сдерживаемое напряжение. «Братишка, не бросай меня, мне так плохо! Так плохо! Не бросай, умоляю, у меня больше никого нет», – проговорила она со слезами в голосе. «Кара!» – позвал паладин и проснулся от звука собственного голоса.

За окном была глубокая ночь, шумел дождь, в доме все спали. Он лежал, слушая, как снаружи шлёпают по лужам капли дождя. Слушал и ждал, пока успокоится разбушевавшееся сердце. И вдруг он услышал голос, повторявший его имя. Этот голос он не спутал бы ни с каким другим, тем более, что лишь мгновение назад слышал его во сне. Паладин быстро выбрался из-под покрывала, встал и, подойдя к окну, выглянул в темноту ночи. Но стоило ему это всё проделать, как голос умолк, и всё, что он мог услышать, это шум леса и всё тот же шёпот дождя.

– Праткорп, что такое? – тихо позвала его Иола. Она сидела на своей постели, вглядываясь в смутный силуэт паладина на фоне окна. Он посмотрел на неё и на мгновение замер, когда в её чертах ему померещился образ Кары, его сестры.

– Иола? – неуверенно произнес он.

– Да, – отозвалась девушка. Морок рассеялся, и паладин облегчённо вздохнул. Он подошёл и присел рядом с ней. – Особый сон?

– Особый сон? – переспросил он.

– Да, сон, важный, видишь знаки, люди, что будет, – пояснила она.

– Возможно, – паладин потер лицо руками. – Непростая ночь.

– Всё хорошо, Праткорп, – сказала Иола. Её маленькая тёплая рука легла на его запястье.

Паладин ощутил, как от этого прикосновения по его спине пробежала огненная волна, поднялась к голове и жаром разлилась по щекам.

– Спасибо, но ты лучше спи, нам ещё ехать, далеко, – невпопад проговорил он и, не решаясь прикоснуться к её руке, осторожно высвободился и вернулся на своё спальное место. После этого он снова долгое время не мог уснуть, но теперь уже по другой причине. Он всё прислушивался, пытаясь уловить дыхание Иолы и понять, спит ли она. Его тешила мысль, что, быть может, ей тоже не спится, и она тоже думает об этом мгновении, вдруг невероятным образом соединившем их.

Отец Кверн по своему обыкновению работал до позднего часа. Он планировал покончить с делами и сразу же отправиться на ночную мессу, которую было невозможно представить без его

присутствия. И хотя за его плечами остался длинный день, никакой усталости он в себе не ощущал. Он уже привык чувствовать себя в гуще событий, привык, что такое количество вопросов ожидало именно его решения, что столько судеб зависело от него. Ему не составляло труда заниматься несколькими задачами одновременно. Его память была в прекрасной форме, а внимательности оставалось только позавидовать. Вот и сейчас, читая свиток, он краем глаза заметил смутное движение тени в дальнем конце комнаты. Приор отложил свиток и поднял голову.

– Чем обязан незваному гостю? – поинтересовался он невозмутимым тоном. Посетитель сделал шаг вперёд и показался в слабом круге света от настольной лампы. Приор позволил себе чуть заметную улыбку. – Какая неожиданная встреча. Прошу, присаживайся.

Он указал жестом на свободный стул, что стоял напротив него, по другую сторону от стола. Гость, а точнее, гостья заняла предложенное место, лёгким движением расправив складки чужестранного платья. Слишком откровенного и броского, чтобы можно было появиться в нём в подвластных Приору землях.

– Ты совсем не удивлён, святой отец, – проговорила она.

– Во-первых, здравствуй, – сказал он, позволяя себе немного расслабиться и отвлечься от дел, которыми занимался в течение всего вечера. – Мы давненько не встречались, а в таких случаях положено первым делом поприветствовать друг друга и поинтересоваться о здоровье. А ведь, судя по твоему виду и появлению, для тебя с нашей прошлой встречи прошло куда больше времени, чем для меня.

– Мне незачем спрашивать тебя о здоровье. То, что происходит, даёт мне право считать, что с тобой всё в полном порядке, – голос гостьи звучал сталью, за которой она, быть может, пыталась скрывать своё напряжение или волнение. Впрочем, никаких других признаков её неуверенности Отцу Кверну заметить не удалось.

– Значит, всё идёт по плану, – довольно произнёс он и откинулся на спинку кресла.

– Зачем тебе эта война? – спросила она нетерпеливо. – Там гибнут люди. Невинные люди...

– Невинных людей не бывает! – покачал он головой. – Или твои учителя тебе этого не говорили? Каждый получает предназначенную ему меру.

– Не тебе об этом судить.

– Ты всё ещё не понимаешь, – Отец Кверн вздохнул. Его пальцы отбили неторопливую дробь по столешнице. – Ваше чародейство, как старый травяной настой, давно превратившийся из лекарства в яд. Его давно пора выбросить, но вместо этого вы продолжаете его подливать несведущим людям и смотрите, как они мучаются в жуткой агонии. Может быть, вас это забавляет, меня нет. Я в своё время видел достаточно, чтобы понять, что с этим следует делать.

– Ты сбежал на полпути, – напомнила она. – Что ты мог видеть?

– Я прошёл хотя бы половину, а ты лишь треть. Кто видел больше? – улыбнулся он. – Ты радуешься всем этим фокусам, но даже не подозреваешь, что за ними скрывается. Оттого такая смелость.

– Значит, из-за своих страхов ты готов лишать людей свободы и жизней?

– Ты знаешь, что такое Агний Рун? – спросил Приор, глядя гостье в глаза. Не дожидаясь ответа, он сразу же продолжил. – Это проклятие, принесённое к нам из чужих земель. Некоторые думают, что с его помощью можно получить силу и даже вечную жизнь, но всё, что им уготовано, – это бесконечные страдания. И я делаю то, что должен. Спасая от него людей. Жаль, что я не сумел вовремя спасти тебя.

– Спасти меня? – на этот раз ей не удалось сдержать эмоции, и на её лице появилось возмущение.

– Представь себе, – по-отечески улыбнулся он. – Спасти, как и многих других, чьи жизни чуть не погубило это ваше знание. Ведь есть нечто большее, чем смерть тела. Я о тех муках, которые испытывают души заклинателей, не способные обрести покой веками. Тебе ведь приходилось с ними встречаться, уверен.

– Не всех ожидает подобная участь, – возразила она.
– Как знать.
– Значит, мы не сможем договориться, – гостья встала со своего места, гордо подняв голову.
– Не сможем, – подтвердил Приор. На лестнице послышались торопливые шаги секретаря.
Отец Кверн легко узнал их. В дверь постучали.
– В таком случае, прощай, святой отец, – она отступила в тень угла и растворилась в ней.
Отец Кверн какое-то время смотрел в том направлении, где ещё мгновение назад стояла его гостья, а потом произнёс: "Да, заходи". Дверь приоткрылась, и в проёме показалось взволнованное лицо его секретаря.
– Ваше святейшество, – проговорил секретарь. Он беглым взглядом окинул комнату, и было ясно, что он пытается увидеть собеседника Приора, голос которого слышал из-за двери.
– Я один, – желая прекратить его попытки, сказал Отец Кверн. – В чём дело?
– Велено докладывать. Охранники сообщили, что в камере заключённого Алвиса они слышали женский голос, но когда пришли, заключённый был один.
– Всё в порядке. Можешь сказать охране, что беспокоиться им не о чем. Гостья больше не вернётся, – ответил Приор, возвращаясь к своему свитку.

ГЛАВА 6. ЛАГЕРЬ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

Связной ждал его у кузни в тот ранний час, когда слёзы ночи ещё блестели на траве в первых проблесках зари.

– Карту принёс? – вместо приветствия спросил он. Бран кивнул и протянул ему свиток. Связной сел на лавочку, стоявшую у стены здания, и расстелил на ней карту. – Смотри, пойдёшь вот таким путём. Запоминай.

Он стал водить грубым пальцем со сбитым ногтём по рисунку местности, выписывая кривые.

– Здесь ваш пункт назначения, – он ткнул в место, где были часто прорисованы ёлки.

– Напрямую туда не пройти? – удивился Бран.

– Слушай, парень, я только в виду твоего знакомства с Дагом согласился показать маршрут.

Так что делай, как я тебе говорю, – недовольно огрызнулся связной. Странник согласно кивнул, догадавшись, что его собеседник хочет запутать маршрут из-за брата Корпа.

– Что в этом месте? – спросил он.

– Ничего. Чаща. Побродите немного там, патруль Перебежчиков сам вас найдёт. Их ни с кем не спутаешь. Они тебе скажут, что лес сегодня больно шумный. А ты ответишь, видно, топора просит. Всё понял?

– Да, – кивнул Бран. Связной скрутил карту и протянул ему.

– Удачи не желаю. Вряд ли ваша компашка долго протянет с этим паладином, – он тихо хохотнул и ушёл.

Странник вернулся в дом к завтраку. Он сообщил, что маршрут ему известен и можно ехать. Корп с видимым усилием сдержал своё недовольство, но дело требовало терпения, и он терпел выходки Брана. Пока ещё терпел.

Дорога обещала занять около двух дней пути и лежала вглубь лесов, уходивших на север, к подножию гор. Здесь росло много елей и высоких могучих сосен. Подлесок был куда темнее и уже не выглядел таким приветливым, как в тех местах, откуда недавно приехали компаньоны.

Дважды Бран замечал в стороне от тропы старые придорожные каменные кресты. Теперь их осталось мало, лишь в какой-нибудь глуши, как та, что они сейчас пересекали. Остальные были снесены Орденом как старые языческие знаки племён, некогда обитавших в этих землях.

Несколько раз тропу пересекали следы лошадиных подков. Они были свежие, оставленные на земле уже после ночной грозы.

Тем вечером путники остановились на ночлег раньше обычного. Солнце стояло ещё высоко и можно было продолжать путь, но странник стал настаивать, что время для привала уже пришло. Место было выбрано удачное, на небольшой полянке. Неподалёку протекал ручей, в котором они набрали воды, чтобы умыться и напоить лошадей. Разведя костёр, стали распаковывать вещи, когда Бран объявил, что необходимо насобирать побольше хвороста. Он сказал, что всю ночь потребуются поддерживать огонь в костре, так как в лесу может быть полно хищников, которых нужно отпугивать. Никто ничего не успел на это ответить, как он уже скрылся за деревьями. Путешественники переглянулись и вернулись к своим занятиям.

Единственная, кому всё это показалось странным, была Эднартайя. Даже усталость не смогла помешать её любопытству. Она улизнула от компаньонов и быстро пошла в том же направлении, куда ушёл Бран. Под пологом леса было темнее, чем на поляне, а стволы деревьев закрывали обзор. Она последовала за странником почти сразу же и думала, что успеет заметить его, но он исчез удивительным образом. Девушка брела, интуитивно выбирая маршрут, пока вдруг не обнаружила, что заблудилась. Она не могла определить, в какой стороне находится место их стоянки, сколько ни осматривалась. Прислонившись к дереву, она стала размышлять, что делать дальше: идти вперёд или звать на помощь.

– Эда, – голос Брана прозвучал совсем рядом, и она даже ахнула от неожиданности. Странник вышел из-за соседнего дерева. Вид у него был недовольный. – Я всё ждал, что ты, наконец, остановишься и вернёшься, а мне не придётся тащиться следом.

– А зачем ты шёл за мной? Ты что, следил?

– Нет, это ты пыталась следить за мной, но, поскольку ты не знаешь местности, то совсем заблудилась, – он смотрел на неё строго, но в его глазах плясали лукавые огоньки, и девушка невольно прыснула смешком. Бран сдался, – ладно, идём уже. Если солнце сядет, в темноте мы точно не найдём дороги.

Бран быстро пошёл вперёд, но только в ином направлении, чем перед этим двигалась девушка. Эднартайя решила, что они возвращаются обратно к стоянке, поэтому удивилась, когда спустя некоторое время они выбрались на небольшую поросшую мхом поляну, на которой стоял остов старого деревянного дома. Странник остановился и молча созерцал развалины. Вид у него был весьма разочарованный.

– Что это за место? – решила подать голос Эднартайя.

– Хранилище, – отозвался Бран.

– Что здесь могло храниться? Мне это больше напоминает сгоревший дом.

– Точнее, сожжённый дом, – поправил странник.

Он обошёл горелый остов по кругу, пару раз налёг плечом на некоторые балки, проверяя их крепость. Пробравшись к центру развалин, он раскопал пепел на крышке подвала и, откинув её, с осторожностью полез вниз. Девушка не решалась следовать за ним и ждала у края, пока из люка вновь не появился Бран, теперь уже изрядно покрывшийся пылью и державший под мышкой некий сундучок. Этот сундучок оказался не заперт, а внутри него хранился лишь кусочек бумаги.

– Проклятье, – недовольно высказался странник.

– Может быть, ты всё-таки объяснишь мне хоть что-то? – напомнила о себе Эднартайя. Он смерил её взглядом, встал и принялся отряхиваться.

– В этом доме твой отец хранил некоторые ценные для него бумаги, которые я должен был забрать в случае беды, – пояснил Бран.

– В доме посреди леса? Надёжное место!

– Дом охранялся, – коротко ответил странник, игнорируя её иронию. – Найти к нему дорогу мог бы далеко не каждый.

– Но кто-то ведь нашёл.

– Да, и этот кто-то не случайный человек. Если человек вообще.

– Как-то мне от таких объяснений не по себе, – пожаловалась она.

– Да, есть чего испугаться, – согласился Бран. – Дом, на развалинах которого мы сейчас с тобой сидим, стоит в особом месте. Только люди с некоторым талантом смогли бы отыскать к нему дорогу.

– Следопыты? – предположила она.

– Вроде того, – странник улыбнулся. – Они здесь побывали и кое-что нам оставили.

– Ты про этот обрывок?

– Да, это записка, – серьезно ответил он и развернул перед ней клочок листа, на котором красивым аккуратным почерком было выведено: "Агний Рун, Альмандин".

– Альмандин? – удивленно проговорила Эднартайя. – Это же город из сказок.

– Не совсем, город существует и находится по ту сторону Предела. И, кстати, именно туда мы с тобой и направляемся.

– Ты сейчас серьезно?

– Конечно. Там мы будем в безопасности от преследований Ордена. Перебраться будет не просто, горные хребты охраняются. Но есть люди, которые могут нам помочь. Они называют себя "Перебежчиками". Никто точно не знает, где находится их лагерь, они тщательно скрываются, потому что Орден ищет их. Они занимаются неудобными ему делами, в том числе, помогают желающим выбраться из орденских земель. А таких желающих немало.

– Почему?

– Разные причины. Скажем так, не всем нравится жить под жёстким контролем.

– Так как же мы найдём этих Перебежчиков, если никто не знает их местонахождения?

– Есть способы, – туманно ответил Бран. – В этом ты можешь спокойно положиться на меня.

– Выходит, отец хотел, чтобы ты забрал меня с собой в этот Альмандин, считая такой исход дела более безопасным для меня? – подвела итог девушка. – Причём здесь я?

– Я не знаю, Эда. Просьба твоего отца сопроводить тебя в Альмандин была не менее неожиданной для меня, чем для тебя. Он сказал мне об этом всего за несколько минут до того, как отправил тебя вверх, собирать вещи. Но раз он так решил, значит, это не лишено смысла.

– Эти люди, что оставили здесь записку, забрали свитки и сожгли дом, похоже, ещё и ваш условный знак знали, – она ткнула изящным пальчиком в клочок бумаги, который Бран по-прежнему держал в руках. – Разве это не похоже на ловушку?

– Всё может быть, но выяснить мы это сможем только на месте. В любом случае, это не опаснее, чем оставаться здесь, – он заглянул в глаза девушки и взял её за руку. Ладонь у него была теплая, и Эднартайя ощутила знакомое нежное чувство, снова вспыхнувшее в ней. Странник ласково ей улыбался. – Не бойся ничего, Эда, я буду рядом. А сейчас пойдём-ка обратно. Нам ещё для видимости нужно побольше хвороста насобирать. И смотри, ни слова никому об этом всём.

Когда они покинули поляну, из-за дерева появилась женская фигура в синем платье. словно тень, легко и бесшумно, скользнула она за одну из больших сосен, стоявших на окраине опушки, и бесследно исчезла.

Ночь прошла спокойно и день тоже. После полудня начали собираться тучи, и Бран надеялся, что патруль Перебежчиков они встретят раньше, чем начнётся дождь. Возможно, благодаря его горячему желанию, а может просто по закономерности, но патруль вскоре появился. Пятеро вооружённых луками мужчин бесшумно, словно призраки, вышли из чащи им навстречу и остановились, преградив путь. Все они были облачены в одежду свободного покроя, под которой угадывалось наличие брони. Она имела серо-коричневые цвета, которые, перемежаясь пятнами и полосами, представляли собой рисунок, похожий на окраску лесных зверей. Бран обратил внимание, что их обувь, сделанная из кожи, имела мягкую подошву, которая позволяла им

двигаться по земле особенно тихо. Волосы у них были убраны под шапки в цвет одежды, лица вымазаны глиной и землей.

– Вы заехали в частные охотничьи угодья. Что вам здесь надо? – спросил один из мужчин. Наконечники стрел его соратников уже смотрела на непрошенных гостей.

– Мы идём к горе, – спокойно проговорил Бран, поднимая руки. – Слышали, есть в этих местах добрые люди, готовые помочь желающим оказаться по другую сторону.

– А кто вы такие? И от кого узнали об этом?

– Приятель моего друга в Холодном Ручье рассказал нам. Оттуда и пришли, – на эту фразу патрульный хмыкнул и посмотрел на макушки деревьев наверху.

– Лес сегодня больно шумный, – произнёс он.

– Должно быть, топора просит, – сказал Бран. Патрульный поджал губы и покачал головой.

– Должно, – он кивнул своим людям и те опустили луки чуть вниз, но стрелы оставили наготове. – Поедете с нами, разберёмся с вашим вопросом.

Двое пошли вперёд, а трое пристроились в арьергарде, следя за путешественниками. Они углубились в лес и долго плутали по нему. Паладин, всё это время тщательно следивший за маршрутом, потерял ориентиры. Он, конечно, выбрался бы, особенно ориентируясь по солнцу или звёздам, но в тот момент небо совсем заволочло тучами. В конце концов, он оставил свои попытки и принял решение дожидаться ясного неба.

Наконец, впереди показалось укрепление Перебежчиков. Брат Корп предполагал увидеть что-то наподобие лагеря с шалашами и палатками, но его глазам предстало совсем иное зрелище: высокий земляной вал, укрепленный деревянными заостренными кольями, торчащими в разные стороны, словно иголки ежа, и толстыми брёвнами частокола.

Патрульные сделали знак часовым на стене и повели путников внутрь. Их попросили идти по одному, друг за другом, передав лошадей одному из провожатых. Чтобы попасть внутрь городища, им пришлось подняться по деревянному настилу через ров и войти в ворота бревенчатой башни. Перед ними возвышалась ещё одна стена частокола, ворота которой служили входом внутрь укрепления. Здесь стояло множество деревянных жилых домов. Ходили люди, женщины и мужчины, занятые своими повседневными делами.

Корп был удивлён. Ему ни разу не приходилось видеть ничего подобного и даже в голову не могло прийти, что на землях Ордена может находиться такая основательная фортификация, не принадлежащая Хранителям. Он старался запомнить все детали и подробности постройки, чтобы потом рассказать о них Приору. Случайно он встретился взглядом с Браном и по выражению лица странника понял, что тот всё это время наблюдал за его реакцией. Паладин попытался изобразить на лице полную безучастность.

Их провели в одно из зданий и надолго оставили в небольшой комнатке чего-то ждать под присмотром охранника. Плутак полусёпотом постоянно задавал вопросы Брану. Пожалуй, ему приходилось сложнее остальных. Он ничего не видел и сгорал от любопытства, хорошенько смешанного со страхом. Понимая всё это и пытаясь быть терпеливым, странник отвечал, описывая место и то, что происходит вокруг. Впрочем, никто не возражал против их диалога. Остальные участники компании были только рады этой небольшой активности, которая хоть немного снимала напряжение момента.

Наконец, за ними пришли и повели вглубь дома. Местом назначения оказалась комната с небольшими окошками по одной стене, в которой за длинным столом расположились трое мужчин. Похоже, они были здесь давно и уже порядком устали. Судя по их ссутуленным спинам, сидели они много часов. Тот, что выглядел самым старшим из них, крупный и несколько располневший бородач, внимательно осмотрел гостей.

– Я – староста этой крепости. Зачем пришли и кто такие?

Бран выступил вперёд и начал своё повествование. Он коротко описал историю каждого из путников, не вдаваясь в личные подробности. Плутика и Эднартайю представил как своих друзей,

которые вместе с ним хотят уйти в земли за Пределом, чтобы спастись от Ордена. Повадал историю Корпа, ищущего сестру, и освобождённой из плена работорговцев Иолы.

Выходило у него всё гладко, и стоило признать, что рассказчик он замечательный. Корпа попросили описать внешность сестры, и он повторил всё то, что рассказывал связному. Здесь вмешался Бран и от себя добавил историю о том, как они повстречали связного и его слова на счёт девушки и предположительной смены ею имени. Бородач всё выслушал и сделал некий знак человеку у дверей. Тот поспешно вышел.

– Значит, хотите уйти? Что ж, это можно. Но за услуги наших проводников придётся заплатить, – сказал Староста. – Они проведут вас к Волчьему хребту. А дальше вы пойдёте сами. Мы гарантируем только дорогу до него, но и это большое подспорье. Орден сторожит самые предгорья. Только наши лазутчики знают безопасные тропы. И всякий день эти тропы разные.

– Меня это устраивает, – ответил странник.

– Кроме того, это путь в один конец. Надеюсь, вы понимаете, что мы не занимаемся двусторонней переправой. Никто не станет вас тут ждать и встречать, если что-то у вас не выйдет, – Староста внимательно смотрел на Брана. Тот снова согласно кивнул. – Когда доберётесь до Волчьего хребта наши люди укажут вам тропу, которой нужно держаться, дальше вы пойдёте сами. Это путь в несколько дней, так что советую хорошенько подготовиться, взять припасы и тёплую одежду.

– Её можно у вас купить?

– Да, наши женщины шьют плащи, платья, сапоги – всё, что нужно. Вас проводят к ним, и они помогут. Учтите, мы не торгаши. Цена, которую они назовут, обсуждению не подлежит, – когда он закончил, в комнату вошёл человек и стал что-то тихо говорить Старосте. Тот кивал. Выслушав всё, он обратился к Корпу, – твоей сестры тут нет. Девушка, похожая на ту, что ты описал, ушла через перевал неделю назад.

– Куда ушла? – изумился паладин. Такого поворота событий он не предвидел. Он был уверен, что найдёт Кару тут, и уже представлял, как они будут возвращаться вместе в Орден.

– Она ушла с группой людей, отправившихся в Альмандин.

– В Альмандин?

– Что, дальше, чем ты рассчитывал? – засмеялся Староста.

– Да, – признался Корп. – Это долгий путь, а меня дома ждёт семья.

Бран внутренне улыбнулся, услышав такую легенду.

– Это меня не волнует, – заметил Староста. – У нас здесь не перевалочный пункт. И не библиотека, чтобы информацию собирать. Ты либо идёшь со своими компаньонами дальше, либо остаёшься с нами насовсем.

– Мы можем посоветоваться? – вмешался Бран.

– Можете. Вам так или иначе придётся задержаться у нас в гостях. Наши следопыты вернутся только завтра к полудню, так что раньше послезавтра вам отсюда никуда не деться. Завтра ещё поговорим с тобой о вашем деле, а пока можете отдохнуть.

– Где мы можем переночевать? – спросил странник.

– Вас проводят на сеновал.

На этом аудиенция была окончена. Провожатый, мрачный, бедно одетый мужчина, показал им дорогу к конюшне, в которой уже отдыхали их лошади. Там, над стойлами, располагался сеновал, где и было разрешено разместиться путникам.

Эднартайя выбрала себе место в стороне от своих товарищей по приключениям и устроилась на походном покрывале. На этот раз она слишком устала от дороги и дождевой сырости, чтобы обращать внимание на копошащихся где-то с сухой траве мышей. Укрывшись плащом, она пыталась согреться. Внизу послышались шаги, затем кто-то поднялся по приставной лестнице и стал подбираться к ней по сену. Девушка выглянула из-под плаща и в тусклом свете

увидела Брана. В руке он держал глиняный горшок, замотанный в полотенце. Устроившись рядом с ней, он приглашающе кивнул.

– Что это? – спросила она.

– Жаркое, – тихо ответил странник. – Давай, у меня тут хорошая порция и две ложки.

– Я, наверное, не хочу.

– Не капризничай, ты просто устала, и тебе нужно поесть, – он пододвинулся чуть ближе.

Эднартайя села, взяла ложку и начала есть. Жаркое аппетитно пахло, и на вкус оказалось превосходным.

– По-моему, я ничего в жизни вкуснее не ела! Где ты его раздобыл?

– У одной доброй женщины на кухне. И вот это тоже тебе, – он протянул ей свободной рукой флягу.

– А это что? – недоверчиво спросила девушка.

– Эликсир силы, – смеясь, сказал Бран. – Только пей залпом.

Эднартайя сделала глоток и закашлялась. Крепкий напиток, словно огнём, опалил её горло.

– Вот и отлично, этого вполне достаточно, – странник забрал у неё флягу и тоже отпил.

Голова у девушки закружилась и вскоре её потянуло в сон. Когда с едой было покончено, Бран убрал горшочек подальше вместе с флягой, снял куртку и расстелил рядом с покрывалом девушки. Она недоверчиво уставилась на него.

– Ты что? – спросила она.

– Не бойся, ложись уже, – снова посмеиваясь, ответил он. Эднартайя опасливо устроилась на своём месте. Тогда странник повернулся к ней и обнял.

– Бран! – воскликнула она. – Что ты делаешь?

– Успокойся, – мягко произнес он, укутывая её свободным краем покрывала и привлекая к себе. – Между нами полно всякой одежды и даже покрывало. Тебе нужно согреться и расслабиться. Вот я тебя и согреваю. Можешь спать спокойно, тебе никто не угрожает, в особенности я.

Эднартайю эти слова явно успокоили. Она замолчала, но надолго её не хватило.

– Бран? – позвала она шёпотом. – Этот Староста, кажется, не очень нам поверил?

– Почему ты так решила? – поинтересовался он.

– Не знаю, он так осматривал нас. Кажется, он что-то понял. Нас не убьют?

– Не волнуйся, всё будет хорошо, – заверил её Бран. Хотя сам разделял её опасения. –

Отдыхай и ничего не бойся.

Скоро она уснула. Бран прижался щекой к её мягким волосам и легко поцеловал девушку в макушку. От неё, как и всегда, нежно пахло духами.

ГЛАВА 7. ВОЛЧИЙ ХРЕБЕТ

Всё следующее утро Корп бродил по лагерю. Он осматривал здания, изучал укрепления, прогуливался, всем своим видом изображая скуку. У одной из стен он набрёл на компанию из трёх разновозрастных мужчин, устроившихся перед небольшим костром. Судя по одежде, были они не то охотниками, не то следопытами. Увидев паладина, они радушно пригласили его присоединиться к ним, угостили жареным на огне сыром и старым крепким вином.

Завели разговор о непростой походной жизни и выяснили, что один из них приходится Корпу земляком. Они не узнали друг друга сразу, слишком много лет прошло с их последней встречи, в которую они оба были ещё мальчишками. Их отцы некогда водили дружбу и даже помогали друг другу, их семьи бок о бок сидели на деревенских праздниках за одним столом.

– Вот где удалось встретиться, – сказал Корпу земляк. – Давненько ведь не виделись.

– Да, неожиданно, – ответил паладин, чувствуя беспокойство. В деревне все знали, что он служит Ордену. По глазам собеседника он догадался, что и тому об этом известно.

– Сестру твою видел недавно здесь.

– За ней и иду.

– Понимаю, – кивнул земляк.

На этом их диалог прекратился. Следопыты должны были отправиться за пределы лагеря с заданием, озвучивать которое они не могли. Тепло попрощавшись с паладином, они пожелали ему удачи и ушли, но чувство беспокойства и боязни быть разоблачённым так и осталось с братом Корпом.

Он поднялся на стену. Перед ним зеленели шапки елей, покрывавших все холмы и предгорья до самого Предела. Скалистые склоны поднимались вверх из туманной дали, а пики тонули где-то в облачной высоте. Это было невероятное зрелище, поражавшее воображение Корпа своей величественностью и мощью. Он и помыслить не мог, как можно решиться преодолеть такое препятствие. Какой зверь или человек мог бы отважиться на такое. Однако его сестра ушла именно туда.

Маленькая Кара никогда ничего не боялась, возможно, потому что не понимала всей опасности мира. Для неё не существовало препятствий, обязанностей, авторитетов. Было лишь то, что ей нравилось и не нравилось, то, что она любила и не любила. Он сдерживал её сумасбродный характер, пытался обучить её законам и думал, что у него это получилось.

– Праткорп? – вопрос Иолы отвлек его от раздумий. Девушка стояла на лестнице, позади него. Он был так занят своими делами и мыслями, что почти забыл о ней. Сделав шаг в сторону, паладин позволил ей подняться и встать рядом. Она окинула взглядом ландшафт и повернулась лицом к собеседнику. – Что решать, Праткорп?

– Не знаю, Иола, – ответил он. – Это непростой выбор. У меня есть долг.

– Не понимаю, Праткорп, – сказала она. – Любишь сестру, ты - свет, когда думать про неё. Но долг против. Что такое долг? Когда говоришь "долг", ты не свет, ты - тьма и страх. Долг плохой, да?

– Нет, наоборот, – паладин чуть улыбнулся уголками губ. Его тронула наивность девушки и та искренность, с которой она интересовалась его ситуацией. Порой она вела себя как несмышлёный ребёнок, впервые услышавший незнакомое слово. Сейчас Иола внимательно смотрела на него, удивлённо распахнув свои необычные глаза. Никогда раньше Корп не видел ни у кого таких глаз. Они буквально сияли, светились, словно два пронзительно голубых кристалла, сквозь которые проник луч солнца. Обычно Иола была замкнута в себе, и взгляд её ничего не выражал, но бывали моменты, когда она вдруг раскрывалась навстречу собеседнику. В эти мгновения её личико будто озарялось неким внутренним светом, разжигавшим румянец на её белых щеках, вдыхавшим особое тепло жизни в её голос. Корп поймал себя на том, что любит её и смутился.

– Не понимать, долг губит, но ты говоришь, долг – это хорошо. Как же так?

– Почему ты решила, что он меня губит? – удивился паладин.

– Я вижу, – веско ответила девушка. – В тебе есть сильный и большой человек, но есть и другой, маленький, несчастный. Маленький человек прячется от мира, мир несёт боль. Маленький человек любит сестру, сестра нужна для счастья. Но долг против. Борьба убивает маленького человека.

– Какая же ты чудная, – сказал он, снова переводя взгляд на горы. Он так и не понял, о ком ему говорила Иола, но её слова странным образом его зацепили.

Что будет с Карой без него? Куда она направилась? Он стал вспоминать слова того бородача о группе людей ушедших в Альмандин. Пожалуй, каждый ребёнок знал сказочные истории о таинственном городе за горами. О нём любили болтать всякие бродяги в тавернах, а потом рассказы расходились в народ. Говаривали, что стены города сияют в лучах солнца тысячьо зеркал, а сделаны из такого крепкого камня, что не разрушить их никаким оружием. Ещё

говаривали, что на улицах города нет ни соринки, все окна домов украшены цветами, а на площадях вместо засиженных птицами колодцев бьют в небо чудеснейшие источники прозрачной воды. Нет там нищих, нет попрошаек. А ещё нет в этом городе Бога. По его улицам бродят колдуны и звездочёты, никого не стесняясь и не боясь. Всякому желающему они готовы состряпать любое зелье. Они не берут за то денег, но тот, кто обратился к ним за услугой, становится их рабом, каковых и полон город.

В Ордене Альмандин называли вражеским станом и рассадником ереси. Какие планы имелись у Приора на его счёт Корп не знал, но в его заинтересованности городом был уверен. Оставалось только найти способ передать в Орден полученные сведения о Перебежчиках и дальнейшем маршруте. Мысль о том, чтобы стать разведчиком во вражеском стане, приятно волновала его. Глядя на силуэт гор, он вспомнил, что неподалёку от Волчьего хребта Орден был установлен аванпост для слежения за границей. Нужно было только выбрать момент, чтобы связаться с ним. Паладин воспрянул духом. Всё складывалось как нельзя лучше. Переход через горы и поиск Кары уже не казался ему сумасбродной затеей. Предстоящий поход был оправдан, он был во благо Хранителей, он служил чести.

Корп нашёл Брана у кузни, куда тот привёл лошадей. Оставив животных кузнецу, странник встал под козырьком навеса. Снова моросило. Собравшиеся в предгорьях тучи, казалось, уперлись в высокие пики и не собирались расходиться. Паладин встал рядом с ним.

– Я иду в Альмандин, – сообщил он.

– А Июла?

– Возьму с собой. Возможно, там ей найдётся место.

– Староста ещё не сказал нам "да", – заметил Бран, глядя на лагерь. – Если он и согласится, то захочет денег. И немало.

– Я отдам всё, что у меня есть, – пообещал Корп. – Не скупись и не торгуйся.

Странник бросил беглый взгляд на собеседника и чуть заметно кивнул. Он знал, что паладин согласится на переход, у него не было другого выбора, но его такая бурная готовность вызывала подозрения.

Посыльный от Старосты пришёл за Браном, когда тот занимался подготовкой к походу через горы. Оставив дела, странник немедленно отправился с провожатым. Его снова привели в тот же зал, где Староста находился теперь в одиночестве. На столе перед ним лежала карта, и маленькая слепая свеча слабо освещала знаки на ней. Когда Бран вошёл, Староста сделал ему жест, приглашающий сесть к столу. Странник послушался. Староста был явно моложе, чем казалось на первый взгляд. В его лице, глубоких морщинах, избородивших лоб, мешках под глазами, бледности кожи читалась усталость. Жизнь в городище явно не была простой ни для него, ни для его соратников.

– Мои люди говорят, ты всё утро готовишься к переходу, – сказал староста, глядя на собеседника исподлобья. – Хотя я ещё не отпустил вашу компанию.

– Но мы всё ещё живы, значит, есть шанс, – ответил Бран спокойно. Он понимал, что их жизни зависят лишь от решения Старосты. Решения, которое тот по какой-то причине до сих пор не принял.

– Ты ничего не хочешь добавить к своему рассказу?

– Я всё рассказал.

– Допустим, твоей легенде я верю. Таких, как ты, я неоднократно встречал и раньше, и здесь. Твоя спутница и твой слепой тоже вопросов у меня не вызывают. Вижу, что они – твои компаньоны, и ты их ведёшь. Значит, и отвечать будешь за них сам. Но вот этот здоровяк, – Староста покачал головой. – Я не вчера родился, парень, и уж человека из Ордена вижу за версту. И ведь ты тоже знаешь, что он из Хранителей. Так почему тащишь его за собой? На дурака ты не похож, на шпиона их и подавно. Зачем он тебе?

– Я рассказал, что знал. Он ищет сестру.

– Что за чушь! И ты веришь ему?

– Я считаю, это правда, – стойко ответил Бран, игнорируя всплеск эмоций, отразившихся на лице Староста. – По крайней мере, отчасти правда. Какими ещё делами он тут занимается, я не знаю. Он сам на это решился, и сам за себя отвечает.

– Что же ты думаешь, я позволю Хранителю шпионить в моём лагере?

– Это твоё дело, Староста, как ты с ним поступишь. Я был лишь проводником ему, – ответил Бран и коротко рассказал историю о том, как Плутак украл кошелек у Корпа, и каков был между ними уговор. – Я использовал его, чтобы найти ваш лагерь.

– Мои ребята сегодня поймали шпиона из Ордена неподалёку от нашего лагеря. Наверняка, следил за вами. И уж точно он такой не один, – произнес Староста, выслушав историю. Бран лишь пожал плечами, что означало "мне до этого нет дела". – А что ты знаешь о его спутнице?

– Пленная девчонка, которую он выкупил из рабства.

– Чёрта с два всё так просто, – огрызнулся Староста. – Такие люди, как она, большая редкость здесь. Пару раз в жизни я встречал её соплеменников. Они всегда с этими чудными синими рисунками на лицах, всегда с отрешённым взглядом. Они невероятно странные создания, видят тебя насквозь, как открытую книгу читают. И кажется, будто они наивны, но это обманчивое впечатление. Они хитрые пройдохи, пользующиеся своим даром и манипулирующие людьми. И всегда одна и та же история, с видом мнимой незащитности выбирают себе опекуна. Они будут держаться возле него, пока это им на руку, будут ловко направлять его туда, куда им нужно. Они паразиты, и ни перед чем не остановятся, чтобы получить своё.

– Значит, это проблема Корпа, ведь она идёт с ним.

– Может быть и так. А может и нет. Но вот помяни моё слово, смерть там, где эти твари с синими мордами.

– Сколько ты хочешь, Староста, за всех нас? – спросил Бран прямо.

– По сотне за человека.

– Идёт, – не торгуясь согласился Бран. – Деньги принесу тебе вечером.

– Утром принесёшь, отдавать долг на ночь – дурная примета, – пробубнил Староста, явно не ожидавший такого быстрого решения вопроса.

– Как скажешь.

– Завтра на рассвете наши проводники будут ждать тебя и твоих товарищей у ворот. Будьте готовы, они не любят терять время. И ещё одно. В горах неподалёку от вашей тропы будет аванпост Хранителей. Если твой товарищ попытается к ним улизнуть, проводники церемониться не станут.

– Меня это не касается, – ответил странник.

– А вот это ещё как тебя касается. Если этому рыцарю Ордена вздумалось искать свою сестру, пускай. Если он вознамерился отправиться в Альмандин, туда ему и дорога. Но я не позволю ему или кому бы то ни было ещё шпионить за нами. Ты думаешь, мы тут грибы в лесу собираем? Думаешь от волков и медведей эти стены? А наши женщины, считаешь, от безделья шьют зимнюю одежду? Знал бы ты, парень, сколько людей за год прошло через нас. Скольких провели проводники через перевалы Предела. И я горд, что мы смогли помочь им сохранить жизни.

– Я слышан об этом, – сказал Бран. – Вы делаете большое дело.

– Орден – это стая диких тварей. Свора псов, гонящихся за властью и деньгами и готовых сожрать кого угодно на своём пути. Они хотят, чтобы мы, как рабы, трудились на их землях, не поднимая головы, – Староста не скрывал переполнявших его эмоций.

– Я слышал, что не ко всем Орден так безжалостен. Многих торговцев они поддерживают, есть бедняки, которых Орден наделил участком земли и возможностью растить свой урожай. И те области, которые они контролируют, свободны от разбойников, – возразил Бран. – Я бы не стал

этого говорить, если бы не видел этого сам. И я не хочу выгораживать Орден, но я за честность. И если уж на то пошло, дело здесь совсем не в наживе.

– Много ты понимаешь, – смерив его надменным взглядом, сказал Староста. – Они раздают земли беднякам, а ты знаешь чьи земли?

– Не знаю, – признался Бран.

– Вот именно. Охотничьи угодья моей семьи тянулись от Холодного Ручья до самого Предела. Мои предки получили их не в один день, и стоили они немалых трудов. Тебе когда-нибудь принадлежал хоть клочок земли? – спросил Староста. Странник отрицательно покачал головой. – Значит, ты не знаешь, что такое управлять ею и людьми, живущими на ней. В угодьях должен быть порядок. Закон. На это нужно положить всю свою жизнь.

– Значит, Орден забрал их у тебя?

– Если бы они пришли ко мне с войной, было бы понятно. Всегда есть жадный сосед, от которого нужно обороняться. Но они поступили ещё подлее. Они обложили меня такими налогами, что мои же крестьяне подняли против меня бунт, – Староста ухмыльнулся. – Они думали, что изживут меня, потомственного охотника. Но только не здесь, не в этих лесах. Я тут каждый пенёк знаю лучше, чем фермер своих поросят. Я научил своих людей всему, что умели охотники в нашем роду. Мы неуловимы для Ордена. И уж поверь, мы не дадим им продыху. Чернь и нищета готова служить им за скудный паёк. Только не всех можно купить таким образом.

– Как патрульные Хранителей в горах до сих пор не увидели ваш лагерь с вершин?

– Это не просто лагерь. Когда-то здесь была дозорная крепость следопытов, смотревших за границами. Называлась Охотничье Лезвие. Слыхал?

– Конечно, – Бран даже не пытался скрывать своего удивления. – О ней ходит столько баек.

– Каких же?

– Местонахождение её забыто, никто не может найти в неё дорогу, но у многих чешутся руки, ведь в её подвалах остался большой арсенал, деньги, ценные свитки. Не знаю уж, чем ценные, но охотники за сокровищами готовы выложить хорошую сумму за любую информацию о ней.

– Не врут, – осклабился Староста. – Ладно, хватит лясы точить. Тебе пора в Альмандин. А чтобы туда попасть целым и живым, смотри в оба за своим компаньоном. Наши следопыты хорошо знают своё дело, если хоть один из вас попытается свернуть с тропы, никто из вашей группы через Предел не переберётся. Это я тебе гарантирую.

– А я думал, вы берёте деньги за помощь в переходе через горы, а не за похороны, – насмешливо заметил странник.

– Мы берём деньги, чтобы иметь возможность помочь многим другим преодолеть Предел. Мы никогда не просим больше, чем человек в состоянии с нами поделиться. И бывают случаи, когда наша помощь оказывается безвозмездной. Считай, что это пожертвование, вклад в общее дело. И этот вклад вовсе не означает, что мы допустим предательство. Наши люди и так рискуют.

– У каждого из нас своё дело. Удачи тебе в твоём, – только и ответил Бран. Выбор у него в любом случае был невелик. Обратной дороги из лагеря Перебежчиков не было, никто не отпустил бы их, знающих местоположение укрепления, обратно. Оставалось только двигаться вперёд и стараться, чтобы путешествие прошло без потерь. Он хорошо понимал, что паладин что-то скрывает, но откровенничать перед Старостой не собирался. Иначе их путь через горы мог бы так и не состояться.

Эднартайя почти весь день отдыхала. Утром она встала последней, когда никого из её спутников на сеновале уже не было. Первое, что ей вспомнилось, как Бран согревал её перед сном, но сейчас ни его самого, ни его вещей, ни даже котелка из-под жаркого рядом не было, и всё это показалось ей грёзами. Она сама отыскала кухню, где за символическую плату приятные женщины накормили её сытным завтраком. Побродив в одиночестве по лагерю, Эднартайя снова вернулась на сеновал и стала перебирать свои вещи в попытке навести порядок в походной сумке.

Внизу слышались шаги. Оставив своё занятие, девушка тихонько подобралась к краю сеновала и посмотрела вниз. В полумраке стояла она увидела брата Корпа. Он устроился на полу и развернул кусок пергамента. Присмотревшись, Эднартайя поняла, что это карта. Паладин что-то высчитывал на ней и делал пометки. Девушка внимательно следила за ним, и наконец разобрала, что место, которое он отмечает кусочком угля – это лагерь Перебежчиков. Закончив с картой, брат Корп свернул её и убрал за ворот рубашки, а затем быстро покинул конюшню.

Эднартайю охватило беспокойство, смешанное с разочарованием. Паладин явно задумал что-то, грозившее им неприятностями. В то же время по-человечески он нравился ей, и было грустно от того, что они могут оказаться по разные стороны баррикад.

– Это был наш бритоголовый друг? – вопрос застал её врасплох, прервав поток мыслей. От неожиданности девушка даже взвизгнула и резко обернулась. Из-под охапки сена за её спиной выбирался Плутак. Вид у него был мятый, и сухие былинки торчали из одежды и волос.

– Ты меня напугал! – возмутилась она.

– Прости, сестрёнка.

– Что ты тут делаешь? Я думала, здесь никого нет.

– До недавнего времени я просто спал. Так что, я прав?

– Да, – она помешкала, – и у него карта... Он отмечал на ней местонахождение лагеря.

– Ничего удивительного.

– Неужели? – изумилась девушка. – Разве это не означает, что он что-то задумал?

– Означает, – согласился Плутак.

– Мне лучше поговорить с Браном, – раздражённо произнесла она, не получив должной реакции на своё открытие. Эднартайя хотела было спуститься вниз, но слепой остановил её.

– Не торопись. Брану и так всё известно. Для него это не станет ни новостью, ни открытием. Ты можешь не волноваться. Тем более, что вскоре наши дорожки с этим амбалом разойдутся.

– А как же остальные? Лагерь? Все эти люди?

– Потише, сестрёнка, – он приблизился к ней и заговорил шепотом. – Не приведи Бог, нас кто-то услышит! Для них что мы, что этот лесной бык – одно. Узнай они, что один из нас являет собой угрозу их тёплому насиженному местечку, головы поснимают со всех. Это тебе не на печке у доброй бабули сидеть. Набери воздуха и удержи дыхание, пока мы отсюда не выберемся. Не нашего это ума дело, что он там себе придумал. Поняла?

Эднартайя кивнула. После разговора с Плутаком она была раздосадована ещё больше. Выходило совсем уж бесчестно и запутанно. Каждый был за себя и видел в остальных опасность. После ужина странник сообщил им, что дальнейший путь в Альмандин они проведут всё в той же компании паладина и Иолы. Эднартайя приняла известие молча, а вот Плутак сдержанность проявлять не собирался.

Он дождался момента, когда никто не мог бы их услышать и потребовал от Брана объяснений. Тот был занят проверкой лошадей и припасов, приобретённых в дорогу, и ему явно не хотелось тратить время на беседу, поэтому он слушал старого приятеля, продолжая заниматься делом и даже не глядя на него.

– Зачем ты тащишь этого солдафона с собой? – возмутился Плутак.

– Ему по пути, – спокойно ответил странник.

– Ни черта ему с нами не по пути! И нам с ним тоже! Ты знаешь, что он задумал?

– Знаю, – обезоруживающе ответил Бран, осматривая плащи, подбитые мехом.

– У него карта лагеря.

– Это не наше дело.

– Скажи это Эднартайе! – выложил очередной козырь Плутак.

– Ты предупредил её, чтобы она молчала? – он бросил беглый взгляд на Плутика. Тот кивнул.
– Вот и молодец! Эднартайя умная, она болтать не станет.

– Ты можешь мне сказать, как на духу, Бран? Зачем? – уже без лишних эмоций спросил слепой.

– Затем, что я не знаю этого перехода. А со мной неопытная в пути девушка и, уж прости, ты. Лишняя пара сильных рук нам не помешает.

– Да брось, мы справимся без него.

– Нет, и ты знаешь, о чём речь.

– А что если он...

– Нет, – оборвал странник. – Не бойся, ничего не случится. Скоро мы будем в Альмандине, я тебе обещаю.

Проводников было трое. Зрелые крепкие мужчины, вооруженные лёгкими короткими мечами и луками. Знающие, бывалые – это Бран сразу понял по одному их виду. Передвижение в отряде было организовано следующим образом: один уходил вперёд на разведку, двое вели группу. У них было несколько маршрутов в запасе, из которых они выбирали самый подходящий. За этим один из них всё время и отправлялся, чтобы изучить обстановку и сообщить остальным. Между собой они почти не совещались, им хватало пары кивков и жестов, чтобы прийти к соглашению. С путешественниками они тоже не общались, лишь изредка предупреждали о том, когда будет привал, и о сложных участках пути. Вечером проводники сами выбрали место стоянки и сами развели костер. Делалось все наилучшим и самым эффективным образом, чтобы оставаться незамеченными. Бран заметил, что они поливали хворост жидкостью из фляги, отчего огонь становился совсем небольшим, но продолжал гореть долгое время, совершенно не давая при этом дыма. Странник попытался разузнать, что это за средство, но проводники лишь сказали, что это особый отвар, сделанный по секретному рецепту их Старосты, который используется во всём лагере. И действительно, даже с высоты склона, как Бран ни старался, он так и не смог определить местоположение лагеря. Ни дымка, ни проблеска, ни краешка крыш. Густой лес и нависающие утёсы надёжно укрывали его от любопытных глаз, наблюдавших сверху за долиной.

На второй день пути они достигли подножия гор, откуда начался их подъём. Волчий Хребет маячил высоко впереди, напоминая собой силуэт волка с поднятой вверх головой. Именно к нему путникам предстояло подняться. Они шли пешком, ведя лошадей за собой в поводу. И даже Плутак, всю дорогу ехавший верхом, теперь был вынужден спешиться. Он шёл, держась за стремя, чтобы не упасть и не потеряться.

Подъём оказался делом непростым. Тропа становилась все круче, под ноги попадались то мелкие острые камни, то старые сухие листья, особенно скользкие. Временами проводники останавливались и настороженно прислушивались: каждый треск ветки, каждый стук камня вызывал у них подозрение. Эти места патрулировались отрядами Ордена. Их маршруты и порядок передвижения были хорошо известны Перебежчикам, но осторожность в таком деле никогда не бывает лишней.

Корп по мере их продвижения осматривал окрестные склоны, не появится ли где из-за деревьев строение форпоста. Он предполагал, что оно должно находиться где-то совсем недалеко от тропы, по которой они шли. Наконец, ближе к вечеру он увидел по левую руку от себя струйку дыма, поднимающуюся из-за дальних деревьев. Вряд ли кто-нибудь ещё, кроме людей Ордена, решился бы так неприкрыто разводиться огонь в этих краях. Его источник был совсем недалеко, за час можно было легко успеть добраться до него и обратно.

Не успел он обрадоваться такой удаче, как сверху по тропинке посыпались камешки, а вскоре послышались шаги. Прозвучал крик птицы, и проводники, насторожившиеся в первый момент, успокоились и расслабились. То был знак от их третьего товарища, ухидившего ранее на разведку вперёд. Вскоре он сам показался на тропе. Он шёл быстро, почти бежал. Подойдя к соратнику, он что-то торопливо зашептал тому.

После непродолжительного совещания двое из проводников ушли вперёд, а к Брану обратился старший, тот что вёл их. Он рассказал, что группа следопытов, ушедших накануне на разведку в горы, попала в плен Ордена. И хотя им удалось вырваться, двое из них сильно ранены и уже не могут идти сами, а третий – умер по пути. Оставлять же их здесь нельзя не только из соображений чести, но и ради безопасности лагеря. Патруль Ордена наверняка вскоре выйдет на их след и попытается использовать пленников в своих интересах. Посему они должны взять на себя заботу о своих товарищах и помочь им как можно скорее вернуться в лагерь.

"Двое поведут раненых, а я пойду вперёд, чтобы доложить всё Старосте. Думаю, в свете случившегося нет никакого резона и дальше провозжать вас. Всё, что вам требуется, держаться этой тропы. И завтра вы уже достигнете перевала", – в довершение сказал проводник. Его слова вызвали бурю негодования со стороны паладина, он даже заметил, что в таких ситуациях воину приличнее свести счеты с жизнью или терпеть плен и пытки, нежели выдать или обременить своих соратников. Но Бран не спешил отвечать.

В целом, отсутствие проводников не казалось такой уж большой потерей. Без них он чувствовал бы себя гораздо спокойнее и свободнее. Теперь ему не придётся следить за паладином, чтобы тот не устроил какой-нибудь глупой выходки и не сорвал весь их поход. Даже если он попытается за какой-то надобностью пробраться к форпосту Ордена, то никому уже не будет до этого дела. Поэтому странник выразил согласие с планом старшего проводника и, игнорируя комментарии Корпа по поводу надувательства и обмана, расспросил о нюансах пути и возможных трудностях. Получив все необходимые указания, он поблагодарил проводника за помощь, крепко пожал руку и пожелал удачи.

Проводник побежал обратно, вниз по склону и, глядя на то, как он двигается, не приходилось сомневаться, что до лагеря он доберётся в кратчайшие сроки. Путники пошли вверх по тропе. Спустя некоторое время им навстречу вышли двое других проводников, помогавших идти своим раненым товарищам. Всё было правдой, без подлога и обмана. Корп узнал в раненых своих недавних собеседников, что так охотно угостили его вином. Однако они даже не взглянули на него. Их одежда была выпачкана грязью и кровью, шли они тяжело, хромяя и прерывисто дыша, опираясь на своих товарищей, поддерживавших их. Земляка паладина среди них не было, что могло значить только одно – он был тем самым погибшим.

Корп проводил их взглядом, ощутив облегчение от того, что теперь некому его выдать, и одновременно сожаление утраты. Он невольно положил руку справа на грудь, туда, где под курткой у него был спрятан свиток с картой местности. Вернее, туда, где ему следовало бы находиться, и где его не было. Корп встрепенулся и принялся шарить по карманам в безуспешных попытках найти заветный лист бумаги. Всё было тщетно, его карманы пустовали. Сбитый с толку, раздосадованный и злой, он поднял взгляд и обвёл им спутников, но они были заняты своими делами и ничего подозрительного в их действиях не наблюдалось.

Дальше их вёл Бран. Проводник описал ему место, наилучшим образом подходящее для ночлега, к нему странник и торопил своих компаньонов, чтобы успеть до темноты. Но прежде, чем они добрались до него, их ждала очередная непредвиденная ситуация: впереди на тропе были люди. Путники услышали их голоса заранее, видимо, те не считали нужным скрывать своё присутствие. Странник увёл свою компанию чуть в сторону от тропы и, попросив дожидаться его возвращения, отправился на разведку. Вряд ли кто-то кроме Хранителей мог вести себя так похотейски в этих местах. Его предположения оказались верны. Из-за густого куста колючей ежевики, за которым он спрятался, открывался вид на площадку. На ней и расположились вокруг костра пятеро воинов Ордена. Судя по их виду, уходить они не собирались.

Позади послышалась шумная возня и из зарослей выбрался Корп. В полуприседе он приблизился к Брану и стал разглядывать площадку сквозь ежевичный куст.

– Они встали тут лагерем, – шёпотом сообщил он. Странник быстро приложил палец к губам и кивком указал следовать за ним. Он осторожно пробирался по склону в сторону от площадки, каждый раз морщась, когда позади него грузный паладин с хрустом ломал сапогом очередную сухую ветку, наступая на неё. Наконец, они отделились на достаточно безопасное расстояние, чтобы можно было спокойно поговорить. Здесь с горы сбегал маленький ручеёк, из которого странник сделал несколько глотков ледяной воды, припав к ней губами. Утолив жажду, он сел на берегу и посмотрел снизу вверх на паладина, распрямившегося во весь свой гигантский рост и озиравшего окрестности.

– Не маячь, – посоветовал Бран. – Тебя аж в долине видно. И так шума наделали.

– Сам знаю, что делать, – огрызнулся Корп, но всё же послушался и опустил на корточки. – Они в дозоре, сейчас у них привал. Придётся обходить.

– Придётся, – согласился странник. – Обойдём, большой беды в том нет. А ты, как я вижу, несколько изменил планы? Или планы изменили тебе?

– О чём это ты?

– Судя по всему о некоей вещи, которую ты собирался передать своим братьям, – при этих словах паладин выхватил из ножен меч.

Бран остался по-прежнему сидеть на земле, созерцая своего противника.

– Значит, это ты украл её?

– Точно не я, потому что иначе знал бы, о чём идёт речь. Но ты так хлопал себя по карманам, когда мы прощались с проводниками, что даже простак понял бы, у тебя есть некая вещь для твоих соратников, – повисла пауза. Чуть выждав, Бран поднялся на ноги и отряхнулся. – Не знаю, что ты там задумал, только если собираешься шпионить, я тебе не пособник. Выбирай сейчас. Либо мы идём вместе через перевал, как компаньоны, либо ты забираешь свою татуированную подружку и отправляешься в любом удобном тебе направлении, но уже без нас. Твои орденские дела мне не интересны, у меня одна задача – перейти эту гряду и перевести своих друзей.

Корп молчал, всё ещё глядя на странника из-под насупленных бровей, но его рука с мечом уже опустилась. Он понимал, что карту ему не вернуть. Если Бран украл её, то наверняка уже уничтожил. А если он не врал, то выкладывать всю правду не имело никакого смысла. В конце концов, Орден рано или поздно доберётся до лагеря Перебежчиков, а ему было гораздо важнее попасть в Альмандин. Наконец, он принял решение и убрал клинок.

– Это была личная вещь, – буркнул он.

– Если так, то мне жаль, – без эмоций ответил странник. Паладин кивнул, и они вместе направились туда, где оставили компаньонов.

Хотя они потеряли время, Бран вёл себя так, словно всё шло по плану. Они сошли с тропы и долгое время двигались параллельно склону, обходя злополучную площадку, на которой обосновались воины Ордена. Склон то обрывался, превращаясь в отвесные каменные стены, то покрывался слоем скользкой листвы, то расступался, пропуская вниз холодный горный ручей. Между тем стемнело и пошёл дождь. Двигаться дальше было крайне опасно и тяжело, но и места для ночлега не намечалось.

Бран стал уже думать, что придётся ночь провести прямо под открытым небом и под злополучным дождём, когда впереди показался слабый огонёк. Через некоторое время стало ясно, что это светится окошко жилища, затянутое бычьим пузырьём. В темноте было не различить, что за строение перед ними. На свой страх и риск Бран постучался в дверь, которую нашёл на ощупь. По ту сторону от неё послышались шаркающие шаги, скрипнул засов и тьма отступила. Раскрывшийся дверной проём наполнился тёплым светом лампы, которую держал в руках крепкий седой старик, облачённый в монашескую коричневую рясу. В остальном он имел такой неухоженный вид, длинную нечёсаную бороду и свалывшиеся длинные же волосы, что мог бы сойти скорее за

монаха-отшельника, чем за добропорядочного служителя культа. На поздних гостей он смотрел совершенно бесстрашно и даже равнодушно, как будто визит их ничуть его не удивил.

– Чего надо? – как-то неподобающе развязано спросил он.

– Мы — путники... – начал было Бран, но старик тут же перебил его.

– Что есть с собой? – деловито поинтересовался хозяин. Заметив некоторое изумление от такого крутого поворота разговора, он тут же пояснил. – Пущу на ночлег, но не бесплатно. Есть что с собой? Мясо, вино, сыр? У меня тут, знаете ли, не странноприимный дом.

– Есть бутылка вина и четверть головки сыра. Пойдёт? – быстро сориентировался странник, прикинув их запасы и щедро отмерив старику четверть.

– А сколько вас там? – старик нахмурился, заглядывая за его плечо.

– Пятеро.

– Не пойдёт, много, – отрезал хозяин.

– Нам твоего ничего не нужно, отец. У нас свои припасы, постелем в углу, отдохнём, а утром пойдём дальше. С нами женщины, им нужно обсохнуть и согреться. В лесу холодно и идёт дождь, – проговорил Бран, придерживая рукой дверь и не позволяя ей закрыться.

– Ладно, – после некоторого раздумья сказал хозяин. – Можете заходить. Но сыр и вино всё равно оставите. И я тебе не отец, понятно?

– Как скажешь, – согласился Бран.

Домик оказался маленький, совсем бедный, зато сухой и тёплый. Девушки расположились у очага, чтобы просушить платья. Корп и Бран отвели лошадей под навес, где приютились на ночь две козы и несколько кур. Сыр и вино пришлось уступить хозяину вперёд, только тогда он позволил гостям воспользоваться его столом, чтобы поужинать. Впрочем, когда их собственный провиант был подготовлен к трапезе, он сразу же присоединился к ним. Он вообще не стеснялся и вёл себя всё равно что сборщик податей. Бран не возражал, считая что один старик много не съест, а вот ночлег в тепле и сухости его компаньонам был нужен.

– К перевалу топаете? – осведомился старик, набивая рот хлебом и вяленным мясом.

– К перевалу, – согласился странник. – Я так понимаю, мы тут не первые.

– Куда уж там! Идут, многие идут. Да мало кто доходит.

– Сложный переход?

– Нет, люди из Ордена караулят, – пояснил старик. – Они тут все тропы знают. У них и мышь не проскочит.

– Но кто-то всё-таки доходит, – сказал Бран, испытующе поглядывая на собеседника.

– Ну, кто-то и доходит, бывает. Ночью особенно сподручно. Темно же, – он сухо засмеялся. – Опасно это только, дорожки крутые, шею сломать, как нечего делать. Особенно, без проводника.

– Ты, наверное, здесь все пути знаешь, – подсказал странник.

– Конечно, знаю, – он посмотрел на собеседника. – Вижу, ты парень толковый. Договоримся.

– Само собой, – согласился Бран. – Не тяжело тебе здесь одному?

– Да какой там! – махнул рукой старик. – Это не горы, а проходной двор! В Ордене никакого покоя не было, думал, хоть тут спокойно заживу, так стало ещё хуже. И дня не проходит, чтобы кого-нибудь нелёгкая не принесла. То путник очередной, то "сынки" мои от Хранителей.

– Значит, ты всё-таки из Ордена.

– По-твоему, я эту рясу где взял? – осведомился хозяин.

– Так ты тот самый старец, что ушёл аскетом в горы, дабы познать одиночество? – Корп оживился.

– Единственное, что я тут познал, так это сплошную маяту. Впрочем, в Ордене было и того хуже. Какую такую мудрость можно постичь, если ты постоянно под колпаком вместе с кучей одержимых, готовящихся к войне? Они же там все фанатики вместе со своим безумным Приором, мечтающим всё контролировать.

– Отец, что ты такое говоришь? – возмутился паладин. – Приор несёт свет людям.

– Ты недавно выбрался из-за стен монастыря, поэтому так думаешь, – возразил старик. – Ты посмотри, мир сошёл с ума. Все куда-то бегут, одни завоёвывать, другие прятаться, и ни у кого и мыслишки не проскочит, а для чего вообще всё это делается? Зачем мы тут землю топчем. И не пытайся мне сейчас рассказывать про благодать божью. Нельзя её никому дать, она в тебе либо есть, либо нет. И никто кроме тебя самого её в тебе породить не сможет. А чтобы её породить, человек должен быть на своём месте. Что тебе говорили отцы? Пахарь должен пахать, купец – торговать, сторож – охранять, а монах – молиться. Выполняя свою работу, человек поддерживает мировой порядок. А если он позабыл своё дело и, словно оголтелый, мчится неизвестно куда, то никакого порядка не будет.

– Это верно, Ордену сейчас не до тихих молитв, когда враг у ворот, – сказал Корп.

– Враг не у ворот, он уже внутри. И враг этот – безверие. Бесполезно бороться с еретиками. Если в душе человека есть место сомнению, то оно обязательно найдёт путь, чтобы туда попасть, – старик откинулся назад и прислонился спиной к стене. – Я уже устал повторять это твоим братьям по оружию. Вы должны нести людям веру, чистую истину, а не запугивать их. Прежде чем браться за меч, спроси себя, что миряне о тебе подумают, если ты станешь угрожать их жизням. Захотят ли они прислушаться к тебе после этого?

– Да, отец, всё так, – паладин выглядел поникшим. – Прости, что сразу не прислушался к твоим словам. Как ты понял, что я из Ордена?

– Да вы там все сейчас на одно лицо, – отмахнулся хозяин. – И у всех в голове один ветер. Что ты делаешь здесь с этими потерянными людьми? Почему ты не в Ордене?

– Я ищу свою пропавшую сестру.

– Если овца отбилась от стада, туда ей и дорога, – от этих слов Корп заметно вздрогнул. – Негоже, чтобы из-за одного сбившегося с пути человека, и другой человек терял свой путь.

– А кто знает, возможно, это и есть его путь, – вдруг вмешалась в разговор Эднартайя.

– Человек должен держаться своего места, а если он этого не понимает, то хотя бы пусть держит язык за зубами, – жестко проговорил отшельник, даже не взглянув на девушку. Щёки у неё вспыхнули румянцем, и в глазах, несмотря на усталость, появился огонёк гнева.

– Пора нам спать, – вмешался Бран, видя, что разговор начинает уходить в нежелательном направлении. Пока диалог между паладином и стариком шёл о посторонних для него предметах, он был лишь любопытствующим наблюдателем. Вмешательство Эднартайи явно не понравилось отшельнику, и чтобы не допустить неприятных последствий, странник счёл нужным прекратить этот разговор.

Беседа была закончена, путники стали располагаться на ночлег. Хозяин разрешил им устроиться в углу комнаты, а сам, забрав припасы, отправился за печку. Улучив момент, Бран как бы невзначай оказался рядом с Эднартайей и чуть слышным шёпотом произнес:

– Пойдём на двор, – и затем тоже тихо, но так, чтобы их спутники точно услышали его добавил, – конечно, я провожу тебя, идём.

Девушка накинула плащ и вышла вместе со странником в дождливую ночь. Как только они оказались снаружи, его крепкие пальцы сомкнулись на её локте, и ей пришлось быстро следовать за ним. Он увёл её под навес, где коротала ночь скотина старика и их лошади. Здесь пахло сеном и было тепло от тел мерно жующих животных. Шум дождя заглушал все окружающие звуки, но Бран встал рядом с Эднартайей и зашептал ей в самое ухо:

– Где она, Эда?

– Ты о чём? – свистящим шёпотом поинтересовалась девушка.

– Карта паладина. Не притворяйся, я знаю, что её взяла ты!

– Бран, – протянула она на выдохе и, помолчав, спросила. – Как ты узнал?

– Весьма опрометчиво было брать её, очевидно, что он её хватился бы и сразу заподозрил нас!

– Плутак отказался что-либо предпринимать, – возмутилась она. – Запретил говорить с тобой, сказал, что в лагере никто не должен об этом узнать.

– Так и есть, он всё сделал правильно. Паладин никому не смог бы её передать, я за этим следил. Но забирать её, значит, ставить под удар всех нас троих. Так где она, Эда? Отдай, потому что если он случайно узнает... – горячо шептал странник.

– Не узнает, – возразила Эднартайя. – Нет её уже. Ещё в лагере сожгла. Не думаешь же ты, что я последняя дура и таскаю её с собой!

– Ох, Эда, – вздохнул Бран и коротко рассмеялся. – Как ты вообще её вытянула у него?

– Прошлым вечером. Он бросил куртку, в которой спрятал карту, на сене и вышел. Не знаю, почему он так поступил, если дорожил ею. Но это был шанс. Я была там одна, спустилась потихоньку и забрала.

– Никогда больше таких поступков не предпринимай, – сказал странник и чуть мягче добавил, – прошу тебя. Это очень опасно.

– Тем не менее, всё удалось, – возразила она.

– Воля случая, – коротко ответил странник. И по его интонации было ясно, что он больше не хочет обсуждать этот вопрос. – Идём обратно, пока нас не стали подозревать.

Они вернулись в дом, где их компаньоны уже расстелили свои матрасы и стали укладываться спать. За печкой ворчал и копошился старец, пока, наконец, не затих: уснул или погрузился в свой молитвенный транс.

Бран всю ночь спал вполглаза, лишь погружаясь в лёгкую дрему и выныривая из неё при каждом малейшем шорохе. От полоумного старика можно было ожидать любой скверной выходки. Но к утру странник незаметно для самого себя, как и все его спутники, провалился в сон.

Он оказался в саду у дома Алвиса. Деревья цвели пышным цветом, как это всегда бывало весной. Под одним из них сидела Эднартайя, она казалась совсем девочкой, какой он впервые её увидел в своей жизни. Она спокойно смотрела перед собой. Бран стоял перед ней, но никак не мог встретиться с ней взглядом. Это было до невозможности сложно сделать, хотя девушка продолжала смотреть в одну точку и не шевелилась. Странник опустил на корточки и протянул руку, чтобы коснуться плеча Эднартайи, но тут же отпрянул. Весь рукав его куртки был покрыт старыми пятнами побуревшей крови. Оглядев себя, он обнаружил, что не только рукав, но вся его одежда выглядит подобным образом, а ладони его рук черны от грязи. Ужаснувшись от своего вида, он поднял голову, надеясь увидеть девушку всё в том же отстранённом состоянии, и встретился с ней глазами. Они были не просто зелёными, как обычно, но сияли, как два изумруда, поднесённых к яркому пламени. Его будто обожгло от чувства стыда и отчаяния, захлестнувших его. С ними он и проснулся. Остальные его компаньоны ещё спали, за окном светало.

Дождь к утру прекратился, сменившись густым белым туманом. Этот туман мог стать хорошим прикрытием для путников. Бран объяснил компаньонам, что это большая удача, но двигаться в тумане нужно будет особенно тихо, не разговаривая и не создавая лишнего шума. Он шёл впереди, ведя под уздцы свою лошадь, на которой верхом сидел Плутак. Следом шла Эднартайя, затем Иола, ведя в поводу лошадь паладина, и замыкал их колонну Корп, прикрывая их и следя, чтобы никто не подкрался сзади.

За шмоток вяленого мяса отшельник рассказал Брану о нескольких альтернативных маршрутах к перевалу. Обиженный разговором минувшего вечера, паладин тихо бубнил себе под нос, что впервые видит монаха-аскета так охотно лопающего сыр и мясо, при этом запивающего их вином. К счастью, старик его не слышал.

День перехода казался им самым долгим и самым томительным. Они двигались предельно медленно, и странник постоянно прислушивался, желая убедиться, что к ним не пытается приблизиться незримый враг. Пару раз он чуть было не заблудился в тумане, и им приходилось останавливаться, пока он бродил вокруг, сверяясь с маршрутом. Трижды им встретились висащие

на деревьях тела – предупреждение от Ордена для тех, кто пытался сбежать. Это было жутковатое зрелище, и девушки старательно отворачивались, чтобы не видеть его, но ужасный запах и скрип верёвок под тяжестью нелицеприятного груза не позволял им избежать неприятных впечатлений. Бран молчал, не желая словами нагнетать и без того неприятную обстановку. И только Корп вглядывался в лица тех тел, что были облачены в женские платья, встречая их со страхом и провожая с облегчением во взгляде.

Подъём становился всё круче и опаснее. Всё чаще из-под сорвавшегося лошадиного копыта или человеческой ступни вниз летели мелкие острые камешки. Паладин много помогал, его недюжинная сила была как нельзя кстати. Он не только поддерживал и страховал девушек на особенно сложных участках, но взваливал на себя седельные сумки, чтобы облегчить своей лошади и лошади Эднартайи подъём. А когда её кобыла оступилась и начала соскальзывать вниз по склону, спас животное, вытолкнув под круп.

Лес понемногу редел, и туман начал терять свою густоту. Бран сообщил компаньонам, что это хороший признак – вершина уже недалеко. К полудню, когда небо прояснилось, а солнце встало в зените, путники вынырнули из последних сгустков туманной пелены и увидели, что горный хребет уже не тянется вверх бесконечным склоном: впереди показался его край, над которым плыли грузные облака с лиловыми подпалинами на брюхах. Ещё немного усилий, и они выбрались на пологую площадку, продуваемую всеми ветрами. Позади них под белой пеленой тумана, сдерживаемого хребтом, остались земли Ордена. А далеко впереди простиралось зелёное полотно лесов, лугов и полей, пересекаемых реками, размежёванных озерами и болотами. Прорываясь сквозь суровые тучи, солнце роняло лучи в долину, сверкавшую и искрившуюся после дождя. Дорога через неё вела к обширному поселению, едва различимому на горизонте. Бран предположил, что это и есть Альмандин, цель их путешествия. Он сказал, что им пора двигаться вперёд. Хотя теперь, пройдя вершину, они оказались в недосягаемости для Ордена, перед ними лежали чужие, неизведанные земли.

ГЛАВА 8. ПО ТУ СТОРОНУ ПРЕДЕЛА

Спускаться оказалось значительно проще. К вечеру они уже были в предгорьях, и на их пути показалось укрепление, отмеченное на карте рукой заботливого Алвиса, как Огненные Врата, или Первые Врата Альмандина. Две дозорные башни из красного камня высоко поднимались над толстыми стенами со множеством бойниц. Дорога вела напрямиком к укреплению, расположенному на возвышении так, что из него хорошо просматривались окрестности, а справа и слева от него тянулись ущелья, перебраться через которые незамеченным не представлялось возможным.

Посоветовавшись, путники двинулись к воротам, у которых стояли привратники: двое рослых мужчин со смуглыми обветренными лицами. Это были первые люди, встретившиеся им с этой стороны Предела, и весь их вид отличался от привычного. Они были одеты в тяжёлые расшитые голубыми и серыми нитями кафтаны до колен. Их высокие воротники прикрывали лица стражей почти до самых ушей, и издалека казалось, что они составляли единое целое с шишаками, выступавшими вперёд острым ребром. Из-за плеча каждого привратника сверкали синим оперением стрелы, уложенные в набедренные колчаны, и длинные луки изгибались своими рогами, выглядывая из налучий. Кроме того, часовые имели при себе короткие изогнутые мечи и маленькие кулачные щиты для ближнего боя. Заметив путешественников, один из стражей повернулся к ним навстречу, пока второй продолжал внимательно всматриваться в окрестности.

– День добрый, – поприветствовал их Бран. – Мы идём в Альмандин.

– В той стороне, – привратник кивнул шлемом себе за плечо. Говорил он с некоторым акцентом, но быстро и уверенно. – Завтра доберётесь. Можете проходить.

– А нельзя ли здесь заночевать? Вечереет, – странник указал взглядом на закатное небо. Он, конечно, понимал, что в боевом укреплении вряд ли принимают на постой, но хотел убедиться, что не упускает возможности избежать ночёвки под звёздами.

– Нет. Это крепость, а не постоянный двор, – страж покачал головой и, будто подтверждая его слова, захлопали на ветру стяги с изображением сложного геометрического символа. – За крепостью начинается лес, иди через него на восток и упрёшься в дорогу, она приведёт в город. Не заблудишься. Никто ещё не заблудился.

Привратники переглянулись и обменялись ухмылками, а потом, говоривший с ними что-то прокричал на незнакомом путникам языке в ворота и показал идти. За воротами находился нижний двор у высокой внутренней стены. Там другой страж объяснил им путь через укрепление. Чередой двориков, зажатых между двух высоких стен и соединённых в хитрый лабиринт, они добрались до выхода из крепости. На протяжении всего маршрута над их головами вдоль стен ходили вооружённые люди. В основном, они следили за окрестностями, но брат Корп знал, что их компанию провожают самым внимательным образом, и смог спокойно вздохнуть только когда они миновали крепость. Перед ними лежал лес.

– Странно это всё, – сказал брат Корп, обводя взглядом макушки сосен. – Ничего не спросили. Ни кто такие, ни откуда.

– А что им спрашивать? – возразил Бран. – Мы не первые стараниями Старосты. По нам и так всё видно.

– Не знаю, что-то здесь не чисто, – покачал головой паладин. – И дороги нет. Что за крепость, к которой нет дороги?

– Предлагаешь вернуться и выказать им наше недовольство? – спросил странник с иронией. Паладин не ответил и пошёл вперёд.

Под куполом леса было как-то по-особенному тихо. Ни криков птиц, ни шелеста листвы – всё будто замерло в немом ожидании. Каждый из путников невольно старался двигаться как можно тише, чтобы не привлекать к себе внимание.

На закате они разбили лагерь для ночлега на одной из полян, которая встретилась им по пути. Совсем рядом журчал небольшой ручей, пробираясь между огромными покрытыми мхом валунами. Из него набрали воды, развели костёр из собранного здесь же хвороста и достали припасы.

Ужин был уже почти готов, когда заметили исчезновение Иолы. Не было не только её самой, исчезли также её вещи и лошадь паладина, нагруженная его седельными сумками. Бран распорядился, чтобы Эднартайя и Плутак оставались у костра, а сам вместе с Корпом ушёл в лес, на поиски беглянки. Можно было бы предположить, что без сговора тут не обошлось, но из паладина был никудышный актер, и он не смог бы так качественно разыгрывать растерянность, которая отражалась на его лице. Оставалось только гадать, как Иола могла улизнуть прямо из-под носа трёх человек, прихватив с собой ещё и лошадь.

Посоветовавшись, они разошлись в разные стороны и стали прочёсывать лес, выкрикивая имя девушки. Вскоре они уже вовсе потеряли друг друга из виду, и только эхо их голосов, гулявшее по лесу, намекало каждому из них о примерном местонахождении напарника. В сгущающихся сумерках паладин не сразу увидел светлый силуэт платья Иолы, и потому её оклик стал для него неожиданностью.

– Праткорп, – позвала она.

– Иола, куда ты пропала? И зачем взяла лошадь?

– Нет времени, – она быстро подошла к нему, и её нежные тонкие пальцы прикрыли его губы. – Я ждала, должны ехать.

– Куда ехать? – удивился паладин. Он взял её руку и удерживал, хотя девушка уже сделала шаг к лошади.

– Альмандин. Утром там. Твои вещи и лошадь тут.

– Подожди, но как же остальные?
– Нельзя ждать. Опасно! Меч не помочь тебе, – Иола снова сделала шаг к нему. Положив руки ему на грудь, она прошептала, – Прошу, едем, Праткорп. Ждала тебя.

Когда очередной выкрик имени Иолы от паладина не прозвучал, Бран остановился, чтобы сориентироваться, куда ему стоит двигаться. Такой исход был ожидаем, и все это время он старался следить за направлением, в котором двигался Корп. Дикий вой застал его на полпути к тому месту. Это был странный, страшный зов, какого ему не приходилось слышать раньше. Странник ещё не успел понять, чем грозит этот вой, откуда он доносится и что может означать, а ноги уже несли его в сторону стоянки, на которой остались Эднартайя и Плутак. Тем не менее, на бегу он успел заметить среди деревьев проскользнувший, словно призрак, силуэт лошади с двумя седоками.

Эднартайя и Плутак сидели рядом у костра в глубоком молчании. Слепой молчал преимущественно потому, что его рот был занят пережёвыванием куска вяленого мяса, которым он подкреплялся, не дожидаясь возвращения остальных. Девушка напряжённо ждала. Из леса время от времени попеременно доносились голоса странника и паладина, звавших Иолу. После очередного её глубокого вздоха Плутак не выдержал и оторвался от своей трапезы.

– Слушай, сестрёнка, хватит охать, ты портишь мне аппетит!

– Как ты вообще можешь есть, когда такое происходит? – возмутилась она.

– А что такого, собственно, случилось? Абсолютно ничего! Скорее всего девчонка куда-то удрала, а значит, ничего страшного не стряслось. Единственный, за кого нам тут стоит с тобой волноваться, это Бран.

– Почему?

– Странный вопрос, – хмыкнул Плутак. – Пока Бран в порядке, мы с тобой тоже в порядке.

– У нас ещё есть Корп.

– Этот бешеный бык? – он прыснул смехом. – Не доверяю фанатикам. Я так скажу, мы бы и до лагеря Перебежчиков не дошли, не будь с нами Брана. С ним не пропадёшь, а кроме того, если уж Бран тебя взял в команду, значит, он уже никогда и никому тебя не сдаст. Не такой он человек. Всё это с лихвой покрывает эти его диковатые наклонности.

– Какие ещё наклонности? – Эднартайя почувствовала неприятное беспокойство.

– Да брось! Он тебе ничего не рассказал? Вот те на, а я думал, у вас всё серьёзно.

– Это в каком смысле?

– Так кто ж вас тогда на сеновале не видел?

– Во-первых, на сеновале ничего такого не было, Бран только принёс мне еды и согрел меня, – от возмущения щёки девушки налились румянцем. – Во-вторых, мне интересно, как ты мог что-нибудь там видеть?

– Не шуми, – сказал Плутак каким-то странным взволнованным голосом. Эднартайя собралась ему возразить, но в этот момент их достиг тот самый вой. На мгновение они оба замерли, а потом слепой вскочил. – Скорее! Нужно лезть на дерево!

– Плутак, что это? – в ужасе воскликнула девушка.

– Найди дерево, на которое мы можем залезть!

– Здесь нет такого, одни сосны, – озираясь, ответила она.

– Тогда в укрытие, быстрее! Я пещерку у ручья видел.

– Что значит "видел"? – изумилась Эднартайя, но слепой не ответил. Он схватил её за руку и тянул за собой. Спотыкаясь, цепляясь одеждой за кусты, он почти бежал к ручью. Среди валунов, между которыми пробирался ручей, действительно, было небольшое углубление, притаившееся за камнем. Именно из-за этого камня девушка не заметила его, когда приходила умыться. Здесь было

сыро и холодно, зато гораздо безопаснее, чем у костра. Кроме того, место их стоянки из этого укрытия хорошо просматривалось.

Эднартайя аккуратно выглянула из-за валуна. У костра было пусто, только привязанные в сторонке лошади громко и беспокойно ржали. Но вот тени задвигались, и четыре странных лохматых существа выступили на свет из кустов. Они были чем-то средним между медведем и волком, большие, с длинными хвостами и острыми мордами. Не приближаясь к огню, они стали обходить его по кругу, двигаясь к лошадям. Вдруг они остановились и подняли морды. Из леса выбежал Бран и встал у них на пути, преграждая собой лошадей. Он часто дышал и стоял, чуть согнувшись, приняв боевую стойку.

– Что происходит? – требовательно произнёс Плутак.

– Там Бран и какие-то странные звери. Они сейчас нападут на него, – дрожащим голосом прошептала девушка. Во рту у неё пересохло и сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Что он делает?

– Я не понимаю, он идёт к лошадям. Зачем? Меч? Он достал из ножен меч!

– Отвернись! Не смотри! – слепой вдруг навалился на неё и уложил на землю, зажав ей рот и прикрыв глаза ладонями. Она забилась, пытаясь освободиться от столь внезапных и грубых объятий, но когда до её слуха с места стоянки донёлся звериный рёв, замерла и притихла. Зажмурившись и дрожа всем телом, она слушала конский топот и ржание, клацанье зубов и рычание. Ей казалось, что всё это продолжалось целую вечность, и в каждое мгновение она боялась и готова была услышать отчаянный крик Брана, попавшего под удар хищника. Вместо этого до неё доносился лишь жалобный, похожий на собачий, визг.

Тишина наступила внезапно. Эднартайя вдруг поняла, что все звуки борьбы стихли, а её глаза и рот свободны. Плутак лежал рядом, крепко прижав её к себе, и не шевелясь. "Эда! Плутак!" – прозвучал охрипший голос Брана. Девушка вздрогнула, но руки слепого ещё сильнее сжались на ней, и он горячо прошептал ей в самое ухо: "Молчи, ни звука". Странник звал их снова и снова. Они не отзывались, и это было ещё страшнее, чем звуки борьбы. Голос Брана становился всё ближе, уже и шаги его стали слышны. "Морк, выходи, всё в порядке", – громко произнёс он. Слепой зашевелился. Девушка почувствовала, что его руки разжались, выпуская её из объятий.

– Мы здесь, – откликнулся он, вставая. Эднартайя всё ещё лежала, не рискуя что-либо предпринимать.

– Вы оба? Эднартайя в порядке? – спросил Бран. Его голос звучал как-то странно, надломленно.

– Да, с ней всё хорошо. Она просто испугалась.

– Хорошо, оставайтесь пока здесь. Я перенесу наши вещи на новое место и позову вас, – и снова шаги, теперь удаляющиеся. Плутак сел и тронул девушку за плечо.

– Можно сесть, всё в порядке, не бойся, сестрёнка.

Когда Бран позвал их снова, на месте прежней стоянки было темно и пусто, только залитые водой угли костра дымили тонкой струйкой. Слушаясь его совета, Эднартайя прошла мимо, стараясь не смотреть в ту сторону. Её уже ждал заботливо расстеленный матрас у огня и еда, от которой она отказалась. Впрочем, никто не настаивал. Странник выглядел уставшим и немного подавленным, вся одежда на нем была мокрой, видимо, он тщательно отмывал её после драки. Он рассказал, что видел в лесу паладина и Иолу, уезжающих в неизвестном направлении, что утром они снова отправятся в путь и не позже вечера должны достичь Альмандина, в котором для них обязательно найдётся хороший ночлег. Она внимательно его выслушала ничего не говоря и легла спать.

Как и в прошлые разы ей казалось, что она не сможет уснуть, но сон быстро и неожиданно подкрался к ней. Правда, спустя непродолжительное время девушка снова проснулась и чуть приоткрыла глаза. Костёр по-прежнему горел, и странник со слепым сидели около него, привалившись спиной к спине. Бран был повернут в противоположную от девушки сторону, потому

не мог видеть её. Подняв голову, он смотрел на небо и говорил. Под звуки его голоса Эднартайя и проснулась.

– К лучшему, что они уехали. Не хватало мне ещё зрителей. Она точно ничего не видела?

– Точно, – протянул Плутак. – Я старался, в отличие от тебя. Можно было как-нибудь аккуратнее дать мне понять, что всё в норме, а не звать по настоящему имени.

– Как будто это сейчас так важно.

– Да, важно, – заметил слепой. – Имей уважение к чужим тайнам! И, между прочим, стоило бы предупредить меня, что она не в курсе о тебе. Я же чуть было не сболтнул.

– Что ты успел наговорить?

– Ничего особенного, мол, у каждого свои странности.

– Твой язык погубит тебя однажды, – со вздохом произнес Бран. – Какого лешего ты вообще заговорил на эту тему?

– Да к слову пришлось... Я ж думал, у вас там всё серьёзно, и она знает, – в ответ Бран лишь отрицательно покачал головой. Слепой этого видеть не мог, но, помолчав, спросил, – тогда зачем ты её так обхаживаешь? И на сеновал к ней лазил.

– Ты бы меньше совал нос в чужие дела, – посоветовал странник.

– Тебя не понять, будь я на твоём месте...

– Оставайся-ка ты лучше на своём и не суйся, куда не просят. А впрочем, спасибо, что помог.

– Ты же знаешь, всегда готов, – ответил слепой, поднимая перевязанное тряпкой лицо к звёздам.

Дальше они лишь молча сидели и караулили ночь, время от времени передавая друг другу флагу с крепким напитком. Эднартайе ничего не оставалось, как снова отдаться во власть сна, день выдался трудный, а впереди их ждал путь.

Альмандин поразил своим видом даже Брана, видевшего много городов в своей жизни, не говоря уже об Эднартайе, впервые оказавшейся за пределами родного поселения. Он был прост, и в то же время великолепен. Вид на него открылся путникам, когда они выбрались из леса к большой торговой дороге. Она спускалась в долину реки, на берегах которой и развернул свои крылья таинственный город. За его стенами виднелись красные крыши домов, такие причудливые по форме, что трудно было и вообразить. Над городскими стенами реяли на ветру флаги с тем же рисунком, что был на стягах форпоста: сплетённые ромб и квадрат, в центре которых помещалась чаша в виде знака Y. У ворот стояла стража, но сами они были гостеприимно открыты людям, въезжающим или покидающим Альмандин, коих имелось значительное количество.

Компаньоны проехали широкими мощёными улицами, вдоль чистых аккуратных домов. Двери многих из них были открыты, и каждая отличалась от соседней по цвету и форме, как будто её владелец непременно хотел проявить уникальность, насколько ему позволяли возможности. Как правило, у каждой двери имелся дверной колокольчик, к которому были подвешены забавные кованые фигурки зверей, птиц или растений. Количество этих фигурок, как их тематика и форма тоже каждый раз отличались от соседских. Подоконники многих окон украшали цветы в горшках. Это были самые обычные цветы, знакомые Эднартайе, но они так хорошо и нарядно смотрелись здесь, что она даже задумалась, почему такая простая мысль не пришла в голову никому из её односельчан.

Лавочки, мимо которых они проезжали, манили ароматами выпечки, пряностей, свежих фруктов. На улицах Альмандина продавалось и покупалось столько разнообразных товаров, что не было сомнения, их везли из разных земель, от очень близких, до очень дальних.

Горожане представляли собой не менее пёструю коллекцию народностей, возрастов, ремёсел. Яркая разношёрстная толпа двигалась по улицам, каждый был занят своим делом: торговался, покупал, продавал, собирал подати, играл на музыкальных инструментах. И никто не обращал на остальных особого внимания. В Альмандине привыкли к разнообразию,

множеству, занятости. Вряд ли кто-то назвал бы его безопасным городом, но уж точно он был свободным от условностей и предрассудков.

Путники выехали на площадь перед большим храмом, посвящённым никому из них неизвестному богу, и остановились у фонтана – еще одно чудо, впечатлившее Эднартайю. Здесь они решили перевести дух, но не успели и присесть в тени деревьев, как к ним подошла незнакомая девушка. Стройная, небольшого роста, одетая в яркое синее платье. Её огненные кудри, так вольно рассыпавшиеся по плечам, и цвет одежды показались страннику знакомыми. Она приветливо улыбалась.

– Добрый день, друзья! – произнесла она. Её голос оказался необычайно красивым и мелодичным. – Я рада встрече с вами!

– Добрый, – отозвался Бран. – Хотя вряд ли мы можем быть друзьями, если незнакомы.

– Да, вы меня не знаете. Хотя я ждала вас здесь. Моё имя Яра, меня прислал за вами Кастор, – с этими словами она посмотрела на Брана, продолжая обворожительно улыбаться. Он кивнул.

– Хорошо, мы готовы следовать за тобой.

– Минутку! – вмешалась Эднартайя и, взяв Брана за рукав, потянула его в сторону. – Нам нужно переговорить между собой.

Он улыбнулся Яре в извинительной манере и последовал за своей настойчивой спутницей. Плутак остался стоять на своём месте, держа в руках поводья лошадей, которые успел передать ему странник. Яра подошла к слепому и ласково коснулась его руки. "Давай я возьму их", – предложила она, забирая у него поводья. Он ничего не ответил, лишь обернулся в её сторону и замер. Аромат, исходивший от неё, был знаком ему, хотя он уловил его лишь второй раз в жизни.

– Почему мы собираемся идти за ней? – возмущённо зашептала Эднартайя. – Кто она?

– Не знаю, но она пришла от Кастора, а это друг твоего отца, с которым я должен был встретиться в Альмандине, – ответил Бран спокойно. – Тебя что-то волнует?

– Да, с чего бы начать? – Эднартайя выглядела недовольной. Яра, конечно же, не понравилась ей. Ни её манеры, ни внезапное и таинственное появление, ни улыбки, которыми она одаривала Брана, не вызывали в девушке доверия. – Что-то в этом не то... Во всей этой ситуации, в этой девице. Не знаю. Может, та записка на пепелище вообще её рук дело?

– Мы не узнаем, если не пойдём с ней. Не волнуйся, я буду на чеку, – пообещал он.

Девушке ничего не оставалось, как уступить, и они отправились следом за приветливой новой знакомой. Она привела их на другой конец города, за реку, к небольшому симпатичному дому. Вокруг него был разбит богатый разнообразием растений палисадник, над входной дверью, как и у всех домов, имелись колокольчики с длинными шнурками и подвешенными к ним фигурками лесных зверей и птиц. Внимание Эднартайи почему-то особенным образом ухватилось за тип этих фигурок. Среди них были: медведь, бык и сова. Обстановка внутри дома оказалась не менее уютной, чем его внешний вид. В гостиной, куда Яра привела путников, мебель была украшена искусной резьбой, изображавшей растительные орнаменты, пол выложен в сложной мозаике, и множество вазочек и статуэток с изображением цветов и насекомых создавали эффект цветущего сада. На столе гостей ждало угощение в виде хлеба, фруктов и сыров, а также кувшин вина.

Хозяйка предложила путникам располагаться и, пообещав тут же вернуться к ним, исчезла за массивной дубовой дверью комнаты. Эднартайя сделала шаг к столу, но Бран остановил её предупредительным жестом и отрицательно покачал головой. Они сели на приготовленные им стулья и стали ждать, осматриваясь.

– Я узнал её, – тихо произнес Плутак. – Пока вы там шептались. Это она приходила ко мне в Берложье и сказала, чтобы я поехал с тобой, Бран. Её голос и цветочный аромат.

– Занятно, – ответил Бран и переглянулся с Эднартайей. – Что-то мне подсказывает, что мы все с этой Ярой неоднократно уже пересекались.

– Ты совершенно прав! - Яра стояла в дверях комнаты и держала в руках большую кипу свитков. Подойдя к столу, она аккуратно разложила их, а затем устроилась в пустующем кресле напротив гостей. У неё была невероятная манера двигаться. Казалось, что она почти не касается пола, такой лёгкой была её походка и все движения. Расправив подол платья, она подняла взгляд и улыбнулась. Её имя потрясающим образом подчеркивало её внешность. Солнце будто коснулось своими лучами её щёк, рассыпав по ним весёлые рыжие веснушки, и поселило озорной огонёк в тёмно-синих глазах. Сейчас они искрились для странника. – Ты узнаёшь эти свитки, правда, Бран?

– Да, и, кажется, они тебе не принадлежат, – заметил он.

– Я просто сделала за тебя работу, – отмахнулась Яра.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы кто-то делал за меня мою работу, – холодно заметил Бран.

– Прости, но так было лучше для всех. Эти свитки гарантированно должны были вернуться в Альмандин, из которого их однажды увезли.

– Это что-то новенькое, – усмехнулся он.

– Представь себе, – произнесла она мягко. Несмотря на недружественный тон странника, их новая знакомая оставалась милой и приветливой. – Они были взяты, вернее, украдены из городской библиотеки.

– Бран, я ничего не понимаю, – произнесла Эднартайя, тронув странника за руку. – Это те свитки, что принадлежали отцу?

– Давай лучше я всё объясню, – сказала Яра.

– Извини, но я обращалась к Брану, – в глазах Эднартайи появились огоньки раздражения. – Это наше личное дело.

– К сожалению, ты ошибаешься, – Яра отрицательно покачала головой. – Оно никогда не было личным, тем более, вашим.

– Что ты можешь об этом знать?

– Гораздо больше, чем кто либо из здесь присутствующих, – преимущество было явно на стороне Яры, и потому она продолжала держать мягкую спокойную улыбку. Но даже понимая это, Эднартайя не торопилась признавать поражение. Она скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула.

– И какова же твоя версия? – поинтересовалась она. Бран, наблюдая за развернувшимся поединком, с трудом сдерживал улыбку.

– Я рада, что ты всё-таки захотела послушать. Правда, мне придётся начать несколько издалека, чтобы всё расставить по местам. Это займёт время, поэтому угощайтесь, вы же наверняка устали, голодны и хотите пить. Прошу вас! Не бойтесь, никому не нужно травить вас.

Эднартайя переглянулась с Браном, и оба остались сидеть. А вот Плутак не видел причин отказывать себе в удовольствии, поэтому принял из рук Яры бокал с вином и булочку, которые она услужливо ему подала.

– Вы ведь знаете, в каком городе находитесь? По преданию Альмандин был построен древними магами, или заклинателями, как принято называть их в землях Одена, пришедшими с севера. В те времена там случилась страшная война, от которой они бежали, чтобы сохранить себя. Они пришли сюда, в небольшое поселение на перепутье дорог, обосновались и стали обучать способных детей, которых им удавалось встречать в этих землях.

– Чему обучать? – спросила Эднартайя.

– Магическому искусству, конечно. С годами город вырос, в него стали приезжать самые разные люди, привлечённые слухами о магах и их мастерстве.

– И чтобы себя обезопасить от непрошенных гостей, маги сгустили вокруг города такой туман, что никакой неугодный чужак не мог бы найти дорогу к нему, – закончил Бран с сарказмом в голосе. – Банальная сказка.

– Про туман – да, – улыбнулась Яра. – Об Альмандине ходит много глупых легенд. Они и есть тот самый туман, за которым город надёжно спрятан. Но то, что я вам коротко рассказала – его настоящая история. Так вот, с тех самых пор здесь живут люди, передающие принесённое древними магами знание. Конечно, помимо них в городе много и обычных горожан, купцов, охранников и других людей, не имеющих к магии никакого отношения. Людей, которые просто любят этот город, заботятся о нём, связывают с ним свои жизни. Вы увидите, Альмандин прекрасен. Но речь сейчас не о нём. Кастор, мой учитель, рассказывал, что некогда вместе с ним магическому мастерству обучался здесь один юноша по имени Алвис. Они дружили и много общались до тех пор, пока однажды Алвис не сбежал из Альмандина, забрав с собой вот эти свитки из библиотеки магов. Говорят, его долго искали, но безуспешно. Кастор рассказывал, что Алвис всегда был талантливым магом.

– Ты говоришь о моём отце? – переспросила Эднартайя.

– Да, именно так, – согласилась Яра.

– Это нелепо! Мой отец никогда не бывал в Альмандине.

– Агний Рун, – произнесла гостеприимная хозяйка. Эднартайя встрепелась.

– Что? – тихо спросила она.

– Агний Рун, – повторила Яра. – Ты ведь уже слышала эти слова?

– Это шифр, – ответила Эднартайя, взглянув на Брана. Яра уловила этот взгляд и довольно улыбнулась.

– Нет, это не так. Тебя ввели в заблуждение. Вот Агний Рун, – она указала лёгким движением на свитки.

– Рукописи? – удивилась Эднартайя и посмотрела на Брана.

– Книга, – уточнил он.

– Точнее, Агний Рун был автором этой книги, – поправила Яра, – которую Алвис вывез из Альмандина.

– Книга могла попасть к нему любым способом, – возразил Бран.

– Конечно, я предлагаю не делать поспешных выводов и лишь рассказываю историю, которая ещё не подошла к концу. Среди учеников был ещё один, его звали Кверн.

– Приор? – вмешался Плутак, дожёвывавший булку.

– Да, он самый, – подтвердила Яра. – Он пропал из города вместе с Алвисом, только по совсем другой причине. Такое случается в период обучения, человек пугается и покидает путь мага. Но для Кверна этого оказалось мало. У него появилось желание искоренить магов, как таковых, а вместе с ними и их знание. И надо сказать, он весьма в этом преуспел. Потому Алвис и попросил тебя, Бран, привезти свитки к нам. Долгое время он прятал их от магов Альмандина, чтобы их не забрали и не вернули назад, пока не понял, где настоящая угроза.

– Знаешь, мой отец никогда не был похож на человека, который от кого-то скрывается, – сказала Эднартайя в очередной попытке защититься.

– Разумеется, ведь он – маг, а маги умеют становиться очень разными, – ответила Яра.

– Алвис просил меня встретиться с Кастором, – напомнил Бран, вмешиваясь в диалог. – Мы можем увидеться с ним?

– Сможете, но не сегодня. Он ещё не вернулся, поэтому попросил меня принять вас. В доме для каждого готова комната, где вы можете отдохнуть.

– Когда он вернётся?

– Скорее всего, завтра. Так он сказал мне.

– В таком случае, благодарю за гостеприимство, – ответил странник за всех.

– Тогда я готова проводить вас. Плутак, начнём с тебя. Идём, я помогу, – Яра взяла слепого под руку, и они вместе покинули комнату.

– Бран, ты считаешь, здесь безопасно? – почти шёпотом спросила Эднартайя.

– Да, я уверен. Твой отец говорил, что Кастору можно доверять, как ему самому.

– И ты знаешь этого Кастора?
– Только со слов твоего отца, – эти слова явно не успокоили Эднартайю. Она тяжело выдохнула.
– И всё? – требовательно спросила она.
– Не торопись, – осадил её Бран. – Слишком много лишних вопросов, на которые пока что нет ответов. Нужно подождать, встретиться с Кастором, поговорить с ним.
– О чём, Бран? – воскликнула девушка. – Я ничего не знаю, какой может быть между нами разговор? Здравствуй, меня отец отправил сюда, только я не знаю зачем и кто ты такой? И, судя по всему, не знаю, кто такой мой отец!
– Да ты – тигрица, Эда, – усмехнулся странник. – Пыталась закусить Ярой, а теперь мной? Эднартайя осеклась, ей сделалось смешно от слов Брана. Улыбнувшись, она отвела взгляд в сторону.
– Извини, я слишком несдержанна, – в её голосе послышалось смущение. – Потому что я не понимаю происходящего. Свитки отца, которые ты должен был доставить сюда, оказывается, из Альмандина. И мой отец жил когда-то здесь. И он... маг? Как это всё может быть? Ты веришь в это? В слова Яры? В магию?
– Я пока тоже не понимаю о чём речь и надеюсь, тебя это немного утешит. Если твой отец направил нас с тобой сюда, к Кастору, значит, Кастор сможет нам что-то объяснить. Дождёмся его.
– Бран, что тебя связывает с отцом? Что у вас были за дела? – спросила она проникновенно.
– Скажем так, я ему обязан, – ответил Бран, отводя взгляд.
На этом их диалог был прерван появлением Яры.

ГЛАВА 9. РАЗГОВОР С МАГОМ

Вечером после сытного ужина каждый из компаньонов оказался предоставлен самому себе. Времени до возвращения Кастора было много, поэтому Бран решил посвятить его исследованию города. Он отдохнул, смыл с себя дорожную пыль, переоделся и, взяв денег, отправился на прогулку. Эднартайя и Плутак предпочли остаться каждый в своей комнате и отдыхать.

Он побродил по тёмным улицам, немного посидел в одном из людных трактиров, обменявшись слухами и байками с болтливыми доброжелательными завсегдатаями за кружкой ароматного эля, прогулялся по их совету к зданию Библиотеки и площади Пяти Храмов, полюбовался архитектурными достижениями местных каменщиков и к рассвету добрался до берега реки, разделявшей город на две части. Здесь он расстелил куртку и уселся на траву лицом к восходу. Небо начинало светлеть у горизонта. Только теперь он ощутил усталость, скопившуюся за прошедший день во всём теле. Решив дать себе немного отдыха, он лёг на спину и не заметил, как уснул.

Перед ним снова был знакомый лес в жаркий полдень. Солнечные блики на листьях кустарника перед самыми его глазами. Юноша в простой одежде на тропинке снова оглядывался по сторонам. В его руке – старый отцовский меч, ржавая железка, плохо наточенная, неискусная, но смертельно опасная, как жало шершня. Он осматривался, он искал. На его лице играла улыбка. Ему было весело, его забавлял тот оборот, какой приняла уже привычная забава. Уверенность в собственной силе и правоте переполняла его. В его глазах горел огонь, недобрый, жадный огонь охотника, вышедшего на след своей жертвы. Он двинулся вперёд. Взмахнул клинком, рассекая воздух, и опустил его на рядом стоявший куст, повёл мечом по веткам и листе, распугивая насекомых, прятавшихся в ней. Он был так занят, что увидел слишком поздно. Гримаса боли исказила черты его лица, и из горла вырвался истошный крик, заполонивший собой весь окружающий мир, покрывший все другие звуки, оглушивший и поразивший Брана в самое сердце.

От этого крика странник и проснулся. Он часто дышал, и дрожь пробегала по его телу. Он сел, растирая руками лицо. Вокруг было безлюдно и тихо. Небо на востоке уже лучилось от поднимающегося солнца. Отдышавшись, Бран спустился к реке, умылся и снова вернулся на своё место. Он уже почти пришёл в себя, когда позади него мягко зашуршали шаги и с ветерком долетел нежный аромат летнего сада. Странник обернулся и увидел Яру. На ней было бледно-розовое платье, и в тон ему в собранные наверх волосы она вплела маленькие садовые розочки. Её образ как нельзя лучше соответствовал этому утру и этому часу, будто она вышла из самой зари.

– Доброе утро, Бран, – мягко произнесла она. – Как прогулка? Понравился тебе город?

– Ну, здравствуй. Снова следишь?

– Извини, если я помешала тебе. Но, если честно, ты выбрал для отдыха одно из моих любимых мест. Отсюда красивые восходы, – она чуть кивнула в сторону поднимавшегося солнца.

– Наверное, это мне стоит извиниться, в таком случае... – начал он, вставая.

– Не нужно. Давай сядем и вместе полюбуемся, – она расстелила на траве плед и опустилась на него. Бран снова сел, теперь уже рядом с ней. – Я всё понимаю. Меня бы тоже раздражало, если бы за мной следили.

– Тогда зачем ты это делаешь?

– Больше не делаю, – Яра покачала головой. – Когда Кастор узнал о паладине, которого ты взял с собой, он попросил меня найти хранилище Алвиса в лесу и забрать оттуда книгу.

– Там была не только книга, – заметил Бран. – Где остальные вещи? Надеюсь, ты их не спалила вместе с домом?

– Я всё перенесла к нам. Они у Кастора в кабинете, если тебе что-то нужно забрать, ты можешь это сделать, – она равнодушно пожала плечами. – Между прочим, за вами от Холодного ручья шёл шпион, поэтому я сожгла дом. Его потом поймали Перебежчики. Староста даже говорил тебе об этом, если я не ошибаюсь. И ещё одно. Они проверили все ваши седельные сумки. Если бы нашли книгу, её бы точно забрали. У Старосты свой интерес к редким вещам.

– Откуда тебе всё это известно? – поинтересовался он.

– Мне много чего известно, – Яра лукаво улыбнулась, сощурив свои раскосые глаза так, что они превратились в две щёлочки. – Например, как стражник у Огненных врат отправил вас к Альмандину через Дикий лес, хотя есть куда более безопасный путь.

– Брат Корп сразу почуял неладное, – кивнул странник.

– Конечно, это ведь из-за него и случилось. Не будь с вами паладина, вас направили бы по обычному маршруту вдоль дороги, ведущей напрямик к городу.

– И как же тебе удалось побывать во всех этих местах, да ещё остаться незамеченной? Может, расскажешь?

– Секрета тут нет. Это магическое умение, которое мы называем Скольжением. Ты ведь слышал такие истории о заклинателях, появляющихся и мгновенно исчезающих? Способных перемещаться одним прыжком через целые города? – поддразнила она.

– Слышал, конечно, но не считал это возможным. Покажешь? – предложил Бран. Яра отрицательно покачала головой.

– Не получится, всё, что ты сможешь увидеть, моё исчезновение. Вероятно, тебе покажется, что ты случайно закрыл глаза, поэтому пропустил его, – она мягко засмеялась. – Наш рассудок всегда ищет простые объяснения.

– Ну хорошо, – смирился он. – Значит, ты – заклинательница?

– Мне не нравится это слово, – она смешно поморщила нос. – Ведь это неправда, мы никого не заклинаем. Таких, как я, у нас принято называть Многоликими, или просто магами.

– Звучит странно. И чем ты занимаешься помимо Скольжения и слежки за людьми? Варишь зелья из лягушек? Летаешь на метле? – поинтересовался Бран с нескрываемой иронией. Яра снова рассмеялась.

- Не только из лягушек и не только на метле. Объяснить, чем занят маг, сложно.
- Допустим. И как же ты стала магом?
- Это долгая история. Маги Альмандина передают знание по наследству, но у них нет собственных детей. Для этого они ищут подходящих приемников среди одарённых малышей. Иногда подкидышей, иногда сирот, а иногда и таких, которых родители готовы продать за приемлемую цену. Это про меня. Мать путешествовала с одним из торговых караванов, когда он проезжал Альмандин. Здесь она встретила Кастора, который увидел меня и предложил моей матери сделку.
- Мне очень жаль, – сказал Бран серьёзно.
- Не стоит, – она сделала лёгкий жест рукой, словно прогоняла мошку. – Жить в Альмандине прекрасно. Я люблю этот город и людей, которых знаю. Ты увидишь, как здесь хорошо. Люди открытые и добрые. Мы всегда и всех принимаем такими, какие они есть. И если ты захочешь остаться, то скоро почувствуешь себя среди своих.
- Всё возможно, – усмехнулся он, глядя на светящуюся от счастья Яру. Судя по её виду, она была совершенно искренней в том, о чём говорила. – А город, действительно, красивый.
- Я его хорошо знаю. Могу тебе показать, – предложила она. – Заодно позавтракаем в каком-нибудь приятном месте. Что скажешь?
- С удовольствием, – согласился Бран.

Эднартайя проснулась, когда утро уже всюю расправляло свои крылья. Сначала ей показалось, что в доме никого нет – так было тихо. Однако, выйдя из своей комнаты, она уловила замечательный аромат готовившегося завтрака, шедший из кухни. Туда девушка и направилась. Сквозь открытое окно мягкий утренний свет падал на длинный обеденный стол, у которого стоял мужчина и что-то помешивал в большом керамическом горшке. Когда Эднартайя вошла, мужчина посмотрел на неё и улыбнулся. Одежда на нём была из дорогих тканей, явно сшитая на заказ: длинный до колен кафтан сочного зелёного цвета и коричневые штаны, заправленные в высокие сафьяновые сапоги. Седые волосы аккуратно уложены, борода тщательно подстрижена.

Он посмотрел на гостью и пригласительно кивнул, прибавив к этому ещё и мягкую улыбку.

– Доброе утро, Эдни! Не стесняйся. Я как раз собирался позавтракать и мне будет приятно, если ты присоединишься.

– Ты – Кастор! И мы уже встречались, – произнесла она, чуть нахмурившись. Его лицо казалось ей не просто знакомым, Эднартайя чувствовала, что много раз виделась с этим человеком.

– Верно, неоднократно. В доме твоего отца. Хотя, могу поспорить, тебе сложно это припомнить.

– Да, почему-то, – согласилась она, подходя и присаживаясь напротив него за стол.

– Я тебе немного позже объясню, почему так вышло, – пообещал он и поставил перед девушкой тарелку с кашей, над которой поднимался ароматный пар. – Думаю, нам стоит начать беседу с того, для чего ты здесь. У тебя самой есть версии?

– Отец не хотел, чтобы люди из Ордена взяли меня под стражу?

– Да, но это не главная причина. Скажу тебе честно, ты бы всё равно оказалась в Альмандине, Орден лишь стал поводом, приблизившим твоё путешествие, – он тоже сел и, зачерпнув ложкой кашу, с удовольствием её съел.

– Это как-то связано с делами отца?

– Тоже верно лишь отчасти. Не буду тебя водить вокруг да около, раз ты не знаешь, – он кивнул на её тарелку. – Ешь, пока горячее, а я тебе кое-что расскажу. Дело в том, Эдни, что ты – талантливая девушка. Твоему отцу всегда хотелось помочь тебе в твоём развитии, но в силу ряда обстоятельств он не мог этого сделать, поэтому прислал тебя сюда.

– О каких талантах идёт речь? – спросила она, нахмурившись.

– Магических, разумеется. Альмандин – это город магов, как ты уже слышала, вероятно. Я – один из них. Мы набираем себе учеников, чтобы обучать их магическому искусству. Ты ведь знакома с Ярой уже? – Кастор пронизательно посмотрел на неё. Эднартайя кивнула. – Она – одна из моих учеников. И мы с твоим отцом договорились, что он пришлёт тебя в Альмандин, чтобы здесь я смог обучить и тебя.

– Прошу прощения, – проговорила девушка, рассмеявшись. – Я не верю в заклятия. Всё это звучит дико и нелепо.

– В магию, – мягко поправил Кастор.

– Какая разница?

– Орден специально называет нас заклинателями, чтобы сгустить краски и превратить нас в глазах людей в фокусников. Мне бы не хотелось, чтобы ты заблуждалась на наш счёт.

– Пусть так, но одно слово вряд ли изменит моё отношение.

– Разумеется, не изменит. Тем не менее, разве твой отец когда-нибудь тебя обманывал?

– Нет. И именно поэтому я сильно сомневаюсь в услышанном. Если бы у меня были какие-то таланты, подобные тем, о которых ты говорил, почему отец не упоминал об этом? Как он мог их разглядеть, если я их никогда раньше не проявляла?

– Напротив, ты делала это неоднократно. Только забыла. И это ещё одна причина твоего приезда в Альмандин. Тебе многое нужно вспомнить, – он съел очередную ложку каши и отодвинул тарелку в сторону. – Ведь ты знаешь, что мы с тобой встречались, но не помнишь этого. Не помнишь наших разговоров в доме твоего отца. Не помнишь, как совершала вещи, которые теперь тебе показались бы невероятными.

– Как такое возможно? – её тон изменился. Эднартайя чувствовала беспокойство близкое к страху, которое вызывали в ней слова Кастора. У неё было ощущение чего-то знакомого, но она никак не могла вспомнить, о чём идёт речь.

– Иногда так бывает, – он развёл руками. – С тобой кое-что случилось, и ты всё забыла.

– Что случилось? – её сердце сжалось от недоброго предчувствия.

– Я не могу тебе рассказать, иначе это не сработает. Ты просто не поверишь мне.

– Почему ты так считаешь? – нахмурилась она.

– Потому что ты не веришь в магию, – улыбнулся он. – Ты должна вспомнить всё сама.

– С чего вдруг это со мной случится, если не случилось раньше?

– Так ведь ты и не пыталась до сегодняшнего дня, – Кастор подмигнул ей. – Я тебе помогу. Многое расскажу, в том числе, о твоём отце, дам тебе книги, познакомлю с другими магами. Но ты должна дать своё согласие. Хочешь ты вспоминать себя и учиться или нет. Но при этом, разумеется, тебе придётся остаться в Альмандине.

– Понимаю, – произнесла она задумчиво. Слова Кастора вызвали в ней интерес. Он уже зацепил её любопытство, уже поманил обещаниями чего-то необычного, а разве не об этом она столько мечтала? И в то же время её тревожила мысль о том, что ей придётся остаться в городе, вдали от родных, от отца, с которым неизвестно что происходит. Её охватили сомнения.

– Но как же моя семья? – спросила она. – Ведь они все остались там.

– Да, – согласился Кастор. – Придётся выбирать. Тем не менее, ты расстанешься с ними не навсегда. Обучившись, ты сможешь вернуться к ним, если захочешь. Тебя никто не неволит.

– А Бран? – вдруг спросила девушка.

– А что Бран? – оживился её собеседник и с любопытством посмотрел ей в глаза. Эднартайя смутилась, она и сама не могла понять, почему этот вопрос сорвался у неё с губ. Видя её растерянность, Кастор продолжил, – он своё обещание выполнил, тебя привёз. Теперь он свободен.

– Но... – она медлила, подыскивая подходящие аргументы, – если мне потребуется вернуться?

– Если так случится, мы решим этот вопрос, – пообещал Кастор.

– Я могу подумать?

– Тебе необходимо подумать! У тебя есть время.

– Сколько?

– Ни сколько, – рассмеялся он. – Время нам не принадлежит. Но ты можешь думать столько, сколько тебе понадобится.

– Даже если это займёт годы? – пошутила Эднартайя.

– Дорогая моя, я точно знаю, что это произойдёт гораздо быстрее. А теперь давай выпьем чая с пирогом, и я настоятельно тебе советую прогуляться по городу. Уверен, он тебе понравится!

Позднее, когда завтрак уже был окончен, и Эднартайя шла по людным улицам Альмандина, она поняла, что забыла спросить Кастора о самом для неё важном – книге и причинах, по которым её отца заключили под стражу. Их диалог состоялся совсем не так, как она планировала, и это рассердило её. Гуляя по городу, рассматривая дома и людей, Эднартайя обдумывала следующую беседу с хозяином дома и все возможные варианты её развития.

Надо сказать, что несмотря на то, что она впервые оказалась одна в таком большом поселении, девушка чувствовала себя вполне комфортно. Наконец-то она могла дать волю своему любопытству, не стесняясь строгих норм и правил. В Альмандине была разнообразная и пёстрая публика, и люди так привыкли к этому, что уже и не обращали внимания на чужаков обоих полов, слоняющихся тут и там, по делу и без него.

Эднартайя прогулялась по ярким центральным улицам, полюбовалась на статуи главной площади, купила в пекарне свежую горячую булку и добралась до рынка. Здесь было так много палаток со всевозможными товарами, что даже надвигавшаяся жара не смогла бы остановить девушку в желании всё посмотреть. Но не успела она пройти и первого ряда, как навстречу ей из-под навеса со сладостями вышли Бран и Яра.

– Какая встреча! Здравствуй, Эда. Гуляешь одна? А где Плутак? – спросил странник, приветственно улыбнувшись.

– И тебе привет, – ответила она, смерив взглядом Яру. – Не знаю, не видела его сегодня. Должно быть, он ещё спал, когда я ушла. Кстати, вернулся Кастор, и мы беседовали с ним.

– Это хорошо, мы тоже возвращаемся. Пойдём с нами, жара усиливается, и лучше её переждать.

– Я только пришла на рынок, – возразила она, покачав головой.

– Да, рынок в Альмандине замечательный, – вставила реплику Яра.

– Ты ещё успеешь его посмотреть, – пообещал Бран, игнорируя замечание спутницы и беря Эднартайю под локоть.

Так они троём вернулись в дом Кастора. День выдался жаркий, один из самых жарких за то лето. В городе пахло раскалённым камнем и пылью. Стояла непривычная тишина: все жители попрятались в домах и под навесами, где пережидали зной. В гостиной дома мага было прохладно. Шторы не позволяли проникать солнцу в помещение, а сад за окном сохранял влагу.

Яра принесла из погреба прохладительные напитки, а Бран позвал Плутика. Слепой проспал всё время до их прихода. По его словам, он проснулся утром, спустился на кухню, позавтракал оставленными на столе фруктами с хлебом, и снова вернулся к себе отдыхать. Никого он при этом не встречал и не слышал, дом был тихим, как пустой. Яра пошутила, а не приснилась ли Эднартайе встреча с Кастором. Последняя не обнаружила своим видом никаких признаков обиды и даже, посмеявшись, согласилась, что такое вполне могло с ней произойти, учитывая, в каком странном месте они находятся.

Они провели вместе около часа, беседуя обо всяких пустяках и обмениваясь шутками, и могли бы просидеть ещё столько же, но в прихожей хлопнула дверь и послышались шаги.

– Это Кастор, – сообщила Яра радостно.

Странник повернулся к двери и внезапно поймал себя на странном беспокойстве, которое часто возникало у него перед важными встречами, способными принести серьёзные перемены в

жизни. В комнату вошёл хозяин дома, и к своему удивлению Бран узнал в нём путника, которого встретил на дороге, когда ехал в гости к Алвису.

– Приветствую долгожданных гостей! – он обвёл взглядом присутствующих и улыбнулся. Бран и Плутак встали, приветствуя его, Эднартайя улыбнулась и кивнула. – Я вижу, вы спасаетесь от жары за вином и приятной беседой.

– Да, учитель, ты хочешь вина? – спросила Яра, предусмотрительно подготовившая пятый бокал.

– Не откажусь, дорогая, – он прошёл и опустился в свободное кресло. Странник и слепой тоже сели. – Я был в Совете, старое здание раскалилось на солнце, как сковородка. Решили перенести встречу на завтра, чтобы не мучить себя.

– А нас жара прогнала с рынка, – сообщила ученица, передавая ему бокал.

– Так вот где вы прохаживались, пока мы с Эднартайей завтракали, – Кастор рассмеялся. – Эдни, тебе удалось хоть немного осмотреть город до жары?

– Да, он невероятно красивый, – она была явно довольна собой и тем, что уже успела некоторым образом подружиться с хозяином дома.

– Это верно, – согласился он. – Что ж, Бран, пришло время нам с тобой побеседовать. Ты готов?

– Разумеется, – ответил странник.

– Тогда прошу за мной, – Кастор сделал пригласительный жест. Он взял свой бокал и направился к дальней двери, ведущей в смежную комнату, его кабинет.

Вместе со странником они ушли туда, и дверь за ними закрылась. Девушки проводили их взглядами и вернулись к беседе. У них завязался диалог о рынке и товарах. Хотя оттепели в их отношениях пока не намечалось, обе старательно поддерживали нейтралитет. Плутак остался возле них и время от времени участвовал в разговоре, хотя он больше прислушивался к совсем другому диалогу, который вели в тот момент Бран и Кастор в соседней комнате. Говорили они негромко, но острый слух Плутика хорошо улавливал слова и интонации собеседников.

– Я рад, что тебе удалось добраться до Альмандина в это непростое время. И ты привёл с собой даже больше спутников, чем я предполагал, – с весёлыми нотками в голосе произнёс Кастор. Задвигались стулья – собеседники сели.

– Не думаю, что для тебя это сюрприз, ведь так? С такой-то помощницей, как Яра.

– Ты прав, – довольно признал хозяин дома. – Яра, действительно, присматривала за вами.

– А заодно обчистила тайник Алвиса по твоей просьбе, – подметил Бран.

– Тебя это задело? Напрасно. С тобой в компании ехал человек из Ордена, кто знает, какие неожиданные повороты могли бы ждать вас в путешествии. А так ты мог не думать о бумагах и позаботиться о себе и безопасности Эднартайи. И это было важно, потому что вы оба должны были приехать сюда. И если уж в тебе, мой мальчик, никто не сомневался, то для Эднартайи не было другого шанса попасть в Альмандин, кроме как с тобой. Думаю, ты и сам это сейчас понимаешь. Не было и не могло быть другого более удачного момента для такого путешествия, чем тот, который вам представился.

– Допустим, так оно и было. Яра уже кое-что рассказала о ваших, – странник сделал паузу, – умениях. Допустим, книга должна была вернуться сюда, я мало об этом знаю и не интересуюсь подробностями. Но Эднартайя – живой человек, и я хочу знать, зачем я привёз её сюда и с кем оставляю.

– Действительно, это немаловажно, – согласился Кастор. – Почему же ты не спросил об этом у Алвиса перед путешествием?

– У меня не было на это времени.

– Поэтому ты без лишних вопросов взялся за сомнительное поручение, подверг опасности свою жизнь и жизнь человека, который тебе безразличен?

– Согласен, это может казаться странным, – ответил Бран, – но я доверяю Алвису, потому что знаю, он не совершает необдуманных поступков. Если он просит о чём-то, у него есть на то веские причины.

– Причины у него, несомненно, есть. И тем не менее, ты доверил ему самое ценное – свою жизнь, Бран, – заметил Кастор. – И делал это уже неоднократно. Например, когда ездил по его поручениям к людям, преследуемым Орденом. Ведь Алвис не говорил тебе, что они – заклинатели, так?

Повисла пауза.

– Не говорил, – согласился странник. – Но я знаю об этом.

– Конечно, знаешь, но не от самого Алвиса. А что было в тех посылках, которые ты отвозил им? Деньги? Документы? Говорил ли он тебе о степени их важности? – голос Кастора звучал спокойно и мягко. – Ты не знаешь ни о значении книги, которую должен был привезти в Альмандин, ни о том, кто я такой и почему стоит мне верить.

– Это так, – признал Бран. – Но какое отношение к делу это имеет сейчас?

– Прямое, и я тебе объясню, – дружелюбным тоном ответил Кастор. – Я могу рассказать о том, о чём был вынужден молчать Алвис из соображений вашей с Эднартайей безопасности.

– Яра уже рассказала кое-что о вашей с Алвисом дружбе и его прежней жизни здесь.

– Очень хорошо. Видишь ли, когда Алвис покинул Альмандин, это был значимый момент для многих из нас. Он уехал, потому что хотел поделиться знаниями с людьми, что было запрещено. И он забрал книгу, хотя не имел на это права. Она была написана основателем Альмандина, предназначалась только магам и не должна была покидать стен города. Мы искали его много лет. Я оказался первым, кто смог найти его, но не выдал остальным. Ведь когда-то мы были друзьями. Я верил, что он ошибся, что смогу переубедить его. Мы снова стали общаться, беседовать. Он доказывал мне своё, я ему – своё.

– Больше никому не удавалось найти Алвиса за столько лет?

– Удавалось, конечно. Но одно дело найти, другое – договориться и остаться живым, – Кастор тихо посмеялся. – Как ты понимаешь, дело обстояло крайне серьёзно. Всё изменилось, когда родилась Эднартайя. В Альмандине считается, что маги не должны иметь детей, потому что эти дети оказываются неспособными к знанию, а маг при этом теряет силу. Дочь Алвиса стала первым исключением. Она была способной, и Алвис хотел учить её сам. Я тогда уже имел влияние в Альмандине, и мне удалось уговорить моих собратьев по ремеслу дать Алвису время и шанс.

– Для чего?

– Одуматься и вернуться. Всё к этому шло, ведь он жил в землях уже окрепшего Ордена. Приор искал людей, как-то связанных с Альмандином. Ему было известно о пропаже книги, это был лишь вопрос времени, когда бы он всё сопоставил и узнал в Алвисе человека, увёзшего книгу. Кроме того, наш с тобой друг вёл весьма активную деятельность по распространению магического знания и поддержанию отношений с рядом людей, объявленных вне закона.

– Насколько мне известно, Алвис и Приор давно знакомы, – возразил Бран. – Почему же за столько лет Отец Кверн ничего не предпринял, если всё знал.

– Он – умный и заинтересованный человек. Ему удалось встретить достойного оппонента, и он не спешил с ним расправляться. Кроме того, Приор до недавнего времени не знал о способностях Эднартайи. Как только эти слухи до него дошли, пусть и с сильным опозданием, он приготовился действовать.

– Значит, правда, что в день нашего отъезда Приор приехал в дом Алвиса за ним и Эднартайей?

– Да. На этот случай у нас с Алвисом была договорённость, что его дочь отправится в Альмандин, где я займусь её обучением. А кроме того, в качестве примирения, он должен был вернуть книгу.

– Почему Алвис сам отказался ехать в Альмандин?

– Так он решил, – усмехнулся Кастор. – Он всегда говорил, что его путь пролегает аккуратно между выбором магов и Приора, и никому из них он не хочет отдавать предпочтения. Накануне твоего приезда в дом Алвиса, мы виделись с ним и обо всём договорились.

– Как вы могли быть уверены, что всё это произойдёт и когда?

– Мы же маги, не забывай. Это открывает ряд преимуществ перед другими людьми, – пошутил Кастор. – Например, когда Яра сообщила, что с вами едет паладин, Алвис снял защиту с дома, где хранилась книга, чтобы мы могли забрать её оттуда. Он хотел, чтобы до конца пути книга оставалась у тебя в качестве гарантии того, что мы примем вас в Альмандине, но ему пришлось довериться мне.

– Что же теперь с ним будет? – проговорил Бран задумчиво. – Приор не получил от него ни книги, ни Эднартайи.

– Я не знаю, это решение Алвиса, а ведь ты сам сказал, что доверяешь ему, – проговорил Кастор живо. – Заметь, мы снова вернулись к теме твоего доверия.

– Для чего? – в голосе странника слышались напряжённые нотки.

– Чтобы поговорить о тебе и причине, по которой ты оказался в Альмандине.

– Я выполнял поручение Алвиса за деньги, – напряжение в голосе Брана смешалось с упрямством.

– Да, но не только. Мы с Алвисом говорили о тебе, и ты тоже был упомянут в нашем с ним уговоре, – возразил Кастор спокойно. – Мы много обсуждали твой вопрос с тех самых пор, как вы с Алвисом впервые встретились. Он хотел помочь тебе. Не только потому, что понимал сложность ситуации, но и потому, что испытывал к тебе отцовские чувства, видя ту искренность, с которой ты пытался его благодарить за участие. Он доверял тебе не меньше, чем ты ему, когда выполнял его поручения.

Снова воцарилось молчание. За это время в соседней комнате Яра и Эднартайя успели сказать друг другу ни одну фразу.

– И что же? – тихо и медленно проговорил странник.

– Думаю, мы сможем найти решение, – ответил Кастор мягко. – Это может занять время, потребуются усилия, но оно того стоит. У нас в распоряжении опыт многих магов, собранный в Альмандине за столетия.

– Сомневаюсь, – возразил он. – Я не верю в это.

– Ты ни разу за время нашего разговора не выказал сомнения, пока мы болтали о магах и всяких невероятных событиях. Но лишь речь зашла о тебе, даёшь задний ход? – со скрипом отодвинулся стул и слышались шаги. – Вставай, я тебе кое-что покажу.

И после его слов для Плутака воцарилась тишина между собеседниками, потому что происходившего он видеть никак не мог. Хозяин дома медленно подошёл к своему собеседнику, поднявшемуся на ноги со стула. Дальше всё произошло со стремительной скоростью. Кастор внезапным молниеносным движением выставил вперёд ладонь так, что ударил ею странника в грудь.

Бран потерял дыхание. Точнее, в первое мгновение ему так показалось, потому что всё вокруг резко изменилось. Он всё ещё видел комнату, но будто бы через густой кисель. Предметы потеряли четкость очертаний, цвета изменились, и даже звуки, доносившиеся с улицы из открытого окна, слышались теперь не так ясно. Весь мир будто бы стал медленным и тягучим, словно мёд.

Всё вокруг происходило так размеренно, что Брану не составляло труда отследить малейшее изменение. Он понял, что не теряет сознание, напротив, его восприятие стало настолько ясным и быстрым, что время будто замедлилось для него. Он ощущал себя совершенно спокойным и свободным от эмоций и мыслей.

Он посмотрел на Кастора, но не увидел его. Перед ним сиял мягким тёплым светом неясный расплывчатый силуэт. Это сияние было таким приятным, а ощущение свободы столь

захватывающим, что вызвало в Бране восторг. Он возник где-то в области солнечного сплетения и забавное щекочущее ощущение немедленно привлекло к себе внимание странника. Оно становилось всё назойливее, и он уже никак не мог его игнорировать. Бран почувствовал, как теряет чувство равновесия. Внезапно всё исчезло, и он в прямом смысле слова не удержался на ногах и плюхнулся на стул, стоявший позади него.

Странник тяжело дышал, как после сильного удара в грудь. Он не чувствовал никакой боли, но тело гудело, словно после большой нагрузки. Кастор стоял рядом и спокойно, с отеческой улыбкой смотрел на него. Взяв бокал, он заботливо вложил его в руку Брана, после чего вернулся на своё место.

– Что это такое? – наконец совладав с голосом, тихо спросил Бран.

– Я показал, на что ты можешь быть способен, – произнёс Кастор. – Ты мне не верил, и я решил, демонстрация силы тебе не повредит. Всё ещё сомневаешься?

– Не знаю, – неуверенно ответил странник хрипло.

– Понимаю твои колебания, и потому дам тебе время подумать, – согласился хозяин дома. – Всё можно устроить. В Альмандине тебе найдётся место и дело. Здесь принимают всех, вне зависимости от склонностей и особенностей. Ты не будешь чужим, тебя не станут преследовать. Обещание, данное Алвису, ты выполнил, теперь можно подумать о себе и своём будущем.

– Зачем тебе помогать мне?

– Таков был уговор.

– Но книга уже у тебя, к чему все эти сложности?

– Если останешься в Альмандине, то скоро поймёшь, некоторые события следует принимать, как есть, потому что невозможно предугадать, к чему они способны привести, – серьёзным тоном ответил Кастор. – А теперь иди отдыхать. Увидимся, когда придёшь в себя.

Странник вышел, ощущая себя усталым и опустошённым. Он извинился перед присутствующими и отправился к себе в комнату.

Через какое-то время Эднартайя и Плутак тоже разошлись по своим комнатам, а Яра переместилась в сад, в тень деревьев, где любила проводить послеполуденное время за чтением. Громко стрекотали цикады, жужжали шмели и пчёлы, тяжёлый плотный воздух был наполнен пьянящим ароматом цветов и деревьев, согретых солнцем. Над городом стояло знойное марево. Гроза приближалась, но горизонт пока ещё был светел.

Когда ночь обернула город своим тёмным душным покрывалом, и в доме Кастора всё стихло, Плутак бесшумной тенью выскользнул из отведённой ему комнаты. Легко ступая, он спустился по лестнице вниз и покинул дом мага. На улицах Альмандин, города не знающего покоя, было ещёлюдно. Особенно оживлённо было возле трактиров и на площадях, где освободившиеся от своих дел приезжие тратили заработанные деньги на развлечения. Но ни один из них и краем глаза не смог бы заметить Плутика, скользящего от дома к дому, будто призрак. Его движения были такими точными, такими стремительными и ловкими, что человеческий глаз вряд ли смог бы уследить за ним. Он был не просто быстрее, он предугадывал возможные события, а потому опережал их.

Как и прошлой ночью, Плутак отправился к одному из самых крупных трактиров города. У его входа стояла компания уже изрядно опьяневших гуляк, решавших, куда ещё им отправиться этой ночью. Увесистый поясной кошелёк одного из них и привлёк внимание вора. Забрать его под покровом ночи у невнимательного кутилы было ещё проще, чем обокрасть паладина в таверне полной народа. Плутак был уже совсем рядом с ним, как вдруг кто-то или что-то коснулось его спины, и все его тело словно окаменело.

– Здравствуй, Плутак. Знала, что найду тебя здесь, – этот голос прозвучал у него в самой голове. И в следующее мгновение он снова почувствовал свободу, весь обмяк и тут же стал слепо шарить по сторонам руками.

– Кто здесь? – беспомощно спросил он. Пьяная компания теперь обратила на него внимание, потому что стоял он всего в паре шагов от них, и каждый из приятелей вопросительно смотрел на человека с повязкой на глазах, который возник будто из пустоты. К нему из темноты вышла стройная рыжеволосая девушка и взяла его под локоть. В этот момент Плутак ощутил нежный розовый аромат, и по нему узнал Яру.

– Надеюсь, господа, мой друг не помешал вам. Прошу простить его, он совсем ничего не видит и потерялся, – мягко произнесла она. Событыльники заулыбались ей и закивали. Посыпались предложения о помощи, но девушка ото всего отказалась, кокетливо поблагодарила их и удалилась, уводя за собой слепого.

– Несмотря на вольность взглядов, воровство жестоко карается в Альмандине. И уж тем более, воровство, совершённое при помощи магии, – заговорила Яра, когда они ушли от трактира и свернули в небольшую улочку, где не было прохожих. – Ты знаешь об этом, Плутак? Или мне стоило бы называть тебя настоящим твоим именем, Морк?

– Откуда ты узнала? – быстро спросил он.

– Что именно? Что ты вор? Или что ты не так уж и слеп, как думают окружающие? – поинтересовалась девушка.

– Значит, тебе всё известно, – заключил слепой. – Только прошу, не выдавай меня!

– Я не сделаю этого, если только ты больше не станешь воровать. Понимаю, что тебе пришлось нелегко, и ты стал жертвой обстоятельств, несчастного случая, но это не означает, что можно позволять себе опускаться до подобных поступков.

– Каких обстоятельств? – не понял Плутак.

– Я говорю о ловушке, – пояснила Яра, – в которую ты попался в доме Алвиса.

И она стала рассказывать о тех событиях, которые давно побледнели в его памяти. Она говорила о том ясном весеннем дне, когда он, тощий от голода мальчик-сирота, в поисках еды пришёл к большому богатому дому на окраине одной из деревень. В доме, казалось, все спали или отсутствовали, и только окно одной из комнат на первом этаже было открыто в сад. Он забрался через него в комнату, но там не было ничего подходящего для утоления голода, только свитки и книги, разложенные на столе. А потом его взгляд зацепился за сундук. Тяжёлая крышка поддавалась, и тут случилось странное. Он увидел все предметы в комнате бледными и прозрачными, словно это были их призраки. Внезапно пронзила острая боль, и он потерял сознание. Позже он пришёл в себя, и рядом были они, Алвис и Бран, но их лиц он уже не видел. Как не видел ничего вокруг себя.

– Алвис поставил на сундук магическую ловушку против тех, кто выслеживал его и охотился за книгой. Но вместо них в неё попал ты, – говорила Яра. – И был без сознания не несколько часов, а несколько дней. Ты мог даже умереть.

– Откуда тебе всё известно? Про меня, про Алвиса? Зачем ты вообще пришла за мной в Берложье?

– Ты оказался жертвой обстоятельств, Морк. И я хочу помочь тебе изменить случившееся. Хочешь?

– Конечно, – улыбнулся слепой. – Но как?

– Я не смогу вернуть тебе обычное зрение, но я смогу научить тебя использовать твой талант, скажем так, чтобы ты смог жить не хуже других.

– Хотелось бы...

– Я правильно понимаю, что ты видишь только ночью?

– Предметы я вижу постоянно, а люди появляются ближе к ночи.

– Какие они? – спросила Яра.

– Вещи выглядят так, словно находишься в тёмной комнате, то если постараться, сумеешь разглядеть силуэты. Люди другое дело. Они похожи на светящиеся жёлтым большие шары.

– Очень хорошо, – с улыбкой ответила она. – А как ты видишь меня?

– Никак, – он опустил голову. – От тебя исходит такой яркий свет, что ничего не разглядеть, всё он собой заливает.

– Понятно, – заключила девушка. – Что ж, думаю, я смогу научить тебя и днём видеть подобным образом, но у меня есть три условия.

– Ого, дороговато, три к одному, – усмехнулся Плутак и тут же осёкся, – глупость сказал, не обращай внимания.

– И не собиралась, – спокойно сказала она. – Так вот, первое, тренироваться мы с тобой будем в первой половине ночи. Будешь меня ждать у калитки. Я тебя отведу в безопасное место, где нам не помешают. Если ты однажды просто не придёшь на занятие, я всё прекращу. Второе, никакого воровства. Иначе учить тебя не буду. И третье, мы найдём тебе подходящее занятие, в чём ты мог бы стать полезен. Нечего бездельничать.

– Согласен, – без колебаний ответил Плутак.

– Вот и договорились! А теперь идём обратно домой, хватит на сегодня приключений. А завтра встретимся, как условились.

ГЛАВА 10. ВЫБОР

Вернувшись к себе после разговора с Кастором, Бран лёг и уснул таким крепким сном, что пропустил ужин и даже не слышал, как Яра стучалась в дверь его комнаты. Он провалился в глубокое забытие без сновидений, какое бывает после долгого напряжённого бодрствования, а когда открыл глаза, за окном уже занимался рассвет следующего дня. В то утро он отправился на прогулку один, чтобы поразмыслить над случившимся.

Ночь не принесла прохлады в разогретый за прошедшие дни город, едва взошедшее солнце уже припекало. Улицы пустовали, лавочки были ещё закрыты, но за их дверями вовсю кипела деятельность по подготовке к торговому дню. Бран заглянул в лавку пекаря, где розовощёкая красивая девица в красном платье с чистым крахмаленным передником раскладывала товары по полкам. Девица заулыбалась, вовсе не возражая против такого раннего посещения, оставила своё занятие и встала за прилавок. Опершись на него так, чтобы собеседник не пропустил взглядом её прелестей, она завела разговор о погоде, планах на день и сплетнях, которые услышала днём раньше на рынке. Бран поболтал со словоохотливой продавщицей, купил булку хлеба и, одарив на прощание девицу парой комплиментов и многообещающей улыбкой, вышел из лавочки. Желая оказаться в тишине, он прошёл узкими тенистыми улицами на окраину города и направился вверх по течению реки, туда, где берег поднимался холмом. С этого холма, поросшего разнотравьем, был хорошо виден Альмандин.

Сидя среди высоко поднявшейся в то лето травы и ломая от ароматной булки кусок за куском, Бран смотрел на город. Ему нравилось в Альмандине. Нравилось как нигде и никогда. Раньше у него не возникало привязанности ни к одному месту, не возникало желания остаться. Чужие поселения, чужие люди, чужая жизнь. Здесь всё получилось иначе.

Было в Альмандине столько нового, манящего, необычного. Розовели в лучах поднимающегося солнца стройные башни Библиотеки. К этому зданию Брана водила Яра. Чуть в стороне от него пёстрым ковром раскинулись палатки большого рынка, изобиловавшего самыми разными товарами. Он представлял собой настоящий калейдоскоп ароматов, цветов и вкусов. Зелёной подковой на юго-восток от него уходили Амарантовые Сады, так называли растянувшиеся на несколько кварталов аллеи, засаженные деревьями и цветущими кустами, в тени которых любили прогуливаться горожане. К ним Бран тоже проникся симпатией. Жители города отличались какой-то особенной энергичностью, общительностью, лёгкостью в характере. От них словно

исходила живительная сила, разжигавшая в нём желание двигаться вперёд. Они жили свободой, в их глазах не было страха преследуемой дичи.

Словно отвечая его мыслям, стайка птиц пронеслась над рыжими крышами жилых домов, обогнула здание городской дружины и, поднявшись над белыми стенами города с реющими на ветру стягами, устремилась в сторону сизых пиков Предела. Глядя на них, Бран почувствовал неприятную тяжесть на сердце. Будь его воля, он оставил бы свои воспоминания по ту сторону гор, утопил бы их в туманных болотах орденских земель.

Его отвлек звук приближающихся шагов. Опустив глаза, странник увидел, что по холму к нему поднимается Эднартайя.

– Как ты здесь оказалась? – спросил Бран, когда она приблизилась.

– Просто шла и думала, что вот-вот встречу с тобой. Я помешала? – спросила она.

Странник отрицательно покачал головой.

– Садись, – пригласил он. Эднартайя кивнула и, аккуратно расправив юбку, опустилась на траву рядом с ним. Они немного помолчали, глядя на город. – Эда, я могу спросить тебя, о чём вы говорили с Кастором?

– Конечно, в этом нет секрета. Он предложил мне остаться.

– Мне тоже, – сказал Бран. Девушка посмотрела на него, кивнула и снова отвела взгляд.

– Что ты ему ответил?

– Пока ничего, он дал мне время на раздумья.

– Как и мне, – сказала она. Они снова замолчали. Брану было интересно, что обсуждали между собой Эднартайя и Кастор, но он понимал, что если станет спрашивать, в ответ придётся рассказывать детали его собственного диалога с магом. К такому откровению он был не готов. Девушка тоже молчала, очевидно, по той же причине.

– Мне нравится Альмандин, – произнёс он наконец и заметил краем глаза, что она кивнула в ответ.

– Красивый, только совсем чужой.

– Не более, чем все другие города, в которых я был. А может, менее...

– Да и не это главное, – продолжала Эднартайя, будто не услышав фразы собеседника. – Но как же отец, моя семья. Они остались там.

– Поможет ли наше возвращение? – тихо спросил Бран, скорее у себя самого, чем у неё.

– Я вовсе не хотела таких приключений. Когда я мечтала выбраться из отцовского дома, то видела это скорее, как приятную поездку, нежели побег. Я и не думала о том, что всё знакомое, близкое, любимое мною может внезапно оказаться под угрозой или просто исчезнуть из моей жизни. И если я здесь останусь то, выходит, предам их всех, предам часть себя, собственной жизни. Как можно так поступить? – рассуждала девушка. Они снова замолчали. Каждый думал о своём. Почувствовав, что их молчание начинает давить на него, Бран встал.

– Эда, ты со мной? – спросил он. Она удивлённо посмотрела на него, не уловив смысла фразы. – Или хочешь ещё посидеть здесь?

– Я ещё посижу, – ответила девушка.

Странник кивнул ей и пошёл прочь, ощущая невыразимую пустоту в душе от их разговора. Он прошёл оживлёнными улицами обратно к дому Кастора и остановился неподалёку от него на старом горбатом мостике, переброшенном через реку, и, опершись на потемневшие от времени деревянные перила, стал смотреть на воду.

– Кастор умеет усложнить жизнь, – прозвучал рядом с ним голос Яры. Он обернулся. Она, действительно, стояла рядом, как обычно, улыбчивая и спокойная.

– О чём ты?

– Я видела, каким ты вчера вышел от него, – сказала она и тоже облокотилась о перекладину перил рядом с ним. – Самой приходилось проходить через подобное. Иногда его слова ставят в

тупик, иногда задевают за живое. Он умеет заставить задуматься о том, о чём сам ты ни за что не стал бы размышлять.

– Зачем это ему?

– Просто он хорошо умеет видеть то, что творится у других в душе, – она искоса посмотрела на Брана. – Поверь, всё это к лучшему.

– Вот чего мне меньше всего требовалось, так это чтобы кто-то копался в моей душе, – возразил он.

– Тогда зачем ты приехал в город магов? Они, знаешь ли, любители поворошить чужое барахло.

– Ты сама прекрасно знаешь ответ. Я здесь не по собственному желанию. У меня было задание.

– Задание от одного мага к другому, – она тихо рассмеялась. – Кажется, тебя окружили, Бран, и так просто не отпустят.

– Уеду, если захочу, – бросил он.

– Разумеется, – согласилась Яра. – Один вопрос. Почему ты не уехал сразу же?

– Возможно, мне любопытно, – он усмехнулся. – Или я жду магического чуда. Хочу увидеть, чем вы тут занимаетесь.

– И что будет, если увидишь? Останешься?

– Смотря, что это будет за чудо, – улыбнулся Бран. Девушка протянула к нему раскрытую пустую ладонь.

– Тогда держи.

– Что? – не понял странник.

– Обычно принято, что мужчины дарят женщинам цветы, но сейчас такой случай, – произнесла она, и Бран увидел, как в центре её ладони распустился бутон розы. Он лежал, поблёскивая на свету каплями влаги, дрожавшими на его лепестках. – Это тебе. Бери!

– Как ты это сделала? – рассмеялся странник, беря цветок. Он был ароматный, словно его только что срезали с куста.

– Ты просил магическое чудо, но не спрашивал, как я собираюсь его сделать, – заметила Яра. – Так что?

– Впечатляет. Хотя, ты верно заметила, есть в этом всё кое-что неправильное, – он аккуратно вплёл цветок в её собранные над ухом локоны. – Так я себя чувствую гораздо лучше.

– Я тоже, – согласилась она. – Хочешь немного прогуляться, пока не пришла жара? Я отведу тебя сегодня к обсерватории.

– Куда? – не понял Бран.

– Ты не знаешь, что это такое? Тем интереснее! Идём? – спросила Яра, призывно протягивая ему руку. – К тому же, над чем бы ты ни размышлял, на ходу думается гораздо лучше.

– Идём, – согласился он.

Жара, которая усиливалась с каждым часом, прогнала попрошайек, зевак и бездельников, празднично болтавшихся по городу, с раскалённых улиц в тень парковых садов и под навесы харчевен. Брат Корп и Иола были единственными прохожими в этот час в душном маленьком переулке. Шёл третий день их пребывания в Альмандине.

Как только они попали в город, паладин сразу же занялся поисками сестры. Одного имени было недостаточно, приметы могли бы подойти многим, а говорили здесь на наречии, которого паладину не приходилось слышать раньше, что сильно мешало. К вечеру первого дня, когда стало ясно, что их дело может затянуться, паладин нашёл ночлег в недорогой гостинице на окраине города. Средств у него оставалось не так много, чтобы позволить себе задерживаться в Альмандине. Он отдал большую их часть за переход через горы. Да и срок его увольнения тоже подходил к концу.

Иола безропотно следовала за ним. Увлечённый своим делом, Корп обращал на неё внимания не больше, чем на собственную тень. Лишь во время коротких передышек он заводил с ней разговор о дальнейшем плане поисков. Девушка молча слушала, не спуская с него своих ясных больших глаз.

Солнце достигло зенита, когда они пришли к очередному дому, в котором, как им подсказали, жила подходящая по описанию девушка, недавно прибывшая в город. Приезжих и чужестранцев в Альмандине было много, поэтому никого не удивляла ситуация, что один человек ищет другого. Как сказал бакалейщик с соседней улицы, дом, перед которым теперь стоял паладин, принадлежал знахарке. Это было двухэтажное строение, небольшое, в хорошем состоянии, отделённое от улицы палисадником с кустами и цветами. Все окна в этот час были забраны от солнечного света ставнями, но входная дверь оставалась гостеприимно открытой.

Корп передал Иоле поводья коня и попросил подождать его. У входа в дом он остановился и несколько раз дёрнул за шнурок дверного звонка. Послышалось треньканье колокольчика. После долгого безответного ожидания паладин решился войти без приглашения. Он откинул занавеску, заслонявшую дверной проём и вошёл в небольшую тёмную переднюю. Её наполняла приятная прохлада и мягкий аромат пряностей. Осмотревшись, Корп громко позвал. Вскоре в противоположном конце прихожей открылась дверь, ведущая на задний двор, и вошла Кара, его сестра. Она была одета в простое платье, голову её покрывал платок, а руки были испачканы в земле – судя по всему, девушка занималась огородом. Войдя в тёмное помещение с яркого солнечного света, она не признала в посетителе брата и потому произнесла: "Извини, господин, я была в саду и не слышала звонка. Хозяйки сейчас нет дома, но ты можешь поговорить со мной. Какое у тебя к ней дело?". "Здравствуй, сестра", – произнёс Корп в ответ. Она присмотрелась, окинула взглядом брата с головы до ног, и лицо её приняло усталое выражение: "Ты всё-таки нашёл меня. Ну, заходи".

Они расположились на кухне, что находилась на первом этаже. Кара усадила брата за стол и поставила перед ним стакан с освежающим напитком, а сама встала напротив него, у плиты. Она привела себя в порядок, причесалась, умылась и вымыла руки, и паладин искренне любовался ею, заметно похорошевшей и повзрослевшей за время их разлуки. Он говорил ей о том, что Орден всё простит, что её ждут обратно, что он искал её, чтобы помочь вернуться и не держит на неё обиды за этот необдуманный поступок. Он говорил с воодушевлением и улыбкой.

Выслушав его до конца, она вздохнула и холодно посмотрела на него.

– Ты зря старался, брат. Я не вернусь. Ты так и не понял, что я ужасно ненавидела свою жизнь там, дома. Ваша вечная борьба, страх перед врагами, поиски заговорщиков, напускная святость – всё это так претило мне. Хочешь правду? Я каждый день искала способа сбежать от вас. Что-то вам объяснять было бесполезно, вы были слепы. Ты был слеп. И до сих пор не прозрел, если пришёл за мной сюда.

– Но что ты будешь здесь делать?

– В этом доме живёт знахарка, она обучает меня своему ремеслу, и это настоящее дело. Я помогаю людям, я свободна, и я могу делать то, что мне нравится. Ты даже не представляешь, как это замечательно! Только не пытайся мне рассказывать о Боге. Ты ничего об этом не знаешь. Бог здесь, среди нас, а не в ваших холодных сумрачных храмах.

– И ты, действительно, хочешь так жить? – удивился он.

– А почему ты думал, что я хочу быть монахиней? Может, тебе стоило спросить меня хоть раз, чего я хочу, тогда ты не удивлялся бы так сильно? Может, тебе стоит и себя самого спросить, чего хочешь ты? Ты никогда не думал сам, тебя приучили думать определённым образом. Ты ни разу не делал самостоятельный выбор, Корп. Тебе дали одежду, веру, этот твой долг. Твоя жизнь тебе не принадлежит. Ты – раб этого своего долга, – она осеклась и на какое-то время замолчала. Когда она снова заговорила, голос её был тих и спокоен. – Я хочу остаться здесь, с этими людьми. Они были так добры ко мне, как никто никогда не был. И да! Я хочу иметь семью, мужа, детей.

Удивлён? Это всё потому, что ты меня совсем не знаешь. Уходи, брат. Я не пойду с тобой, и нам не о чем разговаривать.

Сказав это, она отвернулась. Подавленный, Корп поднялся и вышел из кухни. Быть может, случись этот разговор раньше, быть может, случись он в другом месте, быть может... Ему нечего было возразить Каре. Обуреваемый чувствами, он сам не заметил, как покинул дом знахарки, как прошёл жаркими полуденными улицами и опустился на мостовую в тени дома.

Паладин поднял голову и увидел Иолу. Он совсем забыл о девушке, погружённый в свои мысли и чувства. Она стояла рядом, держа в поводу его коня. "Пойдём, Праткорп", – ласково произнесла она, коснувшись его плеча.

В тот вечер Корп выпил эля больше, чем когда-либо в жизни, и ему это понравилось. С каждой новой кружкой ему становилось всё легче, проблемы уходили, сердце всё меньше волновалось. Иола молча следила за ним, сидя напротив за столом. Когда очередная кружка опустела, девушка поднялась и, подойдя к паладину, положила ему руку на плечо. "Пойдём, Праткорп, спать", – сказала она. Он посмотрел на неё осоловевшими глазами и хмельно улыбнулся. Иола проводила его на второй этаж гостиницы, где находилась комната, которую они снимали. Паладин уже плохо держался на ногах, спотыкался и через каждые два шага останавливался, предлагая снова вернуться вниз и взять ещё по кружечке. Наконец, они добрались до комнаты, и Иола уложила его на постель.

– Спать, Праткорп, – повторила она.

– Ты очень хорошая, чтобы я без тебя делал, – паладин взял её за руки и прижал их к своей груди. Они молча смотрели друг на друга, а затем он привлёк девушку к себе и обнял. Так они и продолжали лежать, пока Иола не зашевелилась, желая освободиться из его объятий.

– Отдыхай, ухожу.

– Не уходи, останься со мной, – сказал он, не позволяя ей встать. Сопrotивляться ему было невозможно, руки Корпа были всё равно что стальные тиски. – Ты такая тёплая и нежная. Ты словно ангел небесный. Дай мне взглянуть в твои глаза.

Иола подняла голову, глядя на паладина. Он внимательно рассматривал её лицо. И почему до этого момента он не замечал стольких милых деталей в её облике: маленькой родинки у внешнего уголка левого глаза, розового оттенка у крыльев носа, ямочек на щеках. На последних паладин остановил свой взгляд. Он никогда не пробовал поцеловать женщину и не знал, на что это похоже. Он даже никогда и не думал об этом, но в тот момент мысль о поцелуе молнией блеснула у него в голове. Корп положил ладонь девушке на затылок и внезапным быстрым рывком привлёк её к себе, прижавшись ртом к её мягким тёплым губам. Иола вздрогнула, рванулась, отчаянно забарабанила сжатыми кулачками по его груди – всё напрасно. Тогда хищно скрючила пальцы и царапнула своего обидчика по шее.

На мгновение Корп ослабил хватку. Глаза у него блеснули яростью. Он сгрёб девушку в охапку и одним движением перебросил через себя на кровать. Барахтаясь, она пыталась найти опору, подняться, но паладин навалился на неё, прижал одной рукой, второй стал рвать платье. Ткань затрещала, выпуская из себя нитки и обнажая нежную кожу упругой девичьей груди. Иола в отчаяние вскрикнула, но крик получился сдавленным, тихим. Паладин так крепко держал её, что девушке даже не удавалось набрать полную грудь воздуха. Её мольбы захлёбывались между отчаянными вздохами.

Наконец, она почувствовала, что теряет силы, перестала сопротивляться и замолчала. Корп явно обрадовался и, уже не тратя времени, принялся расстёгивать ремень на штанах. Пальцы не слушались его, и ему пришлось подняться на колени, чтобы справиться с пряжкой. Это был счастливый для Иолы миг, которым она воспользовалась, одним рывком соскочив с кровати.

Корп даже не сразу понял, что произошло, а когда осознал, бросился следом за беглянкой, уже успевшей на тот момент улизнуть из комнаты. Никогда в жизни Иоле не приходилось бегать по

лестницам, и она сама поражалась, как её ноги так успешно справились с этой задачей, ни разу не ошибившись. А громыхавшие позади сапоги паладина только придавали ей скорости. Сжимая разорванное на груди платье, девушка проскочила через зал полный гостей. Пьяные крики Корпа нагнали её уже на пороге гостиницы, а затем раздался дружный смех постояльцев.

Иола ни разу не обернулась. Она бежала по улице, не сбавляя скорости, пока не натолкнулась на прохожего, внезапно появившегося на её пути из переулка. Он схватил девушку за плечи, удерживая её от падения, и тогда она узнала в нём Брана.

– Иола? – он удивлённо осмотрел её. – Что случилось? Где Корп?

– Там, – только и смогла выговорить она, кивая за спину.

– Это из-за него? – спросил странник. Девушка закивала, ещё плотнее сжимая в кулаках разорванные края платья. Он посмотрел через её плечо в переулок, но там никого не было.

– Пойдём-ка со мной, – хмурясь, сказал Бран. Она отпрянула, желая вырваться. – Не бойся, я тебя не трону. В таком виде оставаться на улице опасно и нужно где-то переночевать. Мы остановились у хороших людей, они тебе помогут. Верь мне.

Немного поколебавшись, Иола всё же согласилась, и они вместе пошли к дому Кастора. Их встретила Яра и, не задавая лишних вопросов, повела молодых людей в гостиную, где усадила Иолу в уютное кресло, а сама принялась готовить для неё успокоительный чай за столиком.

– С нами были ещё двое по пути в Альмандин, – тем временем объяснил Бран, подошедший к ней. – Рыцарь Ордена, который искал сестру, и его спутница.

– Я знаю, ты забыл? – улыбнулась Яра.

– Да, – усмехнулся странник.

– И где теперь он?

– Представления не имею. Иолу я встретил случайно. Она плохо говорит на нашем наречии, толком не может ничего объяснить.

– Ещё бы! Ты знаешь, что за рисунки у неё на лице?

– Нет, – пожал Бран плечами.

– На юге живёт народ, называющий себя Мельды. Слышал о них? – спросила Яра. Странник отрицательно покачал головой. – Они крайне редкие гости в наших краях. Не торгуют, не путешествуют, ничем не интересуются, живут у себя, племенами. О них обычно рассказывают путники, побывавшие на юге и видевшие их поселения. Они стройные, можно сказать, хрупкие, светловолосые, и их лица украшены рисунками синего цвета.

– И как, в таком случае, Иола могла попасть в наши земли?

– Кто знает, – Яра налила чай в чашку и поднесла его гостье. – Я позову Кастора и поищу одежду для неё.

С этими словами она вышла из комнаты. Бран задумчиво посмотрел ей вслед, а затем сел в кресло напротив Иолы.

– С тобой всё в порядке? – спросил он. Девушка кротко улыбнулась и кивнула.

– Жалко Праткорп, он полный горечи, – произнесла она, разглядывая содержимое своей чашки.

– Не оправдание, – отрезал странник. – Ты мне лучше скажи, почему бросили нас в лесу?

– Опасно, – ответила Иола.

– Из-за зверей? – предположил он, рассматривая её. Она подняла на него взгляд своих ясно-голубых глаз.

– Из-за ты.

– Как это нужно понимать?

– Звери не нам, они шли, где ты. Твой медведь убить нас, когда увидеть.

– Мой медведь? Что ты имеешь в виду? – изумился Бран.

– Медведь внутри, ты и он одно, он убить зверей, – пояснила девушка. Странник откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул.

– Значит, для вас он был опасен, а как же Эднартайя и Плутак?

– Он не трогает, кого любишь. Плутак – брат, Эднартайя – женщина.

– Во-первых, этот пройдоха мне не брат, – рассмеялся Бран. – Во-вторых, Эднартайя не моя женщина. Уж не знаю, с чего ты это всё взяла.

– Медведь знает лучше, – она мягко рассмеялась. – Я *видела*.

– То есть всё это ты увидела? – уточнил он. Девушка коротко кивнула. – И про зверей тоже? И про моего медведя? Значит, поэтому ты меня так боишься?

– Нет. Не сейчас, ты спокоен. Медведь опасен, когда его верх над тобой.

Бран нахмурился и замолчал. К счастью, Иоле не требовалась его беседа, а уже через несколько мгновений в комнату вошёл Кастор. Он посмотрел на гостью, придвинул кресло и, устроившись напротив неё, тихо и мягко что-то проговорил на странном, впервые услышанном Браном, наречии. Иола оживилась, её лицо осветилось радостью, и она заговорила в ответ. Так они беседовали с хозяином дома какое-то время. Наблюдательный Бран отметил, что в какой-то момент предмет их диалога стал особенно волнительным для девушки, она заговорила быстрее и проникновеннее. Кастор сосредоточенно слушал её, утвердительно кивая. В конце беседы она снова заулыбалась и успокоилась. Пришла Яра и остановилась в дверях, ожидая. Иола пожалала обеими руками левую руку мага, поднялась и ушла вместе с Ярой.

– На днях придёт ваш компаньон из Ордена, – сказал Кастор, обращаясь к Брану. – Я должен поговорить с ним.

– Как скажешь, – равнодушно ответил странник. – Для этого не обязательно ждать, можно найти его, если хочешь.

– Не стоит спешить, – возразил хозяин дома.

– Яра сказала, что Иола из народа, живущего на юге, о котором мало кто что-то знает, – в ответ ему Кастор кивнул. – Откуда тебе известен их язык?

– Я путешествовал на юг и долгое время провёл среди них.

– Сколько тебе лет? – посмеялся Бран.

– Это давно перестало иметь значение, – отмахнулся маг, тоже посмеиваясь.

– А мне казалось, что ты ровесник Алвиса.

– Да, – согласился тот. – И ты знаешь, сколько лет ему?

– Теперь точно нет, и это явно не моё дело. Лучше расскажи мне об Иоле? Как она попала к нам, если ты говоришь, что её народ живёт далеко отсюда?

– Иногда работорговцы устраивают охоту на Мельдов, как на диковинку. Не говоря уже об их незаурядном внешнем виде и о том, что за свою хрупкость и нежность их женщины пользуются особым спросом на невольничьем рынке, – Кастор скривил губы и вздохнул.

– И как же работорговцам удаётся пересекать южные границы с таким грузом? Это самые охраняемые Орденом территории, – возразил Бран.

– Нужно же Ордену с чего-то получать доход, – хитро прищурился хозяин дома.

– Намекаешь, что они поддерживают работорговлю?

– Почему бы и нет! Власть – невероятно сложная штука, друг мой. Она такая вертлявая, что невозможно долго стоять на своём, удерживая её. То и дело приходится искать новые возможности, чтобы не свалиться.

– Похоже, Староста лагеря Перебежчиков был прав, обвиняя Орден в охоте за наживой.

– Они охотятся за ней не больше, чем все другие, – отмахнулся Кастор. – И это не так уж интересно. Вернёмся к Мельдам. Ходит много слухов об их способностях. Некоторые называют их крылатыми созданиями, другие Бегущими от смерти.

– Что это значит?

– Говорят, у них есть крылья, которые способны унести их прочь, как только смерть окажется рядом.

– Поэтично. Тебе это приходилось видеть?

– Никогда, – признался Кастор. – Рядом со мной в тот момент никто не умирал, а визуально они ничем таким не отличаются.

– Я бы, наверное, посмеялся над этими нелепыми напыщенными названиями, но паладин упоминал, да и Эднартайя говорила мне, что у Иолы на спине два длинных вертикальных шрама. Я бы вряд ли придал этому значение, если бы ты сейчас не упомянул про историю с крыльями.

– Да, Иола сказала мне, что ей отрезали крылья, – подтвердил хозяин дома.

– И как это возможно, если их по сути нет?

– У Мельдов сложный и образный язык, который тяжело понимать, не будучи рождённым среди них. Насколько я догадываюсь, речь идёт о некоем обряде. Всё это не стоит воспринимать буквально.

– Может быть, она выдумывает? Мне приходилось видеть, как люди, пережившие трагедию, начинали нести такое, что крылья по сравнению с их выдумками, не более, чем детская фантазия.

– Нет, этот народ не лжёт и не придумывает, такие они существа, – возразил Кастор. – Она говорит чистую правду. Поверь, то, что случилось с ней, настоящее испытание.

– И ты оставишь её здесь?

– Да, пока не найдётся способ доставить Иолу к своим. Она и так натерпелась, нужно помочь.

Странник согласно кивнул. На этом их разговор закончился, потому что пришла Эднартайя и позвала ужинать. Иола к трапезе вышла уже переодетая и причёсанная, что было заслугой Яры, позаботившейся о новоприбывшей гостье. Разговор с Кастором и внимание, оказанное ей в доме мага, явно воодушевили и приободрили её, во взгляде появилось спокойствие, напряженность и страх исчезли с лица.

Ужин прошёл в приятной дружеской атмосфере. Во многом тому способствовал Кастор, подкидывавший, как поленья в огонь, темы для беседы. Попутно он успевал переводить разговор для Иолы, всякий раз склоняясь к ней и шепча фразы на известном лишь ему наречии. Она слушала и оживлённо реагировала: то смеялась вместе со всеми, то строила гримасы изумления и восторга.

Эднартайя была удивлена появлением Иолы и расспрашивала потом Брана, но он лишь сказал, что встретил её на улице, умолчав о палатине. Он не так много знал, чтобы выносить суждения, да и обременять девушку неприятными эмоциями ему не хотелось.

В отличие от Брана, у Эднартайи не было собеседника, с которым можно было бы разделить вопрос выбора. Она была полностью предоставлена самой себе и погружена в свои переживания. Из разговора на холме она уловила, что странник не готов обсуждать с ней эту тему и сам не меньше занят собственными размышлениями. Утром следующего дня она снова отправилась бродить по городу в одиночестве, по крайней мере, такое времяпрепровождение было лучше, чем сидеть в доме и наблюдать, как вертихвостка Яра вьётся вокруг Брана. Эднартайе даже начало нравиться гулять по Альмандину. Она чувствовала себя теперь гораздо увереннее, не стеснялась заглядывать в лавочки, не пугалась, когда к ней обращались даже на незнакомом языке.

В тот день она зашла совсем в другую часть города. Поначалу Эднартайя была полна энтузиазма в своём исследовании незнакомых улиц, но постепенно утомилась, стала искать путь назад и поняла, что потерялась. Она сделала несколько бесполезных кругов по кварталам, которые, как заколдованные, выводили её к одному и тому же колодцу на маленькой пустовавшей площади. Попытка спросить у встречных дорогу не принесла результатов – все они не говорили на её наречии.

Совершая очередной почётный круг в поисках выхода, девушка заметила лавочку готового платья, дверь которой была открыта. Заглянув внутрь, Эднартайя позвонила в колокольчик, как это

было положено делать во всех домах Альмандина, отметив для себя, что на нём висели фигурные изображения солнца, облаков и луны. Она до сих пор ещё ни разу не встретила повторяющегося набора таких фигурок, будто жители города вели точный их учёт и строго следовали оригинальности при выборе.

Лавочка представляла собой уютную комнату, по стенам которой на многочисленных вешалках висели самые разные платья, на полках стояли коробки, по углам расположились вазы с цветами.

Из-за ширмы с изображением птиц вышла женщина в красивом платье с многочисленными оборками. В первый момент Эднартайе показалось, что ей не больше тридцати лет: таковой была фигура, выражение лица, манеры и движения хозяйки лавочки. И лишь присмотревшись, девушка поняла, что та значительно старше. Женщина посмотрела на посетительницу, улыбнулась и чисто, без примеси акцента, произнесла: "Здравствуй, дорогая! Должно быть, ты заблудилась?"

От неожиданности Эднартайя даже растерялась. Она и не предполагала, что всё будет так просто и готовилась к долгим объяснениям.

– Добрый день, – поздоровалась она в ответ. – Да, это так. Как ты поняла, госпожа?

– Ты, очевидно, не из Альмандина. Твоё платье и белая кожа тебя выдают. И по выражению твоего лица понятно, что ты не знаешь, куда пришла. Иначе твой взгляд не был бы таким вопросительным.

– Всё так, – согласилась девушка. – Мне нужно выйти к большому рынку.

– Я тебе подскажу дорогу, это просто! Но, может, раз зашла, присядешь? У меня как раз заварился чай, – предложила хозяйка лавочки. Это было кстати для уставшей Эднартайи, и она с удовольствием согласилась. Женщина закрыла входную дверь, чтобы случайный посетитель им не помешал, и провела гостью в соседнюю комнату, отделённую занавеской от первой. Здесь тоже были шкафы с тканями, большой портной стол со швейными принадлежностями и маленький чайный, за которым они и устроились. Хозяйку лавочки звали Фаей. Она сама шила и сама продавала платья.

– Ты не потеряешь из-за меня клиентов? – спросила Эднартайя.

– Приближается жара, сейчас все клиенты отдыхают от неё и придут не раньше вечера.

– Я думала, что портные работают на заказ.

– Не только и не все! В Альмандине всегда пользуется спросом товар, который не нужно ждать. Много людей приезжих, которые спешат. А случаи бывают разные.

– Тогда почему ты не торгуешь на рынке?

– Там дорогая аренда, – пожала плечами Фая. – А на соседней улице крупная таверна, и мимо моей лавочки постоянно ходит много народа.

– Как же я не заметила? – поразилась девушка.

– Потому что искала совсем другое, – улыбнулась хозяйка. – Значит, ты из земель Ордена?

– Так и есть.

– У вас там очень пышные юбки! – с дружеской иронией отметила Фая. Эднартайя опустила взгляд и пробежалась им вниз к подолу.

– Должно быть. Я вижу, что здесь носят другую одежду. И она мне нравится, но я вряд ли смогу себе сейчас это позволить.

– Мои платья стоят недорого. Если хочешь, отдам за тридцать крестовых.

– Разумеется, хочу! – просияла Эднартайя.

Так, допив чай, они занялись примеркой. Девушка выбрала себе лёгкое лазурное платье и ещё одно, бордовое, в которое тут же захотела переодеться. Юбки у них, действительно, были непышные и расходились складками от бедра, а не от талии, как обычно носила Эднартайя. Они смело оголяли плечи и приоткрывали грудь. Фая взялась тут же подогнать их по фигуре девушки и даже отказалась брать дополнительные деньги за свой труд. Пока она занималась ушивкой, у её

клиентки оказалась очень тонкая талия, Эднартайя коротко рассказала историю своего путешествия.

– Ну и ситуация, дорогуша, – сказала хозяйка лавки, в очередной раз меняя нитку в иголке. – Не из простых! А что этот Бран? Хорош?

– Не знаю, – смутилась девушка. – В каком смысле?

– Как мужчина, разумеется, – рассмеялась Фая. Эднартайя пожала плечами и отвела взгляд.

– Почему ты спрашиваешь?

– Моя мать тоже из земель Ордена. Приехала в Альмандин с моим отцом, который много путешествовал и увёз её с собой. Она любила повторять мне, что если женщина не знает, что делать, ей следует довериться надёжному мужчине, который к ней неравнодушен.

– Боюсь, мы не в таких отношениях с Браном, – отрицательно покачала головой Эднартайя.

– Тогда, возможно, стоит эти отношения начать? Ведь судя по твоему рассказу, ты ему сильно нравишься! – Фая ловко откусила нитку и расправила ткань. – Готово! Идём переодеваться.

Эднартайя покинула лавочку, облачённая в новое платье, заново причёсанная и с двумя свёртками под мышкой. Фая указала ей путь к рынку и пригласила заходить на чай снова, и было ясно, что это не просто слова вежливости, а настоящее желание продолжать общение.

Следуя указаниям Фаи, девушка без проблем вышла к рыночной площади. Она шла бодрым быстрым шагом и чуть было не проскочила мимо Корпа, двигавшегося вдоль крайнего ряда палаток. Судя по виду, настроение у него было не самым весёлым. Резко остановившись, Эднартайя окликнула его.

Паладин был удивлён, но в то же время явно обрадован их встрече. Охотно отвечая на вопросы Эднартайи, он коротко рассказал, что по просьбе Иола они отправились в город той ночью, не дожидаясь остальных, что ему удалось найти сестру, и что та отказалась с ним возвращаться, а Иола прошлым вечером исчезла. Ему ещё хватило духа признаться в употреблении эля, но рассказать о том, как проснулся утром, ничего не помнящий, и обнаружил рядом с собой незнакомую спящую женщину, он уже не смог. Хотя Эднартайя вызывала у паладина практически родственное доверие и тёплые чувства, открыться ей в таком грехопадении ему не хватило душевных сил. По его предположению Иола убежала, не желая видеть его в неподобающем нетрезвом виде, и он, как только проснулся, отправился на её поиски, пока ещё безуспешные.

Эднартайя была рада сообщить, что Иола нашлась, и предложила Корпу пойти с ней в дом Кастора. Он был смущён поначалу, но девушка легко уговорила его, ссылаясь на то, что Иола будет рада ему, что идёт жара, и что в доме живут добрые люди.

Они добрались до дома, когда улицы Альмандина уже дышали раскалённым, словно кузнечное горнило, воздухом. В передней им встретился Бран. Он окинул быстрым взглядом Эднартайю, хмурясь, посмотрел на Корпа и попросил того идти с ним, сказав, что его ждут. Мужчины ушли в глубину дома, а девушка поднялась к себе, чтобы оставить свёртки. Присев на постель, она поправила причёску и чуть ослабила ленты корсажа. В дверь постучали, посетителем оказался Бран.

– Могу зайти? – спросил странник. В руках он держал запотевший кувшин с напитком и два стакана. Эднартайя улыбнулась и кивнула. Закрыв за собой дверь, он прошёл в комнату. Наполнив стаканы, Бран оставил кувшин на прикроватном столике и сел рядом с девушкой. – Ты прекрасно выглядишь, Эда. Шикарное платье!

– Спасибо, – легко ответила она, принимая стакан и делая несколько жадных глотков. – Ты угадал моё желание! Такая жара, не верится, что она может усилиться.

– Мне всегда нравилось твоё умение принимать комплименты, как само собой разумеющееся, – отметил Бран. Девушка взглянула на него и повела плечом, словно говоря, что это не имеет для неё ровным счётом никакого значения. Она снова отпила из стакана и в блаженстве прикрыла глаза. Странник мягко привлёк её к себе, и Эднартайя по старой дружбе положила голову ему на

плечо. Он даже сквозь рубашку почувствовал тепло её щеки. В молчании шли минуты. Ни одному из них не хотелось нарушать покоя и так внезапно возникшего единения, но, глядя на прильнувшую к нему, разомлевшую, разгорячённую на жарком летнем солнце Эднартайю, Бран испытывал непреодолимое влечение к ней. Он двинулся вперёд, чуть склонившись к её губам, и, будто угадав его намерение, девушка очнулась, открыла глаза и отодвинулась от него.

– Мне определённо нужно отдохнуть, я буквально засыпаю, – сказала она и, быстро осмотревшись, добавила, – нальёшь мне ещё?

– Конечно, – ответил Бран, вставая. Для него теперь было очевидно, что Эднартайя поняла его намерение и теперь пытается всячески этого избежать. Он взял кувшин, наполнил её стакан, но уже больше не сел рядом, а остался стоять. – Я хотел поговорить с тобой, Эда, потому что принял решение остаться в Альмандине.

– Когда? – оживилась она.

– Сегодня. Я уже говорил с Кастором. Мы с ним всё обсудили, он познакомил меня с начальником дружины. Мне предложили место в дружине, это деньги и крыша над головой.

– Ты – в дружине? – с нескрываемым сарказмом переспросила Эднартайя.

– Нужно с чего-то начинать, – спокойно ответил Бран.

– Почему ты не хочешь остаться здесь? Ведь, кажется, нас никто некуда не гонит.

– Думаю, невежливо злоупотреблять гостеприимством этого дома. Тем не менее, я буду ежедневно приходить, мы сможем видеться, – сказал он и добавил после некоторого молчания, – если ты, конечно, тоже останешься.

– Если честно, я не перестаю думать об отце, – ответила Эднартайя. – Как он, что с ним происходит? Это тревожит меня больше всего.

– Понимаю тебя, – согласился Бран.

– Но раз уж он отправил меня в Альмандин, стоит принять его желание, – произнесла она. – Да и город мне понравился. Так что, я готова остаться. Правда, с Кастором этот вопрос мы ещё не обсуждали. И пожалуй, я займусь этим прямо сейчас. Только дождусь, когда они закончат с братом Корпом. Кстати, почему Кастор позвал его к себе, ты не знаешь?

– Нет, – покачал головой Бран. – Похоже, у Кастора для каждого из нас припасены свои сюрпризы. Я не удивлюсь, если наш друг паладин после этого разговора сменит вероисповедание.

Они засмеялись, и напряжение, которое возникло между ними ранее, спало. Эднартайя встала.

– Я пойду вниз и подожду в гостиной, – сообщила она. Странник согласно кивнул, и они вместе вышли из её комнаты. Когда они уже спустились вниз, Эднартайя вдруг взяла его за руку.

– Бран, я хочу, чтобы ты знал, я очень благодарна тебе за то, что ты взял меня с собой и заботился обо мне в пути, – произнесла она. Он посмотрел на неё, и вдруг ему показалось, что там, в комнате, она просто испугалась или растерялась по какой-то причине.

– К твоим услугам, – ответил он с улыбкой. – Хочешь вечером вместе пройдемся по городу?

– С удовольствием, – ответила она.

На этом они и расстались. Правда, вечером на прогулку им отправиться не удалось, как и в последующие несколько недель, потому что гроза вплотную подошла к Альмандину, и с того вечера жаркий день всякий раз сменялся дождливой ночью.

ГЛАВА 11. БРАТСТВО

На следующий день после посещения дома Кастора брат Корп снова пришёл к нему. Его впечатление от разговора с человеком, представившимся ему хозяином дома, было

противоречивым. Ему оказан был радушный приём, будто его давно ждали, но во встрече с Иолой Кастор ему отказал.

– Что ж, человек из Ордена, как тебе понравился Альмандин?

– Красивый город, – скупко ответил паладин, ощущая себя крайне неловко. Он не знал чего ожидать от этого лукавого человека и был весь напряжён.

– Ты нашёл то, зачем приехал?

– Да, и моё время истекло, пора возвращаться.

– Действительно, – согласился Кастор, – хотя вряд ли для тебя существует путь назад, и это противоречие тебе предстоит как-то разрешить.

– Есть много путей через Предел, не только возле Волчьего Хребта, – ответил Корп, посчитав, что Кастор намекает на то, что Перебежчики не пропустят его обратно.

– Несомненно, – улыбнулся хозяин дома. – Только подумать, два совершенно разных мира, разделённых горной грядой. Я так давно не бывал по ту сторону, должно быть, многое изменилось. Не представляю, каким стал Орден, как при нём живут люди, каков порядок. Члены Ордена по-прежнему должны исповедоваться по своему возвращению?

– Да, – произнёс Корп и почувствовал тяжесть на сердце. Он забыл об этом, потому что всегда шёл на исповедь без страха и сомнений, ему нечего было скрывать и не за что стыдиться. Раньше, но не теперь.

– Это замечательно! – восхитился Кастор. – Никакой лжи, никаких тайн. Только чистая вера. Мне, несомненно, приятно встретить человека из Ордена, это напоминает мне те времена, когда Кверн ещё не носил титул Отца, и мы были с ним на короткой ноге. Тогда мы оба полагали, что наши пути пролягут рядом. Но как переменчива жизнь, не так ли? Он там, я здесь, можно сказать, по разные стороны поля боя, – он весело засмеялся. – Всё же мне приятно его вспомнить, так что обязательно передай ему от меня привет! Но не смею тебя больше задерживать. Если хочешь попрощаться с Иолой, заходи завтра утром, она будет тебя ждать.

На этом их встреча закончилась. Паладину ничего не оставалось делать, кроме как последовать просьбе Кастора. Он приехал к его дому ранним утром на навьюченной для похода лошади. Гостиницу он покинул ещё прошлым днём. Ему было стыдно оставаться там, поэтому, рассчитавшись с хозяином, Корп собрал вещи и долго бродил по городу. Он был готов уже покинуть Альмандин, если бы не желание увидеться с Иолой.

Привязав лошадь у калитки, он подошёл к дому. На колокольчиках, что висели рядом с входной дверью, в тени козырька, ещё дрожали капли ночного дождя, и фигурки зверей блестели влагой в лучах утреннего солнца. Паладин поднёс руку к шнурку, чтобы позвонить, но дверь открылась раньше, и на пороге возникла Иола. Она мягко безмятежно улыбалась, глядя на него, как будто между ними ничего не произошло. Более того, как будто она была искренне рада его приходу. Девушка отступила внутрь дома и поманила Корпа, приглашая его войти.

Она провела его через переднюю в сад и устроилась в тени грушевого дерева на скамейке. Глядя на гостя снизу вверх, девушка молча и терпеливо ждала, когда он начнет говорить. Это ещё больше смутило паладина, не привыкшего разговаривать с женщинами, и окончательно спутало все его шаткие планы их дальнейшей беседы. Он пришёл, потому что понимал, их пути на этом месте расходятся и нужно попрощаться. Корп чувствовал себя ответственным за её жизнь, ему хотелось убедиться, что Иола в порядке, хотелось, быть может, даже извиниться за то, чего он сам не помнил, но что так напугало девушку и заставило сбежать. Он чувствовал, что всё пошло не так, и ему непременно хотелось это исправить. Но под её пристальным взглядом он растерял все слова и долго молчал.

– Тебе нравится здесь, Иола? – наконец, вместо приветствия спросил он.

– Да, Праткорп, – ответила она, продолжая улыбаться.

– Хорошо, – паладин кивнул и снова замолчал. Она ждала, спокойно и ласково глядя на него.

– Кажется, теперь ты останешься здесь. А я должен идти.

– Да, – легко слетело с её губ. Корп посмотрел в её глаза, сиявшие, будто два голубых топаза. Внезапно его охватила печаль, и колючий ком встал в горле, не позволяя себя проглотить и мешая дышать. Впервые в жизни паладин ощутил себя невероятно одиноким и пустым от мысли, что ему предстоит расстаться с этой девушкой. Он был так занят своими поисками, так привык, что она тенью следует за ним, что не замечал её. Или не позволял себе замечать? Может быть, потому что она с самого первого момента взволновала его, вызвала неизвестные и пугающие чувства. До момента исчезновения Иолы ему удавалось оставаться равнодушным, и только тем хмельным утром, не увидев её рядом, он понял, как она важна для него. За день, прошедший в её поисках, он испытал столько переживаний, что ему хватило бы и до конца жизни. Чувство утраты, сожаление, тоска, волнение, трепет – всё это было связано с ней, все его мысли были о ней.

Повинуясь непреодолимому желанию, Корп опустился перед ней на колени, взял её маленькую руку и прижал к своей колючей, исполосованной шрамами щеке, закрыв глаза. В её мягкой ладони было больше нежности, чем ему приходилось испытывать на себе за всю жизнь. Внезапно и совершенно чётко брат Корп осознал: всё, что нужно ему, сосредоточено в хрупкой девушке, сидевшей перед ним. Один только шаг, одно только её слово отделяли его от самого трудного и самого невероятного решения в его жизни. Перед возможностью быть с ней всё рассыпалось в прах, теряло свою важность.

– Ты нужна мне, Иола. Я не хочу уходить без тебя. Пойдём со мной, – проговорил Корп и не узнал собственный голос, который показался ему неживым и каким-то стеклянным. В висках у него стучало, щёки горели.

Он открыл глаза и посмотрел на девушку. Она уже не улыбалась, но смотрела с грустью. С мольбой во взгляде паладин всматривался в её черты лица. Он ждал, когда её губы шевельнутся и произнесут заветную фразу, когда она позволит ему быть с ней, разрешит, позовёт. Наконец, волнение переполнило его, и в нетерпении Корп прижал её ладонь к своим губам, целуя её.

– Праткорп, – тихим и совершенно спокойным голосом произнесла девушка. Он замер, глядя на неё и трепеща всей душой. – Тебе пора.

– Иола, – прошептал он, не в силах справиться с голосом и произнести её имя громче. Его будто обожгло огнём и одновременно обдало холодом. – Нет!

Её рука выскользнула из его руки так ловко и быстро, что он не успел удержать её. Связь, бывшая между ними ещё мгновение назад, рвалась с легкостью, как тонкая паутина. В отчаяние, пытаясь удержать её, Корп схватил подол платья Иолы и прижал его к груди. А она стояла и спокойно смотрела на него. Ни тени испуга на лице, ни капли волнения. Полное совершенное равнодушие и спокойствие. Будто её не могли тронуть его попытки и, зная наперёд исход этой сцены, она просто ждала её окончания.

– Мне без тебя не жить, Иола, – проговорил он.

– Ты и я больше не идти рядом, Праткорп, – сказала она. И паладин замер, всем телом ощутив боль, нанесённую ему этими словами. Они, как острые мечи, вонзились в самую его душу, режущей болью отозвались в сердце. И в этот момент душивший его ком стал таким невыносимо горьким, что по щекам Корпа побежали слезы.

Иола развернулась и пошла в дом. Край её подола беспрепятственно выскользнул из безвольной руки паладина, уткнувшегося лицом в ладони и задыхающегося от немых рыданий.

Он пришёл в себя, когда волна отчаяния утихла, и на её месте воцарились холодная отрешённость. Он поднялся, отряхнул с коленей песок и быстрой походкой направился в дом, но не для того, чтобы догнать Иолу, но чтобы как можно скорее покинуть это место.

К счастью, ему никто не встретился, и Корп вихрем проскочил через переднюю и палисадник. Испугавшись его резких движений, лошадь встрепенулась и заржала. Он стал отвязывать поводья, обмотанные вокруг перекладины, но те оказались затянуты слишком крепко и не поддавались его торопливым движениям. Он дернул их, что было силы, и сорвал с надломившейся деревяшки. Лошадь взвилась на дыбы, и паладин, не ожидавший этого, упал на бок, выпустив из руки повод.

Взбрыкивая задними ногами, будто ошалевшая, кобыла помчалась прочь по улице. "Проклятая скотина", – выругался Корп, быстро поднимаясь. Он побежал следом, надеясь догнать и поймать её, пока она не скрылась из виду.

Миновав пару проулков, паладин выбежал на небольшую торговую площадь, с пустующими в этот час палатками. Он на мгновение остановился, пытаясь разобрать в какой из улиц раздаётся эхо конских копыт, такое звонкое в тихий утренний час, и, оглядываясь, увидел двоих мужчин, тащивших под мышки сопротивляющегося третьего. Они быстро скрылись за одним из тентов, откуда тотчас же послышались сдавленные стоны.

Корп сомневался лишь мгновение, а затем ринулся следом за ними. Он не стал разбираться в происходящем, всё и так было очевидно, те двое били ногами бедолагу, корчившегося на земле под их ударами. Паладин схватил одного из них и мощным рывком откинул в сторону, затем то же самое проделал со вторым и встал над своим подзащитным, готовый принять на себя удар. Приятели переглянулись, и тот из них, что был повыше и покрепче, с длинными, сплетёнными в косу на манер воинов востока, волосами, спросил:

– Тебе чего надо? Проходи стороной, пока цел!

– Никуда я не уйду, если вы его в покое не оставите, – возразил Корп. – Если он что-то натворил, зовите стражу, а самосуд устраивать не позволю.

– Он тебе кто, что ты так заступаешься?

– Не важно. А только вы беспорядок чините в городе. Так быть не должно.

– Смотри, как бы тебе хуже, чем ему, не стало, – заметил в ответ второй из приятелей, криво улыбаясь.

– Кишка у вас тонка, меня напугать, – бросил паладин.

– Ну-ну, – хохотнул первый и резко пронзительно свистнул.

На этот свист из-за соседних палаток вышли люди. Было удивительно смотреть, как они возникают, из полнейшей тишины, царившей на площади. Всего их было десятеро, Корп быстро сосчитал. Он только не мог поверить, что не услышал их присутствия раньше. Все они были крепкими мужчинами, некоторые имели при себе небольшие клинки, самые подходящие для тесной уличной драки. Паладин одним движением поднял на ноги всё ещё лежавшего на земле бедолагу и встал между ним и нападающими. Он окинул их взглядом. Всё его тело было уже готово к драке, все чувства обострены.

– Эй, а где наш тощий Кальд? – спросил, оглядев своих подельников, тот бандит, что был с косой. И в то же мгновение из-за тента появился высокий могучий молодой парень. Он был выше Корпа на целую голову и шире в плечах. Его открытое спокойное лицо не выражало агрессии. Он глянул на паладина, подтянул рукав на правой руке и внезапным огромным прыжком пересёк то расстояние, что разделяло их. Точнее, это уже потом, обдумывая случившееся, Корп решил, что то был прыжок, а в тот момент здоровяк внезапно возник рядом с ним с занесённым правым кулаком. И ни воинская муштра, ни скорость реакции не помогли паладину. Его окутала тьма.

Он увидел сон. Две девушки в тонких развевающихся платьях резвились на усеянном цветами лугу. Это были его сестра и Иола. Они смеялись, бегали друг за другом, танцевали. Заметив Корпа, они стали дразнить его, показывая языки, а потом вдруг скинули платья, оставшись совершенно нагими, так, что лишь их длинные волосы прикрывали юные стройные тела, и снова расхохотались, но уже не залиристо и звонко, а низкими, вульгарными голосами.

Корп очнулся. Всё его тело мелко гудело и дрожало, но боли нигде не чувствовалось. Он подвигал пальцами рук и ног, пощупал под собой ладонью и понял, что лежит на набитом сеном матрасе. Аккуратно приоткрыл глаза. Помещение, в котором он находился, было слабо освещено бледным белым светом, паладин в первый момент даже подумал, что это лунный свет.

– Как ты себя чувствуешь, брат? – прозвучал уже слышанный им голос. Паладин резко сел и чуть было не потерял равновесие от внезапного головокружения.

– Где я? – спросил он, оглядываясь. Глаза его начали различать предметы. Он находился в комнате с каменными стенами, без окон, с единственной деревянной дверью, которая была закрыта. Помимо него в ней присутствовали ещё трое. Среди них он узнал того здоровяка, что напал на него и задиру, носившего косу.

– В гостях, – ответил ему последний. Теперь он выглядел совсем иначе, его лицо больше не выражало агрессии, он миролюбиво улыбался.

– Вы кто такие?

– Ну, с Кальдом ты уже знаком, – кивок в сторону здоровяка, – моё имя Гарад, а твоего подзащитного зовут Гвен.

Только после этих слов Корп узнал в третьем из присутствовавших бедолагу, на помощь к которому он пришёл. Тот тоже теперь выглядел иначе, паладин даже удивился, как на площади он мог принять этого рослого парня за тощего слабака.

– Остальные наши братья не пошли с нами, чтобы не смущать тебя своим числом, – сказал Гарад.

– Чем вы занимаетесь, что зовёте себя братьями?

– Мы – Паладины, – легко, с улыбкой сказал Гарад. Корп поднял на него изумлённый взгляд.

– Но мы не служим Ордену, – уточнил Гвен, покачав головой.

– Кому же? – прохрипел Корп, голос плохо слушался его, как, впрочем, и слух, и зрение.

Голоса звучали словно сквозь пелену, лица в полутьме были нечёткими.

– Людям, – ответил Гарад.

– Как это возможно? У вас тут секта какая-то?

– С точки зрения Ордена, пожалуй, что да, – засмеялся Гвен, и Кальд с Гарадом подхватили.

– Хотя, с точки зрения Братства, наоборот, – сказал Гарад, когда их дружный хохот отгремел.

– Паладины – люди с особыми способностями, некогда собравшиеся вместе, чтобы делиться опытом и обучать новичков. Братство возникло давно, тогда не то что Ордена, Альмандина не существовало! Ходит много споров среди братьев о том, от рождения ли даются способности или возникают в какой-то особый момент жизни. Видимо, бывает и так, и эдак. Главное, эти способности всегда одного набора качеств. Обладать этими способностями непросто, они даже могут приносить неприятности, поэтому Братство ищет людей с подобными задатками и предлагает им вступить в наши ряды. Согласившихся мы обучаем, помогаем им.

– А отказавшихся? – спросил Корп.

– Отпускаем своей дорогой. Мы не вербовщики, брат, нам не нужны последователи и слуги.

Путь Паладина – это путь служения, человек должен сам решиться на него.

– О каких способностях идёт речь?

– Паладин – это человек с особой силой, данной ему, чтобы вести за собой людей, помогать им, оберегать, исцелять, защищать. Мы умеем успокаивать разум, умеем лечить наложением рук, умеем вдохновлять падших духом. Список длинный, нет смысла сейчас всё перечислять, – ответил Гарад.

– Это какое-то колдовство? – брезгливо спросил Корп.

– Ну, можно и так сказать, – усмехнулся Гвен.

– Ладно, пусть так, я-то тут причём? Зачем была вся эта сцена с избиением, зачем притащили меня сюда?

– А ты не догадываешься? – спросил Гарад.

– Намекаешь, что я такой же, как вы?

– Схватывает на лету, – снова пошутил Гвен, он явно любил прибегать в разговоре к юмору.

– Мы разыграли сцену лишь для того, чтобы показать тебе самому, на что ты способен.

Иногда человека следует подтолкнуть немного, чтобы он смог иначе взглянуть на себя. Может быть, узнать о себе то, о чём раньше и не догадывался, – спокойно пояснил Гарад.

– Что-то я не вижу ничего такого.

– Ну, начнём с того, что ты видишь сейчас нас троих в совершенно тёмной комнате, где нет никаких источников света, – весь пыл и недовольство Корпа при этих словах улетучились. Он начал озираться, ища взглядом хоть одну лампу или факел или любую маленькую трещинку в стене, откуда бы просачивался луч света. Ему вдруг сделалось нехорошо, как будто весь воздух куда-то исчез, и грудь сдавило. Он часто и мелко задышал, по лбу потекли капельки пота.

– Что это такое? – выдавил он.

– Наш Кальд тебя немножко подправил, чтобы ты смог *видеть*, – прозвучал сквозь пелену дурноты голос Гарада, но Корп уже не видел его.

– Что вы со мной сделали, – с трудом произнёс он, чувствуя, как теряет сознание.

– Гарад, не дай ему провалиться! Его рассудок не справится, отпусти лучше, он совсем не готовый, – Гвен говорил уже не весело, как раньше, но встревоженно и быстро. "Будь, что будет, какая уже разница", – промелькнула в голове у Корпа серебристой змейкой мысль и скрылась в крошечной тьме. Но забвенье не наступило. Первыми стали возвращаться звуки. Их было много, они громоздились и смешивались в гул, какой бывает в людных местах, например, на базарах. Когда к Корпу стало возвращаться ощущение тела, он чуть приоткрыл глаза. Перед ним, действительно, был базар. У палаток толпились люди, скрываясь под козырьками тентов от палящего ослепительного солнца. Опустив глаза, он увидел, что сам сидит на лавочке в тени деревьев.

– Как себя чувствуешь? – прозвучал рядом голос Гарада. Корп медленно повернул голову, боясь уронить её при движении от полнейшего бессилия в теле. Его собеседник сидел рядом, держа в руках миску с какой-то похлёбкой, которую он аккуратно передал паладину. – Поешь, силы вернутся.

– Спасибо, – почти шёпотом ответил Корп, принимая в непослушные руки тяжёлую, словно пудовый камень, плошку.

– Извини, что так вышло. Мы не рассчитывали, что дело пойдёт таким образом, – вид у Гарада был грустный и несколько виноватый. – Не беспокойся, к тому моменту, как ты доешь, силы полностью восстановятся. И прежде, чем уходить, верни, пожалуйста, миску вон в ту палатку.

Корп посмотрел в сторону, куда указывал Гарад, а когда снова повернулся, его собеседника уже не было. Паладин стал озираться по сторонам, но тщетно. Этот странный человек буквально испарился. Точнее, сбежал, подумалось Корпу. Гнев и раздражение уже закипали в нём, он чувствовал себя униженным и слабым, ставшим жертвой каких-то мошенников, и тут увидел свою лошадь, привязанную у коновязи, со всеми седельными сумками. Закончив с похлёбкой, паладин аккуратно поднялся на ноги и направился к ней, чтобы проверить вещи. Гарад не обманул, силы, действительно, вернулись, да и все пожитки оказались на месте. Всё это было возмутительно неясным. Постояв немного и позволив ошеломлению слегка утихнуть, Корп направился к палатке, чтобы вернуть миску. Маленький сухопарый мужчина за прилавком, загорелый до черноты, которая ещё больше выделялась в контрасте с его белыми одеждами, аккуратно её принял.

– Не желаешь добавки, господин? – мягко поинтересовался он, кивая себе за спину. Там женщина, в таких же белоснежных одеждах, мешала деревянным половником булькавшее в котле варево.

– Благодарю, я сыт, хотя похлебка отменная, – похвалил Корп.

– Я говорил, что ты зря сомневаешься на её счёт. Моя жена готовит замечательно, – проговорил продавец.

– Думаю, ты говорил это моему компаньону, а не мне, – возразил паладин.

– При всём моём уважении, господин, я точно говорил с тобой. Я никогда не путаю людей и запоминаю лица надолго. Ты пришёл через южный вход, оставил лошадь у коновязи и, немного посидев на той лавочке, подошёл к нашей палатке. Народа было ещё не много, и я сразу тебя заметил и даже сказал жене, посмотри, какой интересный господин. Он точно приехал к нам с той стороны Великих Гор, – говорил продавец, и от его слов Корпу становилось всё больше не по себе.

Но прежде чем сомневаться в нормальности своего рассудка, он предпринял ещё одну попытку защититься, и предположил, что это всё сговор.

Поблагодарив хозяина лавки за похлёбку ещё раз, паладин направился к южной части площади. Он обошёл там все лавочки, расспрашивая продавцов о Гараде. Он говорил им, что ищет своего приятеля и спрашивал, не видели ли те его. Но никто не вспомнил человека с волосами сплетёнными в длинную косу. Пара торговцев узнала самого Корпа, но они были уверены, что видели его одного. Тогда, убедившись в тщетности своих усилий, паладин забрал свою лошадь и отправился на ту площадь, на которой и начались все эти странные события.

Солнце стояло в зените, и хозяева сворачивали тенты, чтобы переждать самые тяжелые часы в прохладе. Корп успел потолковать с некоторыми из них. Ни один не встречал человека, похожего на Гарада. Это был момент, когда паладин был готов сдаться, но его решение изменилось, когда, проходя мимо одного из тентов, он увидел своё отражение в начищенном медном блюде. Никаких следов удара на лице у него не было. Корп принялся ощупывать щёки, скулы, подбородок – они не болели. После того удара, который он пропустил от Кальда, это было бы невозможно.

Корпу начало казаться, что утреннее происшествие не больше, чем сон или галлюцинация, что никаких людей не было, никто на него не нападал, ничего он не видел. Подгоняемый накатывающими волнами страха, он отправился на центральную площадь и начал поиски. Он забыл о жажде и жаре, забыл, что собирался покинуть Альмандин ещё утром, ему было необходимо убедиться, что Гарад и его дружки действительно существовали.

Паладин ходил от одной таверны к другой, снова и снова расспрашивая всех, кто ему встречался по пути. Он называл приметы, не полагаясь на имя, считая его вымышленным. Когда на рынках снова начали открываться палатки, он пошёл к торговцам. Все его усилия были напрасны, никто и никогда не видел такого человека. Ближе к закату, уставший и голодный, Корп зашёл в небольшую харчевню, стоявшую в стороне от центральных улиц. Посетители только начинали собираться, и хозяин, крупный седой мужчина, сидел за своей стойкой, подперев голову рукой и наблюдая, как две его работницы носят из кухни чистую посуду. Корпа он слушал не глядя, лишь отрицательно покачивая головой. Поняв, что и здесь не будет толка, паладин уже собирался уходить, когда из-за ближайшего к стойке стола встал посетитель и подошёл к нему.

– Приятель, я слышал, ты человека одного ищешь, – начал он, чуть присвистывая сквозь отсутствующий передний зуб, – я такого не видал, но вот дружок его, здоровяк, про которого ты говорил, очень похож на одного моего знакомца по имени Кальд.

– Да, Кальд, – оживился паладин. – Ты знаешь его?

– Могу сказать, где живёт, только это не бесплатно, – улыбнулся ему собеседник.

Раньше это возмутило бы Корпа, но теперь он был готов отдать любые деньги за такую информацию. Он заплатил назначенную цену не торгуясь и пошёл по указанному адресу. Конечным пунктом оказался небольшой уютный дом на окраине города, совсем в противоположном конце от тех мест, по которым полдня бродил паладин. Оставив лошадь у калитки, он прошёл по тропинке к дому. Входная дверь была открыта, но Корп остановился на пороге и позвонил в колокольчик. Тот мягко затренькал, и подвешенные к нему фигурки в виде боевых щитов заплясали и заблестели на солнце. Время шло, но никто не отвечал. Тогда паладин заглянул в переднюю. Как раз в этот момент в неё вбежала девочка лет десяти. Увидев незнакомца, она остановилась и вопросительно уставилась на него.

– Здравствуй? – произнесла она серьёзно.

– Здравствуй, – Корп несколько растерялся, увидев ребенка. – Я искал Кальда...

– Он на заднем дворе, я его позову, – ответила она и тут же скрылась в двери чёрного хода.

Паладин остался стоять, ожидая, что к нему выйдет совсем другой человек и начиная думать, что зря потратил деньги. Вскоре дверь чёрного хода снова открылась, и в прихожую вошёл тот самый здоровяк, который утром так ловко сразил Корпа одним ударом. Он взглянул на гостя, улыбнулся и потрепал по голове девочку, которая почти сразу же вошла за ним следом.

– Этот господин спрашивал тебя, папа, – сообщила она.

– Спасибо, Ревеника, – поблагодарил её Кальд и обратился к Корпу, – а ты – молодец, быстро справился. И очень вовремя, мы собираемся ужинать. Так что проходи, не отказывайся. А как поедем, я отведу тебя к Гараду.

Жена Кальда, невысокая молодая женщина с задорно вздернутым носиком, щедро усыпанным веснушками, приняла нежданного гостя без лишних вопросов. В её веселых глазах плясали огоньки любопытства, когда она поднимала взгляд на Корпа, которого усадила рядом с собой, чтобы вовремя подавать ему блюда и следить, чтобы гость был сыт и доволен. Кальд шутил с женой и детьми, которых оказалось трое общим числом, и с Корпом держался как со старым другом. После трапезы он поблагодарил свою хозяйку за ужин и пообещал вернуться домой к полуночи. Вдвоём с паладином они отправились к Гараду.

Идти оказалось недалеко, и уже скоро они остановились возле небольшого жилого дома.

– Думаю, Гарад должен быть у себя в этот час, – сообщил Кальд и позвонил в дверной колокольчик. Он оказался прав, им практически не пришлось ждать, Гарад собственной персоной появился на пороге.

– Отличный результат, даже суток не прошло! Заходите, – пригласил хозяин дома, отступая в сторону, чтобы дать гостям дорогу. Он привёл их на кухню и налил по стакану холодного вина, принесённого из погреба.

– А где твоя хозяйка? – поинтересовался Кальд, по-свойски устраиваясь у стола.

– У подруги.

– Кто же вы такие? – спросил Корп, переводя взгляд с одного собеседника на другого. – Сначала говорите мне о братстве, паладинах, святой силе, а потом оказывается, что каждый из вас ведёт мирскую жизнь. Я обошёл сегодня пол города, но никто ничего о вас не знал, кроме одного проходимца в харчевне, который выпросил у меня денег в обмен на то, что указал дорогу к дому Кальда. Спросите по ту сторону Предела любого землешца, и он назовёт вам дорогу в Орден. Так, в моём понимании, действуют люди добросовестные.

– Он намекает, что мы – мошенники, – усмехнулся Кальд, но явно не обиделся и с довольным видом продолжал потягивать вино, явно желая продлить этот момент.

– Ты имеешь право знать всю правду, потому что сам пришёл к нам. И я тебе её расскажу. Но сперва, ответь мне, зачем ты стал искать нас? – спокойно проговорил Гарад. – Ведь ты мог уехать сегодня, как и собирался.

– Святые Небеса, да потому что я хотел знать, что это всё значит! – взревел Корп, оставшийся без последних капель терпения. Резким движением руки, он указал на Кальда, – От такого удара у меня синяк должен быть на пол лица, и где он? Никто не видел тебя, Гарад, на площади со мной, не говоря уже о том, что творилось в той странной комнате. Что вы, чёрт возьми, делаете?

Он дёрнул головой, осенил себя защитным знаком, и его губы привычно зашептали молитву покаяния. Компаньоны не проронили ни слова, дожидаясь, пока он успокоится.

– Так ты хочешь знать, – кивнул Гарад. – Хорошо, слушай меня. Я говорил тебе, что Паладины обладают особой силой, именно её тебе продемонстрировал Кальд. Мы зовём её Огнём Жизни. В каждом человеке есть такой Огонь, у одних он сильнее, у других слабее. У Паладинов он не только особенно сильный, но ещё и иной по своим свойствам. Именно он позволяет делать невероятные для других людей вещи. В твоём случае, не было удара по лицу, поэтому у тебя нет следов. Мы называем это Всполохом. Паладин позволяет своему Огню Жизни разгореться и направляет его действие на другого. Результат всегда разный, в зависимости от человека и ситуации, в которой он был применен. Поскольку ты был настроен агрессивен, Всполох оказался для тебя подобен удару, от которого ты, по неопытности, не смог уклониться. Будь ты по природе своей более гибок, удар не стал бы таким сокрушительным, и ты даже не потерял бы сознание. Как бы то ни было, действия Кальда разожгли твой Огонь Жизни, и он позволил тебе видеть в

темноте. Но потом ты так сильно испугался происходящего с тобой, что снова свалился без чувств. Такое часто бывает с людьми, не желающими принимать непривычные для них вещи.

– Ты говоришь об этом так просто, но в той комнате мне показалось, что вы были обеспокоены происходящим со мной.

– Всё это было частью игры, чтобы дать тебе шанс действовать. Ты оказался перед выбором, который не мог не совершить. Произошедшее должно было либо окончательно тебя отпугнуть, либо заинтересовать.

– Как-то это всё подло, – сказал Корп, подумав. – Без спросу, без разрешения.

– А ты согласился бы нас слушать, если бы мы к тебе пришли? – поинтересовался Гарад. – Со многими именно так и происходит, но не с тобой, мой брат. Увы, нет.

– Для чего вам нужно было всё это проделывать? Вы же знаете, кто я, – несколько поостыв, спросил Корп.

– Я тебе говорил, что иногда обладание таким сильным Огнём Жизни может быть разрушительным, как для самого носителя, так и для окружающих. В твоём случае, в первую очередь, для тебя самого. Боль, отчаяние, чувство вины тоже способны разжигать Огонь, который начал бы уничтожать тебя изнутри. Мучимый им, ты стал бы вредить людям. В порывах ярости и исступления мог бы убивать их. Не намеренно. Это как Всполох, только неконтролируемый. И в итоге погиб бы сам в муках.

– Почему это должно было произойти со мной?

– Всё началось с твоей сестры, и разочарования от встречи с ней. Дальше девушка, которая тебя сопровождала, и все события, связанные с ней, – ответил Гарад несколько неохотно, ему явно не хотелось говорить об этом.

– Откуда? – проронил Корп, опуская взгляд и чувствуя, как краска стыда заливает лицо.

– Маг по имени Кастор рассказал мне, что вместе с людьми, которых он ждёт, в Альмандин едешь ты. С момента твоего приезда мы присматривали за тобой, а после твоей встречи с сестрой стало ясно, что действовать придётся не разговорами. Поверь, брат Корп, мы с удовольствием избежали бы такого рода вмешательства в твои дела, но ситуация становилась опасной, – голос Гарада звучал глухо, а Кальд уткнулся взглядом в свой стакан. – Знай, мы не осуждаем тебя за то, что происходило с тобой, потому что не имеем никакого права на это. Все мы люди, всем нам свойственно переживать разного рода страсти. И каждый справляется с ними так, как может. Нет ничего дурного или постыдного в том, что ты делал и чувствовал.

Слушая голос Гарада, Корп почувствовал, как его сердце сжимается от боли, и нарастающий ком в горле перекрывает дыхание. Он склонился и уткнулся лицом в руки. Его тело вздрагивало, словно от рыданий, но ни одной слезы, ни одного звука проронить он не мог. Посмотрев на него, Кальд пожевал губы и молча кивнул Гараду. Тот встал и сходил за бутылкой из темного стекла и рюмкой. Пробка глухо чпокнула, и по комнате медленно начал растекаться приятный аромат крепкого спиртного напитка. Наполнив рюмку, Гарад поставил её перед гостем.

– Выпей, брат, тебе станет полегче, – посоветовал он. Корп поднял голову, дрожащей рукой взял рюмку и, улучив момент между приступами, опрокинул её себе в рот, на мгновение замер, а потом тяжело закашлялся.

– Отпускает, – с пониманием констатировал Кальд, глядя на него.

– Вы снова что-то со мной делаете? – хватая ртом воздух, спросил Корп.

– Нет, это уже ты сам, – ответил Гарад. – Так многолетняя боль выходит из человека. У тебя её особенно много. Потом приступы станут легче.

– Хочешь сказать, будут ещё?

Компаньоны в ответ кивнули, как по команде.

– Как живут члены вашего Братства? – спросил Корп спустя некоторое время.

– Среди нас есть люди мирские, семейные, есть те, кто живёт при Братстве. Для нашего дела это не имеет значения, как ты уже понял. У Братства есть собственная земля, жильё, хозяйство.

Всё это, в первую очередь, для тех из нас, у кого нет собственного дома и близких. Кроме того, мы помогаем сиротам, бездомным и отчаявшимся. Для этого содержим больницу и приют. Некоторые из братьев служат в городской дружине. Среди нас очень разные люди, разного рода интересов и занятий. Каждый находит себе место, – рассказал Гарад.

– Я хотел бы посмотреть, – произнёс Корп, несколько замявшись. – Если можно.

Гарад улыбнулся и утвердительно кивнул.

ГЛАВА 12. В АЛЬМАНДИНЕ

– Слушай, Бран, что происходит? Ты в курсе, что наш знакомец из Ордена остался в Альмандине? Ходит тут свободно, никого не стесняется, – говорил Плутак, вальяжно раскинувшись в плетёном садовом кресле и потягивая вино, от которого запотел резной бокал.

– Тебе какое дело? – странник сидел напротив него на скамейке, согнувшись и облокотившись о колени. Он ждал и был занят своими мыслями, потому отвечал неохотно и с запозданием.

– Так ведь шпионит, не иначе!

– Откуда знаешь?

– Яра мне рассказывала про него. Она видела, как он...

– Хватит, – оборвал Бран. – Ты уже два месяца неизвестно чем здесь занимаешься, и я не спрашиваю тебя об этом.

– Я – чист, мне скрывать нечего. Хочешь, спроси Кастора или Яру. Или вон, Иолу, если она, конечно, захочет говорить, – слепой с усмешкой кивнул в тот уголок сада, где у клумбы с цветами работала их знакомая с разукрашенным синими рисунками лицом. – Я всегда у всех на виду и с воровством я давно завязал. А этот не иначе как для Ордена сведения собирает.

– Причём тут я?

– Ведь ты же в дружине, разве тебе не положено следить за порядком?

Бран плотнее стиснул тонкие губы – гримаса означала, что он начинал терять последние капли терпения. Они теперь не часто говорили с Плутом, и он успел отвыкнуть от назойливости слепого. Странник приходил в дом Кастора между своими дежурствами, то есть после полудня и до ужина. В эти жаркие часы его старый приятель предпочитал отсыпаться в своей комнате. На каких основаниях он остался в доме мага, Бран не интересовался, как и не знал почти ничего о жизни своих прочих компаньонов в эти жаркие месяцы. Время от времени он заходил в сад, чтобы поприветствовать Иолу. Она почти всё время дня проводила среди растений, ухаживая за ними. Как и раньше, она была немногословна, но приветлива. С Эднартайей они совсем не виделись. Девушка отсутствовала днём, возвращалась только к ужину.

– Яра просила тебе передать, чтобы ты немного подождал её, как закончишь с Кастором, – после некоторого молчания и с явной неохотой проговорил Плутак.

– Хорошо, – согласился Бран. Их встречи с Ярой происходили часто. Если ему не выпадала караульная служба, они отправлялись на прогулку по Альмандину. Яра спешила закончить свои дела к тому моменту, как освободится Бран, а иногда навещала его в дневные часы, чтобы принести что-то к обеду и перекинуться парой слов. Он никогда не просил её об этом, но и не отказывался. Она держалась непринуждённо и весело, умела поддержать лёгкую беседу и знала множество интересных историй о городе. Было приятно прогуливаться по ещё жаркому после солнечного дня городу, болтать, смотреть, как пламенеют в свете огней её рыжие кудри, как озорно блестят её немного суженные раскосые глаза.

– У тебя виды на Яру? – вдруг спросил Плутак.

– А что? – переспросил Бран.

– Да так, любопытно, – протянул слепой. – Для чего ты проводишь с ней столько времени, если между вами ничего не происходит.

"Мне тоже любопытно", – подумалось Брану, но ничего ответить он не успел, потому что пришёл Кастор и пригласил его с собой. Их беседы всегда проходили в кабинете мага. После всего того, что успел испытать на себе Бран за эти месяцы в Альмандине, он уже ни капли не сомневался в способностях последнего. Они много говорили о прошлом. В этих разговорах Кастор распутывал воспоминания странника, словно клубок, ниточка за ниточкой. Он оживлял события и чувства, случившиеся с Браном в былые годы, заставлял его по-новой всё это пережить, убеждая, что это необходимо сделать, чтобы избавиться от груза страхов, вины и обид. Дело шло медленно, новый ученик сопротивлялся. Кастор не торопил.

В те дни Брану часто снились события прошлого. И то, что казалось уже забытым, поднималось в нём с новой силой. Он не ощущал обещанного облегчения, скорее наоборот, раздражение и злость только нарастали и, сдерживаемые, вызывали в нём ещё большее напряжение.

– С чего бы ты хотел начать сегодня? – по обыкновению спросил маг, когда они вошли в кабинет.

– С вопроса. Хотя он несколько посторонний.

– Задавай, – подбодрил Кастор и с интересом посмотрел на собеседника.

– Я бы хотел больше узнать о Совете. Это возможно?

– Конечно. Но позволь прежде спросить, почему ты вдруг заинтересовался?

– Любопытно, как здесь всё устроено. Я уже понял, что в него входят влиятельные люди Альмандина. Например, крупные купцы, как Дей или Борво, главы и начальники, как начальник дружины Элбан или глава Братства Паладинов Гарад, маги типа тебя или Арта, – перечислял Бран, и при звуках произносимых им имён улыбка Кастора делалась только шире. – То есть все те, которые имеют отношение к власти или могут влиять на жизнь Альмандина. Но это очень разные люди, попавшие сюда в разное время и разными путями, с разными историями. Мне стало любопытно, как же они оказались в Совете. И что он из себя представляет, чем занимается. Если узнать его состав ещё хоть как-то возможно, то всё остальное как будто старательно прячется.

– Хочу тебя поздравить, ты правильно воспользовался предоставленными возможностями и время в дружине понапрасну не терял, – похвалил Кастор. – Узнать состав Совета не самое простое дело, хотя бы по той причине, что не все его участники – люди известные и публичные. Могу поспорить, не одно только любопытство тебя вело, раз ты предпринял такие тщательные поиски.

– Да, я хотел знать, как может попасть человек в Совет такого сильного города, если он от роду никто.

– Тебя, видимо, вдохновила и впечатлила история Борво, – понимающе кивнул Кастор.

– Да, – согласился Бран и добавил, – но потом я услышал твою.

– Вот так новость, – покачал головой маг. – Это кто же меня сдал? Хотя не отвечай, у меня есть догадки. Так гораздо интереснее, чем получить сразу всю правду. Что ж, ты узнал обо мне, и тебе это кое-что напомнило из собственной жизни?

– Возможно, – серьёзно ответил Бран. Кастор кивнул и поджал губы, взгляд его сделался задумчивым. Он посмотрел в окно, как делал всякий раз, размышляя над каким-нибудь вопросом.

– Хочешь пойти со мной в Совет? – вдруг произнёс он. – Я могу взять тебя с собой, и ты без лишних слов сам всё увидишь. Я познакомлю тебя с участниками, посмотришь, чем мы там занимаемся.

– Конечно, хочу, – быстро согласился Бран.

– Мы отправимся туда с тобой послезавтра утром. Сразу после завтрака придёшь за мной, – Кастор посмотрел на собеседника и, получив утвердительный кивок в ответ, добавил, – значит, с

твоим вопросом мы разобрались. Теперь настала очередь моего. Ты всё ещё видишь сон со случаем в лесу?

– Да.

– Он не изменился?

– В нём нечему меняться, – поморщился Бран, даже не пытаясь скрывать своего раздражения.

– Наша память часто обманывает нас, – как бы сам себе произнёс Кастор. – А тот сон с Эднартайей?

– Тоже.

– А ты не пробовал поделиться с ней этим? – вдруг спросил Кастор, и Бран бросил на него быстрый взгляд.

– Что за бредовая идея? – быстро проговорил он, но тут же спохватился и постарался взять себя в руки. – Прости, Кастор, сорвалось. Я думаю, это совсем ничего не даст. Да и как я это сделаю? Что она подумает?

– Попробуй и увидишь. Как давно ты не говорил с ней? Месяц? Два? Как давно не видел? Ты даже не спрашивал меня, как у неё успехи. А я мог бы тебе на это ответить, что Эднартайя далеко продвинулась. В ней много нового, того, чего ты никогда, вероятно, не видел. Ты ведь лучше меня знаешь, что твои сны не выдумка и не грёзы. И если уж ты не можешь обсудить их с одним из участников, то мог бы сделать это с другим. Подумай об этом, Бран.

На этом Кастор пожелал закончить их встречу, сославшись на то, что самое важное уже было сказано, и теперь нужно время, чтобы оно улеглось по полочкам, как он любил говорить. У Брана оставалось много времени до прихода Яры, и он провёл его в саду, наблюдая, как работает с цветами Иола. Он размышлял о том, что с того случая в ночном лесу накануне их приезда в Альмандин избегал лишней раз бывать наедине с Эднартайей. И хотя их последняя встреча закончилась тепло, новой он опасался, в чём даже самому себе не отдавал отчёта. Он охотно погрузился в новую жизнь, стараясь заместить ею прежнюю, частью которой Эднартайя и являлась.

В тот день Яра, действительно, задержалась. Ей нужно было выполнить некоторые поручения Кастора, которые оказались более затратными по времени, чем она ожидала. Резные стрелки часов на астрономической башне уже показывали пять часов, когда Яра миновала главную площадь, а это означало, что времени до вечернего дежурства Брана оставалось совсем немного.

Обычно они встречались в палисаднике, но ни там, ни в передней Бран её не ожидал. Вихрем ворвавшись в гостиную, Яра увидела самого хозяина дома, сидевшего в углу и читавшего манускрипт.

– Учитель, – выдохнула она. – Ты не знаешь, где Бран?

– Успокойся, – сказал Кастор, поднимая на неё глаза. – Он ждёт тебя в саду. Но прежде, чем ты к нему пойдёшь, я хочу, чтобы ты перевела дух и привела себя в порядок.

– Я в порядке, – ответила Яра, торопливо поправляя растрепавшиеся волосы.

– Ты тратишь непозволительно много сил, и это нехорошо. Может случиться, что тебе их не хватит в самый важный момент.

– Ничего такого, учитель. Я в норме, – она старалась быть спокойной, но голос предательски дрогнул. – Я могу идти?

– Конечно, кто я такой, чтобы как-то удерживать тебя, – улыбнулся Кастор. – Только будь экономнее.

– Не сомневайся, я ведь лучшая из твоих учеников, – ответила Яра и вышла из комнаты.

Она увидела Брана на лавочке под деревом в саду. Он сидел, облокотившись о колени и глядя в одну точку. Подойдя, Яра присела рядом.

– Вот и я, – мягко проговорила она, коснувшись его плеча кончиками пальцев. – Извини, что так задержалась.

– Ничего страшного, я наблюдаю, как Иола занимается с цветами. Поразительно, сколько у человека терпения.

– Правда? Но ведь её здесь нет, – собеседница мягко улыбнулась ему. Бран словно проснулся и окинул взглядом сад.

– Похоже, я даже не заметил, как она ушла, – усмехнулся он и посмотрел на небо. – Вечереет. У нас осталось немного времени.

– Может быть, я провожу тебя в таком случае?

– Ещё чего не хватало. Давай просто прогуляемся немного вдоль реки, и я пойду, – предложил он. Яра охотно согласилась, и они вместе, под руку, вышли из дома.

В тот вечер они больше молчали, идя вдоль мягко журчавшего потока по мощёной набережной. На ней располагались немногочисленные жилые дома, одни из самых старых в городе, заросшие густыми фруктовыми садами. Прохожих, кроме самих жильцов этого квартала, почти не встречалось, потому что улочка заканчивалась тупиком – горбатым ветшающим мостиком, соединявшим оба берега между собой. На нём молодые люди и остановились. Усиливающийся к ночи ветер гулял в кронах садовых деревьев, и с запада к городу снова ползла дождевая туча.

– Кажется, будет гроза, – заметила Яра, поглядывая на Брана. – Так не кстати.

– Не страшно, – ответил он.

– Разве тебе сегодня не дежурить?

– Это всего лишь дождь, – возразил странник.

Очередной порыв ветра оказался гораздо сильнее своих предшественников. Он поднял в воздух столбы пыли, захлопнул ставни на нескольких окнах и окончательно растрепал причёску Яры. Деревья в садах тревожно зашумели.

– Деревья так клонятся под ветром друг к другу, будто переговариваются, – сказал Бран, осматриваясь.

– Деревья шепчут о том, что рассказывает им ветер, – произнесла Яра.

– Очень красиво, – ответил он с улыбкой, и его собеседница кокетливо повела плечом. Яра смотрела ему в глаза прямо, без смущения. Ветер трепал её кудри, рыжевшие, словно от всполохов последних лучей предгрозового солнца. Она улыбалась как и всегда с их первой встречи, как и все эти дни, когда они встречались на мгновение или проводили время вместе. Она была рядом, и снова от её присутствия ему стало спокойно и тепло на душе, но одного спокойствия Брану никогда не было достаточно.

Он убрал прядь волос с её лица, мягко взял девушку за плечо, привлёк к себе и поцеловал в губы. Яра коротко трепетно вздохнула и ответно обняла его. От её волос и кожи исходил терпкий цветочный аромат, уже ставший таким знакомым и привычным. Очередным порывом ветра сорвало вывеску у ближайшего к ним дома, и она с шумом упала на мостовую. От внезапного громкого звука молодые люди вздрогнули и отстранились друг от друга.

– Нам пора идти, пока ветер не натворил других бед, – сказал Бран, посмотрев на случившееся.

– Да, – тихо ответила Яра, но её голос потонул в раскате грома. Бран накинул на девушку свой плащ, укрывая её от ветра и первых капель дождя, взял за руку и повёл за собой обратной дорогой.

Дождь, как это бывает в грозу, обрушился ливнем и настиг их почти уже у самого крыльца. Юркнув под козырёк, Яра сняла с себя плащ и передала Брану. За их спинами в открытую дверь было видно, как в передней отряхивается Иола, вернувшаяся с заднего двора.

– Может быть, переждёшь? Гроза кончится быстро, – предположила Яра.

– Нет, времени почти не осталось, нужно идти, – возразил странник, накидывая на себя плащ. – До встречи.

На мгновение он задержался, взял руку девушки в свою и мягко сжал – на прощание. Скрывшись под капюшоном, Бран вышел под дождь, унося с собой воспоминания об этом вечере и сияющем от счастья взгляде Яры.

Уже поздним вечером Плутак стоял у открытого окна гостиной, слушая мерное шлёпание капель воды по листьям в саду. Было совсем темно, и в доме стояла тишина. Вряд ли глаз или ухо любого другого человека смогли бы различить в этом покое постороннее движение, но слепой уловил его с легкостью. Он безошибочно повернулся к двери и тихо произнёс: "Привет тебе". Силуэт скользнул из тени и мягко, бесшумно проследовал сквозь комнату к нему.

– Ты сегодня прекрасна, – проговорил он и, чуть смутившись, добавил, – я имею в виду твоё сияние. Никогда ещё не видел его таким.

– Ты делаешь потрясающие успехи, Морк, – мягко похвалила Яра. – Какое же оно для тебя?

– Я бы сказал, что это смесь восторга, радости, веселья и... немного смущения.

– Не думала, что ты так быстро научишься разбирать эмоциональные окраски.

– Да, это интересно, – признал слепой. – Только не понятно, для чего оно мне нужно.

– Ты опять загрустил? – спросила она. – Тебе скучно?

– Я чувствую, что зря трачу твоё время. К чему всё это? Какой от меня прок? А я хочу быть полезным. Все чем-то заняты, а что взять со слепого?

– Что с тобой? – в голосе Яры послышалось участливые нотки. – Расстроен из-за разбитой тарелки за ужином? Это же ерунда! Она неудачно стояла на самом краю и ровно под твоей рукой.

– Не только из-за неё. Все меня сторонятся, избегают или не замечают. Так было всегда, что поменяется? Я – обуза. Прогнать неловко, а проку никакого, только лишние хлопоты, – продолжал слепой. – А я ведь могу, у меня есть силы. Какая разница между мной и Браном? Лишь в том, что его глаза видят!

Он осёкся и замолчал, между ними повисла неловкая пауза.

– Прости, – наконец, выговорил Плутак. – Я расстроил тебя. Вижу. Я хотел сказать, что мог бы быть полезен. Может, ты мне какое дело дашь? Поважнее домашних хлопот.

– Я придумаю, – пообещала Яра, ласково коснувшись его плеча. Немного поразмыслив, она предложила, – хочешь, завтра днём пройдемся с тобой?

– Куда? – не понял слепой.

– Куда угодно. Просто прогуляемся по городу. Съедем чего-нибудь, я тебя познакомлю с моими друзьями. Обычная прогулка, – пояснила она уже чуть веселее.

– Очень хочу, – почти шёпотом ответил он.

– Тогда пойдём после обеда. А сегодня давай не будем тренироваться. Был напряжённый день, я бы хотела отдохнуть.

– Конечно, доброй ночи, – согласился Плутак.

– И тебе, – пожелала девушка и вышла из комнаты так же тихо, как входила в неё. Слепой ещё долгое время оставался у окна, слушая шелест дождя и наслаждаясь медленно таявшим цветочным ароматом, оставшимся в воздухе от Яры.

Эднартайя проснулась с первыми лучами солнца. Оно каждое утро проникало сквозь распахнутые ставни окна и подбиралось к ней по подушке, чтобы пощекотать веки и ресницы ласковым утренним светом. Немного понежившись в постели по старой привычке, девушка поднялась, привела себя в порядок, оделась, умылась и спустилась вниз. Теперь она вставала в доме первой, и так было на протяжении всех месяцев её проживания в Альмандине. Спустившись вниз, она в одиночестве позавтракала, приготовила блинчики и оставила их на столе, аккуратно накрыв чистой салфеткой. Оставить что-то для завтрака прочим домочадцам было частью её ежедневного ритуала. Собрав с собой необходимые вещи, Эднартайя вышла из дома в свежее после ночной грозы утро. Её путь к мастерской Фаи, куда она отправлялась ежедневно, пролегал

уже знакомым, любившимся ей маршрутом. Час был ранний, лавочки и магазинчики только открывались, продавцы выставляли товар на прилавки, выносили на улицу горшки с цветами, распахивали ставни. С некоторыми из этих людей девушка была уже знакома. Встречаясь с ними, она приветливо здоровалась, и в ответ получала пожелания хорошего дня. Она уже привыкла к открытости и разговорчивости жителей Альмандина, которые больше не смущали и не пугали её.

Фая, как обычно, уже была в лавке и ждала появления своей напарницы. Эднартайя пришла к ней с просьбой о работе уже на следующий день после того, как обговорила с Кастором своё желание остаться в городе. Портниха с радостью согласилась. Они не только легко договорились об условиях участия Эднартайи в деле, но нашли общий язык по многим вопросам его ведения. Фая охотно приняла помощь новой работницы, которая взяла на себя мелкие дела по лавочке, следила за порядком, общалась с клиентами и относилась к заказам. Однако для деятельной и проницательной Фаи этого было мало. Увидев в Эднартайе интерес и способности, она принялась обучать её своему делу, с удовольствием выслушивала её идеи и советовалась. Портниха доверяла девушке закупку материалов и фурнитуры для шитья, учила общаться с торговцами и договариваться о цене. Дело шло ладно.

– Доброе утро! – поздоровалась Эднартайя, входя в лавочку и по-хозяйски подпирая дверь горшком с цветами в знак открытия для посетителей.

– Доброе! Ещё добрее оно станет, когда в этих сияющих глазах я увижу хоть тень влюбленности. И что о себе думает этот Бран? Когда он собирается сделать то, что должен? – проговорила свою, ставшую уже стандартной, тираду приветствия Фая. Её забавляло таким образом подтрунивать над Эднартайей и немного дразнить.

– Вывеска висит на одном болте. Видимо вчерашняя гроза сорвала её. Я на обратном пути загляну к мастеру и попрошу его к нам зайти, – проговорила она, игнорируя слова портнихи. В первое время она пыталась на них что-то отвечать, отчего полемика только разрасталась, но потом привыкла и теперь уже не замечала их вовсе.

– Как это тебе удаётся? Ты увидела, а я нет! Чтобы я без тебя делала? – Фая ласково улыбнулась. – Пойдём в примерочную. Я закончила вчера наше новое платье, и я хочу, чтобы ты сегодня в нём прошлась через рынок, когда пойдёшь обратно. Это будет фурор!

Такое они проделывали частенько. Стройная и эффектная от природы, Эднартайя была лучшей моделью для демонстрации нарядов, которые творила в своей невероятной мастерской Фая. Без лишних расходов девушка щеголяла по городу в новых платьях по несколько раз в месяц. В такие дни она отправлялась на прогулку по городу, туда, где могла повстречать возможных покупательниц.

На этот раз её ждало лёгкое, как сам летний бриз, платье цвета морской волны. Идея полностью принадлежала Эднартайе, и она несколько волновалась за результат. "Получилось отменно. Я бы не взялась, если бы считала, что идея неудачная, ты меня знаешь", – успокоила её портниха, расправляя складки. Фая, безусловно, была права. Они потратили некоторое время, чтобы дополнить образ причёской, после чего занялись делами по лавочке. День выдался хлопотный. Было несколько примерок, заходили новые клиенты ознакомиться с товаром и, наконец, пришёл сам Борво. Он был одним из самых известных людей в Альмандине, владел большим количеством лавочек и магазинов, его караваны путешествовали во многие города, куда он сбывал товары из Альмандина и откуда привозил сырьё. Именно из его рук город получал то многое, чем питался, что носил и использовал ежедневно. Многим это не нравилось, но перейти дорогу могучему Борво никто не решался.

Для незнающего человека показалось бы странным, что такой состоятельный человек может иметь дела с мелкой портной лавочкой. Но все вопросы улетучивались, стоило лишь один раз увидеть его рядом с Фаей. Когда огромная фигура Борво появилась в лавочке, закрыв собой свет дверного проёма, Эднартайя оторвалась от своих дел, вышла из-за прилавка и чуть присела в знак приветствия и уважения.

– Здравствуй, Эдни, – густой бас Борво звучал весело. – Ты сегодня обворожительна!
– Добрый день, господин Борво, – поздоровалась девушка, улыгнувшись. – Благодарю.
– Ох, придумщицы! Как что-нибудь сообразят, – он прищурился и захохотал, а затем поманил её поближе к себе и, аккуратно взяв за плечико, шепнул, – а где моя-то?

– Слышу-слышу, – Фая буквально выпорхнула из подсобного помещения, где пересчитывала материал. – Какой приятный сюрприз, господин. Чем можем помочь?

– Завтра утром отправляю караван. Что у тебя там есть на продажу, Фая? Давай всё.

– Конечно, могу показать! У нас как раз по случаю оказались свободные к продаже платья, – ответила портниха. – Мы сейчас всё покажем.

– Фая, сегодня замечательный погожий день. Отпусти свою помощницу, чего девчонка будет сидеть без солнца. Мы и вдвоём управимся, у меня есть время, – возразил Борво. Сдерживая улыбку, Эднартайя поблагодарила его, попрощалась и вышла из лавочки, закрыв за собой дверь.

Подобные ситуации разыгрывались всякий раз, и все участники точно знали, чем всё закончится, но продолжали держать маски. Эднартайя считала для себя неприемлемым интересоваться личными делами Фаи, а та не спешила откровенничать. У Борво была семья, и при его положении в обществе связь с Фаей могла бы сыграть против него.

Стараясь ни о чём таком не думать, девушка отправилась по заданному маршруту. Она прошла через самый центр города, заглянула в несколько людных лавочек. В каждой из них она, конечно же, поболтала с продавцами, которые в присутствии прочих покупателей расспросил её, где ей удалось купить такое красивое платье. Всё это они придумали вместе с Фаей, не без влиятельного участия всё того же Борво. И время от времени схема работала.

Эднартайя уже собиралась заканчивать прогулку, когда приобрела двух неожиданных попутчиков. Она успела привыкнуть, что в Альмандине незнакомые мужчины частенько предпринимали попытки заговорить с ней и познакомиться. Она не пугалась их внимания по отношению к себе и знала, что при должном поведении внезапный кавалер всё поймёт и оставит её в покое. Но эти двое не собирались сдаваться. Они продолжали идти рядом, уговаривая её отобедать с ними, засыпая комплиментами и обещаниями. В конце концов, они перегородили ей дорогу, заявив, что никуда непустят, пока она не согласится на их предложение. Эднартайя поняла, что без крайних мер ей не обойтись, но прибегать к ним не пришлось. Краем глаза она заметила, что к ним идёт человек в патрульном обмундировании, придерживая у бедра меч, но только повернув в его сторону голову, она узнала Брана.

– Добрый день, господа. Что здесь происходит? – спросил он, подойдя к ним. Он посмотрел на них, встретился взглядом с Эднартайей, в его глазах не было ни тени улыбки.

– Беседуем, – ответил один из новоявленных кавалеров. – А в чём, собственно, дело? Почему дружина заинтересовалась? Мы ничего не нарушаем.

– Дружина имеет право интересоваться когда угодно и чем угодно ради безопасности горожан. Её дела не предмет обсуждения, – холодно проговорил Бран.

– У этих господ был вопрос ко мне, который они выяснили и теперь собираются уходить, – произнесла Эднартайя чётким ясным голосом и, повернувшись к собеседникам, с улыбкой добавила, – приятно было познакомиться. Хорошего дня.

– Что ж, – протянул один из них, поглядывая на Брана. – Теперь всё понятно. Хорошего дня, господа.

Кавалеры откланялись и ушли. Немного постояв и проведив их взглядами, молодые люди переглянулись.

– Смелая ты, разгуливать в таком платье без провожатых, – проговорил Бран, и в его глазах появился знакомый лукавый огонёк.

– Я знала, что в самую последнюю минуту ты возникнешь из ниоткуда и спасёшь меня, – ответила Эднартайя, и они оба рассмеялись.

– Давай, я тебя провожу? – предложил он.

– С удовольствием. Только мне нужно купить кое-что к столу по пути домой.

– Ты ходишь за продуктами? – с заметным удивлением спросил Бран.

– Да, конечно. Мы с Ярой разделили дела по дому, в том числе, по кухне. Мне казалось, что я должна вносить свою лепту, раз я живу в этом доме. Она охотно согласилась, – пояснила Эднартайя. – А что тебя так удивляет? Думал, я ни на что не способна?

– Ни в коем случае, – возразил странник, театрально вскидывая ладони под её ироничным взглядом. – Я совсем не знаю, что и как у вас происходит, и мне было любопытно.

– Ладно тогда, идём, – девушка весело подмигнула ему и бодро зашагала вперёд, словно намеревалась показывать дорогу. Бран в два счёта нагнал её и предложил руку, которую она охотно приняла.

Сделав все необходимые покупки, молодые люди направились к дому Кастора. В пекарне они купили свежих булочек, и теперь жевали их, неторопливо прогуливаясь и болтая.

– А ты не слишком задерживаешься здесь, со мной? – спросила девушка.

– Я как раз освободился и собирался вернуться к себе, когда увидел тебя и тех двоих. Если честно, я не сразу узнал тебя. Ты снова и снова умудряешься доказывать, что я ошибаюсь, когда думаю, что ты предельно хороша собой, – голос Брана смягчился и стал тише, как и всегда при подобных словах. Эднартайя на мгновение вскинула на него взгляд своих пронзительных зелёных глаз.

– Мы оба знаем, что это всего лишь слова, Бран.

И она снова отвернулась, откусила кусок булки и принялась его жевать с таким видом, словно ничего сказано и не было. Это был особый момент, в который Бран посмотрел на свою собеседницу новым, освежённым взглядом. Он будто увидел её впервые, будто никогда не встречался с ней и не знал её. Привычная лёгкая манера общения, за которую они оба держались, исчезла, и вот она шла рядом, серьёзная, задумчивая, недоступная и непостижимая, как сами пики далёких гор. Шла, помахивая подолом, кусая белыми зубами свою сдобную булку, бросая беглые цепкие взгляды из-под пушистых ресниц. И эти взгляды говорили ему, что нелепые шутки и подколки остались в прошлом. Бран понял всё и оценил.

– Кастор говорил мне, что ты нашла себе дело. Чем занимаешься? – спросил он, сменив тему.

– Держим лавочку с приятельницей, но тебе вряд ли будут интересны наши торговые дела, – ответила она невзначай. И снова был этот взгляд.

– Почему же? – ему начинала нравиться эта их новая игра.

– Иначе ты давно бы у меня спросил, куда я хожу и что делаю.

– Это должен был быть мой следующий вопрос. Хотя, может быть, ты пригласишь меня зайти и своими глазами посмотреть на вашу лавочку вместо лишних слов? – предложил Бран. Эднартайя улыбнулась.

– Конечно, приходи, у нас секретов нет. Знаешь таверну "Мне повторить"? На соседней улице от нее лавка Фаи, спроси кого угодно в том районе.

– Мне достаточно названия. В ближайший свободный от дежурства день зайду к вам, – пообещал он.

– Надо же, – усмехнулась девушка, поглядывая на собеседника. – Никогда бы не подумала, что ты будешь в дружине. Кстати, тебе идёт это обмундирование.

Она лёгким непринуждённым движением поправила край воротничка у его рубашки, застрявший под перевязью. Бран понял, что угадал с выбранной тактикой беседы, улыбнулся.

– Иногда приходится совершать нелепые, неоднозначные поступки, чтобы в перспективе получить желаемое, – проговорил он, меряя её взглядом. – Иногда приходится даже отказываться или почти терять его, чтобы потом всё же обрести. И чем труднее был путь, тем приятнее победа.

– И чего же ты добиваешься? – поинтересовалась она.

– Скоро увидишь, – ответил Бран, понизив голос. Эднартайя повела плечами как бы в знак того, что не представляет, о чём идёт речь, но вдруг смутилась, покраснела и отвернулась, желая

скрыть это. Она и сама не могла объяснить, в чём была причина такой её реакции, и тем больше беспокойства от этого испытывала.

– Снова идёт гроза, после полудня становится нестерпимо жарко, – девушка демонстративно принялась обмахиваться платком, извлечённым из кармашка.

– Как же ты спасаешься от жары? – поинтересовался Бран.

– Избавляюсь от лишнего, – она коснулась рукой подола платья на тот случай, если бы собеседник не понял, о чём идёт речь. Для Эднартайи, которую знал Бран, это был более чем смелый жест. – А ты?

–купаюсь. неподалёку есть отличное озеро. Обычно я не беру с собой компаньонов, но тебе, в виду нашего старого знакомства, предлагаю присоединиться. Заодно сможешь продемонстрировать, как ты избавляешься от лишнего, – он улыбнулся. Они подошли к дому Кастора и остановились возле него.

– Мне нравится твоё предложение. И я с удовольствием присоединюсь к тебе, когда ты соберёшься туда в следующий раз.

– В таком случае, завтра, – она утвердительно кивнула в ответ на его фразу, взялась за калитку и толкнула её рукой.

– Тогда до... – начала Эднартайя и осеклась, потому что калитка не сдвинулась с места от приложенного усилия. – Заперто?

– А что такого? – спросил Бран. – У тебя нет ключа?

– Если честно, то нет. Впервые дом заперт. Обычно в нём всегда кто-то есть. В этот час уж Плутак или Иола точно.

Бран передал ей свёртки, одним прыжком перескочил через забор и, подойдя к двери, дёрнул ручку. Постучал, прислушался, снова дёрнул.

– Да, закрыто, – сообщил он, вернувшись. Эднартайя коротко рассмеялась.

– Нелепая ситуация. Что ж, придётся подождать здесь, пока кто-нибудь вернётся.

– Да ну, ерунда. Я сейчас тебя впуск. Давай на мою сторону, – он подмигнул и протянул ей руку, предлагая помощь в преодолении забора.

– Ты собираешься взломать замок? – спросила она, перебираясь через запертую калитку.

Бран осторожно поддержал её под талию, а когда она справилась с препятствием, проследовал к двери и, опустившись перед ней на корточки, принялся рассматривать замок.

– Что-то вроде, – он поднял взгляд на Эднартайю. – У тебя в причёске есть шпильки?

– Есть. Две?

– Почему две? – не понял он.

– Слышала, что нужно две, чтобы вскрыть замок, вот и подумала.

– А у тебя больше? – уточнил Бран. Она кивнула. – Давай.

Вынув из причёски четыре шпильки, девушка протянула страннику. Он принял их, рассмотрел, взглянул на замок и снова посмотрел на неё.

– Ещё есть? – спросил он. Эднартайя кивнула. – Давай.

Она вынула ещё одну. Бран произвёл ту же процедуру и потребовал ещё. На этот раз Эднартайя рассталась с тремя шпильками, и её причёска, которую они с Фаей так старательно соорудили утром, начала распадаться. Бран бросил на неё беглый взгляд и вернулся к созерцанию замка.

– Нужно ещё, – констатировал он.

– Да что ты ими делать будешь? Последние, – с этими словами девушка вынула ещё две шпильки, и её волосы красивыми витыми локонами рассыпались по плечам и спине.

– Да, то, что нужно, – произнёс Бран. – Держи.

Он вернул изумлённой Эднартайе все её шпильки, вытащил из кармана отмычку и несколькими быстрыми движениями открыл замок.

– Бран! – только и смогла в возмущении воскликнуть девушка. Она так и стояла, сжав в кулаке, побелевшем от яростного напряжения, свои драгоценные шпильки, раскрасневшаяся, с горящим взглядом. Глядя на неё, странник прыснул смехом, не выдержал и расхохотался в голос.

– Эда, прости, не мог удержаться, – давясь от смеха, проговорил он.

– Я даже не знаю, что сказать.

– Можешь сказать "спасибо", например, – предложил он, пытаясь успокоиться. – Ладно, не испепеляй меня взглядом. В конце концов, я тебе помог. Считай, вид твоих распущенных волос – скромная плата за мои услуги. Кстати, тебе так значительно лучше.

– Это ведь отмычка? – спросила она, стараясь вернуть себе прежний сдержанный вид. – Откуда она у тебя?

– Поедешь на озеро со мной, расскажу, – поддразнил он.

– Ты хочешь, чтобы я умерла от любопытства? – усмехнулась Эднартайя.

– Ни в коем случае! Постарайся продержаться до завтра. В полдень буду ждать тебя около южных ворот. Хорошего дня, Эда, – он привычным движением отсалютовал ей и ушёл.

ГЛАВА 13. ПЕРЕМЕНЫ

Следуя договорённости с Кастором, Бран пришёл утром и застал мага в столовой, где тот заканчивал завтрак в обществе Яры. Последняя при появлении гостя сразу же поднялась со своего места и, сияя улыбкой, стала выкладывать дополнительные приборы на стол.

– Доброе утро! – проговорил Кастор, указывая на место напротив себя. – Присядь с нами, поешь. Впереди долгий день.

– Доброе, – ответил странник, уstraиваясь за столом. – Спасибо, но я уже ел и готов просто разделить с вами компанию. Приятного аппетита. А где остальные?

– Плутак и Иола встают значительно позже, а Эднартайи уже нет, – ответила Яра, снова садясь за стол по левую руку от гостя. Она откинула назад обе косы, в которые в тот день были сплетены её волосы, демонстрируя крупные серьги в форме полумесяцев.

– Как это "уже нет"?

– Эдни у нас ранняя птичка, – пояснил Кастор. – Она встаёт раньше всех, собирается, оставляет нам что-нибудь к завтраку и убегает по делам. Сегодня приготовила лепёшки.

Бран кивнул, не выдав своего удивления, но лепёшку взял попробовать. Выпечка ему понравилась и, вероятно, это заметили его собеседники, по крайней мере, Яра, чей ревнивый взгляд он поймал на себе.

– Что ж, спасибо за компанию, но нам пора, – сказал Кастор, вставая и собирая свою посуду в аккуратную горку. – Бран, я сейчас возьму некоторые бумаги и буду ждать тебя в передней.

С этими словами он отнёс грязную посуду в мойку и вышел из столовой.

– У вас сегодня дела с Кастором, – скорее утвердительно, чем вопросительно проговорила Яра, глядя на Брана.

– Да, – ответил он, отставляя тарелку в знак того, что и для него трапеза закончена. Девушка встала со своего места и, подойдя сзади к страннику, положила руки ему на плечи, слегка их помассировала.

– Идёте в Совет, – её голос был тихим и вкрадчивым. Бран промолчал, и она склонилась к его уху так, что почти прикоснулась губами. Её косы огненными змеями поползли вниз по его груди. Сладкий пряный аромат, исходивший от неё, снова защекотал его ноздри. – Я просто догадалась. И лишь хотела сказать, что это здорово. Я рада за тебя. Обычно Кастор никого с собой не берёт.

– Мне нужно идти. Он ждёт меня, – только и сказал в ответ Бран, мягко коснувшись её руки.

– Конечно, – вздохнула Яра, отступая. Выйдя из-за стола, он задержался, глядя на неё, быстрым движением привлёк к себе и поцеловал в губы. Она даже не успела ответить, не успела прикоснуться к нему, а он уже отпустил её талию.

– Увидимся.

Кастор, действительно, уже ждал, но ничего не сказал, лишь бегло улыбнулся, и они вышли из дома. Их путь пролегал через город маленькими тенистыми улочками, на которых почти не встречалось прохожих в этот час.

– У тебя, наверняка, есть вопросы, – предположил маг. – И у меня есть время на них ответить, пока мы идём. Так что можешь задавать.

– Ты прав, – согласился Бран. – Я хотел бы больше узнать о Совете. Никто ничего толком не может о нём рассказать кроме того, что это собрание влиятельных людей города, где они решают вопросы, касающиеся Альмандина.

– И это поразительно! Когда я тебе расскажу историю, ты поймёшь почему. Совет был впервые создан пятью магами, основавшими Альмандин. Одним из них, как ты понимаешь, был Агний Рун. Он предложил собираться вместе для решения значимых проблем и хотел, чтобы всякий желающий мог стать членом этого собрания. Он полагал, что таким образом больше толковых людей сможет найти дорогу для своих идей, – рассказывал Кастор, когда они миновали небольшую площадь с ещё пустующими палатками. – Всё было организовано таким образом, что любой желающий мог подать прошение об участии. Один раз он мог присутствовать в качестве зрителя на Совете. Для этого требовалось опустить письмо в особый ящик. Я тебе его покажу, когда мы дойдём до здания Библиотеки. Совет рассматривал прошение и либо принимал, либо отклонял. Но, если честно, в истории Альмандина до сих пор не было ещё ни одного отказа.

– Сколько же сотен людей побывало в Совете за это время?

– Я тебя удивлю, таких набралось чуть больше, чем действительных членов Совета за всю его историю. Посмотри вокруг, – Кастор сделал жест в сторону домов. – Люди заняты своими жизнями, большинству из них нет дела до подобных вопросов.

– Мне было бы просто любопытно.

– Поэтому ты и идёшь сейчас со мной, – маг подмигнул собеседнику. – Агний Рун был прав, только нужные люди идут в Совет.

– Как подавший прошение получает ответ?

– Почтой. Письмо выглядит самым обычным образом. В нём указан день и время, когда желающий может придти по указанному адресу. И точно так же, письмом, человек может подать прошение о вступлении в Совет. В письме требуется указать, чем кандидат, как он считает, может быть полезен Совету.

– Чем же, например?

– Увидишь, – пообещал Кастор.

– Я так и не уловил. Членство в Совете тайное? – спросил Бран после некоторого молчания.

– Для кого как. Видишь ли, люди в Совет входят разные. Некоторые желают скрыть свою принадлежность к Совету от горожан. Это понятно и допустимо. Поэтому встречи проходят по известным только членам Совета датам. Что же касается места... – Кастор сделал паузу и помахал какому-то проходившему мимо мужчине. – Есть много способов попасть туда, и они все неочевидны для обывателя. А кроме того, члены Совета хранят в тайне от посторонних личности друг друга.

– А как же посетители? Те, которые хотят один раз поучаствовать. Как быть уверенными, что они не выдадут вас?

– Я уже говорил, что присутствие нового человека заранее оговаривается. Те из нас, которые хотят остаться неузнанными, могут на подобное собрание просто не придти и скрыть свои личности. Само собой, что посторонние не приглашаются на собрания, в ходе которых решаются

ключевые вопросы, – с хитрой улыбкой он добавил, – могу тебе сообщить, что сегодня Совет тоже будет не в полном составе.

– Хитро.

– А вот и ящик! – воскликнул Кастор, указывая на небольшой жестяной короб с прорезью на боковой стороне. Он был одним из многих прочих, что использовали в Альмандине для почтовых пересылок. Бран понял, что много раз видел его, но ни разу не придал этому значения.

– Как узнать, что он тот самый? Он ведь ничем не отличается.

– А ты хотел увидеть на нём памятную надпись? – маг рассмеялся. – Кому нужно, тот узнает. Город полон слухов.

Они миновали площадь перед Библиотекой и снова углубились в жилые кварталы. Вскоре Кастор остановился возле двери небольшого старого дома, достал из кармана связку ключей и одним из них отпер замок.

– Я думал, мы придём к одному из главных зданий, – отметил Бран.

– Все так думают. Заходи!

Они вошли в помещение. Комната была заставлена старой мебелью и напоминала лавку старьёвщика. Кастор закрыл входную дверь на ключ, взял со стола лампу, зажгёт её и просил следовать за ним. Через люк в полу они спустились в сухое подвальное помещение, из которого вёл длинный коридор. Бран шёл по нему следом за Кастором, который тем временем говорил:

– Мы уже почти пришли. Поскольку я веду тебя, то должен пояснить правила твоего присутствия. Тебе будет отведено место, на которое я укажу. Ты, как пассивный зритель, имеешь право смотреть и слушать и не более. Когда совещание будет окончено, я дам тебе знак, и ты снова пойдёшь со мной.

– Что бывает, если человек нарушает правила? – поинтересовался странник.

– Его выставляют вон, – усмехнулся маг.

Коридор вывел их к деревянной лестнице с перилами, наверху которой оказалась приличная, украшенная деревянной резьбой дверь. Кастор отпер её и впустил гостя в помещение. Это был холл дома. Окна его выходили на тенистую улочку. Четыре двери, находившиеся в разных его концах были закрыты, на второй этаж поднималась очередная лестница, и оттуда, сверху, доносились голоса. Кастор потушил лампу и оставил её на столике – единственном предмете мебели в помещении.

На втором этаже тоже было несколько дверей, но Кастор открыл самую первую, в которую они упёрлись, поднявшись по лестнице. Бран вошёл за своим провожатым в просторную комнату с высокими окнами по одной стене. В её центре стоял большой стол со стульями, обитыми черной тканью. За столом, лицами друг к другу сидели мужчины и женщины. Их было десятеро, и странник узнал среди них купцов Борво и Дея, мага Арта, Гарада из Братства Паладинов, начальника городской дружины Элбана и человека по имени Мабон. Он был сапожником, державшим лавку на одной из торговых улиц Альмандина, и ничем особенным не выделялся. Бран знал его лишь потому, что на днях в этой самой лавке случился погром, и дружине пришлось выяснять причины происшествия.

Кастор указал своему спутнику в угол комнаты, где стояло уютное кресло и маленький столик с закусками и кувшином. Расположившись там, странник оценил достоинства выбранного для него места: ему хорошо было видно собравшихся, и в то же время он почти не привлекал к себе их внимания.

– День добрый, Кастор, – проговорил Арт своим звучным, почти певучим голосом. – Мы ещё кого-то сегодня ждём?

– Да, мадам Я-никогда-не-опаздываю, – ответил тот, и присутствующие рассмеялись. Он выложил на стол бумаги, которые принёс с собой.

– Слушай, Кастор, с твоей подопечной нужно что-то делать, – вдруг заговорил мужчина в сером костюме, сидевший рядом с Деєм. – Я про эту девушку с синими рисунками. Опять забыл её имя.

– Иола, – подсказал всегда всё помнивший Арт.

– Да! Если она не перестанет навещать в городские парки, у садовников закончится работа, – он рассмеялся. – Что она там делает, я не знаю, но видели бы вы, как всё это растительное безобразие цветёт и благоухает после её посещений! Даже слабые и больные растения поднимаются.

– Предлагаешь не выпускать её из дома? – улыбнулся Кастор.

– Действительно, а какие планы у тебя на её счёт? – уточнил Арт, сцепляя тонкие пальцы в замок.

– Я жду подходящий караван на юг, чтобы отправить её с ним. Мне нужны доверенные лица, чтобы я был уверен, что с Иолой по дороге ничего не случится. Сами знаете, какое сейчас время. Мне бы не хотелось, чтобы такое создание, как она, снова попало в плен, – пояснил Кастор.

– Не будет такого каравана, – возразил Борво, хмурясь. – Никто сейчас не отправляется на юг.

– Увидим, – ответил маг. – Итак, на повестке дня: первое, слухи об игорных заведениях.

– Никакие это не слухи, – заметил Дей, поигрывая золотой цепочкой. – Половина города знает, что эти сборища проводятся, потому что ходит на них. Ходит и молчит! Потому что таких ставок, такого банка ни одно из легальных заведений предложить не может. Не говоря уже о наркотических веществах и алкоголе.

– Но если половина города знает, то так или иначе должны быть те, которые готовы поделиться информацией. Если есть слухи о существовании этих сборищ, должны быть слухи и о том, где и когда они собираются.

– Всё, что нам удалось узнать, – взял слово начальник дружины Элбан, – они постоянно меняют места, и это не простые подвалы, а зажиточные дома. Кто-то из состоятельных горожан держит их. Мы продолжим поиски, но когда дело касается именитых особ, действовать напрямую не удаётся.

В этот момент в комнату вошла ещё одна женщина, высокая брюнетка в тёмно-синем платье. Она скользнула быстрым взглядом в сторону Брана, подскочила к свободному стулу и, усевшись, сразу взяла в руки один из принесённых Кастором листов.

– Я не опоздала, я задержалась, – поджав губы, заметила она. Кто-то из присутствовавших хохотнул, и обсуждение возобновилось.

Они ещё говорили об этих слухах, обсудили ремонт моста на Вязовой улице, который оказался усложнён тем, что принадлежал по старой традиции участку одного из древних братств, которое отказывалось вносить финансовую помощь. Решался ряд вопросов городской казны, предстоящих ярмарок и того, что на ближайшую из них запланированных мест на торговой площади оказалось меньше, чем желающих участвовать. Астрономическое сообщество просило у Совета предоставить им здание для большого собрания с участием иноземных гостей. И "снова", как выразился Кастор, прошение от городских врачей об официальном разрешении препарировать трупы. Всё это были вопросы хозяйственного порядка, и Бран начал скучать. Поглядывая на присутствующих, он всё обдумывал вопрос с игорными сборищами и то, каким образом можно выйти на них.

Наконец, собрание начало подходить к концу. По нескольким вопросам провели краткое голосование, Кастор всё записал в своих бумагах и присутствовавшие, пожав друг другу руки, начали расходиться. Бран ждал, пока его позвуют, но маг всё продолжал что-то читать и делать пометки. Внизу хлопали двери, иногда одновременно, и было ясно, что члены Совета расходятся разными путями. Когда в доме установилась тишина, Кастор собрал листы вместе, встал и кивнул своему спутнику.

– Можем идти, – сообщил он и достал связку ключей. Он запер и проверил все двери, после чего они пустились в обратный путь по подземному коридору.

Когда они вышли на улицу, суетный городской день уже был в самом разгаре, мостовые и стены домов раскалились под солнцем и пыль снова поднялась в воздух.

– Скучное занятие, да? – спросил Кастор, обращаясь к Брану.

– Отнюдь, – возразил тот. – Я только не понял, если Совет такой открытый, зачем вся эта таинственность, расходиться по одному и пробираться коридорами?

– Всё просто. Иногда так быстрее и короче. Нашёл знакомые лица?

– Да и одно меня несколько удивило, – признался Бран.

– Видимо, ты про Мабона, – догадался Кастор. – Незаменимый человек. У него чутьё на всякого рода денежные сделки. Ему принадлежат самые толковые предложения относительно городской казны. Удивительно, правда? Ведь многие его считают почти слабоумным, как люди бывают слепы! А какие он шьёт сапоги. Очень советую тебе обратиться к нему, не раз потом "спасибо" скажешь.

– Значит, погром в его лавке не случайность.

– Всякое бывает, – уклончиво ответил маг, кивая в знак приветствия проходившей мимо паре.

– Если у меня появятся идеи... – начал было Бран, но Кастор его прервал.

– Напиши письмо, запечатай и отдай мне. Так будет вернее и быстрее, – он вдруг резко остановился и внимательно посмотрел на своего спутника. – Завтра вечером я жду тебя.

– Как обычно.

– Тогда до скорого.

И Кастор исчез в толпе. Бран посмотрел на солнце, оно было в самом зените. Времени до встречи с Эднартайей оставалось совсем мало, и ему следовало торопиться.

Торопиться пришлось и самой Эднартайе. На её удачу Фая собиралась навестить родственницу и в обед хотела закрыть лавочку, а это значило, что объяснять любопытной портнихе свои планы девушке не пришлось бы. Имя Брана и так упоминалось слишком часто и в слишком ироничном контексте. Но Фая всё медлила и задерживалась, вспоминая то одно, то другое дело. И потому, когда она, наконец, закончила и отпустила Эднартайю, той пришлось чуть ли не бегом спешить к условленному месту встречи. За квартал до него она остановилась, перевела дух, поправила причёску и, придерживая под мышкой сверток с вещами, пошла лёгким бодрым шагом. Она старательно сдерживала волнение, которое готово было вот-вот накрыть её с головой. Их внезапная встреча, проявленный Браном интерес всколыхнули в ней старые чувства, о которых она старалась не думать здесь, в Альмандине. Охотно погрузившись в новую жизнь, Эднартайя усилием воли отказалась от старых привычек и желаний, по крайней мере, от некоторых из них. Ей хотелось перемен, и она успешно шла к ним, закрывая глаза и уши в те моменты, когда что-то или кто-то пытался напомнить о старом.

Безусловно, она знала о том, что Бран почти каждый день бывает в доме Кастора, знала о его встречах с Ярой, не могла оставаться равнодушной к шуткам Фаи, хоть внешне и держала нейтралитет. И зная всё это, она продолжала говорить себе, что её жизнь изменилась, а значит, ей следует изменить и своё поведение и поступать не так, как она делала прежде. Но даже при таком течении дел она не была готова отказаться от предложения Брана, вполне понятного. Она допускала все возможные последствия, которые могли бы возникнуть, не знала, как именно собирается поступить, но отказываться не собиралась.

У городских ворот, как всегда, былолюдно и шумно, воздух был наполнен пылью, поднимающейся вверх от десятков ног, колёс повозок и копыт животных. Бран стоял чуть в стороне, держа своего коня под уздцы и наблюдая за входившими и выходившими из города. Он заметил Эднартайю, когда она почти уже подошла к нему.

– Извини, что опоздала. Давно здесь? – спросила она, немного жмурясь от яркого солнца.

– Сам только пришёл, так что всё в порядке. А ты пешком?

– Хочешь сказать, твой конь будет против ещё одного седока? – кокетливо спросила она.

– Естественно, он всегда против. Но я договорюсь, – он придержал для неё стремя, и девушка забралась в седло. Бран сел позади неё, и они выехали из города.

Озеро находилось неподалёку, в тенистой роще. Путь к нему лежал через душистое травяное поле, полное звона насекомых. Солнце жгло во всю силу, и в воздухе стояло марево. Чуть склонившись вперёд, Бран прикоснулся носом к собранным на затылке волосам Эднартайи и вдохнул их нежный аромат. Среди локонов пряталась заколка в виде стрекозы с изумрудными крылышками. Он сидел совсем близко к своей спутнице, почти прижавшись к ней и ощущая, как она двигается в такт движениям лошади.

– Ты помнишь, как мы ночевали в лагере Перебежчиков? – спросил Бран тихо, совсем рядом с её ухом.

– Да, – немного помедлив ответила девушка. – Далекое ещё нам?

– Почти приехали, – с этими словами он повернул коня чуть правее и пустил лёгкой рысью, направляя к роще.

Вода в озере была зелёно-голубого оттенка и приятно пахла свежестью и прохладой. Многочисленные кусты и деревья по берегам создавали уют и тень. Молодые люди расстелили на берегу покрывало, захваченное с собой Браном и разложили вещи.

– Как здесь хорошо! – с восторгом отметила Эднартайя. Она ловким изящным движением скинула туфли и подбежала к воде. Потрогав её кончиками пальцем, улыбнулась и смешно поморщила носик. – Тёплая!

– Само собой, – довольно отозвался Бран. Он снял рубашку и бросил её на покрывало. – Время избавляться от лишнего.

Девушка довольно потянулась, осмотрелась и начала раздеваться. Он смотрел, как она распускает тесёмки корсета, как справляется со всеми застёжками и заколками, как снимает платье и за ним нижнюю белоснежную юбку, украшенную оборками и кружевом. И вот она уже стоит перед ним в тонкой сорочке по колени, которая держится на ней одними кружевными бретельками, и солнце скользит через тонкую ткань, очерчивая плавные линии девичьего тела.

– Идём? – вопрос Эднартайи застал его врасплох.

– Ты будешь купаться в этом? – он не смог сдержать удивления, глядя, как она направляется к воде.

– Конечно, я же девушка из приличной семьи, – она бросила на него взгляд через плечо. – Так, ты идёшь?

– Ну, а у меня семьи нет, так что извини, – с этими словами Бран быстро расстегнул ремень на штанах и принялся за пуговицы. Глаза Эднартайи округлились.

– Ты что? – она отвернулась, чтобы точно пропустить разворачивающееся зрелище. Она так и стояла по колени в воде, когда Бран, поднимая вокруг себя тучи брызг, нагнал её.

– Давай за мной! – он "рыбкой" нырнул и ушёл под воду, а через несколько мгновений уже появился на середине озера. Убрал с лица мокрые волосы, он помахал ей. – Плыви сюда, я покажу тебе заводь.

Справившись со смущением, девушка подплыла и последовала за ним туда, где ивы спускали свои ветви наподобие полога почти до самой воды. Здесь было мелко, по пояс, но вода стояла прохладная от тени. Поднявшись из неё, Эднартайя поёжилась.

– Даже холодно, – сообщила она, разглядывая толстый древесный сук, корявым мостиком расположившийся над водой. На него сквозь листву падали лучи солнца.

– Погрейся немного, – Бран подошёл к ней и, не спрашивая, за талию поднял и усадил на сук.

– А ты не мёрзнешь?

– Нет. В любом случае, я не хочу смущать такую скромницу, – он хитро улыбнулся. – Но я хочу быть честным с тобой и должен тебе признаться. Твоя сорочка – бесполезная вещь. Она намочка, и через неё всё отлично просматривается.

Эднартайя посмотрела на себя и быстро спрыгнула в воду.

– Ах так? – под его смех она отплыла чуть в сторону, туда, где вода прогревалась солнцем и, ударом руки подняла брызги, окатившие Брана. Он лишь успел прикрыть тыльной стороной ладони глаза.

– Война, значит? – он обрызгал её в ответ, и между ними начался водяной бой. Надрываясь от хохота, отплёвываясь от воды, с промокшими волосами, Эднартайя так увлеклась сражением, что даже не заметила, как несмотря на её усилия, Бран подобрался к ней.

– Всё, попалась, – сообщил он, поймав её в охапку.

Она на мгновение сдалась, а потом вдруг вспомнила, что разделяет их только её мокрая сорочка, смутилась и, пытаясь поддержать начатую игру, начала вырываться. Бран, удерживая её одной рукой за спину, второй обхватил её бёдра, и приподнял Эднартайю, лишив опоры под ногами. Она перестала смеяться и замерла, глядя на него и уже зная, что должно произойти. Он не стал обманывать её ожиданий и прильнул к её губам в поцелуе. В один миг всё напряжение борьбы, вся та сила, которую она готова была применить, будто испарились. Эднартайя обмякла в его объятиях, но не безвольно, а томно и нежно, обвила руками его шею, поддавалась поцелую. Бран был готов к возражениям, он привык думать о ней, как о недотроге, и потому был удивлён тому, как она открылась в своей ласке ему навстречу, как внезапно стала близкой.

Время текло, огибая их, и он не знал, сколько его прошло с момента их поцелуя. Ему пришлось прерваться, потому что в руках появилась усталость от необходимости удерживать Эднартайю на весу. Бран мягко отстранился и поставил девушку на ноги.

– Пойдём на берег, – предложил он. Она согласно кивнула и пошла вперёд.

Выбравшись из воды, девушка устроилась на покрывале и, повернувшись спиной к страннику, стянула через голову мокрую сорочку, а сама закуталась в чистую простыню, которую принесла с собой. Пока она выжимала мокрую одежду и раскладывала её на солнце, Бран взял полотенце и, обмотав его вокруг бёдер, сел рядом с Эднартайей. Потрогав мокрые волосы, она стала вынимать из них шпильки.

– Давай помогу, – предложил Бран и, не получив возражений, начал аккуратно разбирать мокрые пряди. Когда причёска оказалась распущена, девушка расправила волосы и некоторые пряди отжала краем простыни. Повернувшись к страннику, она увидела, что он улыбается.

– Мокрая и смешная? – спросила Эднартайя.

– Мокрая и очень красивая, – поправил он, отодвинув в сторону прядь, чтобы прикоснуться к её щеке. Она прикрыла глаза, наклонила голову и прильнула к его ладони. Ничто уже не могло смутить её или остановить, Эднартайя ждала этого момента, столько раз представляя его, думала о том дне, когда он мог бы настать и никогда до конца не верила, что это произойдёт. В доме её отца они никогда бы не могли стать ближе, чем для пустякового разговора, а оказавшись вне его она поначалу испугалась возможностей и перемен. Но теперь всё было иначе. Бран обнял её и привлёк к себе.

Облака перебирались по небу, попутно меняя свои формы, карабкались, громоздились и снова разбивались в перья и ошмётки, то закрывая собой солнце, то уступая ему, а оно всё валилось и валилось сквозь них вниз к горизонту в своём неизбежном стремлении достичь его. Они оба следили за этим небесным танцем, лёжа всё на том же покрывале, рядом, прижавшись друг к другу. Ветер играл подсохшими локонами Эднартайи, чуть шевеля их, а там, наверху, качал макушки деревьев, трепал из стороны в сторону. Роща недовольна шумела от его шалостей.

– Деревья шепчут о том, что рассказывает им ветер, – почти шёпотом проговорила девушка медленно и лениво.

– Что? – переспросил Бран. Она повторила фразу чуть громче. – Мне кажется, я уже слышал это.

– Может быть. Это из поэмы, – добавила Эднартайя.

– Из поэмы? – не понял он. – Ты уверена?

– Конечно, я недавно её читала. У Кастора неплохая коллекция книг, он разрешил мне их брать. И я на досуге выбираю себе что-нибудь. В одной из них я прочла эту фразу, и мне она запомнилась. Так красиво. И теперь, когда я вижу клонящиеся от ветра деревья, всегда вспоминаю её, – пояснила она.

– Действительно, красиво, – согласился он и чуть крепче сжал Эднартайю в объятиях. – Эда, нам, к сожалению, пора ехать. Иначе я не успею проводить тебя до дома.

– Это совсем не обязательно, – возразила она.

– Обязательно, – Бран поцеловал её в макушку. – Идём!

Они добрались до города верхом, но, миновав городские ворота, спешили, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания прохожих. Разговор между ними происходил с перерывами и обо всяких незначительных вещах, а когда показался дом Кастора, и вовсе прекратился. Остановившись у калитки, девушка посмотрела на дверь и смутилась, не зная, как следует поступить дальше.

– Наверное, все уже вернулись, – предположила она, поглаживая деревянную перекладину.

– Эда, во сколько ты завтра вернёшься из лавки? – спросил Бран, беря девушку под локоть.

– Как обычно, к семи, – ответила она и перевела взгляд на него.

– Я тебя обязательно дождусь, – пообещал он и коротко поцеловал её на прощание.

ГЛАВА 14. ТАЙНА БРАНА

Следующим утром Эднартайя проснулась гораздо позже обычного. По тому как утренний свет заливал комнату, она поняла, что солнце давно поднялось. Быстро собравшись, она спустилась в кухню, где Яра, Плутак и Иола завтракали втроём.

– Я думала, ты давно ушла, – заметила Яра с нескрываемым удивлением.

– Нет, сегодня мне нужно быть там позже, – нашлась Эднартайя. Она села к столу и взяла ароматную плюшку из общей тарелки.

– Хорошо, в таком случае, вот ключи, – ученица Кастора выложила на стол связку. – Мы сейчас уходим на прогулку, не забудь всё тщательно запереть. Калитку тоже. Ведь у тебя нет собственных?

– Нет, – Эднартайя отрицательно покачала головой, придвигая связку к себе.

– Тогда как тебе удалось попасть в дом позавчера? Кастор сказал мне, что ты уже была в доме, когда он вернулся.

– Мне помог Бран, – девушка встретилась взглядом с собеседницей и слегка улыбнулась. Яра чуть было не позволила себе нахмуриться, но удержалась.

– Что ж, нам пора. Друзья, вы готовы? – на её вопрос Плутак и Иола утвердительно кивнули. – Тогда идём!

После того, как они ушли, Эднартайя быстро закончила завтрак, всё тщательно убрала и выбежала из дома, уже предвкушая разговор с хитрой Фаей и придумывая отговорки без упоминания Брана. Она была так увлечена размышлениями, что даже не обратила внимание на пустующие улицы и запертые лавки, а заподозрила неладное только оказавшись у закрытой двери магазинчика Фаи. Минуту она стояла, размышляя, почему же портнихи нет на месте, и только потом вспомнила, что та собиралась к родственнице, от которой должна вернуться только на следующий день. Удивляясь тому, как она могла забыть такое, Эднартайя чувствовала себя глупо.

А потом стало и вовсе скверно, когда она вспомнила, что в городе в этот день большой праздник, и посетителей ждать не придётся.

Разворачиваться на пороге ей не хотелось, и она взяла из тайного места за карнизом ключ, спрятанный Фаей на всякий непредвиденный случай, и открыла лавочку. Эднартайя оставалась там почти до полудня, навела порядок в подсобном помещении, разложила новые ткани по цветам на полки, вытерла пыль и полила цветы. Когда все дела кончились, ей ничего не осталось, как сдаться, запереть лавочку и пойти обратно. Шум готовившегося праздника оставался в стороне от тех улиц, по которым она шла в одиночестве. Чувства и эмоции от событий прошлого дня всё ещё наполняли её трепетным теплом, и она не торопилась, давала себе вволю ими насладиться, гуляла по пустынным жарким улочкам, прячась от палящих лучей под навесами, переходя от одного к другому.

Калитка дома оказалась открыта, и в первый момент Эднартайя даже испугалась, что в своём мечтательном состоянии утром позабыла её запереть. Однако и входная дверь тоже оказалась не закрыта на ключ. Девушка вошла и направилась к кабинету Кастора, догадываясь, что это он вернулся домой, и оказалась права. Маг сидел за своим столом неподвижно, взгляд его неморгающих глаз был направлен в окно. Перед ним на столе стоял запотевший стакан с холодным напитком. Увидев его, Эднартайя сделала шаг назад, собираясь тихо уйти, но Кастор вдруг оживился, обернулся и посмотрел на неё.

– Эдни, – мягко позвал он. – Заходи.

– Не хочу мешать, учитель. Я только должна была убедиться, что это ты открыл дом, и всё в порядке, – возразила она.

– Нам нужно поговорить. Присаживайся, – он кивнул на свободный стул. Эднартайя послушно вошла и заняла привычное место, на котором она так часто сидела, беседуя с Кастором. – Как твои дела? Почему ты не на празднике?

– Если честно, я совсем забыла о нём. Пошла утром в лавку, а там всё закрыто, – она посмеялась, и Кастор тоже улыбнулся, проницательно глядя на неё.

– Ты виделась с Браном?

– Да, вчера.

– Говорила с ним, о чём хотела?

– Пока нет, – девушка покачала головой.

– Нужно время, – понимающе произнёс маг. – Эдни, я должен тебе кое-что рассказать. И тебе понадобятся силы, чтобы принять случившееся.

– Я слушаю, – Эднартайя почувствовала, как все её мышцы мгновенно напряглись, и холод от сердца разлился по всему телу, будто сковывая его.

– Твоего отца больше нет с нами, – проговорил Кастор, и от его слов голова у девушки закружилась, как от удара. Ей казалось, что окружающее пространство звенит и сотрясается от этих слов. Она даже не заметила, что Кастор встал и, подойдя к ней, присел на корточки. Он взял её холодную влажную руку в свои и стал растирать, повторяя, – дыши, Эдни, дыши глубже, не задерживай дыхание.

Она послушно последовала его словам и постепенно холод в её теле сменился дрожью. Кастор отпустил её руку и взял другую, мягко разжал пальцы, плотно стиснутые в кулак, и начал растирать ладонь, на которой остались глубокие следы от впивавшихся в неё всё это время ногтей.

– Ты не ошибся? – проговорила она. Губы у неё чуть дрожали. Маг отрицательно покачал головой. – Это Приор?

– Нет, Эдни. Алвиса никто не убивал, он ушёл сам, как положено магу. Помнишь, я говорил тебе об этом? – она с трудом кивнула в ответ. – Вот почему я предупредил тебя, чтобы ты собралась с силами. С твоим отцом не случилось ничего трагичного. Он совершил свой выбор, и нам остаётся лишь принять его.

– Да, – глухо ответила она. – А семья? Ты что-то знаешь о них?

– Орден забрал из дома все бумаги и книги твоего отца, кое-что из имущества. Но семья в порядке. Они Ордену не интересны, им оставили их жизни.

– Не больно-то Орден щедр, – проговорила она. Кастор согласно кивнул на её слова, взял стакан, стоявший на столе, и подал Эднартайе.

– Выпей, он ждал тебя, – произнёс он. Девушка выпила содержимое в несколько глотков и поставила стакан обратно на стол.

– Прости, учитель, но я хочу побыть одна. Я пойду к себе в комнату.

– Я провожу тебя, – сказал Кастор, помогая девушке встать и беря её под локоть. Он поднялся вместе с ней по лестнице. У двери в её комнату они остановились, и он мягко поцеловал Эднартайю в лоб. – Ложись спать. А вечером вместе поужинаем.

Она согласно кивнула и ушла, заперев за собой дверь.

Ещё не было и пяти часов, когда Бран подошёл к дому Кастора. В передней он встретил Яру. Она несла на большом подносе чистую посуду, составленную горкой.

– Бран! Ты так рано сегодня! – воскликнула она. – Извини, не могу тебя поприветствовать, ужасно тяжёлая штука.

– Давай помогу, – предложил он, уже подходя.

– Не нужно, лучше не трать время и иди к Кастору. Ведь ты к нему направляешься? Мы с Плутоком и Иолой решили устроить чаепитие в саду. Так что скорее освобождайся и приходи к нам. Я буду ждать, – она подмигнула и ушла через заднюю дверь в сад.

Несмотря на эту встречу и весёлый настрой Яры, Бран ощутил странное напряжение, висевшее в доме, словно грозовая туча. Он слышал голоса своих знакомых, которые говорили в саду, но здесь, внутри, держалась напряжённая тишина. Он прошёл к кабинету Кастора и впервые на пути к нему заметил, что многие половицы скрипят. И даже в этом скрипе ему почудилось нечто недоброе. Маг был у себя, что-то читал, сидя за столом. Брана он приветствовал тепло, но попросил посидеть рядом и немного подождать. Пока он заканчивал просмотр бумаг, странник рассматривал книжные полки в углу и, читая названия на корешках книг, гадал, какую из них Эднартайя цитировала ему на озере. Наконец, Кастор аккуратно сложил бумаги стопкой и повернулся к визитёру.

– Я готов к разговору, – сообщил он. Бран вытащил из внутреннего кармана камзола белый конверт, глядя на который, Кастор заулыбался.

– Как мне следует его подписать? – спросил странник.

– В твоём случае его не требуется подписывать, поскольку письмо я сам передам, – маг забрал конверт и аккуратно положил в сундучок, который запер на ключ. – Ответ будет скоро, я сообщу его тебе лично.

– Благодарю, – Бран кивнул. – Чем мы сегодня займёмся?

– Нам нужно поговорить с тобой, – сказал Кастор, прямо глядя на собеседника. – У меня новости об Алвисе.

– Его больше нет? – быстро спросил странник, догадавшись. Маг утвердительно кивнул, и Бран опустил голову, нахмурился. – Я ведь знал, когда мы уезжали.

– Мой мальчик, я понимаю, что ты сейчас испытываешь. Алвис был тебе как отец. И пусть тебе будет хоть немного легче от того, что его не убили и не замучили. Он сам ушёл из этого мира.

– Что ты хочешь сказать? – во взгляде Брана появилось выражение, смешанное из подозрения и недовольства, когда он посмотрел на собеседника.

– Он не умер в привычном смысле этого слова. Он ушёл, это то, к чему стремится всякий, идущий путём мага.

– Сейчас не самый лучший момент снова рассказывать сказки, – сказал странник в своей холодной отстранённой манере. – Я уже несколько месяцев их слушаю, и ничего они мне не дали.

– Потому что ты слушаешь, но не слышишь. А кроме того, ещё и не видишь, – мягко возразил Кастор.

– Я вижу обычный город и обычных людей, живущих в нём. Я каждый день сталкиваюсь с ними на улицах, с их обычными проблемами, которые встречал много раз в других, совсем не магических городах, – на предпоследнем слове он сделал ударение, желая подчеркнуть его. – Всё это выдумки, о которых приятно поболтать вечером на досуге, но которыми нелепо прикрываться. Факт есть факт, его нужно принять и точка.

– Ты прав, Бран, – выслушав его, серьёзно проговорил Кастор. – Факт следует принять. И ты на это способен.

Его спокойная манера говорить несколько осадила поднявшуюся в Бране волну возмущения, и тот почувствовал, что перегнул палку. Обида, разочарование, злость поднялись в нём от осознания невозможности изменить случившееся, и он поддался им, не смог сохранить спокойствие.

– Я погорячился, Кастор. Извини, – странник потёр руками лицо, и облокотился о свои колени. Хозяин дома молча смотрел на него, давая ему шанс прийти в себя. Выражение его лица оставалось спокойным, даже умиротворённым. Он наблюдал, как его собеседник пытается совладать с собой, как тени мыслей скользят по его лицу. – Когда ты скажешь Эднартайе?

– Она уже знает, – прозвучал ответ. Бран быстро поднял голову.

– Давно?

– Мы говорили с ней сегодня перед обедом.

– Как она приняла?

– Ушла к себе и пока не спускалась.

– Мне нужно её увидеть, – Кастор в ответ только кивнул.

Бран стремительно встал и вышел из комнаты. Он преодолел лестницу почти бегом, но у двери в комнату девушки остановился и прислушался. За ней было тихо. Он осторожно постучал. Затем снова, чуть громче.

– Эда, это я, – позвал он, предприняв третью попытку. В ответ послышалось движение и шаги, щёлкнул замок и в приоткрывшейся двери показалось бледное лицо Эднартайи. – Я только что всё узнал.

Она молча отступила, пропуская его в комнату. Заперев за ним дверь, девушка остановилась перед гостем и молча посмотрела на него. Он всмотрелся в её потухшие глаза, провёл пальцами по щеке и, взяв за плечи, мягко привлек к себе, обнял, стал гладить по шелковистым растрепавшимся прядям, и вдруг почувствовал, что она плачет, что мокнет на плече рубашка от её слёз. Так они и стояли. За окном слышались голоса Яры и Плутака, они пили чай в саду и над чем-то смеялись. Щebetали птицы. Из города доносились отдалённые звуки музыки и шум праздника. И все они казались Брану неуместными сейчас, в этой комнате, заполненной тоской и горем. Он хотел что-то сказать Эднартайе, но не мог придумать слов утешения, потому что все они были бы напрасны.

– Всё будет хорошо, – прошептал он, целуя её в макушку. Девушка отстранилась, смущаясь, стала вытирать слёзы и, отойдя, села на кровать, на скомканное покрывало, под которым лежала всё это время. Бран подошёл и присел перед ней на корточки. Она отвернулась, стесняясь его.

– Я не хотела, чтобы ты меня такой видел, – проговорила Эднартайя.

– Тебе нужно поесть, – сказал он, беря её холодные руки в свои.

– Не могу ни на кого из них смотреть, только не сейчас, – она поморщилась.

– Понимаю, – согласился странник. – А хочешь, поедим в городе? Вдвоём?

– Хочу побыть одна.

– Ты уже много часов одна, – возразил Бран. – Эда, послушай меня. Случившегося не исправить. И боль тебя так просто не отпустит, нужно время. Дай себе это время, но не запирайся в комнате. Лучше не станет, если ты отгородишься от мира. Поверь, от этого только больше и

тяжелее, только дольше и больше страдание. Нужно жить, двигаться как только можешь. Доверься, я знаю, о чём говорю. Помнишь, я тебе обещал, что буду с тобой? Я здесь, я пришёл к тебе. А вместе гораздо легче, чем одному.

Она посмотрела на него, мгновение раздумывала, скользая взглядом по его лицу, а потом встала и поправила причёску.

– Хорошо, идём, – согласилась Эднартайя.

Бран взял её за руку и повёл за собой. В передней они столкнулись с Ярой. Она окинула их взглядом полным изумления.

– Эднартайя, ты была дома? Я не знала. А куда это вы?

– К ужину нас не ждите, – ответил ей Бран и быстро вывел свою спутницу за собой из дома.

Улицы Альмандина были заполнены людьми. От дома к дому тянулись пёстрые гирлянды из лоскутов ткани и цветов, сплетённые над головами прохожих в яркую паутину. На площадях звучала музыка, на сооружённых к празднику помостах шли представления, из распахнутых настежь дверей харчевен пахло готовящейся едой. Огни, краски, лица весёлые и хмельные мешались в глазах Эднартайи. Она бы потерялась в этой суматохе веселья, если бы не Бран, крепко державший её руку в своей. Они остановились на одной из площадей, где прямо на мостовой окружённый толпой фокусник демонстрировал своё искусство. По предложению Брана они остались посмотреть. Эднартайя чувствовала бы себя неуютно в толпе, но странник, встав позади неё и обняв за талию, будто щитом, прикрыл её собой. Время от времени он что-нибудь говорил ей на ухо по поводу представления, шутил, и девушка внезапно поймала себя на том, что улыбается в ответ на его слова. Понаблюдав немного за происходящим, они пошли дальше, и так прошли несколько площадей. Ароматы раздражили аппетит Эднартайи. Им удалось найти столик в одном из многолюдных заведений и потом долго ждать заказ, благодаря чему девушка окончательно проголодалась.

Пока они ужинали, к их столику несколько раз подходили поздороваться знакомые Брана. Каждый из них с интересом посматривал на его спутницу, и она чувствовала какое-то своё несоответствие ситуации и от того неловкость. Быть может, люди, что окружали её, тоже имели проблемы и испытывали трудности, но в этот день они договорились позабыть о них, чтобы вместе отметить главное, что было у них и объединяло вместе, – жизнь. Их улыбки, наряды, причёски, украшения – всё было призвано подчеркнуть радость момента. И именно в него Эднартайя не вписывалась ни своим тихим настроением, ни потухшим взглядом, ни обычностью платья. Ей стало неловко перед ними, и она попыталась держаться свободнее и естественнее.

После ужина они ещё долго гуляли от площади к площади, выпили вина, посмотрели несколько представлений и понаблюдали за танцующими в парке. Всё это время Бран был рядом, обнимая её. Когда совсем стемнело, они поднялись на один из холмов и оттуда смотрели за горящими огнями города, сидя на траве.

– Что скажешь? Какие ещё пожелания? – спросил Бран.

– Я бы осталась здесь. Мне не хочется сегодня возвращаться в дом.

– Это хорошо. Но в таком случае нам нужно подыскать место для ночлега на каком-нибудь постоялом дворе. Судя по всему, скоро снова будет гроза, – при его словах девушка поморщилась.

– У меня есть другая идея. И если ты готов, то пошли.

Под рокот надвигающегося грома молодые люди пришли к лавке Фаи. Эднартайя заперла изнутри входную дверь и провела своего спутника в подсобное помещение. Здесь она зажгла лампу и открыла окошко, чтобы проветрить застоявшийся воздух.

– Так вот куда ты ходишь? Уютно у вас тут, – сказал Бран, осматриваясь и садясь к столу. Девушка кивнула.

– Будешь чай? – спросила она, разжигая огонь в маленькой плитке, на которой стоял чайник. – Здесь есть немного сладостей.

– У меня одна сладость уже есть, – улыбнулся он. – А где мы спать будем?

– Ты ещё и спать собрался? – посмеялась она. – Тебе и мёд, и ложку!

– Ладно, спрошу прямо, где кровать?

– За ширмой, – она кивнула в сторону. Бран встал и, подойдя к занавескам, заглянул за них.

– Ого! – усмехнулся он. – Кого это твоя компаньонка здесь принимает?

– О чём ты? – смутилась девушка, делая непонимающий вид.

– Да всё же понятно. Если бы она держала здесь кровать, чтобы отдохнуть в дневные часы или переночевать, оставшись в лавке, то выбрала бы себе что-то поскромнее и поменьше. Зачем столько места для одного? Разве что она любит спать поперёк? – Бран рассмеялся.

– Может, так и есть? – пожала плечами Эднартайя, доставая на стол коробки со сладостями. – Садись.

Он сел напротив неё за маленький чайный столик и взял за руку. В окно предгрозового ветер нёс приятную вечернюю свежесть. Звуки праздника в городе ещё не смолкали, но здесь их было почти не слышно. Девушка облокотилась о стол свободной рукой и положила голову на ладонь.

– Как же всё-таки это сделать, интересно? – проговорила она задумчиво, наблюдая, как Бран перебирает её пальцы.

– Что именно?

– Не умереть.

– Ты веришь словам Кастора? – с сарказмом спросил он.

– При чём здесь Кастор. Мне говорил об этом отец.

– Правда? – Бран посмотрел на неё с интересом. – Давно?

– Очень давно. Когда рассказывал об Альмандине и Агний Руне.

– Подожди, у меня было стойкое ощущение, что ты ничего об этом не знаешь, когда мы ехали сюда. Тогда, на поляне, мы читали записку и ты спрашивала меня, существует ли город.

– Я тогда ничего не помнила из того, чему меня учил отец. Однажды я всё это забыла, и оно стало возвращаться ко мне только здесь, после разговоров с Кастором, – объяснила Эднартайя. – Я тебя не обманывала.

– Ты это серьёзно? – спросил Бран. Она кивнула утвердительно и коротко. – Не могу представить, что можно забыть так много и так крепко. Если не секрет, о чём вы беседуете с Кастором?

– От него я многое узнала об отце, его делах в землях Ордена и планах. О его прежней жизни здесь. Кастор даёт мне книги о магии и Альмандине.

– Что в них говорится?

– Если тебе интересно, – она чуть улыбнулась. – Гораздо севернее от нас когда-то была земля древних магов. Им удалось раскрыть много тайн мира, и они искали путь избавления от смерти. Хотя им удалось значительно продлить себе жизни, но тела их всё же дряхлели и умирали. И они стали искать возможности менять тело после его смерти, сохранив сознание. Им это даже удалось, но оказалось, что тело накладывает на своего обладателя ряд ограничений. В некоторых телах маги теряли свои способности, иногда даже забывали, кто они.

– Извини, а как они тела находили? – перебил Бран, у него был восхищённый заинтересованный взгляд. – Я имею в виду, они в лавках не продаются и на дороге не валяются. А если и валяются, то вряд ли пригодны для жизни.

– Это точно, – улыбнулась Эднартайя. – Маги отнимали тела у других людей. Жестоко и жутко. Но речь не об этом. Выяснилось, что самыми пригодными для переселения являются тела других магов.

– И тут между ними случился серьёзный мордобой, – засмеялся Бран.

– Именно. Точно бой, но чуть другими способами. Одни хотели себе тела, другие не желали отдавать. Действовал принцип самого сильного. Их бесконечная жизнь стала бесконечным кошмаром. Многие пытались бежать и прятаться. Агний Рун был одним из таких магов. Он ушёл с группой товарищей на юг, где они основали Альмандин. Их главной задачей было обезопасить

себя от нападения собратьев, потому вокруг города долгое время держался магический защитный купол. Впрочем, он давно уже устранён, и ни о каких попытках нападения не существует упоминаний.

– И тем не менее, это не означает, что их не было?

– Возможно. Агний Рун считал, что есть иной способ сохранения существования. И он его нашёл.

– Подожди! А те маги с севера? Они до сих пор живы? – спросил Бран. Чайник закипел, и Эднартайя встала, чтобы сделать чай.

– Никто об этом ничего не знает.

– Хочешь сказать, никто не пытался узнать? Не верю, – в ответ Эднартайя пожала плечами и вернулась к столу, поставив на него две чашки. – Эта тема явно требует исследования. Так что там с этим Агнием Руном?

– Он вместе с товарищами нашёл способ, они назвали это Скольжением во Тьме. Говорят, помимо нашего мира существует ещё множество миров, сквозь которые маги могут путешествовать. Они научились, теряя тело здесь, оставаться там и продолжать своё существование.

– И как этого добиться?

– Не знаю, я же не маг, – она аккуратно сделала глоток, чтобы не обжечься. – Это долгие годы тренировок и обучения. Они держали эти знания в тайне, передавая их ученикам. И так продолжалось многие столетия. Пока мой отец не захотел сделать иначе.

– Так вот какое знание он вынес из Альмандин?

– Да, Кастор говорит, что отец хотел, чтобы не только ученики магов узнали об этом. Он считал, что всякий человек может и имеет право идти этим путём. Ему говорили, что такое невозможно. Путь мирянина забирает слишком много энергии, и тот не сумеет сохранить её в достаточном количестве для Скольжения. Но отец стоял на своём. Он ушёл и пытался проложить свою дорогу, показать, в первую очередь, себе самому, что такое возможно. Он вёл дневники, записи, он обучал меня. Всё это время они держали связь с Кастором, беседовали. Кастор часто бывал у нас, разговаривал со мной.

– Ты вспомнила это?

– Да, – она кивнула, покручивая чашку в руке и рассматривая её. – Вспомнила наши беседы. Их было много за годы моего взросления. Опасность состояла в том, что рядом рос и креп Орден. Кастор просил отца вернуться в Альмандин. Он считал, что в такой земле не будет места его учению. Но отец отказывался. Он только вывез самые ценные рукописи и книгу Агни Рун из дома, чтобы в случае беды они не попали в руки Приора.

– Их вывез я, – поправил её Бран. – Твой отец просил меня надёжно их спрятать. И я нашёл такое место.

– В том лесу? – спросила девушка. Он кивнул. – А что там была за защита? Ты говорил тогда, что так просто это место не отыскать.

– Не знаю, её делал Алвис. Он попросил однажды показать меня это место, и когда я привёз его туда, долго сидел перед тем домом. А потом сказал мне, что тот, кому не следует туда придти, никогда туда не попадёт.

– Отец знал, что делает, – она умолкла и стала серьёзной. – И вот теперь он показал, что был прав. Что такой путь возможен.

– Если это правда, – подумав, сказал Бран, – и он тебя учил, ты должна что-то уметь. Ты же вспомнила.

– Не всё, – призналась Эднартайя. – Есть моменты, которые я никак не могу воскресить в памяти.

– Нужно время, вероятно.

– Кастор говорит, что это связано с тобой, – произнесла она, украдкой посмотрев на собеседника.

– В каком смысле? – не понял Бран.

– Есть кое-что, о чём я хотела бы с тобой поговорить, – он открыто смотрел на неё, готовый выслушать. Эднартайя снова вернулась к созерцанию чашки. – Я помню один эпизод, смутно. Это было давно, и точно до того, как отец представил нас с тобой друг другу. Было тепло, и я сидела в саду под деревом. Кажется, был конец весны, падали лепестки. Я смотрела на их падение, как велел мне отец. А потом услышала шаги и плеск ведра в колодце, что был рядом. Я попыталась не обращать внимания, но звуки привлекали меня. Тогда я обернулась и увидела тебя, – она говорила тихо, взволнованно. – Ты был совсем не таким, каким я знала тебя уже потом. На тебе была старая одежда, перепачканная грязью и кровью. Ты умывался, наклоняя ведро, которое поставил на край колодца. И вода, что текла с тебя, была розовой от крови. Не твоей, Бран. Ты будто почувствовал мой взгляд, повернул голову и посмотрел на меня сквозь мокрые длинные волосы. Мы встретились глазами, и меня словно кольнуло в самое сердце от ощущения страха и боли, которые я почувствовала в тебе. Ты вытер рукой воду с лица, попятился и скрылся в кустах.

Она замолчала, переводя дыхание. Щёки у неё горели румянцем. Бран тяжело выдохнул и отвернулся. За окном начался дождь. Он забарабанил по подоконнику и редкие косые капли, влетая в окно, стали шлёпаться на стол.

– Когда я вспомнила этот момент, то подумала, что это был какой-то сон, – произнесла Эднартайя. – Потому что считала, что помнила нашу первую встречу, как и все последующие. Помнила тебя, хорошо одетого, весёлого, с твоей извечной чуть лукавой улыбкой, когда ты приезжал к отцу. Он говорил мне, что ты дорогой гость, и я считала, что вас связывают торговые дела. Ведь я временами слышала, как он просил тебя что-нибудь для него достать. Видела, как он передаёт тебе деньги. А это воспоминание было совсем другим, странным. Но когда я рассказала о нём Кастору...

– Это правда, Эда, – быстро проговорил Бран. – Тебе не приснилось. Я хорошо помню тот день.

– Расскажи? – попросила она, глядя на него с надеждой. Он усмехнулся, покачал головой, но не в знак отрицания, скорее не веря, что готов.

– Да уж, такие разговоры нужно вести под что-то более крепкое, чем этот чай, – попытался пошутить он.

– Если дело только за этим, – девушка встала и вытащила из-под лавочки бутылку с тёмной жидкостью, вязко бултыхавшейся внутри. – Старинный рецепт. Моя компаньонка говорит, что это лучшая настойка для отдыха и расслабления.

– Теперь я точно уверен, что она тут кого-то принимает, – он улыбнулся, но вышло невесело. – Наливай!

Эднартайя наполнила две рюмки и одну из них подала Брану. Он принюхался и быстро выпил содержимое. Поморщился, задержав дыхание, окинул взглядом стол и, не приметив ничего более подходящего, взял вяленую грушу и закусил ею. Девушка, так и державшая в руке свою полную рюмку, смотрела на него с подозрением.

– Твоя компаньонка права, отличная настойка, – похвалил он. Эднартайя опасливо пригубила напиток и тут же тяжело закашлялась.

– Какая гадость! Как такое можно пить, – проговорила она с набитым ртом, пытаясь прожевать груши, которые стала есть одну за другой, чтобы перебить вкус настойки.

– Чего только не пьют, тебе лучше не знать, – улыбнулся он. – Что зря сидеть, давай ляжем. Так тебе будет уютнее слушать, а мне проще рассказывать.

Они убрали со стола, оставив на нём лишь лампу, сняли верхнюю одежду и устроились на большой кровати Фаи, заправленной покрывалом. Бран разместился полусидя у изголовья, а Эднартайя легла на живот, чуть в стороне, чтобы видеть его, обняла одну из многочисленных

подушек, разложенных на постели, и положила на неё подбородок. Свет от лампы был совсем тусклый, тени дрожали от порывов ветра, что раскачивали пламя.

– Я рос в доме отчима, – начал Бран. – Мой родной отец рано умер, и матери посчастливилось не остаться одной. Ей было не до меня, новый муж, новый дом, вскоре родился их общий ребёнок, и я остался наедине с тремя сводными братьями. Младший из них был моим ровесником. Моё появление им сразу не понравилось. Поначалу это были мальчишеские потасовки, но с годами стало хуже. Дрались мы зло, и самое паршивое было для меня то, что они всегда держались вместе. Как минимум, по двое.

Отчим держал оружейную лавку, мы ему там помогали. Как-то я по его поручению пошёл туда и встретил младшего из братьев. Вероятно, он забыл, что один, слово за слово, мы сцепились, и это был отличный для меня шанс хорошенько его отходить за все прошлые разы. Когда он закричал и стал звать на помощь, я схватил первый попавшийся под руку меч и побежал из лавки прочь. Братья были неподалёку, я слышал их приближающийся топот, если бы они меня поймали там, в лавке, мне пришлось бы плохо. Они видели меня убегающим и сразу бросились следом. Я попытался спрятаться в лесочке, неподалёку от дома, забился под куст. Меня всего трясло. От возбуждения, собственной дерзости, страха. Я уже понимал, что мне так просто не выпутаться из этой истории, но что делать дальше, не знал. Они бродили рядом, громко звали меня. Старший из братьев, вероятно, увидел мой след и подошёл к кусту, за которым я прятался. В тот момент это и произошло. Перед глазами всё поплыло от волнения, а потом словно накрыло горячей волной. Я очнулся от крика и первое, кого увидел – среднего из братьев. Он стоял чуть в стороне от меня, бледный, дрожащий. Это он кричал. А старший лежал передо мной на земле. Я посмотрел на него, на окровавленный меч в моей руке и бросился бежать.

– Думаешь, ты убил его? – спросила Эднартайя шёпотом.

– Я знаю, что убил его, поверь. Не хочу тебе описывать подробности.

– И куда ты пошёл?

– А куда можно пойти в четырнадцать лет без денег? Я болтался где попало и с кем попало. Таких бездомных мальчишек полно, они часто промышляют воровством, их отовсюду гоняют и не любят, так что заработать на хлеб им удаётся крайне редко. Никому не хочется, чтобы эти оборванцы околачивались возле домов. В придорожных гостиницах им иногда что-то подают, разрешают ночевать в конюшне.

– Ты тоже воровал? – спросила она.

– Бывало. Должно быть, это прозвучит как оправдание, но голод с моралью не дружит.

– Но ведь можно и охотиться. Я хочу сказать, есть же разные способы добыть себе еду.

– Можно, но не всегда охота бывает успешной. Особенно, если это холодные дни, от голода темнеет в глазах, а изношенную одежду насквозь продувает ветер. Нет смысла всё это обсуждать. Я хотел сказать, что это были не самые светлые дни и закончиться они должны были бы ещё хуже. Чаще всего такие мальчишки попадают в неприятности. Это произошло и со мной. Я тогда уже утвердился в мысли, что ничего необычного со мной в том лесу не случилось, когда всё повторилось вновь. Тот меч был единственной моей личной вещью, которую я берёг. Двое бродяг постарше захотели забрать его у меня, я стал сопротивляться. А потом злость, горячая волна, и пришёл в себя я уже над их телами. А рядом стоял твой отец. Это случилось за придорожной таверной, на заднем её дворе, и он был единственным свидетелем. Увидев его, я подумал, что мне конец, он позовёт кого-нибудь, и меня схватят. Но он лишь сказал: "Идём, пока нас никто не видит". И я пошёл за ним. Так мы познакомились, – он замолчал. Эднартайя всё ждала продолжения, но оно не наступало.

– Так что тебе сказал мой отец? – спросила она, не выдержав.

– Что я – берсерк. Ты знаешь, что это такое? – он посмотрел на девушку, и она отрицательно покачала головой. – Человек, умеющий вызывать в себе особое состояние ярости, в котором он способен на невероятные поступки в драке. Его сложно побороть, потому что он, как дикое

животное, впадает в неистовство, теряет чувствительность к боли, его сила и ловкость превосходят его обычное состояние в разы.

– Звучит неплохо, – пошутила Эднартайя.

– Возможно, для самого берсерка, но не для остальных, – возразил Бран серьёзно. – Я не контролирую этого состояния, не знаю момента, когда оно наступит и когда закончится, не помню, что делаю в нём и могу убить любого, кто окажется рядом. Алвис говорил, что только слышал о берсерках, но никогда раньше не видел. Он хотел мне помочь и потом много лет пытался научить меня контролировать себя, но всё, чего нам удалось добиться, это избегать внезапных приступов.

– Значит, это то, что было той ночью в лесу перед Альмандином? – спросила девушка, подумав. Бран кивнул. – А чем вы с моим отцом занимались? Ведь у вас были какие-то дела все эти годы?

– Как ты знаешь, Алвис часто бывал в разъездах. Первое время я его много сопровождал, – ответил странник. – Он учил меня, наставлял, воспитывал. Я был обязан ему многим, и в ответ как мог помогал. Сначала простыми делами: следил за его лошадей, искал места для ночлега, заботился о провианте, выполнял поручения, как посыльный. Алвис часто встречался с людьми, беседовал с ними, что-то передавал, кого-то искал. Постепенно его мелкие поручения стали набирать вес, спустя несколько лет я уже совершал поездки вместо него. С некоторыми из этих людей у меня имелись и свои дела, договорённости. Мне всегда легко удавалось искать и добывать то, о чём среди народа гуляли только слухи, получалось торговаться, совершать сделки. Иногда я торговал вещами, иногда сведениями.

– Люди платят за это? – с интересом спросила Эднартайя.

– Люди очень хорошо платят за это, – сказал с улыбкой Бран. – Но у Алвиса были свои цели, у меня свои. Они никогда не противоречили друг другу, и нас обоих это устраивало.

– Кастор упоминал, что у отца были дела с заклинателями. Это так?

– Некоторые из тех людей, с которыми я встречался по поручениям твоего отца, были объявлены заклинателями. И это всё, что мне известно.

– А тот случай у колодца? – напомнила она.

– Это было давно, в первые годы после нашей встречи с Алвисом у таверны, – он замолчал, когда воспоминания нахлынули на него. Когда вспомнился тот день, ясный, чистый, полный запахов весны, и комната, залитая тёплым утренним светом. Вспомнилось, как он сидел перед Алвисом, слушал его успокаивающие речи, и всё пытался спрятать в рукавах от его доброго отеческого взгляда перепачканные в запёкшейся крови руки. – Твой отец никогда не выказывал брезгливости или надменности. Он был терпеливым и понимающим человеком. В тот день мы говорили с ним, а потом он сказал мне умыться у колодца. Я лишь пару раз до того бывал возле вашего дома и никогда не видел членов вашей семье. Это была первая наша с тобой встреча, Эда. Я хорошо запомнил тебя, хоть и видел всего пару мгновений. Второй раз мы встретились с тобой только через два года. И ты так улыбалась мне, что я понял, ты либо забыла тот случай, либо не узнала меня.

Она улыбнулась, перебралась со своего места к Брану и легла рядом с ним, положив голову ему на плечо. Он её обнял, но напряжение ещё сохранялось в нём.

– Мне всегда нравилось, как ты меня называешь, – произнесла девушка ласково. – Не так, как остальные. В этом было что-то особенное для меня.

– Для меня тоже, – ответил Бран.

– Ничего в моём отношении к тебе не изменилось бы, даже если бы я знала твою историю все эти годы, – подумав, добавила Эднартайя. В ответ странник чуть крепче сжал её в объятиях.

Больше они не говорили. Каждый из них погрузился в свои размышления, которые постепенно завлекли их обоих в сети сна. Дождь ещё капал за окном, но уже лениво и неторопливо. Гроза, накрывшая в тот вечер Альмандин своим крылом, улетела прочь. Исчерпав запас масла, лампа погасла, погрузив маленькую комнатку при лавочке портнихи Фаи в бархатную темноту.

В ту ночь Яра наблюдала за тем, как уходит гроза, стоя на пороге дома. Над её головой мерно позвякивали дверные подвески.

– Яра, – тихо прозвучал голос Плутака за её спиной.

– Да? – отозвалась она, даже не обернувшись.

– Ты в порядке?

– Конечно. Чего не спишь? – голос её был тусклым, отрывистым.

– Почувствовал, что ты здесь. Решил узнать, что с тобой, – виновато проговорил он.

– Почему ты решил, что со мной что-то происходит? – без эмоционально спросила она.

– Я *видел*, какая ты вернулась с праздника. Ты искала его?

– Никого я не искала! Иди спать, Морк, – резко проговорила она и, отступив в дом, закрыла дверь.

– Бран того не стоит, Яра, – начал было он, но она не стала его слушать и быстро поднялась по ступеням вверх. Скользнула, будто тень, по балюстраде и уже через мгновение исчезла за дверью своей комнаты. Плутак остался один. – Он тебя не стоит, Яра.

То ли настойка Фаи оказалась такой действенной, то ли сказалась усталость, но проснулся Бран, когда в открытое окно лился свет уже поднявшегося над городом солнца, а на улице хлопали ставни открывающихся лавочек. Эднартайя спала рядом, в его объятиях, и ему было жаль будить её, так что какое-то время он просто лежал, наблюдая за её мерным дыханием. Он ощущал в себе умиротворение, какого давно не было и которое хотелось сохранить как можно дольше. Наконец, Эднартайя проснулась, потянулась и открыла глаза.

– Доброе утро, – сонно произнесла она, щурясь от света. – Кажется, мы долго спали?

– Кажется, да, – согласился Бран с улыбкой, поглаживая и целуя её.

– И теперь моя очередь говорить, что нам пора. Если только мы не хотим быть застигнутыми врасплох и навлечь на себя подозрения.

– Досадно, когда подозревают в том, чего не делал. Я предлагаю исправить эту несправедливость. Пусть хоть небезосновательно подозревают, – предложил он.

На их удачу в тот день Фая явно не торопилась в лавочку. И хотя они не успели уйти до её появления, но оделись и убрали комнату так, что никаких намёков на их ночное пребывание не осталось. Портниха застала их за чаепитием и, увидев Брана, широко заулыбалась. Он встал к ней навстречу и коротко поклонился, как это было принято делать в Альмандине при первой встрече.

– Наконец-то наше знакомство состоится! Очень приятно, – она чуть присела, манерно и показательно, широко улыбаясь и подмигивая Эднартайе. – Я так ждала этого момента! Ведь передо мной тот самый Бран! Я же не ошибаюсь?

– Не уверен, о каком из Бранов Эднартайя говорила, но, вероятно, тот самый, – ответил странник, и Фая расхохоталась. Девушка уже ставила для неё чашку, улыбаясь этой сцене с некоторым смущением.

– Ставь ещё одну, – предупредила портниха, усаживаясь вместе с ними за стол. – Нет, однозначно твой выбор мне нравится, Эдни.

– Мне тоже он нравится, – согласился Бран.

– Остроумие – замечательное качество, – сказала Фая. – Давно здесь чаёвничаете?

Бран собирался ответить, но врать ему не пришлось. Дверной колокольчик коротко звякнул в соседней комнате и грузный стук шагов возвестил о приближении человека весьма крепкой комплекции.

– Мы здесь, – певуче протянула Фая. У неё было весьма довольное выражение лица, которое она и не пыталась скрывать. Бран улыбнулся Эднартайе, давая ей понять, что убедился в правоте своих подозрений. Но его реванш был недолгим, потому что персона посетителя всё же стала для него неожиданностью. Борво вошёл в комнату и окинул взглядом присутствующих.

– Доброе утро, дамы, – сказал он весело и внимательно посмотрел на странника, вставшего ему на встречу. – А ты, стало быть, Бран. Эдни рассказывала о тебе.

– Мне начинает казаться, что обо мне рассказали уже половине Альмандина, – отшутился Бран, пожимая могучую руку купца. Они сели к столу, и Эднартайя налила новому компаньону чая.

– Эдни говорила, что ты перевёл всю вашу компанию через Волчий Хребет. Один, без проводников.

– Да, им пришлось остаться по ту сторону, – согласился странник.

– Как тебе это удалось? Там полно патрулей, – сказал Борво, отпивая чай. Изящные чашки Фаи казались в его больших руках детскими игрушками.

– Должно быть, повезло, – Бран прямо смотрел на собеседника. Он понял, что купец узнал его, но не подавал вида.

– С вами, действительно, был паладин из Ордена? – последовал новый вопрос. Странник утвердительно кивнул. – Как вас пропустили Перебежчики? Они при первом же виде Хранителя должны были бы повесить всю вашу компанию.

– Их староста – человек дела, мы сошлись на цене и условиях.

– Их староста – жуткий тип, – проговорил Борво. – Его не обмануть, не подкупить и не перехитрить. Он способен живьём снять кожу с любого, кто вызовет у него хоть малейшее подозрение. Именно благодаря ему лагерь всё ещё живёт. И тут он пропускает к Пределу вас, в компании паладина Ордена, даёт проводников, снабжает всем необходимым.

– Ко всякому человеку есть подход, – ответил Бран, но понял, что от него ждут чего-то большего. – Староста расспрашивал меня, зачем и куда мы путешествуем в такой компании. И, видимо, поверил мне, поэтому и пропустил.

– А для чего ты вёл с собой паладина?

– Судя по нашему разговору, ты знаешь, что такое Предел, – проговорил Бран. Купец кивнул. В его глазах читался живой интерес, и странник понял, что зацепил слушателя. – А я не знал.

– Как так? – изумился тот.

– Вот так. Я не знал ни пути, ни его особенностей, ни даже того, кто такие Перебежчики и чего от них ожидать. Но мне нужно было оказаться по другую сторону этих гор, и со мной были вот эта девушка и слепой немощный парень. Как ты считаешь, Борво, каковы были шансы достичь цели при таком раскладе?

– Клянусь небом, невысоки, – хохотнул купец.

– Вот и я так решил, – сказал Бран. – А тот паладин был отличным попутчиком, который нам неоднократно помог. Кроме того, от него не приходилось ждать ничего дурного, у него было своё дело в Альмандине. И он хотел попасть в город, а значит, был готов сотрудничать.

– Как ты мог знать, что он тебе не врёт?

– Опыт, – от этого ответа Борво громко расхохотался, хлопая себя ладонями по коленям.

– Когда Эдни мне рассказала о вашем путешествии, – начал он, немного успокоившись, – я решил, что она меня дурачит. А когда я понял, что это всё правда, мне захотелось познакомиться с тем отчаянным человеком, который на такое решился. Дай пожать тебе руку!

Эднартайя и Фая обменялись улыбками, наблюдая, как мужчины жмут друг другу руки.

– Некоторые вещи нужно просто сделать, не вдаваясь в подробности и возможности, иначе ничего не выйдет, – сказал Бран.

– Золотые слова, парень. Я тоже так считаю, – согласился купец. – Всегда приятно встретить единомышленника, не так ли?

– Однозначно! И я рад нашему знакомству, давно этого хотел, – ответил странник. Хитрые искорки плясали во взгляде Борво, он был доволен, он услышал то, чего ожидал. Бран понял, что добился своего, теперь в Совете стало одним голосом в его пользу больше. – Но нам пора идти. Надеюсь, нам ещё удастся встретиться.

– Даже не сомневайся, – заверил купец, поднимаясь во весь свой рост, чтобы попрощаться с гостями.

Поблагодарив за чай и беседу и пожелав всего самого хорошего, молодые люди вышли на улицу. Какое-то время они шли в молчании, а потом, не сговариваясь, переглянулись. Заметив весёлую улыбку на губах Брана, Эднартайя покачала головой.

– Не надо, – предупредила она.

– Я ничего не собирался говорить, – ответил он, улыбаясь всё шире. – Разве что отметить твой заговорщический талант.

– О чём ты? – девушка сделала театрально непонимающий вид и подбодрила, – ну давай, я хочу послушать комплименты в свой адрес.

– Для этого нужно идти ближе ко мне, – Бран обнял её за плечи. – У тебя отличная способность заводить правильные знакомства.

– Думаю, ты ещё не в полной мере её оценил, но, если сохранишь данное положение, – она коснулась его руки на своём плече, – то тебе откроется много интересных возможностей.

– С удовольствием, – серьёзно ответил Бран. Эднартайя обняла его в ответ, и так они шли вплоть до самого дома Кастора.

ГЛАВА 15. ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Быть слепым не так уж и плохо. За время, проведённое в Альмандине, Плутак убедился в этом. Отсутствие зрения прекрасно компенсировал его тонкий слух, а теперь ещё и подаренная Ярой возможность наблюдать за эмоциями окружающих. Для этого они тренировались каждую ночь, устроившись в гостиной друг напротив друга. Плутак был хорошим учеником. Он не задавал лишних вопросов, не возражал и только старательно выполнял требования своей наставницы. Они были для него несложными. Не пускать в голову лишних мыслей, замереть, сконцентрировать внимание на одном единственном важном мгновении или предмете – всё это не составляло для Плутика труда.

Поначалу он *видел* лишь слабое сияние, исходившее от окружающих. Оно проступало из общей темноты, как пламя разгорающейся свечи. Но чем дольше слепой упражнялся, тем большим числом цветов, а затем и оттенков, стало окрашиваться сияние. Постепенно Плутак изучал и расширял спектр. Ему стало удаваться улавливать малейшие колебания настроения других людей.

Тренировки в ночные часы обуславливались тем, что человек, по словам Яры, в это время слабеет, а потому проще улавливать его состояние. Но со временем слепой смог наблюдать за сиянием и днём. Оно было всё ещё трудно уловимым, но позволяло ему ориентироваться в пространстве так, как если бы он смог видеть глазами неясные силуэты людей.

Беда Плутика была лишь в том, что чем больше он тренировался, тем отчётливее *видел*, как растёт печаль Яры. Она была по-прежнему приветлива и мила в разговоре, но с той праздничной ночи, когда они втроём вернулись из города, какая-то часть её сияния будто померкла. *Видеть* её в таком состоянии было больно, а сделать с этим он ничего не мог.

Потихоньку слепой наблюдал за своей наставницей, и однажды слышал её диалог с Кастором. В доме в тот час больше никого не было, Плутак вернулся из сада и услышал голоса мага и его ученицы, доносившиеся из кухни. Он крадучись подобрался поближе к двери, но на такое расстояние, чтобы в любой момент можно было спрятаться под лестницей от чужих глаз.

– Зачем ты сделал это, учитель? – голос Яры звенел обидой.

– Сделал что, дорогая моя? – Кастор, как и всегда, отвечал невыносимо спокойно.

– Ты подтолкнул к ней Брана. Сам он ни за что бы не вспомнил о её существовании. Он и не хотел вспоминать! Ему этого не требовалось.

– Ты заблуждаешься на счёт Брана, – мягко возразил маг, вздохнув. – Ты сильно ошибаешься в нём. Но самое неприятное для тебя состоит в том, что ты тратишь на это непозволительно много сил. И я тебя предупреждал об этом. Тебе следует отдохнуть.

– Что ты имеешь в виду? – голос Яры сделался напряжённым.

– Возможно, стоит покинуть Альмандин на некоторое время, – предложил Кастор. – Отправляйся в лес, на восточные холмы. Помнишь, там есть прекрасные места для уединения? Только не в сторону Предела, сейчас там неспокойно.

– Отсылаешь меня?

– Я не имею права на такое. Я лишь предлагаю. Поступай по своему разумению, дорогая, но помни, любые лишние эмоции – это начало гибели для мага, – помолчав, он добавил. – Сейчас тебе следует больше времени уделять себе, нежели друзьям и обучению Плутака.

– Что плохого в обучении? – возмутилась она.

– Ты не искренна сама с собой, занимаясь им. Я говорил тебе об этом с самого начала, когда ты только задумала привести его в Альмандин. Подготовка ученика на пути магического искусства требует от учителя многих сил и умений. Это серьёзное испытание, за которое следует приниматься чистосердечно. Твои намерения в отношении Плутака далеко небезупречны, Яра, и кончится всё может весьма трагично.

– А вот в этом ты ошибаешься.

Яра не уехала из Альмандина, как советовал ей Кастор. Она лишь реже стала появляться в доме в вечерние часы, избегая неприятных встреч. Уходя в дружескую компанию, она всё чаще приглашала Плутака с собой. Ему нравились их походы и потому, что Яра находилась рядом, и потому, что молодые маги принимали его, как своего. Иногда друзья спрашивали Яру о новой ученице Кастора. Появление Эднартайи и то, что маг взялся обучать её, совершенно не соответствовало принятым нормам и у многих вызывало интерес. Но Яра лишь неопределённо пожимала плечами, не желая отвечать на подобные вопросы.

Плутуку неоднократно удавалось подслушать встречи Кастора и Эднартайи, но ничего особенного на них не происходило. Маг много рассказывал своей ученице об Алвисе и его обучении в Альмандине, о том, как и к чему их некогда готовили. Однажды во время одной из таких встреч Эднартайя пожаловалась Кастору, что не чувствует в себе никаких перемен.

– Наши разговоры, без сомнений, очень интересны, но, кажется, они ничего не дают мне, – сказала она со смущением в голосе. – Боюсь, что я напрасно трачу твоё время. Я вспомнила встречу с Браном в саду, вспомнила многие встречи с тобой, вспомнила то, что отец рассказывал мне. Наши тренировки с ним. Я даже пробовала проделывать нечто подобное, но ничего не выходит. Кажется, это всё впустую.

– Ты торопишься, – ласково возразил маг. – То, чему ты пытаешься научиться, может потребовать много времени. И главное здесь не результат, важен сам процесс.

– Я слышала, – решившись, проговорила Эднартайя, – в городе много говорят о Яре. Она способная.

– Без сомнений, – согласился Кастор.

– В чём её умение? – с интересом спросила девушка. – Она ведь Скользящая?

– Не совсем. Яра не уходит во Тьму, она Скользит только сквозь наш мир, мгновенно, если так можно выразиться, перемещаясь из одного места в другое. Это умение позволяет опережать поступки других людей.

– Каким образом?

– Допустим, ты увидела её на базаре и захотела поприветствовать. Не успела и шага сделать к ней, а она уже рядом и даже держит в руках твои любимы сладости, – он засмеялся. – За умение

чувствовать, предугадывать и действовать, меняясь в глазах окружающих, мы зовём таких, как Яра, Многоликими. Мой пример прост, но ты и сама можешь представить, чего можно добиваться с таким навыком.

– Кажется, это гораздо более полезное умение, чем путешествие в неизвестные миры, – с интонацией шутки ответила Эднартайя.

– Такие вещи невозможно сравнивать. Вообще избегай всяких сравнений. Каждый маг неповторим, и у каждого свой путь. Хотя в конце концов, всё идёт к одному – попытке осуществить Скольжение без возврата.

– Что если маг попытается сделать это раньше, чем он, действительно, будет готов?

– С трудом могу такое представить, маги хорошо знают предел своих возможностей.

– И всё же?

– Есть много опасностей, которые могут приключиться с ним. Самая главная – потеряться во Тьме. Такое может случиться, если маг не умеет накапливать и восстанавливать свои силы. Кроме того, во Тьме обитает множество существ, которые были бы не против подкрепиться зазевавшимися путниками. Потому сначала мы и учимся совершать только кратковременные Скольжения, тренируемся, привыкаем быть там.

– Звучит не слишком-то привлекательно, чтобы захотеть там остаться.

– Для новичка, пожалуй. Но это стоит попробовать, чтобы понять: куда заманчивее путешествовать сквозь миры, чем умирать здесь.

– Скажи, Кастор, – проговорила Эднартайя тихо, – на что похож уход мага?

– На пламя, – так же тихо и проникновенно ответил ей собеседник. – Пламя, окутывающее и растворяющее его.

– И так всякий раз?

– Нет, только в его завершающий уход из нашего мира. Так выглядит разрыв связи с ним. При коротких Скольжениях ты лишь на непродолжительное время исчезаешь из поля зрения окружающих, чтобы снова появиться перед ними. Там, во Тьме, ты почувствуешь, когда твоя связь с миром станет истончаться. Тебя начнут покидать силы, и это будет явным признаком необходимости вернуться.

Эднартайя по-прежнему приходила побеседовать к магу практически каждый день. А вот Бран этого теперь не делал. В течение полутора месяцев с ним происходило что-то, чего Плутак никак не мог себе объяснить. Начиная с той злополучной для Яры праздничной ночи, странник перестал появляться в доме мага по вечерам перед дежурством. Теперь он приходил нерегулярно, и всегда далеко за полночь. Открыв своим ключом дверь он тихо направлялся в комнату Эднартайи, которая, по всей видимости, ждала его. Они уединялись до рассвета, и с первыми проблесками зари Бран снова исчезал. Плутак принял бы такое поведение за типичное для любовников, если бы не его чувствительный нос, возражавший ему всякий раз. Приходя, Бран приносил на одежде запахи дорогого алкоголя, еды и масляного чада, которыми так крепко были пропитаны всевозможные заведения, где полуночные гуляки предпочитают расслабиться и потратить деньги. Утром же он покидал комнату Эднартайи в чистой свежей одежде.

Плутак достаточно хорошо знал своего старого приятеля, чтобы быть уверенным: Бран не стал бы тратить своё время в питейных заведениях без причины. Казалось, он таился от Кастора и многих других, доверившись только Эднартайе, покрывавшей его. Но в чём была тайна, Плутак никак не мог понять. Ему ни разу не удалось проследить, откуда приходит странник. А потом он и вовсе запутался, подслушав один из диалогов с Эднартайей под дверью её комнаты. Бран как раз пришёл к ней, и в ту ночь помимо привычных запахов его сопровождал нежный цветочный аромат. Плутак замер под дверью, их голоса были едва различимы.

– Красивые, – прошептала Эднартайя.

– Спроси "откуда", – попросил Бран.

– Мне гораздо интереснее, откуда ты, – пошутила она в ответ.

– Я тебе расскажу, – пообещал он. – Но не сейчас.

– Когда-нибудь, – с усмешкой проговорила девушка. – Я не тороплюсь. Так откуда они?

– Это страшная тайна, но её я тебе открою, – сказал Бран.

Тайны. Они словно опутали всех в этом городе. Они были у Брана, у Эднартайи, у Яры и, разумеется, у брата Корпа. Его Плутак неоднократно встречал на улицах Альмандина в те дни. Встречал и спешил убраться подальше, чтобы паладин не заметил его ненароком. К тому было несколько причин.

Во-первых, с братом Корпом случилось что-то странное. Это Плутак определил по его сиянию, оно сильно отличалось от того, что имели обычные люди. У большинства из них разница в нём была не слишком существенной. Немногим тусклее у слабых и больных, ярче у здоровых и жизнерадостных, с разнообразной эмоциональной окраской. От брата Корпа же исходил ровный мощный свет, во много крат превышавший свечение окружающих. Он был такой силы, что его можно было бы сравнить с сиянием магов, но у последних оно всегда имело направленность, зависевшую от того, куда маг посылал своё внимание и волю. Плутaku не посчастливилось пару раз стать объектом такого внимания, что причинило ему боль, и потому он опасался паладина, подозревая, что тот тоже может нанести ему вред. Впрочем, наблюдая за ним, слепой заметил, что сияние брата Корпа пребывает в пассивном состоянии, и некоторые люди даже способны подпитываться от него, вбирая в себя небольшую часть.

Во-вторых, паладин вёл в Альмандине странный, по меркам самого Плутика, образ жизни. Он часто навещался в городские больницы и тюрьму, бывал на рынках, о чём-то беседовал с разными незнакомыми слепому людьми. И эти люди зачастую были особенно несчастны. Плутак *видел* это по их мутному свечению. Ему неоднократно приходила в голову мысль последить за паладином и разузнать побольше, но это занятие казалось опасным и обещало больше неприятностей, чем выгоды. И потому он только посматривал на брата Корпа из какого-нибудь потайного местечка, куда забивался, лишь только замечал сияние бывшего компаньона.

Уж что-что, а прятаться Плутак умел. Он прятался в доме Кастора, подслушивая за домочадцами и гостями, прятался в саду, где выдать его могла только постоянно работавшая там, но совершенно безразличная к происходящему, Иола, прятался на улицах города. Он скрывался ото всех, кто мог бы его знать, если только это требовалось в соответствии с его планами. А планы у Плутика, как и собственные тайны, тоже были. Эти тайны требовали от него хитрости, изворотливости и сноровки. Он не смог бы посвятить в них даже Яру, не испортив всего задуманного. У него снова были дела, и в этих делах его слепота снова была ему помощницей.

ГЛАВА 16. ПОСВЯЩЕНИЕ

Бран вошёл в харчевню, окинул взглядом шумную толпу собравшихся и, не скрывая безразличного выражения лица, пошёл через помещение к свободному столику, которых оставалось немного. Время приближалось к ночи, и посетителей становилось всё больше. Он бухнулся на стул, вытащил из-за пояса перчатки и, смахнув ими со стола перед собой крошки, небрежно бросил на столешницу. За его спиной компания из шести человек играла в кости. Они азартно вскрикивали, стучали стаканом, встряхивая в нём кубики и выбрасывая их на стол.

Подошла служанка, крупная неряшливо одетая женщина, и спросила, что принести гостю. Бран, даже не взглянув на неё, попросил пива. Когда она снова пришла и принесла напиток, он положил на стол монету, всё так же игнорируя её присутствие. Служанка не обиделась, взяла деньги и пошла по своим делам. Ей не в первый раз приходилось видеть подобного рода посетителей. Они всегда были хорошо одеты и раздражены от того, что им пришлось придти в такое место. Обычно они даже отказывались что-либо заказывать, лишь бросали ей деньги за

возможность занять столик. Но этот дергающий от нетерпения ногой молодой господин, вероятно, хотел произвести лучшее впечатление на окружающих. Она над этим не стала долго раздумывать, взяла тяжёлый поднос с полными кружками и снова двинулась через зал, небрежно задевая посетителей локтями и капая на них проливающимся через край пивом. Многие из них этого даже не замечали. Они были увлечены разговорами и игрой.

Как и прочим до него, Брану пришлось подождать, прежде чем пришёл тот, с кем у него была назначена встреча. Это был мужчина средних лет, небольшого роста, но крепкий и проворный. Он окинул быстрым взглядом помещение и сразу же направился к столику, за которым помещался Бран. Увидев вошедшего, последний сразу оживился, перестал дёргать ногой, а выражение нетерпения на его лице сменилось откровенным недовольством.

– Сколько тебя ждать, ты опоздал, – возмутился он.

– Дела, дела, – протянул пришедший и занял свободный стул. – Но ты, мой господин, кажется, даже не успел выпить своё пиво. Значит, я не так уж и опоздал.

– Ты думаешь, я стал бы пить это пойло? – губы Брана брезгливо скривились и на лице проступили красные пятна, свидетельствующие о крайней степени раздражения.

– На вряд ли, – успокоил его собеседник. – Что ж, мой господин, раз ты ничего здесь не хочешь, ты готов идти, я полагаю.

– Да.

– Я в тебе нисколько не сомневаюсь, но обязан спросить. Кошелёк при тебе?

– Само собой, – Бран самодовольно улыбнулся.

– А удача? – они оба засмеялись, и пришедший хлопнул в ладоши. – Что ж, раз всё готово, мы можем идти. Я только подойду на минуту к хозяину. Мне нужно вернуть ему должок. Ты, если желаешь, можешь подождать меня снаружи.

Бран подхватил со стола перчатки и двинулся к выходу. Собеседник проводил его взглядом, встал и направился к стойке, за которой работал хозяин заведения. Он поднял взгляд на посетителя и коротко кивнул, продолжая попутно подсчитывать мешки с доставленным провиантом.

– В порядке?

– Порядок, – протянул хозяин.

– Я сейчас человечка отведу по адресу и вернусь. Сегодня народа много, так что работать будем в поте лица.

– Сделаем, – снова протяжно проговорил хозяин.

После тяжёлого чада харчевни воздух осеннего вечера казался особенно свежим и приятным. Бран и его провожатый шли тёмными пустынными улицами, петляя по многочисленным кварталам.

– К чему мы столько плутаем, я же всё равно пойму, куда мы пришли? – спросил Бран.

– Конечно, – согласился его спутник. – Но этим путём у нас меньше шансов на кого-нибудь наткнуться.

Наконец, они пришли. Бран узнал дом, как узнал бы любой другой горожанин, несмотря на то, что они оказались у чёрного входа со стороны тесного проулка. Они стояли у низкой двери, поросшей густым плющом, а по ту сторону забора в глубине сада сверкал в лунном свете своими начищенными до блеска крышами дом всеми уважаемого начальника городской дружины Элбана. Провожатый Брана постучался. В двери спустя некоторое время открылось смотровое оконце, забранное решёткой.

– Это я, – прошептал попутчик Брана. – Привёл знакомца, косточки побросать.

Заскрипел засов, и дверь перед ними открылась, приглашая их войти. По ту сторону стоял тяжелооружённый привратник. Окинув взглядом вошедших, он коротко бросил:

– Оружие.

– Да, оружие придётся сдать, – подтвердил спутник Брана.

– Вот ещё! У меня не дешёвый клинок, чтобы я оставлял его где попало. Как я могу быть уверен, что найду его потом?

– Не сомневайся, – ответил тот и кивнул на стойку за их спинами, у которой помещались мечи разного сорта и калибра, поблёскивая в свете, шедшего от фонаря охранника, резными рукоятями и дорогими ножами.

Бран с неохотой, но всё же расстался с мечом, после чего последовал за своим провожатым в дом. В саду было тихо и казалось, что все домочадцы давно спят. Обойдя строение, они спустились по лестнице вниз, в подвал. Здесь снова их ждала дверь и новый охранник. За ним тянулся длинный коридор, по которому слабым эхом расползались звуки отдалённого шума многочисленных голосов. Эти звуки нарастали и приближались по мере того, как спутники продвигались вперёд, к следующей двери. И вот за ней-то и ждало их то, ради чего они в этот вечер отправились вдвоём через спящий город.

Задуманные некогда как подсобные и подвальные, стараниями неведомых мастеров помещения под домом были превращены в уютные, богато обставленные комнаты с приятным приглушённым светом. Многочисленная компания собравшихся мужчин и женщин в дорогих нарядах плавно перетекала из зала в зал. В центре стояли игровые столы, за которыми для заинтересованных вели игру специально подготовленные люди. Некоторые гости отдыхали, расположившись в уютных креслах или на кушетках, стоявших в углах или вдоль стен. Ходили слуги, разнося подносы с поблескивающими в мягком свете бокалами. И можно было не сомневаться, в этих бокалах искрилось пузырьками самое дорогое вино города, а вовсе не то пойло, что подавали в грязных тавернах. В воздухе витал аромат алкоголя, смешанный с запахом духом и ещё одним особым, наркотическим запахом. Так мог пахнуть только дурман, который купцы везли с востока для искушённых в сладостях жизни покупателей. Ещё несколько лет назад его можно было найти в некоторых заведениях в землях Ордена, пока Хранители окончательно не перекрыли все возможные пути его поставок. В лёгкий шум голосов гостей подмешивалась тихая музыка, шедшая из одной из соседних комнат.

– Что ж, господин, развлекайся. А мне пора, – сказал провожатый.

Бран молча отстегнул от пояса небольшой бархатный мешочек и положил его на ладонь своего спутника. Тот взвесил его, довольно улыбнулся и отступил в толпу гостей. Он ловко проскользнул среди них, успев отвесить попутно несколько поклонов, и подошёл к человеку, стоявшему в углу комнаты со скучающим видом.

– Как вечерок? – поинтересовался провожатый.

– Как должно, – ответил ему тот, не меняя гримасы.

– Вон того видишь? Чванливый красавчик, которого я привёл. Присмотри за ним.

– Элбан запретил приводить новых и не местных, – напомнил соглядатай.

– Вот и присмотрите тут за ним, чтобы всё было путём. Элбану пока не обязательно знать, а потом он мне ещё спасибо скажет. У парня водятся деньги, и он не дурак поиграть.

Соглядатай молча пожал плечами, и его собеседник быстро пошёл прочь.

В этом заведении играли во всё подряд. Бран несколько раз переходил от стола к столу. Пару раз ему повезло, остальные он проиграл. Впрочем, он не особенно старался, больше поглядывая по сторонам, чем на ход игры. Собравшиеся здесь люди все знали друг друга, и потому посматривали на него с подозрением. По крайней мере, те из них, взгляд которых ещё не затуманился алкоголем и дурманом. Помимо игровых комнат были ещё комнаты для отдыха, именно там располагались курильщики, и именно из них тянулся наркотический запах. Постепенно гости пьянели, проигрышей становилось всё больше, слуги всё проворнее скользили в толпе, убирая пролитое вино и разбитые бокалы.

На напольных часах, скромно примостившихся в одном из углов комнаты, стрелки перешагнули через два часа ночи. Бросив на них взгляд, Бран вернулся к своим картам. Игра не шла. Он спасовал и обвёл взглядом зал. Соглядатай, присматривавший за ним весь вечер, так

никуда и не делся, так что эскорт до места ночлега Брану был явно обеспечен. Распорядитель, снова выигравший, собрал карты, чтобы перетасовать их. Справа от Брана освободилось место: полноватый пожилой господин, пожелав всем удачи, ушёл за другой стол, а на его стул легко опустилась молодая красивая женщина в дорогом переливавшемся на свету платье. Бросив взгляд на Брана, она чуть повела плечом и улыбнулась.

– Попытаем удачу? – проговорила она.

– Если только последний раз на сегодня, – ответил он.

– Именно!

Удача им так и не улыбнулась, зато между ними завязался разговор и знакомство. Покинув игровой стол они переместились в один из уютных диванных уголков. Красавицу звали Ибера. Она не скрывала, что пришла сюда отдохнуть от старого надоедливового мужа и что готова поразвлечься. Её муж владел несколькими крупными гостиницами в городе, и благодаря его деньгам и связям Ибера могла весело проводить время. Она была изящна, очаровательна, а ещё похотлива и немного пьяна.

– Итак, я знаю всех здесь собравшихся, – заявила она. Бран чуть усмехнулся, и красавица, легким движением откинув с лица чёрную прядь волос, обвела тонким пальчиком зал. – Правда, спроси про кого угодно, я тебе скажу, кто он и чем занят. Мы все здесь одного поля ягоды. Но тебя я вижу впервые. Откуда ты, дружок?

– Я недавно в Альмандине, – ответил Бран.

– Заметно. И это очень странно, – Ибера хитро улыбнулась и отпила вина из бокала. – Сюда никогда не пускают таких, как ты. И это ужасно скучно! Так что, возможно, мне сегодня повезло. А может, – она пожала плечами, – не повезло тебе.

– Почему же, моя госпожа? – сладко спросил он. Обращение ей явно понравилось, и она хихикнула.

– Думаю, я должна рассказать о тебе Элбану на всякий случай. Либо, – она подняла на него взгляд блестящих глаз, – ты можешь меня попытаться отговорить.

– У меня есть много аргументов, – признался Бран и, не откладывая, поцеловал собеседницу.

– Мне нравится твой первый аргумент, и я бы хотела узнать остальные, – сообщила она, когда поцелуй был окончен. – Но сперва, нам не помешало бы немного расслабиться. Что скажешь?

Бран хотел было ответить, но тут краем глаза уловил движение в комнате, которое привлекло его внимание. Бросив в том направлении взгляд, он увидел Элбана, начальника городской дружины и хозяина всей этой вечеринки. Он стоял у самого выхода из зала и осматривал присутствовавших внимательным взглядом.

– Идём, – быстро согласился Бран. Он подал Ибере руку, и они направились в одну из курительных комнат.

Как ни старался Бран сокращать количество вдыхаемого, дурман всё же проник в его тело. Он чувствовал, как силы оставляют его, как всё труднее следить за происходящим, как путаются и уплывают мысли. Он понимал, что нужно встать и выбраться на свежий воздух, пока ещё не поздно, но вместо этого продолжал лежать на шёлковых подушках. И раздражение от этой слабости всё нарастало в нём, копилось, пока не начало превращаться в злость. Ибера перебралась через валик с кисточками и медленно, по-кошачьи, подползла к Брану. Она уже с трудом держалась, но желание не отпускало её. Скользя руками по его груди и животу, она попыталась поцеловать странника. Он отстранился и замер, балансируя на самой грани всё нарастающей ярости.

– Ибера, послушай, – проговорил он, предпринимая над собой отчаянные усилия. – Не здесь, вдруг кто войдёт. Я так не могу. Давай к тебе?

– Ты что? У меня же муж! – возмутилась она.

– Ладно, тогда в гостиницу. Давай, идём скорее, не хочу дольше ждать! – он встал. Ноги не хотели слушаться и казалось, что сил идти совсем нет. Это вызвало в нём новый прилив злости,

но всё пошло как-то по-другому. Он ощутил, что может не сопротивляться ей, а лишь направить, как прежде направлял свои стремления и желания. И эта злость будто вдохнула в него силы, которых не было. Он помог подняться своей спутнице на ноги и, поддерживая её, вывел из курительной.

Народа в игральных залах стало значительно меньше, многие из тех, что остались, спали на кушетках. Элбана нигде не было видно. Ибера что-то бурчала о том, что точно знает, в какую гостиницу они должны отправиться.

На свежем воздухе Брану стало немного легче. Он продолжал вести, а точнее, практически нести, свою спутницу, путавшуюся в своих ногах. Так они прошли через сад, и привратник выпустил их в проулок. Брану казалось, что скорее настанет рассвет, чем они доберутся до гостиницы. Тем не менее, им это удалось. Всё понявший хозяин дал им комнату и даже проводил до неё.

Наконец, они остались одни. Бран сгрузил на кровать Иберу. Оказавшись в горизонтальном положении, она тут же уснула. Он потушил свет, распахнул окно и, сняв с себя кафтан, опёрся о подоконник. На улице было тихо, но соглядатаи, возможно, ещё не ушли. По пути в гостиницу он пару раз замечал их позади себя. Решив дождаться рассвета, Бран пододвинул стул к окну и сел, вытянув вперёд ноги. Можно было немного расслабиться и позволить себе снять маску чванливого мерзавца, которого он разыгрывал весь вечер. Ему хотелось спать, но он не позволял сну одолеть себя, разминал руки, дышал воздухом с улицы. На его счастье, рассвет был уже совсем близко.

Ибера так и не проснулась, когда он ушёл из гостиницы. На улице уже появились прохожие, начинали открываться лавочки. Он направлялся к дому Кастора, поэтому встреча с Эднартайей была скорее ожидаемой, чем случайной. Девушка увидела его издалека, поначалу заулыбалась, но, подойдя ближе, пришла в замешательство.

– Бран, что с тобой? На тебе лица нет, – проговорила она. – Ты пьян?

– Можно и так сказать, – ответил он. – Слушай, Эда, пройди со мной к дому? Я тебе потом всё расскажу.

Она, конечно же, согласилась, даже приобняла его, поддерживая и помогая идти. Им пришлось пройти по одной из центральных улиц, и там им встретился сам Элбан, ехавший верхом, вероятно, в сторону казарм, где размещалась дружина. "Улыбайся мне", – заметив его, шепнул Бран. Повторять Эднартайе не требовалось, она в мгновение ока будто расцвела, и вот они уже пара молодых людей, возвращающихся под утро с развесёлой ночной гулянки.

Кастор был в то утро дома. Увидев Брана, он присвистнул и сразу же повёл его на кухню.

– Эдни, приготовь-ка для него постель, а я тут пока кое-что сотворю, – попросил маг, доставая из шкафа бутылки разного цвета и калибра. Девушка быстро ушла.

– Кастор, я там был, – сказал странник. Хозяин дома кивнул, не оборачиваясь и продолжая смешивать содержимое бутылок в стакане. – В доме Элбана.

Кастор взял стакан и подошёл к Брану.

– Как ты и подозревал.

– Увы, – ответил маг. – Выпей это, тебе станет полегче. Кажется, ты сегодня ночью выдержал серьёзную битву с самим собой.

– Да нет, только пил и играл, – пошутил Бран, но потом стал серьёзным и утвердительно кивнул. Взяв стакан, он выпил его содержимое.

– Ты сейчас отправляйся спать и отдыхай, пока не почувствуешь себя полным сил. Никуда из дома не уходи до моего возвращения. Думаю, к вечеру силы вернуться к тебе. И мы всё обсудим, – сказал Кастор. – А теперь идём, провожу тебя до кровати.

Бран проснулся ближе к закату и понял, что отдохнул. Какое-то время он лежал в постели, совершая выбор между двумя спорившими желаниями: поесть и вымыться. Наконец, выбор пал на второе, и он бодро поднялся с кровати. В доме было тихо и пусто. Он по-хозяйски отправился на задний двор, чтобы набрать дров и растопить баню. В саду ему повстречалась Иола, как всегда,

занимавшаяся цветами. Они поздоровались друг с другом, и Бран спросил у неё об остальных домочадцах. Она ответила, что после обеда Плутак и Яра, как водится, вместе куда-то ушли, а Кастор и Эднартайя с утра не возвращались. Он предложил ей чуть позже вместе выпить чая, на что девушка в привычной манере ответила отказом. Её поведение ничуть не изменилась, и она всё так же сторонилась его.

После бани Бран почувствовал себя совсем хорошо. Он сидел в предбаннике, завернувшись в полотенце, и отдыхал, наблюдая за своими ощущениями, получая удовольствие от того, как тело легко дышит и расслабляется. Снаружи послышались лёгкие шаги и в дверь постучали.

– Заходи, Эда, открыто, – позвал он. И действительно, вошла Эднартайя с охапкой одежды в руках.

– Я тебе принесла переодеться, – сообщила она, садясь рядом.

– Какая ты умница, – признательно произнёс Бран. – Ты ходила за моими вещами?

– Да, и твои приятели в казарме спрашивали о тебе. Я им сказала, что ты со вчерашнего дня лыка не вяжешь, и мне нужна твоя одежда, чтобы хоть как-то привести тебя в божеский вид, – ответила она. Он посмотрел на неё и усмехнулся, оценив шутку. – Одевайся, а я приготовлю тебе поесть. Ты, наверняка, голоден. Тем более, скоро вернётся Кастор.

– Подожди, – он поймал её за руку, не давая уйти. – Ты не хочешь меня ни о чём спросить?

– И так всё понятно, – она мягко улыбнулась. – Скорее решай свой вопрос с Советом, тогда и поговорим.

– Ты какая-то странная.

– Нет, Бран, тебе так кажется. Ты просто не понимаешь, – возразила она.

– Вот теперь я, действительно, не понимаю, – признал странник. Эднартайя обняла его за шею и мягко поцеловала в губы.

– Всё хорошо, – заверила она. – Ты можешь ни о чём не беспокоиться. Только будь осторожнее, пожалуйста. Ты всё ещё мне нужен.

Подмигнув, она быстро вышла.

Предложение Брана для Совета, которое он принёс Кастору полтора месяца назад, касалось раскрытия дела о подпольных играх. Он предложил свою кандидатуру в качестве подставного лица, чтобы навести справки, наладить связи и выяснить, где и кем проводятся эти собрания. Через пару дней Кастор ответил ему, что не будет озвучивать предложение в Совете, потому что подозревает, что в организации может быть замешан один из его членов. Он пообещал помощь и покровительство Брану, если тот возьмётся за такое дело тайно. На том они и сошлись. Месяц потребовался страннику, чтобы найти человека, связанного с этим делом. Месяц двойной жизни, ночей, проведённых за игральными столами и разговорами с разного рода людьми, месяц хитрости и изворотливости, чтобы создать верное мнение и представление о себе, находчивости, чтобы не быть замеченным и узанными не теми и не там, где следовало бы. Конечно, ему пришлось рассказать о наличии такого дела Эднартайе, чтобы не вызывать подозрений ещё и с её стороны. Она приняла это без расспросов, с пониманием. Ждала его, когда он приходил к ней под утро, чтобы увидеться хотя бы на несколько часов, радовалась его визитам в лавку Фаи, соглашалась вместо прогулок на сиделки в саду. Но в этот день в ней таилось что-то странное, не то скрываемая радость, не то некий умысел.

Кастор вернулся ближе к ужину и сразу позвал Брана к себе.

– Я переговорил кое с кем, – начал он сразу же. – Лавочку эту нужно прикрывать. Элбан – человек уважаемый, для многих из нас он был другом эти годы, но умолчать не получится. Нам нечего ему предъявить, нечего потребовать. Ты – наш единственный свидетель. Кроме того, за ним тянется, вероятно, длинная вереница связей, которые тут же рассыплются, если мы будем медлительными и гуманными. Поэтому его придётся арестовать.

– Кажется, он кому-то перешёл дорогу, – хитро улыбнулся странник. Маг улыбнулся в ответ и кивнул.

– Всё не так просто, как хотелось бы, мой мальчик. Когда ты облечён властью и имеешь много дел с разными людьми, так или иначе будут недовольные. Но это в порядке вещей, если ты держишься определённых норм приличия и не выходишь за рамки дозволенного. Понимаешь, есть, например, торговые соглашения. Это значит, что купцы договорились между собой для общего же блага, чем и как они торгуют. Каждый мог бы работать только себе в угоду, но такой подход имеет разрушительные последствия. Поэтому когда появляется человек, нарушающий установленные нормы, его хотят убрать.

– Ты о дурмане, – понимающе произнёс Бран.

– И о нём, в том числе. В Альмандине действует запрет на подобный товар, ради общего же порядка, – Кастор остановился и провёл рукой в воздухе, будто отгоняя ненужные мысли. – Что ж, если ты готов, мы дадим тебе в подчинение отряд для взятия под стражу Элбана и его гостей на месте преступления. И тогда место в Совете твоё.

– Почему мне? – удивился Бран.

– У тебя есть связной, ты знаешь, как туда попасть, что и как там происходит, значит, сможешь развернуть операцию. Твой план по внедрению был хорош, и ты ловко действовал. Почему теперь ты сомневаешься?

– Я не сомневаюсь, – он осёкся. – Но вы доверите мне жизни людей, даже не зная моих способностей.

– Ты вывел вашу компанию из земель Ордена, целыми и невредимыми вы пересекли без чьей-либо помощи Предел, добрались до Альмандина. Ты сумел обмануть тех, кого нам даже найти столько времени не удавалось. По-моему, достаточно, чтобы тебе доверять, – ответил маг.

– Так как?

– Согласен, – кивнул Бран.

На этот раз харчевня была уже переполнена посетителями, когда Бран вошёл в неё, и ему осталось довольствоваться местом у барной стойки. Сказав, что он ожидает друга, и сэкономив на пиве, которое и не собирался пить, он стал наблюдать за происходящим в зале. Можно было не притворяться, изображая беспокойство, Бран действительно чувствовал волнение. Стараясь не погружаться в него мыслями и чувствами, он скользил взглядом от стола к столу, глядя на выигрывавших и проигрывавших, на пьющих и уже пьяных, на расстроенных и охваченных азартом людей. В зал вошёл его связной, но не с улицы, как в прошлый раз, а из подсобного помещения за спиной хозяина. И на мгновение в приоткрытую дверь Бран увидел комнатушку, заставленную ящиками и двух человек, суетившихся возле них.

– Мой добрый господин! – связной подошёл к нему. – Вижу, ты остался доволен в прошлый раз. Говорят, ты уходил не один.

Он хитро подмигнул, и Бран изобразил улыбку. Значит, он не ошибся, они следили за ним до последнего.

– Что ж, всё готово, и мы можем идти, – сообщил связной. – В этот раз ты предусмотрительно пришёл без оружия?

– Мой меч остался у охранника, – признался Бран. В тот раз он умышленно не стал забирать его, чтобы оставаться в выбранной им роли.

– Вот и вернёшь его, – пообещал тот.

Они, как и в прошлый раз, вышли в прохладную ночь. У коновязи пьяный возился с поводьями своей лошади, пытаясь распутать узел и отвязать их. По тому, как он ругался, было ясно, что это ему никак не удаётся. "Отребье", – процедил сквозь зубы Бран с нескрываемой ненавистью. Его спутник хохотнул в ответ, и они пошли дальше, не обращая внимания на летящую следом брань и оскорбления. Когда они повернули за угол, пьяный одним движением сорвал поводья с перекладины коновязи, вскочил в седло и пустил лошадь лёгкой рысью через кварталы в обратную

от ушедших сторону. А уже через несколько минут в харчевню ворвались вооружённые люди, перекрыли все выходы из неё и арестовали собравшихся.

Всё повторялось с точностью до малейшей детали. Тот же маршрут, та же дверь в заборе, условленный стук. Охранник впустил их беспрепятственно. Брану было достаточно всего мгновения, чтобы окинуть взглядом ближайšie к нему предметы. Засов только успел скрипнуть, входя обратно в пазы, а странник молниеносно схватил шлем, висевший на крючке у двери, и ударил им охранника по затылку. А уже в следующее мгновение он, отбросив шлем, оказался рядом со связным и нанёс ему удар в солнечное сплетение. Тот согнулся, потеряв дыхание, а потом и совсем упал на землю, пытаясь делать судорожные глотки воздуха. Бран, переступив через тело охранника, быстро отпер дверь. За ней уже стояли вооружённые люди в броне. Он впустил их, приказал связать охранника и связного, а сам подошёл к стойке с оружием и забрал свой меч.

Дальше они разделились. Часть вошедших отправилась вокруг дома к главному входу, другая последовала за Браном. У второй двери он постучал так же, как его проводник в прошлый раз. Охранник открыл и первое, что он увидел, был арбалетный болт, направленный в его лицо. Дальше всё оказалось ещё проще. Никто не был готов к вооружённому вторжению в самый разгар вечеринки. Многие из гостей, опьянённые хмелем и дурманом, даже не поняли, что за люди ворвались в помещение. Соглядатаи в зале не пытались оказывать сопротивление, предпочли сохранить свои жизни и сдаться. Элбана они нашли в одной из курительных, где он вёл переговоры с несколькими известными купцами из приезжих. В доме наверху поднялся шум – домочадцы и прислуга были разбужены и арестованы.

Бран стоял у дверей и смотрел, как вяжут и выводят людей, ещё совсем недавно бывших такими довольными собой и своей жизнью. Мимо провели Иберу. Она посмотрела на него мутным взглядом, явно не узнавая его и даже не понимая в полной мере происходящего. Зато Элбан сразу же всё уловил.

– Ты, – крикнул он через зал, сверля Брана яростным взглядом. – Так вот зачем Кастор тебя подослал. Змеёныш, на место моё метишь! Они-то давно хотели меня убрать, им нужен послушный человечек, который будет делать, что ему велят. Вот она, марионетка. А я-то всё думал, кто таков. Думаешь, чего-то добился? Думаешь, расчистил гадюшник? Совет – этот самый гадюшник и есть.

Последнюю фразу он кричал уже из коридора, по которому его вели наружу. Его словам не следовало бы уделять внимания, но они зацепили Брана. Он и без них чувствовал себя скверно. Перед его внутренним взглядом стоял тот вечер на постоялом дворе, когда он убежал от Хранителей. И вот теперь он сам арестовывал и лишал свободы людей. Быть может, эта мысль стала бы развиваться дальше, если бы не была внезапно прервана – в толпе арестованных гостей Бран увидел Плутака. Он сразу подошёл к слепому и, взяв его за плечо, отвёл в сторону.

– Плутак, ты что здесь делаешь?

– Какие люди! – протянул тот, скосив губы на один бок в гримасе улыбки. – Приятель, я готов задать тебе тот же вопрос.

– Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы. Неприятности у тебя, а не у меня.

– Да вот, заглянул в картишки перекинуться. Что, уже и этого мне нельзя?

– Конечно, можно. Я ведь и забыл, что слепой оборванец без гроша в кармане всегда желанный гость на подобной вечеринке.

– Оборванец? – ухмылка сошла с лица Плутака. – Точно, ты ведь теперь птица совсем другого полёта. Смотрите-ка, как высоко взлетел. Теперь мы уже не ровня, не то что прежде, так? А давно ли ты сам был таким же?

– Всё меняется, и тебе бы не помешало.

– А мне такая жизнь по душе. Я из кожи вон не лезу, чтобы кому-то понравиться. Лучше быть свободным оборванцем, чем на побегушках у магов слащаво улыбаться, выжидая, пока бросят

очередную подачку, и выполнять каждую прихоть. Неужто и впрямь продался за место начальника дружины?

– Хватит пустого трёпа, – холодно оборвал Бран. – Выкладывай правду, Плутак, иначе будешь выкручиваться сам, без моей помощи.

– Без твоей помощи? – переспросил слепой ехидно. – Да кем ты себя возомнил, Бран? Думаешь, я только и жду, пока ты снизойдёшь до меня?

– Какого чёрта, что ты несёшь? – Бран встряхнул его за плечо, чувствуя, как поднимается в нём волна раздражения и гнева.

– Да, давай, покажи себя! – засмеялся Плутак. – Чтобы все могли посмотреть, на что ты способен. Я-то знаю, каков ты. Интересно, что на этот счёт решат другие?

Некоторые из присутствовавших обернулись на них, услышав слова Плутика.

– Так вот в чём дело, – произнёс Бран уже спокойно. – Это глупо с твоей стороны. Но у тебя будет время всё обдумать. Капитан, – позвал он одного из пришедших с ним, – отведи его с остальными арестованными. Предполагаемое обвинение – мошенничество и кража.

– Ты ничего не докажешь, Бран. Не в этот раз, – напоследок проговорил Плутак, уходя из зала за своим конвоиром.

Бран оставался в доме, пока на место не прибыл заместитель начальника дружины и не принял у него дела. Арестованных конвоировали в тюрьму, дом оцепили, в подвале специально приглашённые люди вели учёт найденных запасов и описывали имущество. Понаблюдав за происходящим немного, странник вышел в ночную прохладу и отправился к себе.

Утром его нашёл посыльный с запиской от Кастора, который просил придти к нему сразу после полудня. Бран понял, что это больше, чем обычное приглашение в гости. Он тщательно привёл себя в порядок, оделся в новое и к назначенному часу был у мага. Тот встретил его на пороге дома и попросил следовать за ним.

– Ты ведь уже всё понял? – спросил Кастор, когда они шли по пустующим из-за дождя улицам.

– Само собой, – ответил Бран, поглядывая на своего спутника из-под накинутого на голову капюшона.

– Хочу немного опередить события, чтобы у тебя было чуть времени на размышления. Совет хочет предложить тебе место начальника дружины. Ты имеешь право как согласиться, так и отказаться, это ничего не изменит, место в Совете останется за тобой.

– Неожиданно, – признался Бран.

– Ты многим нравишься, – произнёс Кастор и хитро добавил, – пока что. Сегодня будет посвящение. Есть определённый обряд.

– Кровавый? – поинтересовался странник весело.

– Скоро узнаешь, – пообещал маг.

Они пришли к тому же дому, что и в прошлый раз, преодолели тот же маршрут через подпол и коридор. Но теперь Кастор не повёл своего спутника вверх. Попросив его снять плащ и повесить на гвоздь у двери, он извлёк из кармана чёрную повязку и завязал ею глаза Брану. Ведомый Кастором, странник прошёл с ним через несколько комнат, пока не оказался в помещении, наполненном запахом свечей и ароматических масел. Отпустив своего подопечного, маг сделал несколько шагов в сторону и остановился. В тишине было слышно дыхание присутствующих. Бран предположил, что их не менее двух десятков.

– Кто привёл сюда этого человека? – вдруг спросил незнакомый голос. Эхо не последовало, помещение было небольшим, предположил странник.

– Это сделал я, – ответил голос Кастора откуда-то справа на расстоянии пяти-десяти шагов.

– Как зовут его?

– Бран, – снова прозвучал ответ мага. Послышались приближающиеся шаги, которые остановились прямо перед странником, а через мгновение остриё клинка упёрлось ему в ямочку между ключицами. Он мгновенно напрягся всем телом, но сразу же поспешил взять себя в руки.

– Совет знает о твоих заслугах и твоей просьбе, Бран, – проговорил всё тот же незнакомый голос. – И готов принять тебя в свои ряды. Но прежде, чем ты станешь одним из нас, перед лицом смерти ты должен принять правила Совета. Если хотя бы одно из них смутит тебя или покажется неприемлемым, откажись сейчас, и будешь отпущен. Если же ты их примешь, нарушение любого из них будет стоить тебе жизни. Согласен?

– Согласен, – кивнул Бран.

– Слушай же. Вступая в Совет ты обязан: уважать членов Совета и соблюдать их право на тайну личности за пределами Совета, сохранять тайну заседаний и не разглашать полученную на них информацию до момента её публичного оглашения, принимать решения, основываясь на пользе для жителей Альмандина, а не на собственной выгоде. Как член Совета ты имеешь право сохранить своё участие тайным от непосвящённых, либо говорить об этом открыто. Самостоятельно принимать решения относительно своего участия в собраниях Совета. Сохранять свою личную жизнь от членов Совета в тайне. Ты принимаешь правила, Бран?

– Принимаю, – снова кивнул он. Всё это время он слушал внимательно, пытаюсь понять, не слышал ли он этот голос раньше. Клинок был убран от его горла, оставив после себя неприятное покалывающее ощущение.

– Братья и сёстры, поприветствуйте Брана!

С него сняли повязку, и он сощурился от света многочисленных свечей. Вокруг него в комнате стояли люди. Он ошибся в расчётах лишь на пятерых. Среди них были те, кого он уже видел на прошлом собрании, и те, которых он не знал или был не в курсе их членства в Совете. Все они улыбались, глядя на него, и мягко аплодировали.

– Молодец, парень! – протяжно крикнул своим густым басом Борво, покрывая все прочие звуки оваций. Многие из присутствовавших засмеялись, посмотрев на купца. Среди них странник узнал военачальника Альмандина, хозяина одной из самых крупных таверн города, хранителя Библиотеки, ещё пару хозяев известных лавочек и Эднартайю. Она стояла в круге за его спиной, поэтому он увидел её только, когда обернулся. Встретившись с Браном взглядом, девушка кивнула ему.

– Что ж, дамы и господа, сначала предлагаю немного отметить замечательное событие, – произнёс Кастор. Присутствующие согласно зашумели и потянулись следом за ним в соседнюю комнату, где был накрыт стол. Эднартайя подошла к Брану и взяла его под руку.

– Очень необычно, правда? – проговорила она. – Но ты быстро привыкнешь. Тебя сейчас со всеми познакомят, расскажут, что тут как. Церемониал условный.

– Эда, ты давно здесь? – спросил он, не пытаясь скрывать удивления.

– Да, довольно-таки, – кивнула девушка, улыбнувшись.

– Каким образом?

– Члены Совета имеют право на тайну, – заметила она и прыснула смешком. – Возможно, я даже расскажу тебе об этом. Потом. Если ты уговоришь меня хорошенько.

– Так вот откуда в тебе было столько понимания весь этот месяц? Ты всё знала. А я было решил, что ты вдруг стала покладистой, – пошутил он.

– Нет, ты можешь быть спокоен, я всё такая же колючка и заноза, как и раньше, – ответила Эднартайя, и они оба засмеялись. – Но если серьёзно, я восхищаюсь тем, как ты всё сделал.

– Итак Бран, не будем терять времени, – громко произнёс Кастор, когда все собрались у стола, и каждый взял себе по бокалу вина. – Мы приветствуем тебя в наших рядах и рады тебе. Ты – человек проницательный, ловкий и хитрый. Прошу заметить, это достоинство, – по комнате прошёл смешок. – И у Совета есть к тебе предложение стать начальником городской дружины. Нам не помешает иметь на этом посту человека нового, со свежими взглядами, и мы считаем, что ты – отличная кандидатура. Хочу предупредить, это не награда. Тебе будет непросто, мы станем занудными и вредными, будем приставать к тебе с требованиями и вопросами. Это чтобы ты понимал, что тебя ждёт и не радовался раньше срока.

Снова смех наполнил комнату.

– Но в то же время не хочу тебя пугать, – серьёзнее сказал Кастор. – Конечно, у тебя будет время освоиться. И ты можешь рассчитывать на нас в этом. Мы не ждём от тебя покорности или послушания. Мы хотим, чтобы с нами был человек, который способен вести своё дело так, чтобы наши головы не болели лишний раз. Что скажешь?

– Что одной головной болью у вас теперь точно будет меньше, – сказал с улыбкой Бран.

Собрание Совета в полном составе происходило иначе, чем то, которое довелось видеть Брану в первый раз. Вопросы обсуждались более острые, разговор шёл живее. Кастор познакомил Брана со всеми участниками, представил по именам, а потом дал ему ключи и рассказал о возможных путях, какими можно было попасть в место их собрания. Оно представляло из себя большой дом, скрытый между другими строениями на одной из старых улиц Альмандина. Окна его комнат выходили, в большинстве своём, во внутренний дворик. Иные комнаты были слепыми. Попасть в него можно было как через парадную дверь, так и воспользовавшись несколькими потайными путями, один из которых Брану был уже известен. Кастор конспектировал вопросы и решения, обсуждаемые на собрании. Двое других членов Совета следили за организационными вопросами.

Как начальнику, Брану теперь полагалось отдельное жильё. Он хотел отказаться от подобной привелегии, но Кастор уговорил его, сославшись на то, что странник плохо себе представлял степень нагрузки и ценность отдыха на подобном посту. Согласившись, он получил небольшой дом на одной из тихих улочек города, неподалёку от дома Кастора. На первом этаже жила экономка, следившая за порядком – приятная спокойная женщина. Некогда дом принадлежал полностью её семье, но оставшись одна, она уже не могла содержать его. Теперь она получала жалование из городской казны за то, что вела хозяйство нового владельца, и могла по-прежнему проживать в доме. Бран относился к ней с уважением, и они быстро подружились, а часто приходившую Эднартайю она стала звать не иначе, как "дочкой".

Человек, дожидавшийся в приёмной, скучал. Он был здесь не первый раз, поэтому успел всё хорошенько рассмотреть, и теперь коротал время, катая в пальцах правой руки монету. Сесть было некуда, и он стоял, прислонившись спиной к одной из стен и выказывая тем самым полное неуважение фреске со святыми ликами, изображёнными на ней. Впрочем, образам аналогичного рода на остальных стенах он выказывал не меньшее неуважение своей развязанной позой. За дверью уже давно бубнили два голоса. Один, тот что пониже, говорил большую часть времени. Второй лишь изредка вставлял короткие фразы, подкреплённые распорядительным тоном. Наконец, они закончили, и дверь в приёмную открылась. Появившийся из неё секретарь, окинул беглым взглядом посетителя.

– Его святейшество готов тебя принять, – произнёс он деловито.

Человек, дожидавшийся в приёмной, неторопливо вошёл в кабинет. Выйдя на середину комнаты, он отвесил поклон Приору и замер, не говоря ни слова. Отец Кверн сделал знак рукой секретарю, отпуская его.

– Проходи, – проговорил он, когда они остались наедине. – Присаживайся.

Посетитель всё так же молча подошёл и положил перед Приором на стол кошелёк, после чего сел на свободный стул.

– Очень хорошо.

– Пересчитай, святой отец, – произнёс посетитель сипло.

– Нет никакой нужды, этим займётся мой секретарь. И если что-то будет не так, мои люди навелят тебя.

– Есть дело.

– Я слушаю, – кивнул Отец Кверн.

– Надо бы сократить налог. Мы не так-то много имеем, как хотелось бы, а времена сейчас тяжёлые. Люди готовы бросить всё и уйти за Предел. Мне нечем их удержать, – посетитель смотрел на Приора прямо, без страха или заискивания. – Да и товар берут неохотно.

– Понимаю, – согласился Отец Кверн, выслушав собеседника. – Но сейчас совсем не время понижать налоги. Нас ждут перемены, которые потребуют много людей и средств. И ты со своими ребятами постарайся как-то договориться.

– Что мне им сказать, когда твои люди устраивают облавы на невольничьи рынки, забирают у нас товар, сажают моих парней в тюрьму. И при этом мы обязаны платить тебе налог с наших более чем скромных доходов, – уголок его рта сполз вниз в кривой ухмылке.

– Не такие уж ваши доходы скромные, а твои парни так же успешно выходят из тюрьмы, как попадают в неё. Кроме того, за Пределом вас вовсе не ждут райские кущи. Работоторговля сейчас не самое законное занятие по обе стороны гор, – Приор забрал кошелек и положил его в ящик стола. Вздохнув, он отвернулся от собеседника. – Скоро всё изменится. Грядёт война.

ГЛАВА 17. ДУРНЫЕ ВЕСТИ

Яра шла следом за охранником по тюремным коридорам. Побывать в городском каземате ей довелось впервые. Остановившись у нужной камеры, тюремщик достал связку ключей и, ловко выбрав подходящий, отпер замок.

– Как закончишь, постучи в дверь, госпожа, – сказал он почтительно. К магам в Альмандине было принято относиться с особым уважением, а то, что к нему пришла ученица самого Кастора, он понял сразу, хотя лично с ней никогда не общался.

Камера была маленькой и душной. На мгновение Яра даже задержалась на пороге, оглушённая запахами, царившими в ней. На сене в углу лежал заключённый. При звуках её шагов он быстро поднялся, стряхивая с себя солому.

– Яра, – произнёс Плутак. Он узнал её сразу, но вместо обычного ровного свечения она излучала волнение.

– Морк, что ты натворил? – спросила она, когда охранник запер дверь позади неё. – Ты ведь обещал мне не воровать!

– Я не воровал.

– А что тогда? – настойчиво спросила она.

– Бран тебе сказал, да?

– Если ты не воровал, то что ты там делал? – продолжала наступать Яра. Голос её был холодным. – Ты обманывал меня.

– Нет, – он замотал головой.

– Что ты там делал? – спросила она, произнося слова отрывисто. – Молчишь? Я так и думала. Что ж, твой выбор.

– Постой, – позвал он, потому что Яра развернулась к двери. – Пожалуйста, не уходи. Я был там ради тебя.

– Как это?

– Не так мне хотелось, чтобы оно вышло. Но что уж теперь, – слепой развёл руками. – В общем, никакими словами мне не высказать того, что я к тебе испытываю. За всё, что ты сделала для меня, за то, какая ты, мне хотелось чем-то тебя обрадовать, и я решил сделать тебе подарок. Я даже присмотрел его в одной ювелирной лавке. Но ты ведь знаешь, откуда у меня деньги? Я как-то зашёл перекусить в харчевню, а там компания играла в карты. Одному из игроков сильно не везло. Я *видел*, как он нервничал, и понял, что это важно для него. Мне стало жаль, я подумал, вдруг это его последние деньги. После игры я подошёл к нему и сказал, что у меня есть особая

способность предвидеть действия других игроков, и что я бы мог помочь ему отыгаться. Он заинтересовался, само собой, кто бы не хотел вернуть денежки. Мы попробовали, и он остался в выигрыше. Оказалось, он не бедняк, а очень даже при деньгах, любит поиграть, но играет плохо. Он предложил мне платить, если я стану ему помогать. Так мы с ним организовали наше дело. Он брал меня с собой, говорил, что я его слуга. У нас была система условных знаков. Я подавал их ему, следя за игроками и их настроениями. А после он платил мне. Вот и всё.

– Ты воспользовался своими навыками, которые я помогала тебе развивать?

– Да, Яра. Я знаю... Вот только, никому и нигде не нужен слепой. Я искал другие способы заработать эти деньги, но все гнали меня прочь. Прости меня... Если можешь.

Она молчала, глядя на него. Плутак *видел* её сомнения, *видел*, как жалость в ней сменяется недовольством. Наконец, борьба в ней улеглась, и сияние Яры снова стало ровным.

– Ладно, я тебе верю, – сказала она. – В конце концов, кто не ошибался. Я заберу тебя отсюда, но ты отдашь все деньги, которые получил. Не нужно мне никаких подарков таким путём. Теперь ты будешь находиться под моим присмотром. И поверь, я найду тебе дело.

– Как ты меня освободишь?

– Поговорю с Браном.

– Ничего не выйдет, – возразил Плутак.

– Посмотрим, – ответила она решительным тоном и громко постучала в дверь камеры.

О том, что Плутак взят под стражу Яра узнала случайно, от одного из своих друзей, который видел арестованных, конвоируемых в тюрьму, и узнал среди них слепого. Потом от Кастора она узнала о деле в доме Элбана и о назначении Брана на должность начальника дружины. Она поняла, что дело нечисто, иначе бы Бран ни за что не допустил бы ареста своего приятеля. Яра умышленно выбрала Плутика первым для своего визита, чтобы постараться быть непредвзятой по отношению к нему. После посещения тюрьмы, тем же вечером, она отправилась в дом к Брану. Это был её первый визит к нему, и Яре пришлось подождать. Экономка угостила посетительницу печеньем и вином в маленькой гостиной на первом этаже. Жуя выпечку, девушка смотрела в окно на то, как над крышами домов тает закат. Солнце давно село, когда Бран вернулся. Он пришёл не один, и было слышно, как после слов экономки об ожидающей гостье, голос Эднартайи произнёс: "Я подожду тебя наверху".

Взволновавшись, Яра встала со своего места. Но прежде, чем Бран вошёл в гостиную, ей всё же удалось совладать с собой.

– Здравствуй, Яра, – сказал он приветливо. На нём был новый дорогой мундир, рукоять нового меча торчала из ножен. Он на ходу стянул перчатки, бросил их на стул у двери и подошёл к гостье. Она чуть склонила голову в знак приветствия.

– Отлично смотришься, Бран. Новая должность тебе к лицу.

– Спасибо, – коротко ответил он. – Давно ждёшь?

– Допустимо. Я не предупредила тебя о визите, а ты человек занятой, так что всё в порядке. Хочу поговорить с тобой.

– Я слушаю тебя. Давай сядем, – предложил он, отстёгивая перевязь. Они заняли кресла друг напротив друга. Яра несколькими движениями расправила складки на подоле, желая избавиться от трепета, который вызывала в ней их встреча.

– Мы давно с тобой ни о чём не говорили, а я сразу с делом, – пояснила она со сдержанной улыбкой. – Это насчёт Плутика.

– Понятно, – кивнул он со смешком.

– Я была у него и говорила с ним. Он ничего не воровал. То, что он там был, результат его глупости, не более того. И его заключение само по себе достаточное наказание. Предлагаю посадить его под домашний арест. И я готова взять его на поруки.

– Яра, я нисколько в тебе не сомневаюсь. Но Плутак способен обманывать кого угодно. Что бы он ни говорил тебе, скорее всего это была ложь. Так или иначе он тебе врал, уж я-то знаю этого

проходимца. Поверь, ничего с ним в камере не случится. Пора уже ему нести ответственность за свои поступки, – возразил Бран.

– Но чему он может научиться в грязной камере? Ненавидеть людей?

– Уважать правила.

– Я была там, это ужасно! Ты бы только видел.

– Я видел, – заверил её Бран. – Яра, не волнуйся, посидит, как положено, и выйдет. Всего полгода. Ему там ничего не угрожает, ничего страшного с ним не происходит. Но он должен понять, что и дальше мошенничать, прикрываясь чужими спинами, ему не удастся.

– Бран, а если я скажу, что он сделал это всё ради меня? – решила она. Он покачал головой.

– Ни ради кого бы то ни было. Мне жаль, что эта история коснулась тебя и причиняет тебе неприятные ощущения, но я ничем не могу помочь. Я отвечаю за порядок в городе, но не выношу приговоров. Плутак был пойман и в соответствии с законом получил срок заключения. Любое моё вмешательство станет заступничеством и попустительством. Ведь ты понимаешь.

– Понимаю, – она заметно сникла. – А какой есть выбор?

– За него можно внести залог, – неохотно ответил Бран. – Но, Яра, я настоятельно не рекомендую тебе делать этого.

– Твоё право отказать мне, моё – поступить так, как я хочу, – пожала она плечами. – Что ж, спасибо за аудиенцию и доброго вечера, господин начальник дружины. Кажется, тебя уже заждались твоя дама. Прощай, Бран.

Она встала и быстро вышла из дома. Бран ещё сидел какое-то время в кресле, борясь с ощущением неправильности происходящего. Но никаких вменяемых аргументов, кроме предчувствия, у него не было, и всё, что оставалось, положиться на развитие событий.

Путь, которым шёл брат Корп, был хорошо ему известен до малейших подробностей. И многие из тех, кого он встречал на этом пути, были его знакомыми. С каждым из них он виделся неоднократно впоследствии, но самым знаменательным всегда становилось первое знакомство. Причиной ему, как правило, служила какая-нибудь неприятность в лучшем случае, в худшем – несчастье или беда. Это всегда были те ситуации, о которых люди стараются не думать, надеясь, что подобное обойдёт их стороной. Брат Корп ни на что не надеялся. Всякий раз он просто вставал и шёл туда, где требовалась его помощь. Именно по этой причине люди, узнававшие его на улице, приветливо улыбались ему, давая понять, что помнят о добром деле, которое он совершил для них. Брат Корп не улыбался, но не потому, что не хотел ответить им взаимностью. Он пытался всякий раз, но губы будто не слушались его. И всё, что ему оставалось, лишь кивнуть в ответ.

Проходя мимо тюрьмы, он увидел двоих, вышедших из её ворот. Он узнал ученицу Кастора, как говорили многие, талантливую и подающую надежды Яру. Её персону в Альмандине вызывала в последнее время особый интерес. Болтали, что она влюблена в чужака, приехавшего с той стороны Великих Гор, который предпочёл ей свою спутницу – девушку, которую вот уже много месяцев пытаются обучать маги. Сплетни были настолько назойливыми, что добрались даже до безразличного к ним брата Корпа. Поэтому, увидев Яру, он невольно задержал на ней взгляд. Она шла, ведя за собой Плутика, и у того был такой вид, будто он выбрался из грязной ямы. Паладин проводил их взглядом и пошёл дальше.

Его путь закончился у дома. Он бывал возле него уже много раз, но лишь однажды заходил внутрь. Снова и снова ему казалось, что настал тот день, когда он переступит его порог, но снова и снова он лишь стоял у калитки, смотрел на окна, ждал чего-то, а потом, вздохнув, разворачивался и уходил. Так было раньше, но не теперь. В этот раз брат Корп не позволил себе остановиться. Он открыл калитку, быстрым широким шагом миновал палисадник и подошёл ко входной двери. За грохочущим стуком собственного сердца он даже не услышал дверного звонка и тех слов, которые произнесла пожилая женщина, открывшая ему.

– Господин? Чего ты хочешь? – наконец, донёсся до него её голос.

– Я хотел бы увидеть Кару. Она здесь? – произнёс он глухо.

– Да, проходи, – пригласила женщина и позвала, – Кара, к тебе!

Он узнал прихожую и ароматы, царившие в ней. Прошлый визит всплыл в его памяти во всех красках. Со второго этажа по лестнице спустилась его сестра. Увидев брата Корпа, она насторожилась.

– Я думала, ты уехал, – произнесла она вместо приветствия.

– Нет, я всё ещё здесь, – ответил он, чувствуя, как его горло перехватывает от волнения.

– Зачем ты пришёл, Корп?

– Чтобы попросить у тебя прощения, сестра, – сказал паладин, глядя на неё. Она в ответ внимательно смотрела на него, скользя взглядом по одежде, лицу, всматриваясь в глаза.

– Пойдём-ка на кухню, брат, выпьем чего-нибудь, – предложила она мягко, и на её лице появилась нежная улыбка.

В ту ночь случились первые ночные заморозки, сделавшие воздух хрупким и острым. Яра сидела в своей комнате при одной зажжённой свече, а перед ней на столе лежали карты с замысловатыми картинками. Их было уже шесть, а всю остальную колоду она тасовала в руках, время от времени вынимая и кладя на столешницу по одной новой карте. И так продолжалось до тех пор, пока их не стало десять, и они не образовали геометрический рисунок. Тогда Яра склонилась над ними и долго рассматривала, продолжая перетасовывать колоду. Откинувшись снова на спинку стула, она пришла в задумчивость, взгляд её утонул в потоке мыслей и потускнел. Вдруг внизу испуганно затренькал колокольчик, кто-то настойчивый разбудил его от морозного сна и продолжал дергать за шнурок, не успокоившись после первых звонков. Яра быстро собрала карты со стола, убрала их в деревянный ларец и спустилась вниз. Час был поздний, и в доме все спали, поэтому она оказалась первой и единственной у двери. Как всегда бесстрашно она открыла её – на пороге стоял Бран.

– Яра, извини за беспокойство в такое время, забыл ключ, – сказал он, по-свойски проходя мимо неё, снимая с себя и вешая на рожок вешалки тёплый плащ.

– Что-то случилось, – догадалась она.

– Да, – коротко ответил Бран и быстро пошёл вверх, чтобы разбудить Кастора и Эднартайю.

Несколькими часами раньше в Альмандин прибыл чуть не загнавший свою лошадь гонец от Огненных Врат. Через Предел перебрались последние из тех, кто пытался бежать из земель Ордена. Несколько отрядов Хранителей Чистой Веры подошли к самому подножию Предела, смахнув, как надоедливую крошку, лагерь Перебежчиков. Выжившие смогли убежать в горы и преодолеть перевал. От Огненных Врат вперёд были отправлены разведчики, чтобы следить за дальнейшими действиями орденских войск. Военачальник Альмандина велел немедленно собрать Совет.

Нельзя сказать, что Альмандин был не готов к такому повороту событий. Напротив, он держался в состоянии полубоевой готовности всё это время, но одно дело предполагать, другое – знать наверняка. Все последующие дни город был полон беспокойства, разговоров и ожиданий. Армия и дружина проводили учения. Совет обсуждал варианты и планы действий. От разведчиков поступали сообщения, что к подножию гор по другую сторону Предела продолжают стягиваться всё новые отряды Ордена. Каждый понимал, что их переход через горы может быть осуществлён в любой момент. К Огненным Вратам из Альмандина были посланы дополнительные отряды.

В те дни Кастор, Бран и Эднартайя возвращались из Совета поздно. Они почти не говорили о том, что происходило на их совещаниях, но в один из вечеров за ужином Яра задала вопрос:

– Что будет, если Орден всё-таки перейдёт через горы? Война?

– Да, – ответил Бран. – Если только Отец Кверн не захотел со всеми своими ребятами посетить Альмандин и выпить здесь чая.

– И у нас есть шансы? Насколько мне известно, армия Ордена огромна.

– Поэтому нам придётся постараться, – в этой общей фразе, сказанной странником, она уловила то самое значение, которое беспокоило её больше всего.

– Что ты хочешь сказать? – уточнила Яра, отложив свою вилку в сторону. – Ты тоже поедешь?

– Если армия Альмандина вступит в бой, дружина, разумеется, к ней присоединится. А если это произойдёт, без сомнений, я тоже там буду, – сказал Бран. За столом повисла напряжённая пауза, которая возникает, когда один из игроков выкладывает на стол старшего козыря. Эднартайя, всё это время слушавшая диалог отстранённо, подняла взгляд на Яру. Вид побледневшей собеседницы вызывал в ней ещё больше волнения, чем слова Брана. Присутствуя на собраниях Совета, она, конечно, знала о военных планах и о том, что в случае начала войны Бран тоже присоединится к армии, но старательно избегала этих мыслей. И вот теперь в глазах Яры она увидела тот самый страх, который жил все эти дни в ней самой.

– Нет! – от пронзительного голоса ученицы Кастора Плутак даже вздрогнул. – Ты не должен.

– Как раз наоборот, – спокойно возразил ей Бран, будто не замечая её волнения.

– Ты просто не понимаешь. Тебе нельзя ехать туда, – Яра обвела взглядом присутствующих, остановившись на Касторе, ища в нём поддержки. – Учитель!

– Дорогая, у каждого из нас свой путь, – произнёс он равнодушно.

Яра поджала губы, чувствуя, что осталась в меньшинстве. На этом их разговор закончился, но перед сном она предприняла новую попытку, придя к Эднартайе. Они были вдвоём в комнате последней.

– Эднартайя, мы с тобой не часто всё это время общались, нас почти ничто не объединяет, кроме одного, – начала Яра. – Мы обе хотим, чтобы с Браном было всё хорошо. Так?

– К чему ты это? – насторожилась девушка.

– Ведь ты тоже это почувствовала, правда? Там, за столом, когда мы говорили. А может быть, ещё раньше? Почувствовала, что ему угрожает опасность. Не пытайся обмануть себя, что это обычное беспокойство за человека, собирающегося воевать. Ты знаешь, что если он поедет, с ним случится беда.

Эднартайя чувствовала, как с каждой новой фразой собеседницы в ней растёт беспокойство.

– С чего ты это взяла, Яра?

– Карты сказали мне об этом.

– Карты, – с сарказмом проговорила Эднартайя.

– Да, расклад никогда не бывает однозначным. Но я не могла ошибиться. Я советовалась с Кастором. Всё сходится, – она обеспокоенно смотрела на собеседницу, ища в ней поддержки. – Эднартайя, ты не слышишь меня? Брана убьют! Ему нельзя позволять ехать с армией.

– Ещё никто никуда не едет, – возразила девушка холодно. – Зачем вся эта истерия?

– Поедет, вот увидишь. Это случится. Ты должна мне помочь, – почти требовательно произнесла Яра.

– Почему я должна тебе в чём-то помогать?

– Ты же любишь его, разве нет? – после этого вопроса они обе замолчали на какое-то время, глядя друг на друга. Наконец, Яра снова заговорила, – Бран не слушает меня, он мне не поверит. Но ты – другое дело. Отговори его, прошу тебя!

– Яра, это уже слишком, – медленно произнесла Эднартайя. Она понимала, что собеседница может оказаться права, но ощущение неверности подобного решения заставляло её искать аргументы против. Было что-то безумное в стремлении остановить Брана. Безумное и противоестественное. – Я не стану.

– Боги, вы все будто с ума посходили! Тебе либо нет никакого до него дела, либо ты просто глупая курица, – с этими словами возмущённая Яра вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Этот разговор не давал покоя Эднартайе всю ночь и весь последующий день. Она ничего не стала рассказывать Брану, не желая волновать его понапрасну, но и выбросить из головы мысли,

порождённые им, тоже не могла. В конце концов, не выдержав, она пришла к Кастору. Предельно честно рассказав ему о случившемся, Эднартайя спросила его мнения.

– Видишь ли, моя милая, я не смогу ни подтвердить, ни опровергнуть слова Яры, – подумав, проговорил маг. – Никто, никогда и никакими способами не сможет с совершенной точностью определить развитие событий. Слишком много ниточек сплетаются воедино. Ниточек, которые мы не видим, как мухи не видят сеть паука. Яра увидела в картах то, что должна была. Нам неизвестно с чем она к ним обратилась, и какой ответ в точности получила. Только с её слов.

– А если она права?

– Доверяй себе, а не Яре, – посоветовал Кастор.

– Я ничего не чувствую, кроме беспокойства, – призналась Эднартайя. – Да и что я могу? Прошло уже столько времени, но я ничему не научилась. Я перечитала почти все записи отца, но так ничего и не поняла. Яра, в отличие от меня, уж точно больше толка знает в магии.

– Магия, – протянул Кастор и поджал губы. – Не нужно воспринимать её слишком серьёзно, но в то же время не стоит относиться к ней слишком халатно. Магия – это такое же искусство, как и любое другое. И первое, что она требует от того, кто её применяет, это дисциплина и воля. Неуравновешенность может быть губительна как для самого мага, так и для окружающих. В таких руках магия может принимать страшные и опасные формы. Но при всём при этом даже самый искусный из магов не сможет изменить того, что должно случиться. Поверь, в нашем мире есть силы, обмануть которые неподвластно никому.

– Какие силы? – не поняла Эднартайя.

– Те, что приводят мир в равновесие. Было уже немало магов, считавших, что они смогут повлиять на ход событий, изменить их, направить в желаемое русло. Но всё, что может маг, это предвидеть некоторые, заметить, всего лишь некоторые, из доступных вариантов.

– Почему?

– Потому что мир постоянно меняется. Опустит руку в поток реки, и вода мгновенно изменит своё направление, чтобы обойти препятствие. Так уж оно всё устроено. Но течение жизни гораздо хитрее воды. Как только маг пытается вмешаться в него, он сам, своим вмешательством уже создаёт новые события, которые разворачиваются непредвиденным образом. Понимаешь, мы как бы всё время на шаг позади. Мы видим лишь то, что должно было произойти до того, как мы захотели вмешаться.

– Кажется, я запуталась, – засмеялась девушка.

– Просто оставь всё, как есть, – улыбнулся Кастор. – Ты поймёшь вскоре, что наш выбор не так уж и велик. И ничего не бойся. В этом нет никакого смысла.

Яре уговоры не смогли бы принести успокоения. Единственное, что могло её остановить, это решение Брана никуда не ехать. Поэтому она на следующий день пришла к нему с самого утра, пока он не успел уйти на службу. Ей открыла экономка и снова проводила уже в знакомую гостиную. Бран тоже вскоре пришёл, одетый и готовый к предстоящему дню.

– Что случилось, Яра? – спросил он после приветствия. – Ты второй день словно сама не своя.

– Помнишь, как летом мы гуляли с тобой по Альмандину? – спросила она. – Я показывала тебе город.

– Конечно, – согласился Бран.

– Ты тогда ещё почти ничего здесь не знал и доверял мне в выборе маршрута и места для ужина. И кажется, всегда оставался доволен. Сейчас снова тот момент, когда я знаю путь, и, чтобы им пройти, тебе нужно довериться мне, Бран.

– О чём идёт речь?

– Ты ведь веришь в мои умения, так? Помнишь, как мне удавалось предсказывать всякие мелочи, которые так тебя занимали? Помнишь, как я сказала, что господин упадёт со скамейки, и это случилось? – спросила она. Странник кивнул. – Я могу предсказывать не только такие пустяки,

я вижу гораздо больше. И я знаю, что случится нечто крайне дурное, если ты поедешь с армией к Огненным Вратам.

– Я думал, мы закрыли эту тему, – произнёс Бран, давая интонацией понять своей собеседнице, что он не желает дальнейшего обсуждения.

– Бран, речь идёт об очень важном событии...

– Нет, Яра. Мы не будем говорить об этом, – холодно оборвал он.

– Ты не знаешь...

– Это глупо и нелепо.

– Ты погибнешь там! – воскликнула она, пытаясь остановить его возражения. Он замолчал и посмотрел ей в глаза.

– Это ничего не изменит, – процедил он.

– Почему? Ты разве не хочешь жить? Или тебе всё равно, что по тебе будут тосковать те, кто любит тебя? Если не хочешь подумать о себе, подумай о них! – возмутилась Яра. В её взгляде читалось отчаяние. Она стояла, вся вытянувшись, плотно сжав пальцы в побелевшие от напряжения кулаки, губы её дрожали. Бран вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Знаешь, Яра, – медленно и уже спокойно проговорил он, – мне вспомнился другой эпизод. Как-то мы сидели на берегу реки, и ты говорила о любви и принятии людей такими, какие они есть. Я думаю, самое время вспомнить этот разговор. Предлагаю больше не тратить время на бесполезные споры. Желаю хорошего дня!

В тот день, стоя у комнаты Яры, Плутак долго не решался постучаться и войти. С тех пор, как она внесла залог и освободила его из тюрьмы, он безоговорочно следовал тому распорядку и тем указаниям, которые она для него готовила. Он выполнял работу по дому, сопровождал её на базар и по её требованию стал помощником городского крысолова, которому требовался подмастерье. Она больше не тренировала его в видении, не брала с собой в компанию своих друзей, не предлагала праздных прогулок, и он знал, что заслужил это. Но вместе с тем, Яра по-прежнему была добра к нему, ласкова и приветлива, шутила, рассказывала о новостях и слухах, позволяла ухаживать за собой. И этого Плутaku было более, чем достаточно, чтобы ощущать себя счастливым. И вот теперь он слушал, как по ту сторону двери тихо всхлипывает плачущая Яра, и знал, что причиной этих слёз может быть только один человек. И перед ним, перед той силой, что влекла Яру к нему, перед её слезами отчаяния Плутак ощущал себя слабым и беспомощным.

Наконец, он решился и, тихо постучав, приоткрыл дверь. Он *увидел*, как померкло её сияние, и испугался. Ему ещё не приходилось *видеть* людей, так глубоко отчаявшихся, и потому в первый момент он подумал, что Яра либо почти потеряла все силы, либо больна. Плутак быстро подошёл к кровати, на которой лежала девушка, и коснулся её плеча. Она вздрогнула под его рукой.

– Морк? – она подняла голову и посмотрела на него. – Я не слышала, как ты вошёл.

– Я стучал, должно быть, слишком тихо, – извинительно произнёс он. – Что с тобой, Яра? Ты больна?

– Нет, ничего страшного. Почему ты пришёл? – она поспешно вытерла слёзы и попыталась говорить спокойнее.

– Я выполнил все поручения крысолова на сегодня и пришёл отчитаться, – напомнил слепой и снова коснулся её плеча. – Я же всё вижу, зачем отпираться. Просто расскажи мне. Когда поделишься, становится легче. А я тебя послушаю. Может, помогу чем.

– Нет, ничего ты не сделаешь. Никто не сможет его переубедить.

– Кого?

– Брана. Ведь он поедет туда. И погибнет. Боги, как же так! – её голос задрожал, и сердце Плутика сжалось от той боли, которую он *увидел* в ней в этот момент. Он уже слышал от неё о готовящемся плане контраступления, если Орден попытается напасть на Альмандин. Слышал и о

том, что Бран собирается вместе с дружиной присоединиться к армии, и в глубине души радовался этому.

– Яра, не всё так плохо. Ведь Орден даже ещё не напал...

– Почему никто не хочет меня слушать? – воскликнула она. – Всё уже предрешено. Это произойдёт. И то, что нет никакой возможности переубедить Брана, лишь подтверждает то, что события будут развиваться именно таким образом. Карты говорили об этом. Его нежелание отступить, его действия, его гибель. Что же мне делать, Морк?

По её щекам потекли слёзы отчаяния, и она уткнулась в его плечо лицом. В первый момент он даже растерялся, а потом стал гладить её по вздрагивающей от рыданий спине, шепча: "Всё будет хорошо, Яра. Я буду рядом. Я помогу". И чем дольше это продолжалось, тем больше описанная перспектива нравилась Плутаку. Он уже предвкушал те возможности, которые открывало отсутствие Брана. И несмотря на боль, которую он *видел* сейчас в Яре, слепой хорошо понимал, что её исчезновение – лишь вопрос времени. Сколько бы ни потребовалось, год, два или больше, она уйдёт. А он будет рядом, вот так же, как сейчас, станет успокаивать Яру, прижимать к себе, гладить по мягким кудрям волос, дышать нежным цветочным ароматом, исходящим от неё. И однажды она поймёт, что слёз для Брана у неё не осталось, и успокоится на его плече. Он вдруг ощутил, что его желание обладать Ярой в этот момент стало больше, чем дерзкой мечтой, оно начало претворяться в жизнь. И самое невероятное заключалось в том, что и делать-то ему ничего не нужно было, лишь немного набраться терпения. А ждать и терпеть Плутак умел, как немногие из людей. Он почувствовал, как в его объятиях Яра затихает и успокаивается, и принимал это за первый проблеск грядущей победы. Ему даже показалось, что если сейчас он поцелует её, то она не будет против. Но она вдруг отстранилась, выскользнув из его рук. И по её дыханию, Плутак догадался, что отчаяние сменилось в ней решимостью.

– Если он не может остаться, значит я могу поехать, – проговорила она твёрдо.

– Что? – не понял Плутак.

– Если Бран поедет с дружиной, я поеду с ним. Я не могу его остановить, но могу защитить.

– Яра, – только и смог произнести Плутак. Ужас и отчаяние охватили его. – Нет.

– Спасибо за поддержку, Морк, – сказала она, будто не услышав его слов. В ней горела ослепляющая решимость, которую Плутак предпочёл бы не *видеть*, если бы только мог. Она была для него страшнее, чем те боль и отчаяние, с которыми он столкнулся в Яре прежде, страшнее её недовольства и злости, которые испытал на себе. За пеленой этой решимости Яра не видела уже ни его, ни опасностей, ни здравого смысла. В союзе с волей она создала такую броню вокруг Яры, через которую он никакими силами уже не смог бы пробиться. Понимая это, Плутак молчал. Всё что ему оставалось, надеяться на то, что нападения Ордена не случится. Но следующим утром войска Хранителей пришли в движение. Армия Альмандина приготовилась действовать.

ГЛАВА 18. ВОЙНА

Брану пришлось потратить времени больше обычного, чтобы добраться из Совета в казармы. На улицах было беспокойно, людно. Дружинники, как могли, следили за порядком. Проезжая мимо них, он одобрительно кивал им, давая понять, что ценит их старания. За время службы ему удалось познакомиться почти с каждым из них и на новом посту он старался сохранить с ними хорошие отношения.

О том, что армия Ордена пришла в движение знал весь город. Рано утром несколько его отрядов миновали горные перевалы значительно южнее Волчьего Хребта. Эти переходы принадлежали землям соседнего союзного государства, обещавшего Альмандину военную поддержку. Одновременно в движение пришли те войска Хранителей, что стояли по другую

сторону гор от Огненных Врат, начав восхождение. Навстречу им был послан гонец для переговоров, армия Альмандина была готова выступать.

Эти известия не удивили и не расстроили Брана. В глубине души он ожидал чего-то подобного и был готов. Точнее, даже оказавшись за пределами орденских земель, он так и не смог расслабиться и начать жить иначе, чем прежде, без оглядки и ожидания опасности. Его не пугала перспектива оказаться вместе с другими на передовой, в каком-то смысле это было даже проще, чем ежедневно контролировать себя, чтобы не унести чужие жизни. Бран верил, что у них есть шанс дать отпор Хранителям. Хотел верить.

Он приехал в казармы, чтобы проверить готовность и сделать необходимые распоряжения. Всё шло, как должно, его заместитель, человек знающий, с многолетним опытом службы, знал своё дело. Он отчитался и, получив от Брана новые указания, удалился выполнять их. Пройдя через казарму и понаблюдав за ходом приготовлений, Бран поднялся в свой кабинет. Это была небольшая комната на втором этаже административного здания. Он приходил сюда каждый день, чтобы проверить корреспонденцию и ознакомиться с подготовленными заместителем отчётами, если таковые имелись. В этот день их быть не могло, как и писем, учитывая сложившиеся обстоятельства, но Бран всё же решил зайти, чтобы убедиться в этом. Дверь в кабинет была приоткрыта против обыкновенного, и ещё с лестницы в дверной проём был виден стол и стул для посетителей, на котором сидел Плутак. Это удивило Брана. Они не говорили с той ночи в доме Элбана и встречались лишь мельком у Кастора, когда Бран приходил к магу. Всё это время слепой старательно избегал своего бывшего приятеля. Войдя в комнату, странник увидел, что Плутак был не один, но в компании Яры, которая стояла в стороне и потому была незаметна с лестницы. При появлении Брана, она сделала лёгкий приветственный реверанс.

– Чем обязан? – поинтересовался он, заходя в кабинет и прикрывая за собой дверь. – Как вы сюда попали?

– Твой заместитель встретил нас у ворот и проводил сюда, – ответила Яра. – Морк хотел переговорить с тобой. Так что я подожду с наружи, а вы побеседуйте.

– Сегодня холодно, тебе не стоит ждать на улице. Думаю, здесь не будет сказано ничего такого, чего бы тебе не стоило слышать. Садись, – предложил он, придвигая к Яре стул. Она кивнула и, расправив подол, села. Бран положил перчатки на стол и расстегнул кафтан. – Так что, Морк? О чём будет разговор?

– Да я помириться вроде как хотел, – невнятно проговорил Плутак.

– С чего это?

– Дело такое, – слепой повёл плечами и поднял лицо с повязкой на глазах. – Между нами многое бывало. И ссоры, и непонятки, но что уж теперь поминать. Ты собираешься ехать, и мне на сердце тяжело будет, если мы не переговорим. Всякое в жизни случается, но на то оно и приянтельство, чтобы через это перешагивать. У меня к тебе ничего дурного нет. Надеюсь, уж и ты простишь меня.

– Мне тем более не до того, чтобы на тебя обижаться, – ответил Бран. Он посмотрел на стол и увидел письмо с пометкой "срочно". – Сейчас не самое подходящее для разговора время. Особенно, такого. Давайте вечером об этом поговорим, я приду к Кастору после пяти.

– Это кстати, – согласилась Яра, вставая, – вместе поужинаем.

Как и собирался, Бран завершил дела к пяти часам. Он сидел у стола, глядя на сумеречный свет факелов, идущий с улицы, слушал доносившиеся до его слуха команды и приказы, и впервые за время, прошедшее с момента первого известия о наступлении Ордена, чувствовал тревогу. Что-то нехорошее готовилось произойти. Что-то скверное медленно ползло к ним вместе с армией Хранителей со стороны гор. Сомнение, терзавшее его весь этот день, теперь набрало силу и неотступно стучалось к нему с назойливой мыслью о побеге. Он списывал это на привычку, которая требовала собрать все самые нужные вещи, оседлать двух лошадей, взять Эднартайю и бежать этой ночью подальше от Альмандина и его проблем. Он боролся с ней, уверяя себя, что

поступал так много раз, и жизнь его не менялась, что нужно вот теперь предпринять совсем другое. Поступить, наконец, по совести, повернуться лицом к тому, что ждёт впереди.

На лестнице послышались тяжёлые шаги, кто-то поднимался к его кабинету. Не дожидаясь прихода визитёра, Бран встал и открыл дверь. В полумраке помещения он увидел могучую фигуру брата Корпа.

– Приветствую, Бран, – проговорил он своим низким грудным голосом. – Что за темень у вас тут такая? Я думал, что заблудился и не туда зашёл.

– Здесь никого кроме меня нет, все заняты сборами, поэтому потушили свет. Ты ко мне?

– Да, если есть минутка.

– Конечно, – странник чуть улыбнулся, впуская гостя. – Я рад тебя видеть, брат Корп. Давно мы не беседовали с тобой, хотя Гарад мне говорил о тебе.

– Да и я тебя много раз видел мельком в городе, – признал паладин. – Слышал о твоих успехах. Молодец!

– Ты тоже, мне рассказывали о том, чем ты занят в Альмандине. Правда, не ожидал от тебя такой перемены, – признался Бран.

– Сам не ожидал, – и лёгкий намёк на улыбку скользнул по губам паладина. – Хотел поговорить с тобой, Бран. И поблагодарить тебя. На пути сюда я дюже на тебя серчал, а ведь благодаря тебе я всё-таки добрался в Альмандин. Сестру нашёл.

– Нашёл? И как она?

– Хорошо, всё с ней в порядке. Даже простила меня. Недавно. Кара у меня чудесная. Знаешь, что она мне сказала? Главное, каков человек сейчас и с чем пришёл, а не каким он был и что делал. И когда я это услышал, понял, как был тогда не прав по отношению к тебе, ко всем вам.

– Твоя сестра права. Забудем, – улыбнулся Бран.

– Завтра наши ребята едут с вами, но меня там не будет. Я говорил с Гарадом об этом, и он принял. Я хоть теперь совсем другой, но против своих прежних братьев меча не подниму.

– Я понимаю.

– А перед боем велено друг другу всё прощать и старые счёты списывать. Вот я и пришёл, – Корп протянул руку, которую Бран охотно пожал.

– Я сейчас иду к Кастору. Там будут все, кого ты знаешь. Не хочешь пойти со мной? Тебе будут рады, – предложил Бран.

– Отчего же не пойти! – охотно согласился паладин.

В доме Кастора все уже собрались. Сам хозяин дома был у себя в кабинете, заканчивая дела, Эднартайя и Яра занимались ужином, а паладин спросил разрешения первым делом поговорить с Иолой, если та согласится встретиться с ним. К Брану ещё в прихожей подошёл Плутак и попросил пойти с ним в гостиную.

– Нам так и не удалось поговорить, – напомнил слепой.

– Ну давай, начинай, – Бран бухнулся в кресло и положил ноги на пуфик.

– Нехорошо как-то выходит, что мы с тобой вот так в ссоре, вроде как. И ты на меня будто зло затаил...

– Плутак, мне дела до тебя нет. Я не хочу ввязываться в то, что ты устроил, – ответил Бран неохотно.

– Ты про что? – удивлённо спросил слепой.

– Про то, в чём ты не признался Яре, – пояснил он. – Всё ещё не понимаешь? Твой подельник рассказал, что ты не только с выигрышами ему помогал. Ты обворовывал для него уже пьяных игроков, шарил по их карманам, как делал всегда. Но это могло сходить с рук в местах типа Берложья, а в Альмандине есть закон для тех, кто использует свои магические навыки для подобного рода дел. И предполагает этот закон не полгода заключения в тюрьме, а смертную казнь. Слышал об этом?

– Нет, – щёки Плутика заметно побледнели.

– Зато я слышал. И хотя обещал, что не стану вмешиваться, всё-таки нарушил своё слово, чтобы ты сейчас мог быть здесь, а не гнить в могиле, – Бран говорил, глядя в сторону. – И это последнее, что я сделал для тебя.

– А Яра знает? – тихо спросил слепой.

– Нет. Она знакома только с официальным ходом дела. И если ты хочешь мириться, как говоришь, то постарайся хотя бы избавиться от своего вранья.

– Ты не расскажешь ей? – обеспокоено спросил Плутак.

– Сам это сделаешь, – жёстко ответил Бран и встал из кресла. Слепой спохватился.

– погоди! Ты прав, приятель, расскажу. Только уж давай помиримся? – он повернулся к столу и аккуратно нашёл два приготовленных бокала с вином. Один из них он протянул Брану. – Выпьем? Как раньше?

Бран неохотно принял бокал, но они не успели даже чокнуться, как в гостиную вошли все собравшиеся в доме за исключением Иолы.

– Так и не открыла, – говорил на ходу паладин Эднартайе. – Стучал-стучал, молчит. Понятное дело, конечно.

– Не расстраивайся, брат Корп. С Иолой непросто, – ответила девушка ему.

– А нельзя ли чего выпить? Я с утра на ногах, ничего не ел и не пил, – признался он в ответ, увидев у Брана в руках бокал и вспомнив о своей жажде.

– Всё осталось в кухне, но я могу сходить, – предложила Яра.

– Не нужно, возьми мой, я ещё не пил, – возразил Бран и отдал бокал паладину. Тот довольно поблагодарил, принял его и сделал глоток. Вдруг он закашлялся, да так громко и сильно, что все присутствующие взволновано на него посмотрели.

– Бран, ты что за дрянь пьёшь? – удивленно спросил брат Корп.

– Вот и я говорила ему, что всякую гадость пить не стоит, – засмеялась Эднартайя.

– Это просто вино, – возразил Бран.

– Да какое это вино! Это же настоящий крысобор, – паладин отставил бокал. – Уж я-то его узнаю. Как-то в детстве случайно попробовал. Думал, это у матери сироп в бутылке. С тех пор вкус этот ни с чем не спутал бы.

– Подожди, ты хочешь сказать, что выпил в детстве крысиный яд и выжил? – удивилась Яра.

– Да не берёт он меня, – признался паладин. – Только зачем он тебе, Бран?

– Я не знал, что он в бокале, – проговорил тот и быстро осмотрелся, когда понял, что произошло. Слепого в комнате уже не было. Бран выскочил в прихожую и, увидев оставленную распахнутой входную дверь, бросился на улицу. Далеко убежать Плутак не успел, торопясь, он несколько раз споткнулся, налетел на запертую калитку и чуть было не упал на скользких бульжниках мостовой. Бран нагнал его и, поймав за рубашку на плече, со всей силы рванул назад. Опрокинув Плутика на землю, он грубо схватил его и потащил обратно к дому. Следом подоспел Корп и стал помогать. С ними обоими у беглеца не было никаких шансов справиться. Их крепкие руки держали его мёртвой хваткой. И *видя*, как пылает яростью Бран, Плутак затих.

– Бран, не нужно, – попыталась вмешаться Яра, когда мимо проносили слепого.

– Не вмешивайся, – спокойно остановил её Кастор. – Пойдёмте, девушки, в гостиную.

Они занесли его в комнату и положили на пол. Паладин поспешно вышел, закрыв за собой дверь и оставив старых приятелей наедине. Плутак, почувствовав, что оказался в своей комнате, быстро отполз к стене и прижался к ней спиной.

– Значит, вот как ты мириться со мной решил, – процедил Бран холодно. Он размял затёкшие от напряжения кисти рук и, всё ещё тяжело дыша, упёр их в бока. – Пожалуй, я мог бы ожидать от тебя и такого, но всё же хотел думать иначе.

– И что? – вдруг с вызовом выкрикнул слепой. Он поднялся на ноги, сделал шаг вперёд. – Думал, я всю жизнь буду позволять тебе о себя ноги вытирать, ждать твоих подачек. Думал, можно ко мне относиться, как к отребью, и я буду это терпеть?

– Не вёл бы себя, как отребье, глядишь, и отношение было бы другим, – сказал Бран. Он успокоил дыхание, а вместе с ним и ярость. Видя это, Плутак почувствовал в себе силу и осмелел.

– Да, ты о себе иного мнения, Бран. Ты-то не отребье, конечно. Тебя Алвис пригнул и приютил. Отмыл, переделал, и вот уже безродный нищий бродяга сделался всеми уважаемым человеком. А как забрался к хозяйской дочке в постель, так совсем себя королём почувствовал, – Плутак плюнул на пол. – Вот, что я думаю о всех вас. О тебе, о твоей подружке, об Алвисе, из-за которого я теперь калека. Ведь ты всё это время знал об этом, да, Бран? Вы ведь с ним договорились! Чтоб ты присмотрел за изуродованной мальчишкой, кабы тот совсем с голоду не сдох.

– Допустим, – холодно проговорил Бран.

– Из-за вас я был вынужден всё это время вести такую жизнь.

– Нет, Плутак, ты вёл её всегда именно так, потому что тебе это нравится. И как я ни пытался дать тебе шанс, ты им ни разу не воспользовался. Всё, что оставалось, всякий раз вытаскивать тебя из передраг. Ты как был мошенником и подлецом, так им и остался, приятель, – последнее слово Бран произнёс почти с отвращением.

– А мне не нужны были эти твои шансы, не нужна твоя опека и жалость. Я никогда не хотел этих всех поблажек для калек.

– Вот тут ты прав, хватит поблажек, давно нужно было это сделать, – с этими словами Бран дал Плутуку такую тяжёлую оплеуху, что тот повалился на пол оглушённый и схватился руками за голову. Странник стоял над ним, глядя сверху вниз и дожидаясь, когда он придёт немного в себя. Наконец, слепой застонал. – Вот теперь у меня к тебе точно ничего нет. Прощай, Плутак.

Он развернулся и вышел из комнаты. За дверью стояла Яра. Она испуганно посмотрела на Брана и сразу же проскользнула мимо него в комнату к слепому. Когда странник спустился в гостиную, Кастор, Эднартайя и брат Корп сидели за столом, беседуя. Он присоединился к ним, и разговор пошёл своим чередом дальше. Ни один из них не обмолвился и словом о случившемся, понимая, что это личное дело Брана. Яра в тот вечер к ним не пришла. Плутуку долго было плохо после удара, и она оставалась рядом с ним, делала компрессы и отпаивала его настойками. Он чувствовал её мягкие прикосновения, ощущал нежный аромат, исходивший от неё, но из-за боли и дурноты никак не мог разглядеть, что она чувствует. Так он и уснул.

Эднартайя ушла вместе с Браном. Временами она оставалась ночевать у него и прежде, а в тот вечер, после случившегося, ей совсем не хотелось проводить ночь под одной крышей вместе с Плутуком. Конечно, она слышала их разговор и слова слепого. И хотя она понимала, что дело не касается её напрямую, неприятный осадок всё же остался на душе. Бран это тоже понимал и первым спросил, не хочет ли она пойти с ним.

Их встретила экономка и предложила чая перед сном. На маленькой кухне было тепло от растопленной печи, пахло выпечкой и сушёными травами. Медные кастрюли, аккуратно развешенные вдоль стены, мягко сияли начищенными боками. Экономка постелила на выскобленный стол нарядную салфетку и на неё поставила чашки и тарелки со сладостями.

– Как же теперь беспокойно в городе, – пожаловалась она, разливая по чашкам чай. – Должно быть, у дружины теперь много хлопот, господин Бран?

– Да, много, – признался он, принимая у неё чашку.

– Война – ужасное событие, – экономка покачала головой. Она передала чашку Эднартайе, взяла свою и села. – Надеюсь, она всё же обойдёт нас стороной. А верно я слышала, что дружина тоже поедет на подмогу войску?

– Верно.

– Батюшки, – она всплеснула руками. – Так, значит, и ты, господин Бран, поедешь?

Он молча кивнул. Экономка тихо вздохнула.

– Да хранят тебя все святые, чтобы ты вернулся к нам невредимым. Ох, беда, – на этом она замолчала и уже только пила свой чай, но Бран успел пожалеть, что они не пошли сразу наверх.

Это было не самое приятное завершение и без того наполненного дурными событиями дня. Наконец, экономка допила свой чай и, пожелав доброй ночи молодым людям, отправилась к себе спать. Они остались на кухне вдвоём, слушая, как потрескивают догорающие поленья в печи. Бран крутил в руках чашку, рассматривая блики от светильника, скользившие по её влажным бокам. Эднартайя поглядывала на него, то отворачивалась, то снова поднимала глаза.

– Давай, Эда, скажи мне, что ты хочешь сказать, – произнёс он ласково и чуть улыбнулся, перевёл на неё взгляд.

– Так заметно? – смутилась она, и чтобы скрыть это, распустила волосы, будто от усталости, растрепала пальцами пряди.

– Хватит от меня прятаться, всё равно ведь найду, – пошутил Бран, ставя чашку на стол. – Не тяни.

– Это глупость, но не идёт из головы. Бран, что если...

– Что?

– Ну... – она взволнованно перебирала пальцами прядь, то наматывая её, то распуская, и ответ лампы блестел на её волосах.

– Меня убьют, – догадался он. – Нет, Эда. Меня не смогут убить.

– Как это? – она быстро посмотрела на него.

– Просто поверь мне.

– Такое под силу только богам.

– Значит, я стану одним из них.

– Бран, я серьёзно! – возмутилась Эднартайя.

– А что? Бог Бран, – он встал, уперев руки в бока. – Как тебе?

Она только вздохнула и отвела взгляд. Поняв, что свести на шутку разговор не удастся, Бран подошёл и присел перед ней на корточки. Убрав в сторону мягкие пряди её волос, он смотрел на неё, поглаживая по нежной румяной щеке.

– Всё будет хорошо, Эда, – ласково сказал он. – Не бойся. Обещаю, что не оставлю тебя, и мы обязательно будем вместе.

Она посмотрела на него, заглянула в глаза, будто что-то искала в них, а потом соскользнула со стула на пол и вся прижалась к Брану, обвила его руками, прильнула лицом к его груди и слушала, как стучит его сердце. Ей хотелось запомнить этот звук, его силу, его частоту, и, закрывая глаза, она вся обратилась в слух.

Утро они провели вместе. После завтрака Бран проводил Эднартайю до лавочки Фаи, прежде чем отправиться по своим делам. Она несла под мышкой два свитка и была задумчива. Кивнув на них, Бран спросил:

– Это из тех свитков, что принадлежали твоему отцу?

– Да, – ответила девушка, вынырнув из потока своих мыслей. – Всё перечитываю, только толка от них. Или от меня.

Она засмеялась, легко, непринуждённо. Они не первый раз затрагивали в разговоре тему её обучения, и Эднартайя всякий раз отшучивалась по этому поводу.

– Продолжаешь не верить в свои силы, – заметил ей Бран.

– А ты, можно подумать, веришь, – поддразнила она.

– Речь о тебе, а не обо мне.

– Не представляю, что должно произойти, чтобы у меня получилось, – призналась Эднартайя.

– Знай, даже если никогда не получится, я не расстроюсь, и ты не расстраивайся, – он обнял её и поцеловал на прощание. – Скоро увидимся, Эда.

Она ещё долго стояла на пороге лавочки, глядя, как он уходит от неё быстрым уверенным шагом. В те дни, полные беспокойства и волнений, посетителей почти не бывало, и Эднартайя приходила больше, чтобы поболтать с Фаей, нежели ради каких-либо дел. Борво в лавочке тоже

не появлялся, и портниха скучала. Они немного побеседовали обо всяких пустяках, но дальше разговор не пошёл, и подружки решили расходиться. Фая собралась навестить одну из своих многочисленных дальних родственниц, а Эднартайя отправилась к себе.

Было холодно и даже немного морозно, и почти всю дорогу домой она смотрела на высокое чистое небо, лишь слегка подёрнутое облачной дымкой. Оно вызывало в ней какие-то воспоминания, мелькавшие в её памяти и никак не хотевшие показаться полностью. Эти попытки разглядеть их вызывали щекощущее ощущение в груди и желание пытаться снова и снова. И потому Эднартайя не сводила взгляда с неба, несмотря на то, что дважды поскользнулась на заиндевевшей мостовой.

В доме было тихо. Она заглянула на кухню и в кабинет Кастора, но никого не нашла. Гостиная тоже пустовала. Эднартайя расположилась в кресле, взяв с собой один из свитков. Это была копия самой известной книги Альмандина, которую многократно перечитывали ученики магов, написанная самим Агний Руном.

"Ты боишься?

Это очень хорошо.

Тебе следует опасаться за себя и свою жизнь.

Этот мир выпьет тебя до дна и бросит твои иссушенные останки на острые камни Пустоши.

Оглянись!

Они уже рядом. Ты чувствуешь, как их дыхание пронзает тебя острым, как лезвие, холодом до костей, как все твои мускулы и органы сжимаются в ужасе от надвигающейся гибели. Им нужно гораздо больше, чем твоё брэнное тело. Они хотят забрать твоё сознание, насладиться твоей жизненной силой, вобрать саму твою суть.

Знаешь ли ты, что такое навсегда исчезнуть во Тьме? Это страшнее твоих ночных кошмаров, страшнее самой смерти.

Бойся.

Трепещи!

Но не останавливайся.

У мага нет шанса повернуть назад, нет возможности забрать обратно брошенный вызов. Маг безупречен даже перед лицом собственного страха. Даже перед лицом собственной смерти", – прочитала Эднартайя.

Это был один из самых известных отрывков, называвшийся "Наставление Скользящему во Тьме". Она давно уже заучила его, как и многие другие, по требованию Кастора. Она делала это из уважения к его мудрости, впрочем, не веря в пользу подобных упражнений. Вздохнув, Эднартайя отложила свиток в сторону.

В окно был виден краешек всё того же знакомого неба. Она смотрела на него, пока на глаза не навернулись слёзы от напряжения. Закрыв их, Эднартайя всё ещё продолжала видеть перед своим внутренним взором отпечатавшийся в её сознании образ. Но вот он дрогнул, будто рябь прошла по нему, и что-то изменилось в нём. Картинка начала двигаться. Эднартайя поняла, что смотрит уже не на небо, а на сад. Она узнала его, это был сад возле дома её отца. Деревья, распутившиеся пышным цветом, роняла лепестки. Ей хотелось продолжать смотреть на их плавное, почти порхающее падение, но какая-то невероятная сила требовала, чтобы она повернула голову. Это была сила звука, раздражающего скрипящего звука колодезного обода. Она притягивала к себе внимание Эднартайи и, следуя ей, девушка повернула голову.

Рядом с колодцем стоял Бран. Как зачарованная, она смотрела на воду, что текла с его рук и лица, омывая с них кровь. Снова и снова, пока он не почувствовал на себе её взгляда и не посмотрел на неё. Эднартайя уже знала, что должно произойти дальше, но вдруг всё остановилось. В тот момент, когда она встретилась с ним глазами, мир для неё замер. Она

увидела Брана без остатка, всю ту боль, отчаяние и ярость, которые разрывали его изнутри. И ещё Эднартайя увидела, что он был не один. Бран даже не подозревал, кто, выбравшись из самого сердца Тьмы, стоит за его спиной, жадно хватая обрывки его душевных терзаний. Она почувствовала, как их внимание обернулось к ней, и всё её нутро пронзила острая боль. Сердце Эднартайи сдавил ужас. *Они* были не просто опасны, *они* были не просто сама смерть, *они* несли с собой нечто гораздо более страшное.

Эднартайя ощутила, что проваливается куда-то. Вначале это было похоже на падение. Образы стали меркнуть, пока её не окружила темнота, в которой замерцали отдалённые огоньки. Дрожащие и движущиеся, они устроили настоящий хоровод, способный затуманить разум. Наблюдая за ними, Эднартайя вдруг поняла, что знает, как с ними быть. Она вспомнила.

Собрав всю волю, что у неё была, она попыталась потянуться к одному из этих огоньков. Её движение было медленным, как если бы она попала в густую и липкую смолу. Каждой крупичей сознания она чувствовала, с каким невероятным усилием начинается это движение. Липкая масса стала отставать всё быстрее, а потом перед ней также внезапно, как и в первый раз сад, возник новый пейзаж. Это была ослепительно белая пустыня, сиявшая и мерцавшая в холодном, будто лунном свете. Здесь не было деревьев, не было колодца, не было Брана. Но были *они*. И *они* пришли следом за ней. Увидев их, Эднартайя скользнула вперёд, снова в объятия липкой темноты с мириадами танцующих огоньков.

Город гудел от тревоги, Орден начал наступление. Полуживой гонец вернулся с ультиматумом: Альмандин должен был полностью подчиниться Хранителям, сдавшись, либо погибнуть от огня и меча. Соседи молчали, отказавшись принять делегацию города магов и одновременно пропустив отряды Ордена через свои территории. Помощи ждать было неоткуда, одна часть войска Приора уже спустилась с гор к Огненным Вратам и начала их осаду, другая его часть маршировала через южную долину напрямик к городу.

Бран осадил коня у калитки дома Кастора. Он вырвался из казарм, как только смог, отдав все возможные распоряжения. Армия Альмандина уже выступила в южном направлении навстречу противнику. Дружина должна была отправляться через час к Огненным Вратам для поддержки боевых действий на западе.

Наспех обмотав поводьями забор, Бран побежал к дому. Распахнув входную дверь, он увидел хозяина дома, стоявшего на пороге гостиной.

– Кастор, война, – выдохнул странник.

– Я знаю, – ответил маг. – У нас кое-что случилось. Идём.

Его тон охладил весь пыл Брана. В нём было что-то гораздо более недоброе вестей о предстоящей битве. Сняв с себя плащ и повесив у двери, странник пошёл за Кастором. В гостиной он увидел Эднартайю. Она сидела в кресле, и на первый взгляд казалась спящей. Руки её безвольно покоились на мягких подлокотниках, голова упала на бок, волосы мягкими кудрями лежали на плечах и груди. От густых ресниц под нижними веками пролегли недвижимые тени и губы казались бледнее обычного. На полу у её ног скрутился в трубочку свиток.

– Что происходит? – обеспокоено спросил Бран, лишь только увидев девушку. – Что с Эднартайей?

– Её здесь нет, – ответил Кастор. – Она сделала то, к чему готовилась столько времени.

– Что сделала? – не понял Бран.

– Скользнула во Тьму, – пояснил маг.

– Не похоже, что это хорошая новость.

– Ты прав. Эднартайя в опасности.

– Значит, нужно скорее вернуть её.

– Я не могу, никто не может, – ответил Кастор. – Я уже пробовал звать её, но она ушла слишком далеко.

– Почему так случилось?

– У Эднартайи были хорошие задатки к таким путешествиям, и Алвис много времени посвятил её обучение. Скольжение давалось ей легко, пока однажды не случилось непредвиденное. Во время одной из своих тренировок она встретилась с тобой.

– Ты о нашей встрече в саду?

– Да, Бран. Тогда Эднартайя видела гораздо больше, чем способен обычный человек. На своё несчастье она столкнулась с теми, кто был в тот момент с тобой.

– О чём ты? Я был там один.

– К сожалению, нет, – Кастор покачал головой. – Наш мир полон существ, которых ты можешь не видеть. Эднартайя увидела тех созданий, которых привлекли твои эмоции, и сильно испугалась. Страх подействовал на неё таким образом, что она закрылась от своих способностей и забыла всё, что с ними было связано. Так она защитила себя. Но те создания не забыли. Они ждали её, ждали, когда она вспомнит и сегодня, когда это произошло, снова пришли за ней.

– Почему именно она им так нужна?

– Чем искуснее человек в магических способностях, тем больше он привлекает внимание таких существ в качестве добычи. А Эднартайя при этом ещё и не способна защититься от них должным образом.

– Что можно сделать? – нетерпеливо спросил Бран.

– Ждать.

– Сколько?

– Я не знаю. Может, минуты. А может, день. Год или тридцать лет. А может, не дождёмся никогда, – Кастор покачал головой. – Прости, мой мальчик. Я попытаюсь снова поискать её, но ничего не смогу тебе пообещать.

– Ясно, – прошептал странник. – Ладно, пусть будет, как будет. Я останусь здесь, пока за мной не приедут.

Бран перенёс Эднартайю в её комнату и положил на кровать. Глядя на неё, неподвижную и спокойную, он невольно вспоминал утро, когда она была рядом, нежная и ещё сонная, как смеялась над его шутками за завтраком. И ему стоило усилий не думать об этом всём, отмахиваться от воспоминаний. Время шло, но ничего не менялось. Кастор тоже был в комнате, сидел на стуле у изголовья её кровати с закрытыми глазами, точно восковая кукла. И от этого всего становилось жутко и тошно. В дверь постучала и заглянула Яра. Она была в курсе случившегося, но предпочитала не вмешиваться в происходящее. Теперь она пришла, чтобы предупредить Брана о том, что за ним приехал человек. Дружина готовилась выступить из города. Кастор очнулся от своего забытья и с присущей ему деликатностью вышел из комнаты, чтобы дать Брану возможность попрощаться.

Странник присел на кровать возле девушки и ласково погладил её по голове. "Возвращайся, Эда, прошу тебя", – сказал он и, поцеловав Эднартайю в лоб, быстро вышел из комнаты. Обменявшись пожеланиями удачи с Кастором, странник покинул дом мага.

Плутак лежал на постели в своей комнате. Ему стало значительно лучше, но он предпочитал не показываться никому на глаза, тем более, что в доме находился Бран. Время от времени он дремал. Проснувшись в очередной раз, слепой заметил, что стало тихо. Решив проверить обстановку, он встал и оделся. Как раз в этот момент в дверь постучали.

– Морк, к тебе можно? – спросил голос Яры.

– Конечно, заходи, – повеселев, пригласил он. Дверь скрипнула, и комната наполнилась уже знакомым и любимым им терпким ароматом цветов.

– Я пришла сказать, что уезжаю, – проговорила она от двери.

– Ясно, – он сразу же заметно сник. – Что ж, удачи тебе. И побереги себя там, пожалуйста.

– Может, ты хоть на прощание скажешь мне, зачем ты всё это вчера устроил? – спросила Яра. Плутак стоял, опустив голову. Решившись, она подошла к нему и коснулась рукой его небритой щеки. – Ты же не стал бы мстить кому-то, ты не такой, я знаю это так же точно, как твоё настоящее имя, Морк. Скажи мне, зачем ты пытался отравить Брана?

– Мне всё равно, что с ним будет, мы не друзья и никогда ими не были, – проговорил он. – Но ты, Яра, не должна страдать из-за него. Пускай я слеп глазами, но теперь я могу *видеть* то, что скрывается внутри людей. И я *вижу*, как ты прекрасна. Я не мог допустить, чтобы с тобой что-то случилось. Тем более, из-за человека, который не способен оценить ни тебя, ни всей глубины твоего поступка. Как ещё мне было остановить тебя?

Рука Яры соскользнула с его щеки. "Никак", – её голос прозвучал бесцветно. Она ушла, не прощаясь, оставив Плутика стоять одного посреди комнаты.

Дружина остановилась у самой кромки леса, чтобы сделать небольшую передышку. Впереди лежала долина, упиравшаяся противоположным краем в подножие гор, и там, на другой её стороне возвышались башни Огненных Врат. Бран стоял у ствола мачтовой сосны, вытянувшейся выше своих соседок, и смотрел вдаль. За его спиной ратники готовились к сражению: проверяли подпруги, затягивали стремяна и ремни на доспехах, разминались после дороги, переговаривались. Они должны были разделиться и подойти с двух сторон к сражающимся, взяв их в клещи.

– Как дела, Бран? – раздался знакомый голос. Обернувшись, он с удивлением увидел Яру. Она стояла, держа в руках длинный посох с набалдашников из чёрного дерева, покрытый символами и письменами и увитый алой лентой. На ней был чёрный кафтан и штаны с высокими сапогами на военный манер, а поверх – плащ с капюшоном, отороченным седым песцовым мехом.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– То же, что и остальные. Каждый гражданин имеет право защищать свой город, – напомнила она и улыбнулась.

– Это неудачная идея, – ответил ей Бран. – Здесь не место женщине.

– Вот уж не ожидала услышать от тебя такие слова, – Яра сделала вид, что обиделась, надув губки. – А между прочим, командир отряда, с которым я приехала сюда, ужасно обрадовался, узнав, что в его рядах будет маг. Ведь ты даже не представляешь, на что я способна.

– Где ты его взяла? – спросил Бран, посмотрев вслед за ней на посох.

– Он мой, – самодовольно произнесла она. – Может быть, я не член Совета и всё ещё считаю себя ученицей Кастора, но на самом деле, я давно уже имею право самостоятельно применять свои магические способности без разрешения и надзора. И у меня имеются свои артефакты.

– Рад за тебя, – голос Брана звучал безразлично. Он поправил перевязь. Кольчуга непривычно давила на плечи. – Нам пора ехать.

– Подожди, – Яра поймала его за руку и, повернув её, положила на его ладонь медальон. – Надень его, он защитный.

– Оставь его себе, мне не нужна защита, – он вернул ей медальон и, окинув её взглядом, добавил, – и спрячь волосы. Они будут тебе мешать в бою. Если ты вообще понимаешь, что там будет твориться.

Яра смотрела, как он садится на коня и уезжает вместе с остальными ратниками из его отряда в глубь леса. Затем она надела медальон на себя, собрала волосы в тугий пучок и тоже направилась к своей лошади.

Бой был в самом разгаре. Они слышали крики, лязг стали и глухие удары, видели людскую толпу, смешавшуюся в серую движущуюся массу, спешащие на подмогу отряды, идущие от горы, и ждали. Ждали команды, пока враг увязнет в битве, чтобы быть хитрее и внезапнее его. И казалось,

что ожидание будет вечным. Потому сигнал к атаке прозвучал особенно неожиданно. В их головах ещё не успела улечься мысль, а руки сами тронули поводья, и ноги пришпорили бока взволнованных лошадей.

Бран влетел в толпу сражающихся и в первое мгновение растерялся. Ещё никогда в жизни ему не доводилось видеть, как люди без разбора бьют друга друга. Он ощутил в себе горячую волну ярости, мгновенно всколыхнувшуюся при виде происходящего, но удержался. Времени для колебаний не было, они били и нужно было бить их. Не целясь и не раздумывая, он стал сечь мечом тех солдат Ордена, которые оказывались рядом. И чем дольше он сёк, тем сильнее в нём разгорался огонь битвы.

Внезапно он почувствовал, как несколько пар рук ухватили его за ногу и потащили с лошади. Он попытался сопротивляться, но было уже поздно что-то предпринимать. Они навалились и перевесили числом и силой. Бран оказался на земле, и тут глухой звук будто куполом накрыл его. Противники разом куда-то делись. Он вскочил на ноги, подняв в руке меч, и увидел Яру, стоявшую неподалёку от него с посохом на изготовку. "Давай!" – крикнула она с надрывом, чтобы покрыть общий шум.

ГЛАВА 19. СКОЛЬЖЕНИЕ ВО ТЬМЕ

Эднартайя осмотрелась. Во все стороны от неё простиралось бескрайнее поле, и только впереди виднелся маленький силуэт дома. Она ощущала себя истощённой, на очередную попытку не осталось больше сил. Сколько миров сменилось перед ней, она уже потеряла счёт. Были пустыни и густые леса, какие-то странные города, ледяные пустоши и побережья морей, и даже такие пейзажи, которые разум отказывался воспринимать, где огромные глыбы парили в воздухе и дождевые капли летели снизу вверх, где небо становилась изумрудным и стремилось выгнуться в обратном направлении от привычного. Было много всего, не менялось лишь одно, *они* не отставали.

Не тратя зря время, Эднартайя пошла по направлению к дому, маячившему впереди. Она была уже совсем близко и даже увидела во дворе фигуру человека, когда поняла, что *они* нашли её. Подобрав юбки, она бросилась бежать, отступаясь на кочках и рискуя подвернуть, а то и сломать лодыжки. Человек у дома заметил её и подошёл ближе к забору, отгораживавшему маленький дворик. "Скорей", – крикнул он и замахал ей руками. Она чувствовала, что они всё ближе, их холод снова коснулся её сердца леденящим ужасом. До дома оставалось совсем немного, и ноги несли Эднартайю так быстро, как никогда прежде. Она не сводила взгляда с человека, чтобы случайно не обернуться и не взглянуть назад, за спину, туда, где были они. И чем ближе она была, тем яснее становились черты незнакомца, в котором она вдруг узнала отца. Те же длинные седые волосы, собранные в хвост, та же заострённая борода, такие же движения. Она вбежала в калитку и, споткнувшись, буквально упала в его объятия.

– Там... – выдавила она из себя, задыхаясь.

– Всё-всё, они отстали, – успокоил он, удерживая её в объятиях, – им сюда не пробраться.

Отдышись.

Эднартайя подняла лицо и посмотрела на него, не веря своим глазам.

– Отец, – с нежностью прошептала она. – Откуда ты здесь?

– Это долгая история, – ответил он. – Только я не твой отец.

– Как? – вырвалось у неё, и она отпрянула назад, увидев, что такие знакомые черты лица вдруг будто бы начали менять свои формы, сделавшись неясными.

– Не бойся, я тебе не причину зла. Пойдём в дом, там мы сможем спокойно поговорить, – предложил странный незнакомец.

В сомнениях, она оглянулась и посмотрела на безмятежные поля, такие спокойные и пустые, оставшиеся позади, за её спиной.

– Идём, тебе явно нужен отдых, – снова позвал он, уже направляясь к дому.

Дом был маленький, в две комнаты, находившиеся одна над другой. Внизу стоял небольшой обеденный стол возле кухонного угла, шкаф, забитый книгами и узкий древний диван, судя по состоянию обивки, служивший в покоях ещё каких-нибудь древних королей.

– А наверху у меня спальня, – сообщил хозяин дома и указал на стол, – присаживайся, я тебе сделаю чая. Как тебя зовут?

– Эднартайя, – ответила девушка, довольно усаживаясь на один из стульев. Ноги у неё дрожали от перенесённого напряжения.

– А родные зовут Эдни, – кивнул незнакомец. – Почему же, Эдни, ты забыла одно из правил магов, никогда не раскрывать своего имени незнакомцам, пока не убедишься, что в случае опасности ты сумеешь с ними справиться?

– Наверное, потому что я не маг, – пожала она плечами.

– Неужели? – он бросил на неё взгляд через плечо, продолжая складывать разные травы в чайник. – Тогда откуда ты научилась Скольжению?

– Откуда ты об этом знаешь? – удивилась она.

– Ну, во-первых, потому что в этом мире нет никого, кроме меня, – он обернулся к ней. – А во-вторых, тебя бы не преследовали те существа, которые всегда караулят путешественников типа тебя.

– Я даже не знаю, кто они, – честно призналась Эднартайя, уже догадавшись, что перед ней некто особенный. Его лицо всё продолжало меняться, будто никак не могло остановиться на окончательном варианте и выбрать форму. Она не испытывала страха, потому что была уверена, что если бы он хотел, то давно убил её. А пока их диалог всё продолжался, и незнакомец был явно ею заинтересован.

– Интересный ты посетитель, – проговорил он с усмешкой. – Откуда ты взялась, Эдни?

– Из Альмандина.

– Вот оно что! Ясно, – он тоже сел за стол и поставил перед ней чашку и чайник. – Знаю этот город. Когда-то он мне очень нравился.

– Значит, наши вкусы совпадают, – она постаралась улыбнуться и налила себе чай. Его аромат сразу понравился ей.

– Так что же там, в Альмандине, не учат правилам Скольжения?

– Может быть, и учат, но не меня. Это вышло у меня случайно.

– Не верю, таких случайностей не бывает.

– Отец меня когда-то обучал, я кое-что помнила. Но он не рассказывал мне ни о каких существах. Они, действительно, опасны? – спросила она, отпивая горячий напиток из чашки.

– Весьма, – довольно ответил незнакомец. – А кроме того, невероятно хитры. Это бывшие маги, потерявшие когда-то свои тела. Они навечно застряли во Тьме, выбраться у них нет шанса, но они с удовольствием подкрепятся всяким, кто не знает, как себя защитить. Если они заберут у тебя силы, ты, как они, навечно застрянешь между мирами. Так что ты не зря бежала.

– Почему они не смогли подойти к дому?

– Здесь защитный барьер, через него им не пробиться.

– А что это за место?

– Моя тюрьма, – спокойно ответил он. – И я рад, что ты ко мне заглянула.

– Тюрьма? – переспросила Эднартайя. Она вдруг почувствовала, что её сознание стало мутиться и предметы начали терять чёткие формы.

– Да. И, как я вижу, ты не знаешь и другого правила магов. Не пить чай, который тебе предлагает незнакомец.

В глазах у неё потемнело и, несмотря на все попытки удержать сознание, Эднартайя безвольно упала на стол, чуть было не опрокинув рядом стоявшую чашку.

Когда она открыла глаза, в комнате было всё так же светло. Она лежала на старом диване, а за столом сидел незнакомец. Он перебирал травы и раскладывал их стопками. Эднартайя осторожно села, чувствуя в теле слабость.

– Проснулась? – спросил хозяин дома, не оборачиваясь.

– Сколько я спала? – задала вопрос девушка, оглядываясь.

– Несколько дней, должно быть. Сложно сказать, солнце здесь не садится. Жутковато, но я привык. Не волнуйся, с тобой всё хорошо. Я усыпил тебя, чтобы ты хорошенько отдохнула. Когда ты пришла сюда, сил в тебе почти не оставалось, а раз ты не маг, то и восстанавливать должным образом их не умеешь. Так что я немного помог, – пояснил он. – За домом есть купальня, освежись в ней, и тебе станет лучше. А потом мы поедим и поговорим о деле.

Эднартайя послушалась его и последовала совету. Когда она вернулась, стол уже был накрыт, а в тарелках дымилась похлёбка. Блюдо оказалось вкусным, девушка ела с аппетитом, чувствуя, как к ней возвращаются силы.

– Замечательно приготовлено, – похвалила она.

– Спасибо. Приятно, тем более, что сделано это, в первую очередь, для тебя. Мне обычная еда и не нужна вовсе. Так, поддержать компанию, – сказал он.

– Я готова поговорить, – сообщила Эднартайя решительно.

– Хорошо, – одобрительно кивнул хозяин дома. – Всё, что ты видишь вокруг, создали мы с моими друзьями. Этот дом и предметы в нём нерукотворны, они появились магическим путём. Всё вместе представляет собой идеально сбалансированную систему, способную давать каждому из нас огромные возможности. Здесь можно не только восстанавливать силы, но очень быстро учиться, наращивать свои способности, находясь при этом под полной защитой. Никакая тварь не способна сюда пробраться по своей воле. Дом действует так не на всякого, тебе, например, он даст гораздо меньше.

– Почему?

– С ним нужно установить связь. Для этого требуется вложить в него часть себя. Это глубокое магическое действие, материально оно выражается в том, что ты оставляешь в доме некий личный предмет.

– А я могу это сделать? – поинтересовалась девушка.

– Разумеется, – согласился незнакомец. – Правда, это не так просто. Но это тема отдельного разговора. Проблема в том, что я уже давно не могу этот дом покинуть. Один из моих друзей, желая мне напакостить, забрал мою вещь, нарушив тем самым баланс. Он спрятал её, а пойти за ней, как ты понимаешь, я не могу.

– Я усвоила правила, но всё же, кто ты? – решившись, спросила Эднартайя.

– Тебя смущает то, что я без лица или тебе просто любопытно? – поинтересовался хозяин. – Обращайся ко мне "учитель". Думаю, так будет удобнее.

– Хорошо, – согласилась Эднартайя, поняв, что так просто ответа на свои вопросы она не получит.

– Ты не видишь моё лицо потому, что оно, как и всё здесь, – он обвёл помещение рукой, – не имеет однозначной формы. На самом деле, это твой разум создал эти образы. Увидев меня, он придал мне тот вид, который нашёл самым подходящим. Ты в тот момент искала защиты, вероятно, самой очевидной персоной в такой ситуации был бы твой отец. Должно быть, он умер?

– Да, – сдержанно сказала Эднартайя.

– Разумеется. Здесь не место живым. Что ж, Эдни. Не иначе, как сама Сила послала тебя сюда. И у меня есть предложение. Ты поможешь мне, а я тебе, – он отодвинул от себя нетронутую тарелку. – Видишь ли, тебе самой никак не вернуться обратно. Древние маги сожрут тебя. Да и

пути ты не знаешь. Но я могу тебя научить, как защититься от них, и расскажу, то, чему тебя должны были научить в Альмандине. Ты сможешь путешествовать между мирами и возвращаться назад без проблем. Кроме того, я поделюсь с тобой частью своей силы. Поверь, Эдни, это больше, чем могли бы мечтать многие.

– А взамен? – спросила она.

– Ты меня освободишь, – весело проговорил он.

– Как я могу это сделать?

– Ты отправишься за моей вещью и принесёшь её мне.

– В чём подвох? – засомневалась Эднартайя.

– Ты мне нравишься, – засмеялся он. – Она хранится у непростого человека. Зовут его Дарен, и живёт он в ином мире. Он хитёр, коварен и абсолютно невосприимчив к магии. Он ненавидит всех, кто с ней связан. Если только он догадается, кто ты и зачем пришла, то сразу убьёт тебя.

– Как же такого можно обмануть? – удивилась девушка.

– Не знаю, тебе придётся что-то придумать. Но это твой шанс. Что скажешь? – поинтересовался незнакомец. Она вздохнула.

– Кажется, у меня не особенно есть выбор, – призналась девушка.

– Вот и хорошо, – довольно проговорил он. – Сразу же после обеда начнём обучение. Тебе нужно многое усвоить, чтобы ты смогла вернуть мне вещь. Ну а потом вернуться домой, разумеется.

– Сколько всё это займёт времени? – забеспокоилась она. – Если честно, я даже не знаю, как давно ушла.

– Эдни, когда мы закончим, это не будет иметь значения для тебя. Ты сможешь выбирать нужный момент сама, – успокоил её хозяин дома. Он встал и, подойдя к ней, прикоснулся к её плечу. Странное щекочущее ощущение охватило Эднартайю, которое вскоре сменилось волнением и даже страхом. Она вдруг почувствовала, что что-то изменилось в ней.

– Что произошло? – спросила она.

– Не бойся, я поделился с тобой силой, – пояснил он. – Она тебе понадобится. Так что, ты наелась и готова идти?

– Да, но ты совсем не ел, – девушка кивнула на стол.

– Хорошо, что ты отметила, это твой первый урок. В Скольжении магу не требуется еда, потому что он умеет питать себя через отдых. Тебе же, потерявшей своё тело совсем в другом месте, еда и подавно не нужна. Ты получаешь силы от того, что находишься в этом доме. Но ты ещё не привыкла к такому, поэтому, чтобы не тревожить твой разум, я создал для тебя обед. Как, впрочем, и тот чай.

– Я потеряла тело? – Эднартайя обеспокоено посмотрела на свои руки.

– А ты и не заметила, – усмехнулся хозяин дома. – Идём, тебе ещё многому нужно научиться.

Солнце, действительно, так и не село, и сложно было сказать, сколько прошло времени. Они тренировались снова и снова. Незнакомец рассказывал ей сложности и тонкости путешествий, обучал концентрации и управлению своей внутренней силой. Под его присмотром Эднартайя неоднократно выходила за ворота, чтобы научиться защищать себя от древних магов. Они слетались к ней сразу же, чёрные тени, будто сотворённые из ошмётков самой глубокой тьмы. Поначалу она лишь убегала от них за калитку, чувствуя, что не может справиться со своим страхом, но постепенно осмелела и начала брать над ними верх. Она спала наверху, где, действительно, была маленькая спальня. Где и как отдыхал хозяин дома, Эднартайя не знала. Было похоже, что он и вовсе не нуждался во сне. Еда в кладовке появлялась из неизвестного источника, и она ела её тоже одна.

Обучение шло легко. Много у Эднартайи получалось сразу же, и Учитель говорил, что это происходит благодаря дому. Она уже умела восстанавливать и накапливать силы, управлять

своим намерением и даже творить некоторые несложные заклинания, к которым, впрочем, предпочитала не прибегать.

Однажды Учитель позвал её с собой, и они, обойдя дом, остановились возле маленького покосившегося сарая.

– Ты знаешь, что это? – спросил он.

– Место для хранения старых вещей?

– Нет, это самый быстрый способ попасть в мир, где живёт Дарен. И по стечению обстоятельств, выход находится неподалёку от его дома, – сказал он. – Ты можешь легко, не тратя силы, попасть туда уже сейчас.

– Хорошо, я готова отправиться, – согласилась Эднартайя.

– Подожди, есть несколько важных аспектов, – предупредил он. – Во-первых, ты должна быть предельно осторожна. Это весьма необычное место по ряду причин, и одна из них, конечно же, моя вещь. Она имеет особое магическое поле, меняет мир вокруг себя. Так вот, из-за этих самых причин дом Дарена стал приманкой для древних магов и прочих сущностей, которые на закате собираются там. Они опасны, так что зря время не трать. Во-вторых, моя вещь хранится в его доме, но я не знаю где. Тебе придётся её отыскать. И самое непростое, Дарен никого не пускает в свой дом просто так. А если уходит, тщательно его запирает.

– Задача всё сложнее, – пошутила девушка.

– Да, тебе понадобится время, чтобы придумать, как попасть в дом.

– Дарен сможет увидеть меня? – поинтересовалась она. – Без тела?

– Сможет, я достаточно укрепил твои силы, чтобы ты не казалась призраком.

– А как я узнаю твою вещь? – спросила она.

– Легко, она будет выделяться из остальных. Это плюшевый мишка с алым бантом на шее.

– Мишка? – Эднартайя не скрывала изумления. – Тебе нужна игрушка?

– Не расстраивай меня глупыми вопросами, Эдни, – вздохнул хозяин дома. – Это лишь форма.

– Хорошо, – сдалась она, – будет тебе мишка, Учитель.

– Удачи! Будь начеку с Дареном. Как только он увидит тебя, быстро поймёт, что ты не просто человек, хоть ты и будешь выглядеть обычно для его мира. Но у тебя будет время, пока он сможет разобраться, что к чему.

Он открыл перед ней дверь сарая, и Эднартайя шагнула в неё.

Она готова была увидеть обычный лес, и потому пришла в изумление. В первый момент ей даже подумалось, что она каким-то невероятным образом при переходе уменьшилась в размерах. Вокруг стояли гигантского размера деревья, и их кроны шумели и качались где-то далеко наверху, на головокружительной высоте. Травы доходили ей почти до плеча, кусты поднимались над головой, а ягоды были размером с большое яблоко, под некоторыми грибами она могла бы спокойно спрятаться в дождь, и листья были размером со свитки, которые она обычно читала. Осторожно пробираясь через всё это буйство природы, Эднартайя гадала, не великан ли этот самый Дарен.

По данным Учителем ориентирам она вскоре вышла на опушку и увидела дом. На её счастье, он оказался самого обычного размера. Охотничьего типа деревянный сруб, из трубы которого курился дымок. Помня о предостережениях своего наставника, Эднартайя решила для начала подобраться поближе. Она притаилась в кустах у забора и стала ждать. Вокруг дома был устроен огород с аккуратными грядками и ровными старательно выведенными дорожками между ними. На грядках зрели овощи и фрукты, поражавшие своими размерами не меньше, чем лесная растительность. Таких результатов огородничества Эднартайе не приходилось видеть ни у одного даже самого опытного фермера родных ей краёв.

Прошло немного времени, дверь дома отворилась, и из него вышел молодой мужчина крепкого телосложения, на вид не старше тридцати лет. Одежда на нём была самая простая для

обычного летнего дня: длинная рубашка, схваченная поясом, и штаны, заправленные в сапоги. Он понравился Эднартайе чертами лица, немного сурового, но не лишённого красоты. Волосы у него были русые, собранные в высокий короткий хвост, борода и усы казались чуть темнее. Мужчина тщательно запер дверь дома и, взяв тяпку, пошёл вдоль грядок. Он внимательно осматривал их, иногда останавливался и что-то подправлял, кое-где задерживался, чтобы прополоть. Так он провёл на огороде какое-то время, после чего вымыл руки и ушёл в дом.

Эднартайя оставалась там до самого вечера, пока тени не поползли по земле. За это время мужчина выходил из дома несколько раз по хозяйству, но на короткое время.

Эднартайе пришлось вернуться ни с чем. Отдохнув, она снова отправилась следить. В течение тридцати дней того мира, где жил Дарен, она навевалась к его дому. Учитель подтвердил, что она верно нашла и дом, и его хозяина. В присутствии Дарена подойти к дому было невозможно, но иногда он уходил куда-то на довольно продолжительное время, приведя себя в порядок и приодевшись. Он запирает все окна и двери самым тщательным образом, и Эднартайе стоило большого труда рассмотреть дом изнутри через узкие щели в ставнях. Ничего особенного, кроме обычной мебели и утвари, она там не увидела.

Эднартайя пришла к выводу, что простое наблюдение не даст ей результатов. Она пыталась представить, что на её месте предпринял бы Бран или Плутак, склонный к воровству, и в итоге решила на риск. Однажды она задержалась до темноты и, пробравшись к дому, стала наблюдать через щель ставней за Дареном. Он что-то готовил у стола к ужину. Не найдя под рукой приправ, он отправился к двери кладовки. За ней оказались полки, заставленные многочисленными банками и коробами. И вот среди них к своему удивлению, тщательно сдобренному счастьем, Эднартайя увидела того самого мишку с алым бантом. Этого было более, чем достаточно, и она поспешила обратно.

Вернувшись к Учителю, девушка поделилась счастливой новостью. Он предупредил её, что достаточно взять игрушку в руки и сконцентрироваться на намерении вернуться в его дом, чтобы произошло перемещение.

Был уже вечер в мире Большого Леса, как стала звать его Эднартайя, когда она появилась неподалёку от дома Дарена. Он был в огороде, заканчивал работу. Она дождалась, когда он уйдёт в дом, и наступят сумерки. Лес начал шуметь, и этот шум говорил Эднартайе, что вовсе не ветер тревожит деревья. Они приближались, а вместе с ними и время действовать. Эднартайя распустила волосы, изорвала подол платья и испачкала его землей. Выполнив все приготовления, она решительно пошла к дому, чувствуя, как за её спиной нарастает волнение чащи.

– Эй, кто-нибудь! Откройте! – закричала девушка, усиленно барабанила кулаками в дверь.

Она слышала, как он идёт через комнату, но не переставала кричать и стучать. Засовы, наконец, зашумели. Дверь открылась, и на неё уставилось суровое лицо Дарена. В руках он держал топор. Окинув её взглядом, он спросил низким, чуть хриплым голосом: "Ты кто такая?".

– Умоляю,пусти, господин! – проговорила она, оглядываясь на лес, будто то, что происходило за её спиной, было страшнее топора в руках хозяина дома.

– Пошла прочь! – грубо сказал он.

– Умоляю, что угодно, толькопусти, – она прижала руки к груди. Он проследил взглядом за её движением, скользнув на мгновение в вырез платья, и явно заколебался.

– Ладно, быстро, – согласился хозяин, пропуская гостью в дом. Как только Эднартайя вошла, он тщательно запер дверь.

– Благодарю, – прошептала она, дрожа всем телом.

– Ты кто такая? – спросил хозяин дома, проходя к столу и садясь за него. Он положил топор на столешницу перед собой, и Эднартайя увидела покрытую рунами рукоять.

– Луиза, – чуть запнувшись, ответила она.

– Никогда не видел тебя, Луиза, – сказал он, явно не торопясь ей верить. – Откуда ты?

– Из Альмандина, – девушка смотрела неотрывно на собеседника, боясь отвести взгляд от его рук, лежавших рядом с топором.

– Никогда о таком не слышал, – признался Дарен. – Это город?

– Город. Он далеко отсюда, у подножия Предела.

– Какого ещё предела? Предела чего? – не понял он.

– Это горы так называются, – пояснила девушка.

– Глупее названия не слышал. Ну да ладно. И что там в Альмандине? Хорошо? – спросил Дарен. Эднартайя утвердительно кивнула. – Тогда зачем ты оттуда уехала?

– Я не сама, – она на мгновение растерялась, но потом сообразила, что можно пустить в ход любую ложь, раз уж Дарену все эти названия ни о чём не говорят. – Меня должны были отвезти на свадьбу. К жениху. В другой город. Но наш караван сбился с пути. Бурей размыло и завалило дорогу в лесу, нам пришлось пуститься в объезд, и мы заплутали. А потом что-то случилось.

– Что? – он внимательно рассматривал её.

– Я не знаю. Кто-то напал на нас. Люди кричали. Отец сказал мне бежать, спастись. Я побежала. Сквозь лес. Было так страшно, деревья шумели. А потом всё завывало и загудело. И я думала, что погибну, но увидела свет и пошла к нему, – продолжала говорить она, даже не пытаясь скрывать своего волнения и дрожи, которые были теперь только на руку ей.

– И в какой город вы все ехали?

– Шатр, – ответила Эднартайя, вспомнив название, услышанное как-то от Брана, когда он рассказывал ей одну из своих многочисленных занятых историй. Дарен хмыкнул.

– Не знаю такого. Он далеко отсюда?

– Не знаю, а мы где? – переспросила девушка.

– Ладно, садись, – предложил он, убирая топор со стола. Было видно, что он не поверил ей до конца, но ему надоело вести допрос. Эднартайя подошла и устроилась напротив него. – Можешь остаться до утра, если готова.

– А что это за место?

– Мой дом, – он встал и направился к печке, где томился чугунок. Наполнив миску похлёбкой, Дарен принёс её девушке. – Голодна?

– Спасибо, – радостно ответила она и, взяв полученную от него деревянную ложку, стала есть. Варёво было простым, но вполне съедобным. Хозяин дома внимательно наблюдал, как его гостя утоляет голод.

– Может, вина хочешь? – поинтересовался он. Она улыбнулась и кивнула. Чуть нахмурившись, будто её ответ ему не понравился, Дарен пошёл к кладовке. Пока он доставал бутылку, Эднартайя успела рассмотреть на одной из полок заветную игрушку.

– Ты живёшь здесь один? – спросила девушка, наблюдая, как её собеседник разливает вино в два простых глиняных стакана.

– Один. За знакомство, Луиза, – он стукнул своим стаканом об её, не дожидаясь, пока девушка возьмёт его в руки, и выпил.

– Да, вот только я не знаю твоего имени.

– А тебе и ни к чему. Пей, – сказал Дарен. Эднартайя взяла стакан, сделала несколько глотков и сразу поняла, что с вином что-то не так. Это было не физическое ощущение, но оно запустило некое изменение.

– Вкусное вино. Сам делаешь? – спросила она, отставляя стакан.

– Да, на травах настаиваю. По дедовскому рецепту, – ответил хозяин дома, снова садясь и пристально всматриваясь в гостя. – Может, хватит врать про жениха и караван? Ведь ты не человек даже.

– Как это? А кто же я? – изумилась она.

– Вот ты мне и скажи, кто, – предложил Дарен. – Не ведьма, не оборотень, не одна из тех тварей, что обитают в этом лесу. Но и не смертная, иначе бы вино на тебя так не подействовало.

– Ты ошибаешься, я человек, – Эднартайя пыталась тянуть время, чтобы придумать дальнейший план действий. Она не ожидала, что он так быстро догадается.

– Мой дед, который научил меня делать это вино, – он кивнул на бутылку, – предупреждал о таких, как ты. Ведь тебе известно, кто я, как меня зовут, и пришла ты не случайно. Скажу тебе честно, ты не первая и не единственная, кто вот так наведывается ко мне. Но ни одному из прежних не хватало духу переступить порог моего дома. Поэтому в первое мгновение я даже усомнился, вдруг ты, и вправду, человек, – он снова положил топор на столешницу. – Это особое оружие. Видишь руны на нём? Благодаря им, оно способно уничтожить кого угодно. Поэтому, пока я тебя не убил, у тебя, красавица, есть возможность рассказать мне, зачем ты здесь. И дальше посмотрим. Уверен, моё имя тебе известно. Так что я хочу знать твоё.

– Эднартайя, – ответила девушка. – И я, действительно, из Альмандина. Но я не смогу сказать тебе, где он находится, потому что я не знаю, где нахожусь сама. Я провалилась в сон и в нём видела разные странные миры, пока не попала сюда.

– Это уже что-то, – хитро улыбнулся Дарен. – Значит, ты всё-таки маг.

– Нет, – она отрицательно покачала головой. – Я не знаю, как это вышло.

– Врёшь! Только маги на такое способны.

– Мой отец был магом, он уже умер. В детстве он учил меня, но так ничего и не вышло. А недавно я попыталась вспомнить его уроки, и вот я здесь, – пожалала она плечами. – Но я не знаю ни тебя, ни твоего имени, ни того, чем ты здесь занимаешься. Я пришла сюда по случайности, потому что твари в лесу преследовали меня, а сил уйти отсюда у меня уже не осталось.

– Правда? Тогда зачем ты врала мне с самого начала, если не знаешь меня?

– Отец меня учил никогда не выдавать незнакомцам ни своего имени, ни своей истории, пока я не буду уверена, что они безопасны. Вряд ли мужчину с топором можно считать таковым, – она невесело улыбнулась.

– Дай мне твою правую руку, – потребовал он. Девушка послушалась. Взяв её, Дарен внимательно рассмотрел ладонь и пальцы, а потом сжал в своей огрубевшей руке. – Не верю я тебе, Эднартайя, хоть ты и складно рассказываешь. Но убивать тебя сейчас не хочется. Красивая ты, да и полы я только сегодня вымыл. Так что мы подождём с тобой рассвета. Можешь не пытаться, из дома моего никакими силами, ни человеческими, ни магическими, не сбежать. Поэтому давай-ка выпьем с тобой ещё вина.

– Может, тогда ты мне что-то расскажешь? – спросила она, наблюдая, как он снова наполняет стаканы вином. – Например, про этот лес. Почему он такой огромный?

– Здесь не только лес огромный, малышка, – хохотнул он. – Ты ещё мой огород не видела! Вот там есть, чему удивиться. Какой у меня нынче перчик вырос!

– И как же так получилось? – Эднартайя невольно улыбнулась.

– Место тут особое, – Дарен выпил вино.

– Что в нём особенного?

– Говорят, один древний маг забыл здесь свою вещь, потерял в этих лесах. Это предмет обладающий особой живительной силой. Благодаря ему всё и растёт.

– Что же это за предмет такой? – спросила Эднартайя с любопытством.

– Никто не знает, – покачал головой Дарен. Посмотрев на собеседницу, он подмигнул ей. – А ты, крошка, не в меру любопытна, я смотрю.

– Не каждый день в такое место попадаешь. А судя по всему, терять мне уже нечего, – она кивнула на его топор, – так хоть узнать что-нибудь интересное напоследок.

– Я лишь сказал, что надо дождаться утра. А то, как мы его встретим, во многом зависит от тебя, – возразил он. – Особенно, если я пойму, что ошибся на твой счёт, Эднартайя. Чудное у тебя имя, кстати. Необычное. Кто тебя так назвал?

– Отец, – ответила она с некоторой грустью в голосе.

– Который умер, – он кивнул. – А есть у тебя ещё кто-то в твоём мире?

– Никого, – произнесла девушка, подумав.

– Выходит, некому тебе помочь, некому заступиться?

Она согласилась и стала по его просьбе рассказывать свою историю о путешествии в Альмандин. Научившись у Брана, Эднартайя описывала всё во многих интересных подробностях, стараясь сделать повествование как можно более захватывающим. Изменению подверглись лишь личности её компаньонов и отношения с ними. Дарен слушал спокойно, но с интересом.

Сидя спиной к кладовой, где находилась заветная игрушка, Эднартайя буквально чувствовала её присутствие. Несколько раз её одолевало желание попытаться вскочить и броситься туда, но она боялась, что даже внезапно не сможет опередить хозяина дома. А в таком случае и её попытка, и её жизнь закончились бы очень скоро.

– Занятно, – констатировал Дарен, когда девушка закончила рассказ. – Выходит, у нас с тобой много общего. Я тоже один в этом мире. Правда, в отличие от тебя, мои предки не оставили меня без помощи. Этот дом, и всё, что в нём есть, было создано ими. Каждый вложил часть своих сил в постройку и поддержание.

– Как интересно, – улыбнулась Эднартайя. – Как же это было?

– Например, мой отец сложил эту печь, когда старая пришла в негодность. А прадед сделал стол, – он постучал по столешнице. Девушка в свою очередь мягко погладила её рукой.

– А ты?

– Я сделал новую кровать и карнизы над окнами.

– На них изображён дракон? – спросила она, всматриваясь в хитросплетения орнамента, вырезанные на дереве. Он кивнул. – А можно, я поближе посмотрю?

– Можно, – ответил хозяин дома. Эднартайя встала со своего места и подошла к ближайшему окну, глухо забранному ставнями.

– Это замечательно! – восхищённо произнесла она. Дарен довольно улыбнулся. – Кто же первым и когда построил этот дом?

– Один из моих дальних предков. Говорят, он был особенный человек. Он, как и ты, был издалека. И кое-что принёс с собой, когда пришёл сюда, – говорил он.

Девушка тем временем подошла к другому окну и оказалась совсем рядом с дверью кладовой. Её сердце колотилось в бешеном ритме, охваченное волнением от предстоящего поступка. Она обернулась, чтобы посмотреть на собеседника, и увидела, что он вдруг начал вставать из-за стола. Его лицо стало таким, будто внезапная ужасающая мысль пришла ему в голову, и Эднартайя поняла, что он догадался.

Она бросилась к двери кладовой и рванула её на себя, в то время, как Дарен прыгнул через стол, пытаясь остановить её. Он был невероятно быстрым, но ему требовалось преодолеть половину комнаты, в то время как Эднартайе – совершить лишь короткое движение рукой. Она почувствовала под пальцами мягкую ткань старой игрушки в тот самый момент, когда Дарен был всего в нескольких шагах от неё. Ничего не произошло, и его огромная рука с невероятной силой сжала плечо девушки. "Ах ты, тварь", – взревел он.

Эднартайя зажмурилась и вдруг поняла, что её уже никто не держит. Открыв глаза, она увидела бескрайнее поле и справа от себя дом Учителя. В её руке по-прежнему был старый плюшевый медвежонок. Она посмотрела на него, покрутила в руке и заметила вышитый на банту символ: ромб, квадрат и чаша. Внезапное озарение поразило её, и Эднартайя так и замерла с игрушкой в руке.

– Поздравляю тебя, Эдни! – голос Учителя вывел её из ступора. Она обернулась, он стоял в нескольких шагах от неё. Он поднял руку, и медвежонок возник в ней, в то же мгновение пропав из рук девушки. – Я рад, что тебе удалось это непростое мероприятие. Наконец я буду свободен, а ты сможешь вернуться домой.

– Ты – Агний Рун, – произнесла Эднартайя, глядя на него. При звуках её голоса черты его лица начали прорисовываться сквозь неясную дымку, скрывавшую их прежде. – Я узнала символ

на банту. Он везде в Альмандине. Он был и в отцовских рукописях. Это твоя вещь, и на ней твой символ, иначе ничего бы не получилось с этим домом. Это часть твоей магии, часть заклинания.

– Всё верно, – ответил он. Его лицо окончательно сформировалось, и теперь перед Эднартайей стоял мужчина зрелых лет с проседью в чёрных волосах до плеч. Нос у него был длинный, прямой, глаза тёмные, глубоко посаженные под густыми бровями, губы тонкие. – Ты – смышлёная девушка, Эдни. Жаль было бы есть такую.

– Есть? – переспросили она, почувствовав, как страх своим холодным языком лизнул ей спину.

– Да, именно, – подтвердил он. – Ты вернулась наполненной, не заметила?

У неё не было времени обратить внимание, и только после сказанных им слов Эднартайя поняла, что её ощущения себя, действительно, изменились. Мир, да и она сама, будто бы сделались плотнее и тяжелее.

– Благодаря взаимодействию с моей вещью, тебе удалось вернуть себе связь с телом и восстановить силы, – пояснил он. – Теперь ты можешь гораздо больше, а я, съев тебя, смог бы вернуть себе значительную долю своих сил, потраченных в моём заточении. Но не волнуйся, я этого не сделаю. Во-первых, ты принесла мне мою вещь, и с ней я смогу восстановиться не менее успешно. А во-вторых, ты мне нравишься. Так что идём в дом, нужно вернуть мою вещь на место.

Это самое место находилось среди книг на одной из полок, что висели в спальне у кровати. Аккуратно устроив там медвежонка, его владелец присел на край постели и какое-то время любовался им.

– Как долго я его не видел, – наконец, произнёс он.

– Тот маг, что забрал его, это предок Дарена? – спросила Эднартайя. Он посмотрел на неё и улыбнулся.

– Верно. Как догадалась?

– Он мне кое-что рассказал.

– Дарен побеседовал с тобой? Эдни, это большая удача, – заметил он. – Всё так и было. Когда-то я отказался учить одного юношу, и он рассердился на меня. Ему удалось найти себе учителя и раскрыть свои магические таланты, а они, поверь, у него были. Когда я покинул Альмандин и своё тело в том мире, откуда ты пришла, он смог найти меня, этот дом, проникнуть в него и забрать мою вещь. Она хранилась у него и его потомков всё это время. Он предупредил всех своих детей и внуков, что вещь эта должна оставаться в их доме, и что за ней попытаются прийти. И до тебя никому не удавалось даже близко подобраться к их дому.

– Ты говорил, что твою вещь забрал один из твоих друзей, – заметила она.

– Мне кажется, или ты пытаешься уличить меня во лжи? – посмеялся он.

– Дарен упоминал, что это из-за твоей вещи его дом такой, – поспешила сменить тему Эднартайя, уловив в его словах небезопасный намёк.

– Не только. Всё-таки их предок был магом. Пусть и не я его учил, – Агний Рун посмотрел на неё. – Зато могу научить тебя. У нас с тобой ведь уговор. А магических уговоров нарушать нельзя.

– Я смогу вернуться?

– Разумеется. Ты сможешь путешествовать не только между мирами, но и выбирать, куда тебе отправиться в своём мире, меняя место и время событий. Но имей в виду, твоё тело сильно привязано к моменту, из которого ты отправляешься. Путешествуя, ты не сможешь ни есть, ни пить, что будет тебя всегда отличать от обитателей тех мест, куда ты попадёшь. Любой контакт будет забирать у тебя силы, и ты всегда должна это помнить. Израсходовав их, ты можешь потерять путь обратно, твоя связь с твоим миром порвётся, и ты навсегда останешься во Тьме. И ты даже не представляешь себе, что это значит.

– Я читала об этом в твоей книге, – сказала Эднартайя, выслушав его внимательно.

– Правда? – на его лице появилось выражение заинтересованности. – Это в какой же?

– "Наставления мага".

– Замечательно! Может, ты даже сможешь мне что-то из неё процитировать?

– "Сумерки – время быть иначе. Погружение во Тьму начинается там, где солнечный диск валится за горизонт. Твои глаза тебе больше не понадобятся, ибо они – суть обман. Каждая линия этого мира изменится до неузнаваемости. Только отпустив себя, ты сможешь принять перемены. Маг не смотрит, но видит. Маг не слышит, но воспринимает. Маг не думает, но знает. Творение происходит тогда, когда мысль следует за идеей, наполняясь чувствами, порождаемыми желаниями.

Ты больше не ты: не твои мысли, не твои чувства, не твои желания. Ты сейчас Тьма. Окупись в неё, пусть её тонкий покров станет твоей новой кожей", – без запинки проговорила Эднартайя.

– Отлично, Эдни. Вот только я никогда не писал ничего подобного, – сказал маг, криво улыбнувшись.

– Как же так? Говорят, всех молодых магов заставляют заучить твой труд наизусть.

– Что ж, им крайне не повезло, – пожал он плечами. – Можешь выбросить эту чушь из головы, она тебе не понадобится, чтобы вернуться.

– А что будет в тот момент, когда я вернусь в мой мир теперь? – обеспокоено спросила Эднартайя. – Сколько времени прошло с тех пор, как я здесь?

– Немного, время в твоём мире течёт медленнее, чем здесь. Идём, – он встал.

– Учитель, – позвала она. – Можно ли вернуться в твой дом снова?

– Разумеется, Эдни. Ты теперь здесь своя, – ответил Агний Рун. – Таков закон.

ГЛАВА 20. СМЕРТЬ

Кастор открыл глаза и увидел, что постель пуста. Пошевелив плечами и несколько раз наклонив в разные стороны голову, он встал и обернулся. Эднартайя стояла возле окна и смотрела на него спокойным, несколько отрешённым взглядом.

– Я вернулась, – произнесла она. – Ты искал меня, Кастор?

– Да, моя девочка, – ответил он, подходя и кладя руку ей на плечо. – Давно ты здесь?

– Не очень, – она посмотрела в окно. Бледный свет спускающегося по небосклону зимнего солнца наполнял сад. – Я не хотела тебя будить. Это ведь нехорошо. В доме никого нет, где они?

– Война, Эдни. Сегодня утром Бран уехал к Огненным Вратам вместе с дружиной. Он приходил проститься с тобой, но ты уже была не с нами, – рассказал маг.

– Значит, всё-таки началось, – проговорила она, вздохнув.

– Это было неизбежно, – возразил Кастор.

– Правда? – удивилась она. – Тебе это было известно?

Он чуть заметно кивнул, и Эднартайю обожгло вспышкой страшной догадки.

– Значит, всё правда. И о Бране тоже? – она пристально посмотрела магу в его спокойные глаза. – Ответь мне!

– Никто не может переломить течения жизни, моя дорогая, – произнёс Кастор тихо. – Всё, что нам остаётся...

– Нет, – горячо прошептала она.

– На что ты рассчитываешь? Остановить войско? Это никому не под силу.

– Один человек на это точно способен, – возразила она. В её голове уже зрел план, и она лихорадочно собирала его мозаику по кусочкам.

– Уже слишком поздно.

– Значит, нужно сделать шаг назад, – ответила Эднартайя и отступила в тень угла. Ещё мгновение она была в комнате, а потом Кастор понял, что остался один.

Орден наступал. Они текли, словно снежная лавина с гор, вставая на места своих раненых и убитых братьев. Ряды защитников Альмандина начали таять. Бран бил направо и налево, с размаху, от плеча, без прицела. Он знал, что позади него в отдалении стоит, сжав в побелевших от напряжения руках свой посох, Яра. Она бледная, с горящими лихорадкой глазами, и неосязаемый никем ветер треплет на ней её чёрные одежды.

Должно быть, благодаря обострённому боем слуху или, возможно, из-за какого-то стечения обстоятельств, Бран вдруг уловил чей-то тонущий в общем шуме крик: "Там ведьма! Убей её". Обернувшись, он увидел, как со спины к Яре пробивается сквозь толпу здоровяк, телосложением под стать брату Корпу. Расталкивая людей, Бран поспешил к нему наперерез, крича Яре, чтобы та оглянулась. Она услышала его, взглянула через плечо и вовремя отпрянула назад от сокрушительного удара. Потеряв равновесие, Яра упала, и кончик меча успел зацепить её сапог, вспоров вместе с ним и кожу на её ноге. Противник встал над ней во весь свой огромный рост, замахнулся, но сам был сбит с ног Браном, навалившимся на него со всей силой.

Ошеломлённая, Яра лежала и смотрела, как они вместе повалились на землю, как здоровяк сбросил с себя Брана и, подобрав свой меч, снова поднялся на ноги. Не дожидаясь исхода их поединка, девушка поползла в сторону. Оказавшись на безопасном от них расстоянии, она обернулась и увидела, что рыцарь Ордена сбил Брана с ног. Яра уже собиралась поспешить на помощь, но странник резко поднялся, схватил попавшееся под руку сломанное древко копья и атаковал противника. Он бил с такой скоростью и силой, что рыцарь едва успевал уклоняться. Бран выбил у него из рук меч и наотмашь ударил противника по голове.

Яра отвернулась, чтобы не видеть происходящего, и услышала жуткий крик, который издал рыцарь. Она уже поняла, что произошло, поняла внезапную перемену в Бране. Крепко сжав в руках посох, она из последних сил натянула на себя защитный купол. Теперь никто из окружающих не смог бы навредить ей, в особенности Бран. Она зажмурилась, но продолжала слышать, как кричат люди под его ударами. Она знала, что его не остановить, знала, что он уже не различает своих и чужих, что он будет рвать их, словно дикий зверь, пока не выбьется из сил. Ей не хотелось снова увидеть его лицо, искажённое яростью и свирепым безумием. У неё не осталось сил, чтобы исчезнуть с поля боя, оставалось только прятаться и ждать конца. Дурнота накатывала на Яру при каждом новом человеческом крике, и она лишь крепче сжимала посох, не позволяя себе провалиться в забытие.

Эднартайя увидела перед собой полутёмную комнату, в центре которой стоял стол. За ним, спиной к окну, сидел человек, читавший свиток при свете масляной лампы. Она сразу узнала в нём Приора, хоть и видела его раньше всего трижды, когда он навещался в гости к её отцу. Ей не удалось предпринять и малейшего действия, а Отец Кверн поднял голову от своего свитка и повернулся в её сторону.

– Чем обязан незваному гостю? – поинтересовался он невозмутимым тоном. Эднартайя сделала шаг вперёд и показалась в слабом круге света от настольной лампы. – Какая неожиданная встреча. Прошу, присаживайся.

Приор чуть улыбнулся и жестом указал на свободный стул, что стоял напротив него, по другую сторону от стола.

– Ты совсем не удивлён, святой отец, – проговорила она, садясь. Раньше воспитание не позволяло ей открыто смотреть на человека, который был старше её и выше по статусу, теперь Эднартайя могла хорошенько рассмотреть его. Ничего злого и хищного не было в лице Отца Кверна – воспоминания обманывали её.

– Во-первых, здравствуй, – сказал он с некоторой снисходительностью в тоне. Взгляд у него был уставший. – Мы давненько не встречались, а в таких случаях положено первым делом поприветствовать друг друга и поинтересоваться о здоровье. А ведь, судя по твоему виду и появлению, для тебя с нашей прошлой встречи прошло куда больше времени, чем для меня.

– Мне незачем спрашивать тебя о здоровье. То, что происходит, даёт мне право считать, что с тобой всё в полном порядке, – проговорила Эднартайя холодно, желая сохранить решительный настрой.

– Значит, всё идёт по плану, – довольно произнёс он и откинулся на спинку кресла.

– Зачем тебе эта война? – спросила она нетерпеливо. – Там гибнут люди. Невинные люди...

– Невинных людей не бывает! – покачал он головой. – Или твои учителя тебе этого не говорили? Каждый получает предназначенную ему меру.

– Не тебе об этом судить.

– Ты всё ещё не понимаешь, – Приор вздохнул. Его пальцы отбили неторопливую дробь по столешнице. – Ваша магия, как старый травяной настой, давно превратившийся из лекарства в яд. Его давно пора выбросить, но вместо этого вы продолжаете его подливать несведущим людям и смотрите, как они мучаются в жуткой агонии. Может быть, вас это забавляет, меня нет. Я в своё время видел достаточно, чтобы понять, что с этим следует делать.

– Ты сбежал на полпути, – напомнила она. – Что ты мог видеть?

– Я прошёл хотя бы половину, а ты лишь треть. Кто видел больше? – улыбнулся он. – Ты радуешься всем этим фокусам, но даже не подозреваешь, что за ними скрывается. Оттого такая смелость.

– Значит, из-за своих страхов ты готов лишать людей свободы и жизней?

– Ты знаешь, что такое Агний Рун? – спросил Приор. Эднартайя хотела было ответить, что она не только знает, но она говорила с ним, однако Отец Кверн опередил её. – Это проклятие, принесённое к нам из чужих земель. Некоторые думают, что с его помощью можно получить силу и даже вечную жизнь, но всё, что им уготовано, – это бесконечные страдания. И я делаю то, что должен. Спасая от него людей. Жаль, что я не сумел вовремя спасти тебя.

– Спасти меня? – Эднартайя постаралась сдержать волну возмущения, но в её тон всё же проскользнули нотки раздражения.

– Представь себе, – по-отечески улыбнулся он. – Спасти, как и многих других, чьи жизни чуть не погубила вся эта магия. Ведь есть нечто большее, чем смерть тела. Я о тех муках, которые испытывают души магов, не способные обрести покой веками. Тебе ведь приходилось с ними встречаться, уверен.

– Не всех магов ожидает подобная участь, – возразила она.

– Как знать.

– Значит, мы не сможем договориться, – подвела итог Эднартайя и поднялась со своего места.

– Не сможем, – подтвердил Приор. На лестнице послышались торопливые шаги, и кто-то поспешно и в то же время крайне робко постучал в дверь его кабинета.

– В таком случае, прощай, святой отец, – она отступила в тень угла и растворилась в ней.

Отец Кверн какое-то время смотрел в направлении теперь уже пустующего угла, а потом произнёс: "Да, заходи". Дверь приоткрылась, и в проёме показалось взволнованное лицо его секретаря.

– Ваше святейшество, – проговорил секретарь. Он беглым взглядом окинул комнату, и было ясно, что он пытается увидеть собеседника Приора, голос которого слышал из-за двери.

– Я один, – желая прекратить его попытки, сказал Отец Кверн. – В чём дело?

– Велено докладывать. Охранники сообщили, что в камере заключённого Алвиса они слышали женский голос, но когда пришли, заключённый был один.

– Всё в порядке. Можешь сказать охране, что беспокоиться им не о чем. Гостя больше не вернётся, – ответил Приор, возвращаясь к своему свитку.

Как в кошмарном сне, который являлся ему много раз за эти годы, Бран услышал надрывный человеческий крик. Но это был крик не его сводного брата, и он точно знал, что не спит, хотя перед

глазами стояла пелена и он не чувствовал собственного тела. Чёрный дурман ярости держал его крепко, и первые попытки высвободиться из его хватки не принесли результата, но Бран не сдавался. Снова и снова он пытался ощутить почву под ногами, как учил его Кастор, почувствовать кожу собственных рук, вернуть себе право управлять собственным телом. Цепляясь за немногие смутные вспышки осознания, он пытался оказаться в своём здесь и сейчас.

Внезапно его ослепило коротким, как искра огнива, воспоминанием, когда он, будучи ещё совсем мальчишкой, оказался в холодном весеннем пруду. Братя, решив в очередной раз посмеяться, притащили и бросили его туда. Они стояли на берегу и смеялись, и Бран сквозь толщу тёмной вязкой, как само серое небо, воды слышал их. Ему вспомнилось, как преодолевая сопротивление тяжёлой водной массы, он изо всех сил стал двигать руками и ногами, пытаясь подняться вверх. Он вспомнил то своё стремление, полное неукротимой воли, выбраться и вздохнуть. Вспомнил и ощутил себя полным им.

Пелена начала рассеиваться, и Бран почувствовал под ногами землю. Смутный шум, заполнявший собой пространство, постепенно спадал. Звуки становились всё объёмнее, нарастали и множились. Его глаза уже различали людей, ближние и отдалённые предметы, лес вдалеке и башни Огненных Врат. Опустив взгляд, Бран увидел, что стоит на рыхлой, взбитой множеством ног, земле, увидел перепачканные грязью собственные сапоги, выдержавшие в тот день немало испытаний, и всё же целые. Ему вдруг стало смешно от простой и такой бытовой, а потому согревающей, мысли о том, что Кастор всё же был прав, посоветовав купить сапоги у Мабона – они не подвели. В тот момент всё разом вернулось к нему, вся его нынешняя жизнь в Альмандине, все, кто окружал его. Оно пришло вместе с тем приятным светлым чувством встречи со старым и знакомым миром, когда долгое путешествие, наконец, оканчивается у родного порога.

Весь этот хоровод мыслей и образов пронёсся стремительным потоком в голове Брана, окончательно приведя его сознание в порядок. Он поднял голову и быстро осмотрелся. Битва шла к концу, и дела Альмандина были плохи. Защитники начали отступать, точнее, бежать с поля боя. Задерживаться не имело смысла. Подобрал с земли кем-то брошенный меч, Бран стал уходить. Он оказался немного в стороне от основного места действия, и теперь шёл лишь мимо убитых и раненых, посматривая по сторонам. Тело устало и плохо слушалось, потому Бран старательно экономил силы. Нужно было дойти до леса и укрыться в нём от неприятельских глаз.

Он заметил Яру случайно. Она была в стороне от него и значительно ближе к месту битвы, чем пролегал его путь, сидела на земле, сжавшись и обхватив себя руками. И только посох высился над ней одинокой голой палкой. По тому, что её не тронули, Бран догадался, что девушка колдует. Он пошёл к ней, держа меч на изготовке и напряжённо следя за маячившей впереди дракой. Яра смотрела вдаль стеклянными глазами и вся дрожала. За два шага до неё странник натолкнулся на невидимое препятствие, которое защищало её всё это время. Ему пришлось несколько раз громко выкрикнуть её имя, прежде чем она услышала его. Барьер пропал так внезапно, что Бран не удержал равновесие и бухнулся на колени перед девушкой. Она кинулась к нему на грудь и прижалась, вся дрожа и нервно всхлипывая.

– Все истерики потом, нужно уходить, пока живы, – проговорил он. – Ты можешь идти?

– Я ранена, – ответила непослушным голосом она и откинула край плаща, демонстрируя рассечённый на голени окровавленный сапог.

– Ладно, держись.

Бран встал и помог ей подняться. Яра опиралась на его плечо, стараясь не наступать на раненую ногу. Одной рукой он удерживал её, в другой нёс меч и постоянно оглядывался на поле боя, остававшееся за их спинами, но никто не пытался их преследовать. Так они добрались до края леса. Яра была бледна, и было ясно, что идти дальше она не сможет. Усадив её у дерева, Бран осторожно снял сапог с её покалеченной ноги.

– Нужно перевязать, – сообщил он, принявшись расстёгивать на себе ремни и снимая кольчугу. Оказавшись на холодном воздухе без доспешной куртки, Бран понял, насколько его рубашка была мокрой от пота. – У тебя есть чистый платок или что-то вроде него?

– Есть, – Яра полезла во внутренний карман кафтана и извлекла оттуда искомую вещь.

Странник приложил платок к ране и туго замотал её сверху оторванным рукавом своей рубашки.

– Нам повезло, – сообщил он, снова надевая куртку. – Вон там справа от нас стоит лошадь. Ты сможешь посидеть здесь одна? Я быстро сбегаю за ней, и мы дальше поедem верхом.

– Конечно, – слабо кивнула девушка.

– Держись, мы сегодня будем в Альмандине, – подбодрил он. Рука Яры легла на его руку.

– Я тебя всегда любила, Бран, – прошептала она.

– Всё потом, береги силы, – с этими словами он прихватил меч и побежал к лошади.

Она стояла, вяло переминаясь с ноги на ногу. Поводья туго обмотались вокруг кисти руки её теперь уже мёртвого хозяина, тело которого лежало рядом. Погладив и успокоив животное, Бран стал распутывать поводья. Он почти уже справился с ними, когда увидел, что к нему идёт какой-то человек, завернувшийся в плащ Ордена. Его рука торопливо нащупала холодную рукоять меча, но незнакомец замахал ему и скинул плащ. Присмотревшись, Бран узнал в человеке одного из дружинников.

– Что за день, в аду, должно быть, и то попрохладнее. Верно, командир? – произнёс он, улыбаясь. Одежда и лицо его были выпачканы в грязи и крови, на нагруднике виднелись вмятины.

– Что поделаешь. Отступаем?

– Да, – сказал Бран, внимательно глядя на него. Что-то было не так с этим дружинником, но он никак не мог понять, что именно.

– Хорошо, что хоть одна лошадевка есть.

– Только нам с тобой на ней вряд ли удастся прокатиться. Там девушка, Яра. Она ранена, нужно отвезти её в Альмандин, – он кивнул в ту сторону, где оставил спутницу.

– Само собой, – дружинник быстро изменился в лице. – Давай подсоблю тебе.

Он взял лошадь под уздцы, чтобы та не тянула повод. Бран опустил на одно колено так, чтобы оставаться лицом к соратнику и снова занялся поводом. Освободив лошадь, они пошли к Яре.

– Нам бы только поспеть в город до Ордена. А то ведь наши запрут там, и что станем делать? – всё говорил дружинник, пока они шли. Было похоже, что он сильно напряжён и потому не может молчать. Бран никогда не разговаривал с ним лично прежде, ничего не знал о нём и никак не мог вспомнить его имя, хотя был уверен, что знал его. – А сильно ранило Яру? Хоть дотянет до города? Сегодня столько народа полегло.

Они дошли до места. Девушка сидела всё так же, как Бран оставил её. Передав поводья дружиннику, он подошёл к ней, чтобы взять на руки и посадить на лошадь. Тогда это и случилось. Мысль была быстрее действия. Она скользнула подлой змеей, успев отравить ужасным осознанием, но не подарив шанса на спасение. Почему болтливый дружинник вдруг замолчал? Ответ настиг его быстрее, чем он мог бы что-то предпринять, и впился холодным остриём клинка под левую лопатку. Бран увидел, как искажается ужасом лицо Яры. Он невольно схватился рукой за грудь, его пальцы вцепились в ткань рубашки. Сила, что извлекла клинок из его тела, потянула его назад. Нестерпимое давление в груди сменилось обжигающей болью. Бран попятился, не удержался на ногах и упал на спину, судорожно хватая ртом воздух. Отчаянный вопль Яры задрожал в верхушках сосен над ним.

– Это тебе за друга моего Элбана, мразь, – процедил дружинник. Он бросил взгляд на трясущуюся Яру, поднял было меч, но потом убрал его в ножны и сплюнул. – Туда вам всем и дорога.

Он быстро вскочил в седло и пустил лошадь рысью в лес. Яра подползла к Брану. Он часто и коротко дышал, уставившись пустыми глазами в небо. По щекам девушка побежали ручьи слёз.

– Нет, Бран, нет, умоляю тебя, – снова и снова шептала она, глядя, как всё сильнее бледнеет его лицо.

Эднартайе больше не требовалось привыкать к освещённости помещения. Её глаза будто заранее знали, к чему готовиться. Поэтому она сразу смогла различить в мрачной камере человека, лежавшего на соломе в углу. Он был в такой непринуждённой позе, словно мечтал, глядя на полное звёзд небо, а не закопчённый старый потолок. Услышав её дыхание, он приподнялся на локте и посмотрел на неё.

– Эдни? – его глаза озарились сиянием улыбки. Он встал, отряхнул с себя солому и открыл объятия. – Девочка моя!

– Папа, – сорвалось с её чуть дрогнувших губ. Эднартайя стояла, не шевелясь. – Только я не смогу тебя обнять. Прости.

– Не бойся, подойди, – позвал он. Девушка приблизилась к нему. Алвис поднял руку над её головой и задержал на несколько мгновений. Эднартайя ощутила знакомое нежное чувство, разливавшееся в её сердце всякий раз, когда отец обнимал её. – Видишь, мне совсем не обязательно касаться тебя, чтобы дать то, что я всегда давал тебе. Значит, ты всё-таки смогла! Вспомнила! Ты – Скользящая во Тьме!

– Да, папа, – согласилась она, пристально всматриваясь в черты любимого отцовского лица.

– Расскажи, как это произошло, – горячо попросил Алвис. – Расскажи мне всё!

Они сели друг напротив друга, и Эднартайя рассказала об их походе и встрече с Кастором, о жизни в городе, о Бране и его успехах в Совете, о себе и встрече с Агнией Руном. Алвис слушал её с довольной улыбкой, время от времени кивая, порой восторженно хлопая себя по колену. Он был увлечён рассказом больше самой рассказчицы и не скрывал этого.

– Я знал, что вам нужно позволить остаться вдвоём с Браном, но сделать это в нашем доме было невозможно, – проговорил он, когда девушка закончила своё повествование. – Та ваша встреча у колодца оказалась неприятной неожиданностью для всех. Я нашёл тебя в тот день в саду без сознания, а когда ты очнулась, то уже ничего не помнила из того, чему я тебя учил. Обсудив случившееся с Кастором, мы решили, что ваше общение постепенно должно всё расставить по местам и вернуть твои воспоминания. Но Бран не хотел, чтобы ты вспомнила его таким и старательно держал с тобой дистанцию. Я не смог бы повлиять на ваши отношения, хотя и видел, что вы симпатизируете друг другу. Тогда у нас и возник план отправить вас двоих в Альмандин.

– Папа, это сводничество, – рассмеялась Эднартайя.

– Нет, дорогая, мы лишь хотели, чтобы вы общались. Всё остальное, исключительно ваш выбор, – он лукаво подмигнул. – Но я за тебя рад. Бран – отличный парень. Да и план наш вполне удался, хоть и с некоторыми оговорками в лице ваших компаньонов.

– Они – хорошие люди. Не считая Плутака, – усмехнулась она.

– Слепой юноша по имени Морк, который видит больше, чем может показаться, – кивнул Алвис. – Будь осторожна с ним Эдни, он не так прост и безобиден, как некоторые могут считать. С тем, кто однажды попал на путь магии, всё по определению не может быть просто.

– Как, например, с Отцом Кверном?

– Да, – согласился он.

– Перед встречей с тобой я была у него.

– Правда? Для чего?

– Я думала, что смогу убедить его остановить войну. Но он не захотел меня слушать.

– Отец Кверн ничего бы не смог изменить, – Алвис покачал головой. – Он лишь тот, кто должен совершить предначертанное.

– В каком смысле?

– Мир меняется, моя малышка. Старое должно уступить место новому порядку. Время древней магии прошло, она тоже должна сменить форму, нравится нам это или нет. И мы либо примем перемены и найдём способ подстроиться, либо будем стёрты с лица земли, – пояснил он.

– Да, и сделано это будет руками Приора. Он боится и ненавидит Альмандин, магию, всех, кто хоть что-то знает.

– И тем не менее, Кверн кое в чем прав. Есть много ужасных, уродливых, опасных проявлений той магии, которой наполнен Альмандин. Магия – это не путь к свету, моя дорогая.

– Ты сейчас говоришь, что магия – зло? Или я чего-то не понимаю? – уточнила она.

– Я хочу сказать, что ошибался, Эдни. Путь мага не для каждого. Он наполнен тяжёлым кропотливым трудом, тренировками, дисциплиной. Человек должен многое сделать на этом пути, преодолевая себя и свою природу. Нельзя просто разбрасывать эти знания в надежде на то, что люди внезапно станут другими лишь от соприкосновения с ними. Скорее наоборот, знания принесут смятение и беспорядок, – Алвис вздохнул. – Ты ведь знаешь историю Агний Руна. Его соплеменники оказались не готовы к знаниям. Мы тоже.

– Но ведь прошло столько времени.

– И всё же недостаточно. Люди боятся и не верят. Они думают, как использовать новые знания в своих мелочных корыстных целях, чтобы завладеть деньгами, вниманием других и прочими будничными благами. Они ещё не готовы думать иначе, не пришло время. Это нужно принять, – он развёл руками. – Но всё изменится. Поэтому я приветствую всякие перемены, даже те, которые несёт Приор.

– И потому ты здесь?

– А это моё личное испытание, егоза, – Алвис подмигнул дочери. – И не вздумай говорить мне сейчас, что меня ждёт!

Она улыбнулась, и между ними на короткое время повисла пауза, в течении которой они продолжали рассматривать друг друга.

– Жаль, что всё так...

– Ничуть! Всё прекрасно, – возразил он. – И я даже смог снова увидеть тебя, моя девочка. Это дорогого стоит, ведь не всем нашим планам суждено осуществиться. Маг это понимает и принимает. Так что не расстраивайся на счёт Приора и войны. Такую глыбу не сдвинуть в одиночку. И в тоже время это не означает, что ты ничего не можешь изменить в происходящем.

– Да, – согласилась Эднартайя и вдруг услышала стук. Ритмичные знакомые удары, она узнала их. Это был стук его сердца, который вдруг начал угасать. – Бран! Он не вернётся. Папа, он умрёт там.

– Да, – ответил Алвис, глядя на взволнованную дочь. – И ты это знала, не правда ли? И именно поэтому пошла к Приору, а не ради каких-то неизвестных погибающих на войне людей.

– Я не хочу, – прошептала Эднартайя.

– Вот видишь, для многих магия становится лишь инструментом достижения собственных целей.

– И что же мне, бросить его умирать?

– Делай то, что считаешь нужным, только не трать зря силы, – подбодрил Алвис. Эднартайя посмотрела на него с нежностью.

– Я тебя люблю, – проговорила она. – Прощай, папа.

– И я тебя, моя милая Эдни, – ответил он.

Сквозь слёзы Яра увидела, что со стороны поля к ним идут люди в плащах Ордена. Это был шанс лучший, чем остаться умирать на краю холодного леса. Она начала махать им, продолжая смотреть на Брана и боясь отвести от него взгляд. Его дыхание теперь становилось всё реже и тише. Бран умирал, и уже никакие лекари не смогли бы этого изменить, но Яра продолжала махать вопреки этому, вопреки рассудку и боли в ноге.

Вдруг его губы шевельнулись, и Яра услышала его тихий, будто шелест последней листвы на деревьях, голос. Он произнёс имя. Имя, которое она хотела бы меньше всего сейчас услышать.

– Нет, Бран, это я, Яра, я с тобой, – заговорила она, склоняясь над ним. – Сюда!

Девушка закричала и подняла взгляд, чтобы посмотреть, идут ли всё ещё к ним люди, но вместо них увидела её. Ту, чьё имя Бран шептал мгновение назад. Или, быть может, Яре померещилось от пережитого ужаса и слабости. Если это и была Эднартайя, то она казалась не плотнее тумана или дыма, а в следующее мгновение и вовсе растаяла. Бран сделал отрывистый вдох, и Яра быстро перевела взгляд на него. Ей показалось, что его кожа стала настолько белой, что начала светиться, как снег на солнце. Это свечение становилось всё сильнее, оно начинало слепить и резать глаза. И в то же время Яра услышала странный гул. Он нарастал вместе со свечением, он был назойлив и невыносим. Она закрыла уши руками, но и это не помогло. Гул проникал в её голову, он заполнял собой всё пространство, казалось, даже воздух начал дрожать от него. Гул и свечение давили на неё, поглощали. Сжав голову руками, Яра повалилась на землю и застонала. Ей казалось, что ещё немного, и она сойдёт с ума. А потом что-то ударило её. Словно мягкая, но мощная волна прошла по ней, лишая последних сил. Перестав сопротивляться, Яра потеряла сознание.

Брат Корп стоял на городской стене и смотрел на то, как от линии горизонта подтягиваются к городу отряды. Знакомые ему знамёна Хранителей развевались на беспокойном утреннем ветру. До самого рассвета в Альмандин возвращались уцелевшие защитники, но среди них не было ни Брана, ни Яры, и теперь ждать их было уже бесполезно.

Орден понёс значительные потери, но перевес по-прежнему был на его стороне. Возможно, недостаточный, чтобы осадить укреплённый город без дополнительной помощи, но и ждать её, вероятно, оставалось не долго.

Совет собрался на совещание ещё вечером, когда пришло известие о поражении. Утром их ждали новые неприятные новости: ни один из соседей не ответил утвердительно на просьбу Альмандина о помощи. Городские стены оцетинились, люди в напряжении ждали гонца от Ордена с требованиями.

Он появился только к полудню, когда основные силы Хранителей подтянулись и встали на безопасном удалении от города. Сверкая начищенной бронёй на солнце, надсаживая глотку, он снова и снова зачитывал условия под городскими стенами, а потом развернулся и поскакал прочь. Брат Корп всё слышал собственными ушами со своего дозорного места и видел, как поднялась волна беспокойства среди горожан. Они ждали осады, но Орден неожиданно пошёл на уступки и предлагал сделку. Он требовал выдать ему именитых горожан в соответствии с оглашённым списком и открыть доступ в городскую библиотеку для дальнейшего распоряжения её содержимым. После чего Орден обещал покинуть город, не тронув ни одного другого жителя или дома. Как и следовало ожидать, предложение звучало слишком заманчиво, чтобы кто-то захотел отказаться от него и пойти на принцип.

Она пришла в себя и увидела, что лежит на простой походной кровати в большом шатре. Помимо неё здесь было не меньше двух десятков человек. Пахло лекарствами и кровью, слышались стоны и раздражённые торопливые голоса. Увидев, что она поднялась на локтях и осматривается, к ней заспешил человек в длинной серой рясе. Хотя на лице его читалось беспокойство, глаза у него были мягкие и добрые. Подойдя, он коснулся тёплой рукой её лба.

– Как ты себя чувствуешь, сестра? – спросил он, внимательно разглядывая её лицо.

– Хорошо, – начала она и осеклась. Судя по обстоятельствам, с ней что-то произошло, и она попыталась проанализировать своё состояние, выискивая в теле неприятные ощущения, но ничего не обнаружила.

– За ногу не волнуйся, она в порядке. Рана была не опасная, я промыл её и наложил мазь. Сейчас она не должна болеть, – сообщил человек в рясе.

Она перевела вопросительный взгляд с него на одеяло, которым была укрыта по пояс, и откинула его. На левой ноге штанина была распорота до колена, и многочисленные слои бинтов скрывали под собой то, о чём говорил заботливый незнакомец.

– Но ты потеряла много сил, тебе нужно хорошо есть и много пить, – добавил он, кивнув на прикроватный столик, на котором стоял глиняный стакан с водой. – Скоро принесут обед. Ты сможешь отдохнуть, но потом тебе нужно вернуться к своим. Откуда ты, сестра? И как попала на поле боя?

Она молчала, переводя испуганный взгляд с него на забинтованную ногу. Выражение лица незнакомца сменилось. Он явно начал догадываться о причинах её страха.

– Как твоё имя? – прозвучал его вопрос.

На её глазах вдруг навернулись слёзы и нежные пухлые губы задрожали, готовясь скривиться от плача.

– Тише, сестра, успокойся, – он ловко вложил в её руку стакан с водой и заставил сделать несколько глотков. – Такое иногда случается. Тебя, должно быть, что-то напугало. Мне сказали, что тебя нашли раненую на краю леса. Ты звала на помощь, пока не потеряла сознание. Вероятно, кто-то напал на тебя, приняв по ошибке за врага.

– Где мы сейчас находимся? – спросила она, убирая дрожащей рукой рыжие пряди волос за ухо.

– Это полевой госпиталь Ордена Хранителей Чистой Веры, – сообщил незнакомец. – Был бой, и здесь мы лечим раненых.

– Бой? С кем?

– С войском из Альмандина.

Она нахмурилась. Название казалось ей знакомым, с ним явно было что-то связано, но воспоминания никак не хотели просыпаться. В этот момент к ним подошёл ещё один человек в рясе. У него было недовольное выражение лица.

– Что вы тут расселись и чешете языками? Нам свободных коек не хватает, людей приходится на землю класть. Вставай, раз пришла в себя!

Она поспешила освободить место. Тот человек, что говорил с ней всё это время, помог ей встать и отойти в сторону. К постели принесли на носилках мужчину без сознания и стали перекладывать.

– Наверное, мне стоит вернуться в Альмандин, – сообщила она, наблюдая за процессом. – Это название кажется мне знакомым.

– Да, сестра, лучше сделать так, – согласился незнакомец в рясе. – Я помогу тебе это сделать. Здесь есть пленные, которых будут возвращать в город, ты сможешь отправиться с ними.

ГЛАВА 21. КРЫЛЬЯ ИОЛЫ

В комнате, где заседал Совет, царил полумрак. Отворив скрипнувшую дверь, вошёл брат Корп. Его пригласили на заседание, так как он был единственным из паладинов, кто мог присутствовать от братства. Гарад вернулся ночью, истекая кровью, и теперь лежал в горячке среди многих других раненых. Остальных братьев Альмандин так и не дождался. Корп сел за стол и посмотрел в мрачные лица присутствующих.

– Беспокойство нарастает, – сказал он. – Люди собрались на площадях. Они готовы выполнить требование Ордена.

– Как поступит Орден? – спросил его Кастор.

– Вряд ли он решится на штурм. Город хорошо укреплен, а Орден уже многих потерял. Вероятнее всего, будет долгая осада и повторение условий, пока горожане не сдадутся.

– Они сдадутся, – пообещал Арт.

– Что ж, господь маги, не теряйте времени! – пробасил Борво. – Делайте то, что собирались.

– А мы? Что будет с нами? – поинтересовалась дама, вечно опаздывающая на собрания. – В списке мы все, между прочим.

– А вам нужно бежать, – ответил Корп. – Вот прямо сейчас, отсюда, пока за вами не пришли. Вернуться вы сможете не скоро, если вообще сможете, но жизни сохраните. Если уж Орден знает вас всех поименно, значит, в Альмандине давно его шпионы.

– Ну уж нет! – купец ударил кулаком по столу, отчего его соседка, сидевшая справа, испуганно подскочила на стуле. – Я ни от кого никогда не бегал, чтобы теперь поджимать хвост, как паршивая дворняга.

– Быть в плену у Ордена тоже не много чести, – заметил Корп.

– Никуда я не побегу, пусть делают, что хотят.

– Тогда решайте, кто идёт, а кто остаётся, мешкать нельзя, – сказал паладин.

К вечеру того же дня на центральную площадь вышли маги, те, чьи имена оказались в списке Ордена, за исключением ученицы Кастора Яры и ещё нескольких молодых магов. Вёл их Арт, на лице которого лежало выражение спокойствия и умиротворения, будто шёл он со своими товарищами не иначе как на приятную прогулку. Собравшиеся горожане расступились, пропуская их вперёд, провожая вопросительными взглядами. Со многими из них маги здоровались так же непринуждённо, как и в прочие обычные дни. Их группа подошла к помосту, и Арт поднялся на него. В установившейся тишине его голос звучал приветливо и звонко. Он сказал, что маги Альмандина принимают условия Ордена, чтобы не подвергать жизни горожан опасности. Для этого они отправляются в Библиотеку, где будут ждать эскорт Хранителей на рассвете. Остальных членов Совета можно будет найти в их домах.

Его сообщение встретило молчание. Над площадью повисла тишина. Каждый понимал цену свободы, и никому не хватило духу радоваться. Подождав немного, Арт спустился с помоста и вместе с товарищами направился к зданию Библиотеки. У её дверей они встретились с городским наместником. Он обещал, что выполнит просьбу Арта и откроет ворота города не раньше восхода. Когда всё было улажено, маги ушли в здание. У дверей была выставлена охрана из нескольких горожан для предотвращения возможных конфликтов.

У рассвета было много свидетелей в то утро. Одним из них был брат Корп, снова занявший свой пост на городской стене. Ночью гонец отвёз сообщение в лагерь Ордена о том, что утром ворота города будут открыты, и теперь отряды Хранителей стояли под стенами, ожидая обещанного. Когда солнце чуть показало огненный край над горизонтом, петли городских ворот заскрипели и пришли в движение. В тот момент паладин стал поспешно спускаться со стены, чтобы присоединиться к толпе, выстроившейся вдоль улиц. Он хотел видеть тех, кто войдёт в Альмандин, и опоздал совсем немного. Встать в первых рядах ему не удалось, но благодаря своему росту брат Корп хорошо видел людей в латах Ордена. Он всматривался в их лица, но не узнавал ни одного. Они казались ему совершенно одинаковыми и бесцветными, полными холодного упорства и безразличия к окружающим.

Толпа стала перетекать вслед за продвижением Хранителей по улицам города. Никаких криков, никаких посторонних звуков, кроме стука сапог по мостовой и коротких приказов. Впереди колонны шёл сам городской наместник с серым от переживаний лицом. У здания Библиотеки он остановился, дал знак охранникам и стал отпирать замки. Брат Корп хорошо видел, как дрожат от волнения его руки, и как ключ, пляшущий в его пальцах, царапает замочные скважины.

Наконец, двери были открыты, и один из военачальников Ордена вышел вперёд. "Веди", – коротко сказал он наместнику, и оба они ушли в здание, а за ними последовала дюжина солдат, которые должны были обеспечить конвой для магов. В напряжённой тишине слышались гулкие звуки их удаляющихся шагов. Толпа замерла. Все всматривались в тёмный проход, уходивший в недра здания.

Крик был таким резким и неожиданным, что многие испуганно вздрогнули, и людская масса чуть подалась назад. "К порядку. Строй. Оцепить место. И выведите этого припадочного, чтобы не мешался", – раздались из глубины комнат чёткие команды военачальника. Вскоре показались двое солдат, которые вели под руки совсем бледного наместника. Он буквально повис на них, с трудом волоча по земле непослушные ноги и всё повторял: "Сгорели, сгорели! Все, как один, исчезли в пламени".

А потом орденские отряды оцепили здание, и толпе пришлось потесниться. Позже подогнали обозы, и на них стали грузить сундуки, набитые свитками и книгами. Всё это продолжалось почти до вечера. Забрав то, зачем пришли, Хранители сняли оцепление и ушли, оставив двери открытыми. Разумеется, сразу же после этого туда проникли первые из любопытных носов Альмандина, но ничего, кроме пустых полок и хранилища не обнаружили. Позже наместник, которого удалось путём многих усилий и всяческих снадобий привести в себя, рассказал, что видел, как маги на его глазах обернулись огнём и исчезли. Однако никто ему не поверил, потому что пребывал он в крайне расстроенном и взволнованном состоянии, да и вообще слыл человеком чересчур впечатлительным.

Что бы в Библиотеке ни произошло, людям из Ордена так и не удалось найти магов, указанных в списке. Неизвестно, какие приказы от Приора на сей счёт имел военачальник Хранителей, но никаких поисков предпринято не было. Со стороны могло бы показаться, что он остался вполне удовлетворён случившимся. Пока его люди разбирали книжные полки, он отдал новые приказы. Выполняя их, несколько конвойных отрядов отправились по указанным адресам за теми членами Совета, кого в Библиотеке застать не удалось. Большинство из них пропали из города без вести, но несколько человек всё же были арестованы. Один из них, впрочем, оказал такое отчаянное сопротивление, что взять живым его не получилось.

Весть о смерти купца Борво разлетелась по Альмандину невероятно быстро. Конвойный отряд только покидал его дом, а у ворот уже собралась толпа. Тело было приказано оставить в доме, и солдаты уходили с пустыми руками. Они прошли сквозь ряды молчаливых собравшихся, ни на кого не обращая внимания, в том числе, на невысокую хрупкую женщину, прикрывшую лицо руками, за которыми она прятала от присутствующих слёзы боли и отчаяния.

Это был один из немногих инцидентов, случившихся в тот день. Люди из Ордена безукоризненно соблюдали дисциплину и обещание не причинять вреда населению. Быть может, он был бы даже единственным, если бы не особое стечение обстоятельств.

Солнце уже приготовилось совершать своё ежедневное нисхождение, когда дверь комнаты Плутака приоткрылась. С момента отъезда Яры он ни с кем не общался и выходил разве что по нужде и чтобы на скорую руку утолить голод. В доме в эти дни было тихо, Кастор не возвращался, и только лишь лёгкие шаги Иолы иногда слышались на лестнице.

– Плутак, – мягко прозвучал её тихий голос. Он лежал на постели и даже не пошевелился в ответ. – Идём. Раненые вернуться домой. Яра.

Пожалуй, ничто другое не смогло бы заставить Плутака встать, если бы не это имя. Он повернулся и сел на постели.

– Откуда знаешь? – спросил он хрипло.

– Люди идут, говорят, – ответила девушка. – Идём. Отведу.

Она подошла и взяла его за руку. Так они выбрались из дома. Иола сжимала пальцы Плутака в своей маленькой тёплой ладошке, уверенно ведя его за собой по улицам простуженного

первыми морозами Альмандина. Холод немного взбудрил слепого, успевшего за дни своего добровольного заточения отвыкнуть от человеческой компании. С каждым новым кварталом становилось всё болеелюдно. Плутак догадался, что они направляются к воротам. И чем ближе они становились, тем сложнее им было маневрировать в толпе собравшихся. Несколько раз Иола зачем-то останавливалась, а потом меняла направление движения, будто выбирала подходящее место. Наконец, они остановились. "Здесь", – сказала она и отпустила его руку. Плутак поёжился. Он успел уцепить в прихожей лишь лёгкий плащ, под который теперь без особого труда задувал северный колючий ветер. Впереди он слышал скрип колёс и топот подкованных сапог, и *видел*, как вокруг волнуется море человеческих существ, окрашенное беспокойством, тревогой и отчаянием. Несколько раз его толкали в бока то с одной, то с другой стороны.

– Что происходит? – спросил Плутак, обращаясь к Иоле.

– Хранители вывозят библиотечное добро, – ответил ему незнакомый мужской голос рядом.

Видимо, его обладатель решил, что слепой обращается именно к нему.

– А пленники?

– Ещё не привели. Говорят, после.

Плутак кивнул и стал ждать. Иола затерялась где-то в толпе, и он не пытался искать её, только вслушивался в разговоры присутствующих и ёжился под порывами ветра. Рядом кто-то басил, что всё обошлось недурно. Если рассудить здраво, то жизнь целого города куда ценнее кучки старых свитков. С другой стороны женский голос напряжённо шептал: "Клянусь всеми святыми, обратились в пепел. Как и было им предначертано". В воздухе пахло конским навозом и давно не стиранной одеждой. Вдруг послышались крики и быстро приближающийся грохот повозки. Толпа зашумела, взволновалась. "В сторону, бегите!" – оглушил Плутика чей-то вопль. Кто-то налетел на него, толкнул в одну сторону, потом в другую. Ему с трудом удалось удержаться на ногах и не упасть. Вокруг всё шумело и металось. Он выставил вперёд руки, ища, за что ухватиться, и тогда невероятной силы удар, пришедший сбоку, бросил его на обледеневшую мостовую.

Брат Корп был там, когда лошади, запряжённые в одну из орденских повозок, вдруг, испугавшись неведомого, заартачились, вздёргнулись и, вырвавшись у возницы, ведшего их, понесли. Паладин бросился им наперерез, прорываясь сквозь людской поток, хлынувший в сторону от надвигающейся опасности. Прodelывать такое ему приходилось не в первый раз. Ловко подскочив сбоку, Корп схватил ведущую лошадь под уздцы. Любого другого обезумевшее от страха животное сбilo бы с ног, но в своей силе паладин превосходил многих людей. Всё его тело напряглось в стремлении остановить дальнейшее движение повозки. Его кулаки намертво сжали повод, и хотя устоять на одном месте он так и не смог, но удержался на ногах. Лошади, повинувшись его воле, затормозили, скользя копытами по брусчатке. Остановившись, брат Корп мягко положил руку на шею одной из них, желая успокоить животное. К повозке уже бежали люди Ордена.

"Эй, кто-нибудь! Тут парнишку зашибло", – закричал чей-то испуганный голос. Паладин выглянул из-за лошадиной морды и увидел, что всего в десятке шагов позади телеги на земле лежит пострадавший, возле которого уже начали собираться люди. Оставив лошадей подоспевшему вознице, Корп направился к месту происшествия. Сбитым парнишкой оказался Плутак. Он лежал на мостовой без движения, и лужа тёмной крови медленно растекалась из-под его головы.

Помочь ему не представлялось возможным, что было ясно и без врачевателя. Но он всё же пришёл: человек в рясе Ордена протолкался сквозь ряды зевак и опустился на колени перед телом. Наблюдая за его манипуляциями, брат Корп ждал решающего вердикта, который не заставил себя долго ждать. Он не испытал сожаления, услышав его. Мало чья смерть была способна тронуть его, и уж точно не смерть Плутика, но в тот момент зародилось в нём ощущение

чего-то недоброго. И это ощущение сразу же после своего появления начало сильно беспокоить его.

Пока собравшиеся решали, куда лучше отнести тело, брат Корп принялся осматриваться по сторонам так, будто искал подсказку. И нужно сказать, он нашёл её. Плавно огибая стоящих на её пути людей, она сама шла ему навстречу в образе хрупкой девушки с синими рисунками на лице. Паладину стоило лишь увидеть глаза Иолы, чтобы всё понять. Он отступил на несколько шагов назад, чувствуя нарастающую опасность. Всё его тело напряглось так, что было готово в любой момент броситься прочь, и только сила воли удерживала его на месте. Он не хотел пропустить то, что должно было развернуться перед ним через несколько мгновений, хотя всё нутро его боялось этого.

Казалось, никто не замечал Иолу. Она скользнула между стоявшими мужчинами и опустилась над телом Плутака так, что её распущенные светлые волосы легли на его грудь. Тонкие руки девушки вспорхнули двумя птицами и в хитром танце заскользили над телом по направлению от головы к ногам, не касаясь его. Дойдя до ступней, они возвращались к голове и движение повторялось снова. Сама Иола изгибалась то влево, то вправо, следуя за ними, будто это руки управляли ею, а не наоборот. Её тело змееподобно раскачивалось из стороны в сторону, но никто этого не замечал кроме брата Корпа. И только когда над телом Плутака появилось сияние, люди стали оглядываться на него и отступать назад. Сияние разрасталось, и зеваки попятнулись, но никто не спешил расходиться.

Сияние стало таким сильным, что обычный человек за ним уже не мог различить ничего. Паладин же видел значительно больше. Перед его взглядом творилось то, чему не многим смертным удавалось стать свидетелями. Он видел, как Иола вдруг замерла, будто прислушиваясь к чему-то, а потом резко подняла руки вверх. И вслед за этим движением из-за её спины распахнулись два огромных сияющих крыла. Они взметнулись ввысь, уходя своими концами к верхушкам крыш, и брат Корп невольно попятился от этого. Позади него кто-то разразился бранью за отдаленную ногу, но паладин этого даже не заметил. Зрелище было столь восхитительным и пугающим одновременно, что он ничего не мог бы в тот момент воспринимать, кроме него. Тело Иолы стало тонким настолько, что сквозь него можно было даже различать силуэты других предметов. Оно светилось и просвечивалось насквозь, и только знаки на её лице горели слезоточиво синим цветом. Он был настолько едким, что резало глаза.

Брату Корпу казалось, что он слышал шум, заполнявший всё пространство вокруг, но пытаясь вспомнить его потом, он так и не смог его описать. Внезапно крылья Иолы упали вниз с такой же скоростью и силой, как и раскрылись. И вместе с ними на паладина рухнула тишина. Все звуки, даже шум его дыхания и биения сердца, перестали существовать. Крылья сомкнулись куполом, закрывая собой и девушку, и тело Плутака, и вспышка света ослепила Корпа. Он зажмурился, но скорее от охватившего его страха, нежели от света, и стоял так, пока постепенно к нему сквозь пелену тишины не начали пробиваться человеческие голоса.

– Что за свет такой?

– Что это было?

– Все целы?

И наконец: "Смотрите, он встаёт! Встаёт". Паладин открыл глаза. Иолы уже не было, а там, где она сидела над телом, стоял Плутак. Он был без повязки и, хмурясь, смотрел на свои руки. Ни на земле, ни на его волосах не осталось следов крови. Подняв лицо, он посмотрел на толпу вокруг себя. Его взгляд скользнул по лицам и встретился со взглядом брата Корпа. И хотя последний стоял чуть в стороне, он хорошо видел глаза Плутака. Они теперь светились изнутри каким-то особым светом, отчего было трудно разобрать их цвет, и в этом всё было нечто пугающее. Невольно рука паладина легла на рукоять меча, и Плутак, будто поняв это, чуть заметно качнул головой из стороны в сторону. Его лицо выражало спокойную непоколебимую уверенность. Он

повернулся к стоявшему в первых рядах человеку в рясе Ордена и, подойдя к нему, опустился перед ним на колени.

– Благослови меня, святой отец, – произнёс Плутак. Тот медлил, хотя рука его уже тянулась к склонённой перед ним голове, а вокруг стало всё громче повторяться слово "воскрешение".

Глядя на собравшихся, брат Корп знал, что они охвачены особым трепетным состоянием, которое, разрастаясь в них, всё сильнее подчиняет себе не только их чувства и мысли, но всю их суть. И также он знал, что стоящий на коленях человек уже совсем не тот, что был раньше. Это был момент, который брат Корп вспоминал потом много раз, будучи не в состоянии простить себя за бездействие и малодушие.

Он мог бы сделать больше, чем просто стоять и смотреть, как человек в рясе кладёт руку на голову Плутика и признаёт воскрешение, как взрывается криками толпа, как Плутак просит разрешения встретиться с Приором, чтобы получить его благословение. Словно пригвождённый впечатлениями от увиденного к одному месту, он стоял и смотрел, как Плутак залезает на одну из орденских телег. На мгновение они снова пересеклись взглядами, и паладин увидел одобрение своему бездействию в глазах юноши. А потом телеги пришли в движение и заскрипели прочь, и чем дальше они становились, тем тише вели себя собравшиеся. Когда же они покинули городские стены, и в Альмандин стали заходить отпущенные пленники, люди совсем позабыли об увиденном, и уже больше не говорили об этом и не вспоминали ни на другой день, ни после, словно этого совсем не происходило.

Кто-то тронул Корпа за руку, и он обернулся. Рядом стояла Кара.

– Брат, ты в порядке? – спросила она участливо.

– Думаю, да, – ответил он с некоторой задержкой.

– Люди идут встречать освобождённых пленных.

– Пойдём и мы. Нужно посмотреть, возможно, среди них есть мои друзья, – произнёс паладин, и они вместе направились к воротам.

Крик Яры повторялся снова и снова, перемежаясь с шумом боя и фразами того дружинника. Бран видел холодное высокое небо и макушки сосен, колыхавшиеся где-то там, высоко, на неощутимом ветру. Боль расплзалась в груди огнём, и постепенно воспоминания тонули в ней, становились всё более далёкими и неразборчивыми. Брану хотелось вздохнуть, и он не мог. Каждый глоток воздуха давался с трудом, и казалось, что агония длится уже целую вечность. Мутная пелена заволочла далёкое небо, потом опустилась на деревья, сползая всё ниже по стволам, прямо к нему. И вот когда за ней почти уже ничего невозможно было разобрать, он увидел лицо Эднартайи, склонившееся над ним. И наступила тьма. Сколько она длилась, и было ли что-то в ней, кроме пустоты, он не знал. Это было похоже на сон, от которого его пробудил голос. Без сомнений, он принадлежал Эднартайе и он звал Брана по имени, снова и снова повторяя его протяжно и ласково, так, как только она умела говорить.

Он открыл глаза и чуть было не ослеп от яркости света, причинившего ему острую боль. Зажмурившись, Бран тихо застонал.

– Закрой окно, – попросила Эднартайя кого-то, и сразу стало темнее. Странник предпринял новую попытку и осторожно разлепил тяжёлые веки. Теперь вокруг стоял лёгкий сумрак, и он с трудом различал силуэты предметов.

– Эда, – позвал он и почувствовал тепло её тела, когда она села рядом с ним и прижалась к его боку бедром.

– Я здесь, – произнесла она, и её мягкая ладонь коснулась его щеки. – Всё хорошо, попытайся сесть.

Бран опёрся на локти и приподнялся на них, но тут же снова упал на постель. Невыносимая боль в левом плече вспыхнула с новой силой, и всё тело свело судорогой. Он часто прерывисто задышал, хватая ртом воздух.

– Бран, всё хорошо, – произнесла Эднартайя над его ухом, и её руки легли к нему на грудь. – Раны больше нет, это всего лишь воспоминание, и оно сейчас уйдёт, попытайся расслабиться. Почувствуй мои ладони.

Бран старательно следовал её советам. Поначалу ему не удавалось переключить внимание, но постепенно он начал успокаиваться и ощутил, как тепло от рук девушки разливается по его груди, боль утихает и тело расслабляется. Наконец, ему удалось восстановить дыхание.

– Молодец, – похвалила она. – Всё, что происходит сейчас с тобой, нормально. Попробуй сесть снова, боли больше быть не должно.

На этот раз ему удалось сесть, хотя тело плохо слушалось и каждая мышца дрожала от напряжения. Глаза тоже стали привыкать, и вместо смутных силуэтов предметы обрели более чёткие очертания. Эднартайя сидела рядом с ним, мягко улыбаясь. Непослушной рукой Бран взял её за плечо, желая привлечь к себе, но она сама подалась вперёд и обняла его, прижалась щекой к его колючей щеке, стала гладить по волосам, шепча: "Всё хорошо". Так они сидели какое-то время, обнявшись, пока девушка, коротко чмокнув его в щёку, не отстранилась.

– Думаю, можно открыть окно, – сказала она и добавила, – только потихоньку.

Стало светлее, и Бран увидел, что они находятся в уютной маленькой комнате с низким потолком.

– Где это мы? – спросил он, осматриваясь. По стенам висели полки с многочисленными книгами, в углу стоял большой, обитый железом сундук, на подоконнике в лучах света купался неизвестный ему цветок в вазочке из горного хрусталя. Никого, кроме них, в комнате не было. – Как мы сюда попали?

– Я принесла тебя сюда, – ответила Эднартайя.

– Понятно, – согласился Бран, продолжая осматриваться. – Значит, я всё-таки умер.

– Для многих людей из твоего мира – да, – прозвучал незнакомый голос рядом. Странник быстро обернулся и увидел мужчину в рясе, невероятно похожего на Алвиса. Он возник так неожиданно, будто всё это время находился в комнате, хотя Бран его не видел и спрятаться было совершенно негде.

– Ничего подобного, – сказала Эднартайя ласково. – И не нужно краски сгущать, ему и так не по себе после всего пережитого.

– Ну хорошо, – признал незнакомец, похожий на Алвиса. – Умер бы, если бы не ты. Имей в виду, боец, она тебя спасла.

– Перестань, – засмеялась девушка.

– Поспорь со мной, дерзкая девчонка! Превращу в лягушку, – пригрозил тот, но явно в шутку. – Она совершила такое, что под силу далеко не каждому магу. Забрала тебя у самой смерти из-под носа. Пронесла мимо всех опасностей, доставила сюда и заставила меня вылечить тебя. Последнее, пожалуй, самое сложное. Ох, ведьма!

– Учитель, остановись, – Эднартайя посмотрела на Брана с улыбкой. – Ты, действительно, не умер. Я, правда, забрала тебя оттуда. И сейчас все мы находимся в одном очень необычном и крайне безопасном месте. Это дом Агний Руна, а это сам хозяин.

– Это Агний Рун? – переспросил Бран удивлённо, понизив для приличия голос. – Я чего-то не знал, и у твоего отца есть брат-близнец?

– Нет, – с явным непониманием ответила Эднартайя.

– А почему он похож на Алвиса?

– Он не похож...

– Да как это не похож? Или у меня крыша от почти-смерти поехала?

Они прекратили спорить, и оба перевели взгляд на хозяина дома, надрывно хохотавшего всё это время.

– Давно так не смеялся, – сообщил он, утирая слезу. – Я смотрю, твой отец – популярная персона, Эдни. Уже второй человек меня видит именно в его обличье.

– Верно, я забыла, – спохватилась девушка. – Бран, это лишь временное явление. Скоро его облик для тебя изменится. Я объясню тебе всё позже, а пока прими это, как есть.

– Должен сказать, Бран, у тебя на удивление крепкий рассудок, – заметил Агний Рун. – После того, что ты пережил, не многим бы удалось сохранять такое спокойствие.

– Просто я ещё не понял, что именно пережил, – ответил странник. Он осторожно спустил ноги с кровати и осмотрел себя. На нём была всё та же одежда, что и на поле боя. – Так что же случилось?

– Эднартайя пришла за тобой в последние мгновения твоей жизни и смогла забрать с собой. Обычно человек без подготовки не способен совершать Скольжение. Но ты находился на грани смерти, и это особый момент, когда человек готов ко многим трансформациям, – стал объяснять Агний Рун. – Однако, сил у тебя оставалось совсем мало. Когда ты оказался здесь, мне удалось исцелить твои раны и наполнить тебя энергией, но не восстановить до конца.

– Что это значит?

– У каждого человека, Бран, есть особый запас жизненной силы, без которой он просто умрёт. Твой почти истощён. С ним ты не сможешь долгое время находиться в вашем мире.

– То есть я скоро всё же умру? – уточнил он.

– Нет, – ответил маг, – если будешь возвращаться в этот дом. Видишь ли, он представляет собой неиссякаемый источник энергии. Уникальное магическое творение. Когда Эднартайя принесла тебя сюда, при тебе была личная вещь. Меч.

Агний Рун кивнул в угол, где стоял клинок, который Бран подобрал на поле боя прежде, чем нашёл Яру.

– Дому понравилась эта вещь, и он принял её. Так происходит, когда вещь обладает особым энергетическим зарядом. Скажи, этот меч при тебе давно?

– Нет, я только сегодня нашёл его, – возразил Бран.

– Значит, всё дело было в твоём состоянии. Меч получил заряд сильных эмоций. Вероятно, во время твоего ранения. И теперь он – часть этого дома. Дом взял что-то у тебя, а взамен позволит тебе наполнять себя силами столько, сколько тебе будет нужно, – пояснил Агний Рун.

– Звучит жутковато, – признался странник. – Будто этот дом живой.

– Понимаю, поначалу всё это может наводить ужас, но ты привыкнешь. Чтобы тебе было легче, могу успокоить, дом лишь магический артефакт, действующий по тем принципам, которые заложили в него его строители.

– И как же я могу получить от него силы?

– Это происходит само собой, если ты остаёшься на его территории. Особенно, если поспишь здесь. Но сколько бы сил ты здесь ни накопил, все они уйдут при возвращении в твой мир, – предупредил Агний Рун. – Но я бы не спешил расстраиваться на твоём месте. Есть способы вернуть себе жизненную силу. Это займёт много времени, но ведь ты теперь никуда не спешишь, не так ли?

– И что же это за способы такие? – поинтересовался Бран.

– Я расскажу тебе, когда ты будешь готов к ним.

Пока мужчины беседовали, Эднартайя покинула комнату и снова вернулась, неся в руках чашку, над которой поднимался лёгкий горячий парок. Обменявшись с ней взглядом, Агний Рун направился к лестничному люку.

– Оставлю вас наедине. Поправляйся, Бран, и выходи на прогулку, – сказал он и удалился. Бран проводил его взглядом.

Эднартайя села около Брана и, взяв его за руку, вложила в неё тёплую от напитка чашку.

– Выпей, тебе станет лучше, – посоветовала она.

Бран послушно исполнил её указание, после чего медленно поднялся на ноги. Он всё ещё ощущал себя слабым, будто телу не хватало привычного веса и плотности. Медленно подойдя к окну, Бран опёрся о подоконник и посмотрел вдаль, на бескрайнее поле, колыхавшееся волнами.

Эднартайя не сводила взгляда с его чуть ссутуленной от слабости спины. Как начать разговор с тем, кто и так всё знает? Просить у него прощение за то, что она сделала выбор за него, было глупо. Всё, что они ни делали в своей жизни, так или иначе вело их обоих к тому, с чем они остались теперь. Ни один из них не мог бы обвинить другого в неправильном поведении или ошибочном выборе. Так должно было быть, они оба знали это.

– О чём ты думаешь, Бран? – решила, наконец, девушка. Он обернулся и посмотрел на неё.

– Как мне уговорить экономку переехать сюда. Она вряд ли согласится.

Эднартайя улыбнулась, а затем не выдержала и засмеялась вместе с ним. От шутки стало заметно легче. Потянувшись до хруста в спине, Бран выпрямился и уже гораздо более бодрым взглядом окинул горизонт за окном.

– Ну и глушь! – сказал он с иронией. – Хороший повод здесь не засиживаться.

– И всё-таки тебе придётся здесь провести какое-то время, пока ты не научишься

Скольжению, – возразила Эднартайя.

– В твоей компании это не страшно, – Бран протянул к ней руку и обнял девушку за плечи, когда она подошла к нему. Прижавшись головой к её голове, он прошептал, – это, действительно, Агний Рун?

– Да, – еле слышно ответила она.

– Опасен?

– Безмерно.

– Что ж, значит, хорошо, что мы вместе, – сказал странник и чуть крепче сжал её плечо. – Мы справимся, Эда, мы обязательно справимся.

Приор стоял у окна, глядя на сосны, окружавшие замок Ордена. Их созерцание всегда помогало ему настроиться на рабочий лад. В дверь комнаты постучали и после данного им согласия, она открылась. Под его пристальным взглядом вошёл юноша, одетый в простую серую одежду, которую носил рабочий люд Ордена. Он был коротко острижен и чисто выбрит, на его лице держалась мягкая улыбка. Посмотрев на Приора, юноша учтиво, но с достоинством, поклонился.

– Так это ты тот самый воскресший?

– Да, святой отец, – голос юноши звучал уверенно и спокойно.

– Твоё имя?

– Морк, святой отец.

– Ты из Альмандина, Морк?

– Нет, святой отец. Я родом из этих мест, но попал в Альмандин вместе с товарищами, бежавшими туда от Хранителей Чистой Веры.

– Значит, ты – бродяга? – спросил Отец Кверн.

– Был им, святой отец.

– Каким же образом ты воскрес?

– Я – мученик, святой отец, – всё с такой же улыбкой отвечал Морк. – Но ты, конечно же, не поверишь в это и правильно сделаешь. Такие сказки годятся только для твоих подчинённых. Но ведь ты гораздо умнее, святой отец, не так ли?

– И как же было на самом деле? – Приор пристально посмотрел на собеседника. Тот развёл руками.

– Есть много версий на этот счёт, сложно сказать, какая верная. Да это и не важно.

– Значит, ты шарлатан?

– Точно нет, и ты это знаешь, святой отец.

– Мои люди сказали мне, что ты хотел моего благословения. Для чего ты здесь? – Приор начинал чувствовать беспокойство под взглядом этого странного гостя.

– Я здесь, потому что у тебя проблемы, святой отец.

– Откуда и что тебе может быть известно об этом? – усмехнулся Отец Кверн.

– Больше, чем ты сам об этом знаешь, – посетитель перестал улыбаться и подошёл совсем близко в Приору. Его глаза стали холодными и приобрели серый оттенок. – Твоя жизнь в опасности, Отец Кверн. Твои люди замыслили убрать тебя с их пути, и им скоро это удастся, если ты меня не послушаешься. Я знаю это так же, как и то, что сейчас ты начинаешь бояться меня и подумываешь позвать охрану, хотя ещё совсем недавно испытывал интерес к моей персоне. Ты очень умный человек, святой отец, и ты сделал правильные предположения на мой счёт.

– Зачем тебе помогать мне? – спросил Приор после некоторого молчания.

– Чтобы ты помог мне. У меня есть свои интересы, и они во многом совпадают с твоими.

Отец Кверн на мгновение отвёл глаза в сторону, а потом коротко кивнул. Гость улыбнулся.

– Тогда самое время отправляться к вечерней службе, на которой ты дашь мне своё благословение, – сказал он.

ЭПИЛОГ

У него было трое слушателей. Вечер ещё только начинался, и таверна не успела наполниться посетителями, но он слишком устал и проголодался в тот день, чтобы дожидаться большей аудитории. Денег в кошельке оставалось совсем немного, а с кухни предательски вкусно пахло жаркое, заполняя своим ароматом зал. На улице было ещё совсем светло, но хозяин начал зажигать светильники: маленькие оконца едва пропускали солнечный свет в помещение. Слушатели отвлеклись и перевели на него взгляды, наблюдая за его действиями. Рассказ не клеился. Может, тому был виной его голод, прогнавший фантазию, а может, эти люди не интересовались подобными историями, но всё указывало на то, что ужинать за счёт заведения ему сегодня не придётся.

– На северных дорогах всё чаще говорят про оборотня. Будто это один из древних магов... – предпринял он очередную попытку. Слушатели разом обернулись к нему. Вид у них был обеспокоенный. Один из них пристально посмотрел ему в глаза, словно пытаясь что-то разобрать, потом нахмурился и пододвинул к себе свою кружку.

– Вздор это всё, – резко проговорил он и встал из-за стола. Его приятели тоже поднялись, как по команде. – Нам он не интересен.

– Ты, видно, не знаешь, куда пришёл, – добавил другой, но тут же осёкся, получив тычок локтём под ребра от своего приятеля.

Они забрали свои кружки и ушли не только из-за стола, но перебрались в другой конец зала. Там, усевшись за небольшой стол, они склонились друг к другу и принялись о чём-то переговариваться, изредка поглядывая в его сторону. Шанс был упущен окончательно. Он подпер рукой голову и задумался, прикидывая, что он может позволить себе на ужин, чтобы хватило денег и на ночлег.

– Так что там за оборотень? – вдруг прозвучал приятный мужской голос. Он поднял взгляд и к своему удивлению обнаружил, что напротив него за столом сидит молодой хорошо одетый мужчина. Как и когда он успел подсесть было непонятно. Достав из кармана монету, незнакомец ловким щелчком отправил её в путь по столешнице. Она прокатилась на другую сторону стола и, стукнувшись о кружку, остановилась, упала орлом вверх и показала свой серебряный бок.

– Это только слухи, – замешкался он, чувствуя неловкость. Врать за такие деньги было нехорошо.

– Неважно, расскажи мне, – попросил щедрый незнакомец.

– Говорят, на севере остались развалины древних городов. Далеко отсюда. К ним сложно найти дорогу, их скрывают непроходимые леса. Там нет живых, но они и не пустуют. Эти города

принадлежали магам, духи которых по-прежнему там обитают. Всякий, кто попытается к ним обратиться, поплатится своей жизнью. Они завладеют его телом и станут ходить среди людей, отбирая у них силы, пока не насытятся.

– Слышал такое, старые сказки.

– Да, но говорят, что в наших краях объявился такой один. Выглядит он оборванцем, который еле ноги волочит. Если приметит подходящего ему человека, будет долго за ним ходить, вроде как милостыню выпрашивать, и ждать момента. А как окажутся они в каком-нибудь безлюдном месте, бродяга вмиг обернётся, станет быстрым и ловким, как зверь, накинется и выпьет все силы из своей жертвы.

– И где же его видели?

– То тут, то там. Вроде как в больших городах он не появляется, но частенько бывает возле старых храмов.

– А что про имя его говорят?

– Неизвестно.

– Да, Альмандин теперь не тот город, в котором стоит рассказывать подобные истории, – заметил незнакомец в ответ. – На твоём месте я бы убрался поскорее из этого места, пока твои прежние слушатели не предприняли что-нибудь недоброе. Если пойдёшь по улице направо, то через три квартала выйдешь к таверне "Мне повторить". Там и ужин дешевле, и публика попроще.

Незнакомец встал и, сделав на прощание короткий жест от виска, вышел на улицу.

В лучах летнего закатного солнца город был особенно хорош. Окна домов пестрели выставленными на них цветами всех сортов, на лёгком ветерке позвякивали дверные колокольчики, и фигурки, подвешенные к ним, сверкали на свету начищенными боками. Над улицами растягивали гирлянды из разноцветных лоскутов ткани: шла подготовка к городскому празднику. На площадях возле сцен уже начали собираться люди.

Он свернул с оживлённых улиц в жилые кварталы. Здесь было значительно тише и спокойнее. В палисаднике одного из домов работала молодая женщина, подвязывая розовые кусты. Тяжёлые крупные бутоны цветов гнули ветки к земле, и она делала для них опору. Он остановился на другой стороне улицы, наблюдая за ней. Женщина заметила незнакомца и, выпрямившись, посмотрела на него в ответ. Она выглядела озадаченной, но молчала, лишь только присматриваясь. Казалось, ей хотелось что-то сказать ему. Подняв руку, несколько нерешительным жестом женщина поправила прядь рыжих волос, выбившихся из-под платка.

Незнакомец чуть улыбнулся краем губ и снова продолжил путь, так ничего и не сказав ей. Когда он уже скрылся за поворотом улицы, та женщина ещё стояла на своём месте, глядя ему вслед.

Он вышел из города и поднялся на один из холмов. Солнце стояло уже совсем низко, и от больших валунов, лежавших среди травы, растянулись ленивые тени. На самом большом из них сидела девушка.

– Ну как? – спросила она, улыбнувшись. Он забрался на камень и сел рядом с ней.

– Странно, – признался он в ответ.

– Понимаю, мне тоже было странно в первый раз сюда вернуться, – согласилась она. – Нужно время, чтобы привыкнуть.

– Я видел Яру. Она меня не узнала.

– Она никого не узнаёт с тех пор, как вернулась. Да и себя не помнит, – ответила девушка. – К тому же потеряла все свои способности.

– Откуда знаешь?

– Я беседовала с братом Корпом. Он мне рассказал.

– Почему ты не взяла меня с собой?

– Я хотела дать тебе возможность самому решить, куда и к кому идти. Извини, Бран. Мы можем навестить его в другой раз. А сейчас нам нужно возвращаться, – она внимательно посмотрела на него.

– Знаю, Эда, – ответил он, глядя на город. – И что же брат Корп?

– С ним всё в порядке. Занят прежним делом, живёт неподалёку от своей сестры. Недавно стал дядей, – Эднартайя чуть улыбнулась. Бран посмотрел на неё и, обняв за плечи, прижал к себе. Они замолчали на какое-то время.

– Есть слухи, – наконец, проговорил Бран. – Я говорил с одним бродягой в таверне, имени он не знает, но повторил точь-в-точь историю. Значит, это правда, нужно продолжать искать.

– Бран, я знаю, что ты не отступишься, но скрывать наши планы от Учителя становится всё сложнее. Если он узнает, я смогу укрыться от него здесь, но ты...

– Не узнает, – возразил он и упрямо поджал губы.

– Да и как найти человека в огромном мире?

– Эда, – он пристально посмотрел на неё. – Это шанс. А я не хочу становиться убийцей.

– Понимаю, я тоже этого не хочу, – ответила она, глядя на него ласково. – И мы обязательно найдём способ восстановить тебя, но моих сил может не хватить на нас двоих.

– Поэтому их не стоит тратить на спор, – он чуть улыбнулся. – Идём, пока солнце совсем не село.

Бран встал на ноги и подал руку спутнице. Она тоже поднялась, скользнула взглядом по камням, посмотрела вдаль на город, вокруг которого постепенно сгущалась тьма надвигающейся ночи. Даже издали слышались звуки музыки и многоголосой толпы, собирающейся на его улицах. Этот праздник жизни пугал своими огнями сумерки, которые, обойдя Альмандин стороной, стали карабкаться вверх по склону, поглощая в себя последние пятна света от проваливающегося за горизонт солнца. Когда они подобрались совсем близко, Эднартайя шагнула в их первую волну. За ней последовал Бран, и они оба в мгновение ока исчезли с холма, будто никогда и не стояли на нём.